

Общественный центр
«Судебно-правовая
реформа»

Restorative Justice Herald

**ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

**Восстановительные программы в работе с детьми и
семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации**

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

ВЫПУСК 15

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Москва 2018

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

***ВЕСТНИК
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ЮСТИЦИИ***

*Восстановительные программы в работе с детьми и
семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации*

Выпуск 15

Москва 2018

**ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Восстановительные программы в работе
с детьми и семьями, находящимися
в трудной жизненной ситуации

№ 15, 2018

Издание осуществлено в рамках проекта
«Сохраним детей в семьях: от административных
решений к восстановительным методам
укрепления семейных родственных отношений», в
котором используются средства государственной
поддержки, выделенные в качестве гранта в
соответствии с распоряжением Президента
Российской Федерации от 3 апреля 2017 г.
№ 93-рп.

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»

Издательская лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.

Редакторская группа: Л.М. Карнозова, А.Ю. Коновалов,
Р.Р. Максудов

Выпускающий и литературный редактор Н.В. Путинцева

Компьютерная верстка: А.Ю. Фролова

Корректор К.М. Корепанова

Сайт общественного центра «Судебно-правовая реформа»:

www.sprc.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ). Полные тексты статей доступны на сайте электронной
научной библиотеки eLIBRARY.RU: <http://elibrary.ru>

ISSN 2312-105X

© МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям 4

ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

*Вуд Уильям Р., Сузуки Мазахиرو. Четыре вызова
будущему восстановительного правосудия* 6

*Шах Соня, Стауффер Карл, Кинг Сара.
Проект «Слушания по восстановительному
правосудию»* 24

*Карнозова Людмила Михайловна.
Восстановительное правосудие в России:
практика и проблемы институционализации* 38

*Максудов Рустем Рамзиевич. Возможные
направления использования программ
восстановительного правосудия в ситуациях
семейного насилия* 43

ИСТОРИЯ: ТРАДИЦИИ ПРИМИРЕНИЯ

*Карнозова Людмила Михайловна.
IX ежегодный научно-теоретический семинар,
посвященный традиционным практикам
разрешения конфликтов и примирению* 48

*Плиев Абдурахим Ахмедович,
Бабич Ирина Леонидовна. Медиаторство
у чеченцев и ингушей в XIX–XX веках* 50

*Камбиев Руслан Хаджи-Муратович. Судебная
практика Западного Кавказа в рамках
традиционного судопроизводства черкесов* 63

*Ефремова Надежда Николаевна. Право и закон
в официальной и неофициальной юстиции:
теоретический и исторический аспекты* 68

*Прянишникова Татьяна Вячеславовна.
Современные сельские сходы
(Самарская область)* 72

Путина Ольга Владимировна. Сельский сход как основа проведения кругов сообщества 76

СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ В РЕГИОНАХ

Ковалева Юлия Анатольевна. Восстановительные технологии в Алтайском крае 79

Маловичко Ирина Сергеевна. «Зона ближайшего развития» школьной службы примирения, или размышления об оценке эффективности деятельности служб 84

Прянишникова Татьяна Вячеславовна. Разнообразие служб примирения в Самарской области 90

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ И АНАЛИЗ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Дмитриева Любовь Владимировна. Школьная служба примирения, или наши первые шаги в медиацию 93

Горинова Ольга Александровна. Работа руководителя службы примирения с командой юных волонтеров-учащихся 98

Енькова Лейсан Рифкатовна. Развод и другие неприятности... Мнение специалистов 101

Хованская Татьяна Валерьевна. Применение восстановительных технологий в работе государственного бюджетного учреждения Архангельской области «Центр «Надежда» по случаям семейных конфликтов с участием детей 110

Белоногова Елена Валентиновна. Опыт проведения семейной конференции по ситуации воспитанника СУВУ 113

Белова Елена Ивановна. Опыт решения проблем семьи средствами семейной конференции 119

Бокарева Инна Эдуардовна. Семейные конференции и профилактика суицидов среди молодежи 122

Клюшниковна Анна Валерьевна. Семейная конференция в решении конфликта, возникающего при создании молодой семьи 127

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Галкина Наталия Владимировна. Несовершеннолетний правонарушитель как субъект в контексте восстановительной юстиции 130

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Максудов Рустем Рамзиевич. Проведение семейных конференций в контексте укрепления института семьи 138

МОНИТОРИНГ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Карнозова Людмила Михайловна. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации 145

Коновалов Антон Юрьевич. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2017 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации 202

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В МИРЕ

Хагеманн Отмар. Восстановительное правосудие как общая основа для двух форм конференций в Германии 233

Васецкая Анастасия Станиславовна. Восстановительные практики в школах: зарубежный опыт 242

Обращение к читателям

Уважаемые читатели, рад представить вашему вниманию пятнадцатый выпуск Вестника восстановительной юстиции. Тема Вестника – перспективы проведения восстановительных программ в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Данная тема связана с реализацией с конца прошлого года проекта «Сохраним детей в семьях: от административных решений к восстановительным методам укрепления семейных родственных отношений» с использованием гранта президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Тема проекта родилась не случайно. Как показывают исследования (<http://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-sotsialnogo-sirotstva-institutsionalno-diskursivnyy-analiz>), в России в области профилактики семейного неблагополучия развиваются, прежде всего, технологии помещения детей в патронатные или приемные семьи. Согласно данным Министерства образования России за 2008 – 2012 г. (<http://www.echo.msk.ru/blog/dgudkov/1039386-echo/>) за указанные 5 лет количество российских семей, усыновивших сирот, сократилось на треть. Численность детей, переданных на воспитание (под опеку) в российские семьи, снизилась почти в 2 раза. Самая серьезная проблема, которая возникает при этом, – отказ приемных родителей от детей и угроза вторичного сиротства. При этом количество детей в детских домах сократилось незначительно – со 145 тыс. до 122 тыс. Работа по профилактике семейного неблагополучия нередко не сопровождается качественным изменением работы на самом первичном уровне, когда поступают сигналы о конфликтах и разрушении семейных отношений. При административном решении проблем семейного неблагополучия и профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних органами и учреждениями исполнительной власти и местного самоуправления применяются, как правило, материальная и психологическая помощь отдельным членам семьи. Обычная практика социально-реабилитационных центров – устройство детей в приют и индивидуальная работа с ними.

Для повышения эффективности профилактическая работа должна быть, прежде всего, ориентирована на сохранение ребенка в семье, предотвращение его изъятия из семьи, возвращение его в родную семью и восстановление семейных отношений. При этом важно использовать технологии, активизирующие ресурсы родственников и ближайшего социального окружения. Такой активизации способствуют программы восстановительного правосудия, прежде всего «семейные конференции», в которых к обсуждению проблемы привлекаются все заинтересованные люди, а не только специалисты, что обеспечивает их активное участие в принятии решения и разделении ответственности за его выполнение. Восстановительные программы, опираясь на традиционные российские практики примирения, позволяют семье в кризисные моменты своей жизни и участникам конфликтной или криминальной ситуации сообща решить, как изменить ситуацию, чтобы это способствовало, прежде всего, восстановлению связи ребенка с семьей и благополучию родителей, нормальной жизни и воспитанию детей.

Проект направлен на проведение в 8 регионах России информационных, образовательных, аналитических и практических действий с участием специалистов органов системы профилактики семейного и детского неблагополучия и некоммерческих организаций с целью расширения практики проведения восстановительных программ с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Работа по реализации проекта позволила создать условия для проведения восстановительных программ с семьями, в том числе находящимися в трудной жизненной ситуации, не только в регионах, участвующих в проекте, но и в других регионах нашей страны. Особо хочется отметить деятельность специалистов в области организации проведения восстановительных программ в работе с семьями двух новых регионов, которые активно работают в области организации восстановительных программ. Значительное число семейных конференций проведено при поддержке отдела по вопросам семьи, материнства и детства Управления по льготам, демографической и семейной политике Министерства труда и социальной защиты Алтайского края. Важную работу по организации проведения восстановительных программ в работе с семьями выполняют специалисты государственного учреждения социального обслуживания

Тулской области «Кризисный центр помощи женщинам» и специалисты МБУ ДО «Центр ППСС», территориальное отделение практической помощи «Преображение». Практика и методика проведения семейных конференций, а также данные ежегодного мониторинга восстановительных программ представлены в данном Вестнике.

Важными событиями этого года было проведение совместно с представителями кафедры судебной власти факультета права НИУ «Высшая школа экономики» двух межрегиональных семинаров, объединенных темой «Примирительные практики разрешения конфликтов и криминальных ситуаций». Первый семинар был посвящен обсуждению традиций разных народов, второй – анализу современных практик восстановительного правосудия в России. Материалы данных семинаров отражены в данном Вестнике.

В материалах Вестника представлены также статьи, отражающие мировой опыт в области восстановительного правосудия.

*С уважением, Рустем Максудов,
председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации,
президент МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»*

ЧЕТЫРЕ ВЫЗОВА БУДУЩЕМУ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

**Уильям Р. Вуд, Мазахиро Сузуки,
William R. Wood and Masahiro Suzuki,**

*School of Criminology and Criminal Justice, Griffith University, Southport, Australia,
w.wood@griffith.edu.au*

Оригинал текста: William R. Wood & Masahiro Suzuki (2016): Four Challenges in the Future of Restorative Justice. *Victims & Offenders. An International Journal of Evidence-based Research, Policy, and Practice*. Volume 11, 2016 – Issue 1: The Future of Restorative Justice.

Перевод Л.М. Карнозовой, А.В. Кудриной, В.А. Ушаковой

Восстановительное правосудие (ВП) появилось в конце 1970-х годов в качестве альтернативы общепринятым практикам молодежной и уголовной юстиции. С тех пор теория и практика ВП стремительно развивались и расширялись. Однако этот процесс по большей части обусловлен распространением практик ВП в качестве мер реагирования на мелкие преступления, а также расширением использования термина «восстановительный» по отношению к довольно большому кругу практик и мер. ВП также столкнулось с проблемами, связанными с его растущей институционализацией, что привело к отклонению от первоначальных целей и задач. В статье раскрываются наши взгляды относительно того, что является главными вызовами, перед которыми оказалось восстановительное правосудие. Речь идет о четырех проблемах, связанных с определением понятия ВП, с институционализацией, с «перемещением»¹ и с актуальностью практик ВП. В работе обсуждаются возможные направления их развития.

Ключевые слова: международный, правонарушители, восстановительное правосудие, жертвы.

Введение

После сорока лет развития, роста и институционализации восстановительного правосудия (ВП) практически во всех западных и многих других странах мира кажется несомненным, что

у него есть будущее. Не претендуя быть панацеей в лечении болезней уголовной юстиции, тем не менее, в плане практическом ВП функционирует сегодня не столько как альтернатива практикам уголовной юстиции, сколько как альтернативная санкция внутри нее (Dünkel, Horsfield, & Păroșanu, 2015; Shapland, 2003; Zernova, 2006). Первоначальные взгляды и обещания многих сторонников ВП уступили место большей инструментальной и институциональной вариативности восстановительных практик. Следуя общим направлениям в криминологических исследованиях и уголовной политике, исследования ВП становятся, несомненно, более «доказательными» (“evidence-driven”) (Sherman & Strang, 2007; Umbreit, Coates, & Vos, 2007). Программы ВП все больше администрируются «сверху вниз» (Crawford & Newburn, 2002; Dzur, 2003) и проводятся при содействии полиции или профессионалов юстиции (O’Mahony & Doak, 2009; Richards, 2010). Цели ВП, как это отражено в большинстве современных публикаций, больше не затрагивают трансформации уголовной юстиции; скорее, речь идет о таких целях, как улучшение и эффективность программ, развитие теории, и обсуждения касаются практической стратегии и реализации.

ВП не изменило мир в смысле реализации «неосуществимых мечтаний», как назвал это Thorburn (2005), но и не провалилось как многие другие идеи реформ уголовной юстиции или контроля над преступностью. Представление, что может получиться нечто хорошее, если пре-

ступник, жертва и другие участники соберутся вместе, чтобы обсудить причиненный вред, ответственность и способы заглаживания вреда, и через 50 лет все еще останется хорошей идеей для множества людей. В то же время не совсем ясно, как будет выглядеть ВП через 50 или даже через 20 лет. Прежде всего, невозможно знать, какие более серьезные тенденции появятся в уголовной юстиции. Тем не менее, рост и развитие ВП в прошлом, так же как и его нынешние практики, дают основание предположить такие траектории развития, которые, вероятнее всего, вовлекут ВП в нарастающий конфликт со многими из его ключевых целей (по крайней мере, с исторической точки зрения), а также усилят текущие проблемы – хотя, возможно, не столько в плане расширения практики ВП, сколько с точки зрения ее качества и функций в системах уголовного правосудия.

В этой статье мы представим свой взгляд на наиболее актуальные вызовы, перед которыми ВП окажется в ближайшем будущем; особенно это касается его использования в англоязычных странах². Говоря конкретно, мы имеем в виду четыре самые серьезные проблемы, или вызова: определение понятия, институционализацию, «перемещение» и актуальность. Все эти аспекты пересекаются, однако каждый из них, как мы увидим, являет собой отдельную концептуальную, теоретическую и/или практическую проблему, или вызов. По результатам анализа мы наметим некоторые пути выхода или возможные решения для каждого из этих вызовов.

Проблема определения

Проблема определения ВП является, как заметил Daly (2016, см. в этом выпуске), «горячо обсуждаемой проблемой». Daly перечисляет несколько причин этого, но мы хотим сфокусироваться на определенном аспекте, который нам представляется наиболее проблематичным для ВП. С момента появления ВП сфера его использования значительно расширилась, но одновременно само понятие стало более гибридным и размытым. Помимо множества вариантов восстановительных встреч (*conferencing*) термин «восстановительное» сейчас применяется к целому ряду практик: общинным советам по возмещению ущерба, встречам с суррогатными жертвами (или правонарушителями), общественным работам и т.д. Этот термин также используется в неслучайном количестве мест, таких как школы, тюрьмы, рабочие места, и в контекстах, включающих не только уголовную юстицию, но и транзитивное правосудие (правосудие переходного перио-

да) (например, комиссии правды и примирения), официальные реакции на насилие и т.д.

Таким образом, в то время как использование восстановительных встреч возросло, понятие «восстановительное правосудие» продолжает расширять свое содержание и применяться к более широкому массиву практик помимо конференций или других типов встреч лицом к лицу между жертвами, правонарушителями и другими участниками. На этой экспансии мы и хотим сфокусироваться. Дискуссии относительно правильного определения ВП не новы³, однако многие из этих обсуждений сосредоточены на оппозиции «пуристов» (сторонников «чистой» точки зрения)⁴ и «максималистов» (ср. Dünkel и др., 2015), где пуристы отстаивают позицию, что ВП – это «процесс», который вовлекает основных заинтересованных участников для решения проблем, связанных с последствиями преступления (Marshall, 1999; McCold, 2000), в то время как максималисты настаивают, что ВП – это некая «альтернатива», или «опция» (*«option»*), которая способствует достижению результатов, ориентированных на заглаживание вреда, причиненного преступлением (Bazemore & Walgrave, 1999; Walgrave, 2008).

Этим дискуссиям уже почти 20 лет. В течение этого времени использование того, что люди называют «восстановительным правосудием», несомненно, вышло за границы пуристской позиции и используется шире, нежели для обозначения конференций или других встреч между жертвами, правонарушителями и другими участниками. С другой стороны, ВП не стало более полным систематическим ответом на преступление, как было заявлено максималистской позицией, как, например, у Walgrave (1995). Скорее, очевидно следующее: продолжающееся расширение значения термина «восстановительное» и его применение к растущему количеству уже существующих и инновационных программ связано с проблемой усиливающейся неопределенности самой концепции ВП. Ниже мы приведем три примера такой пластичности, где мы видим символ возрастающей «гибридизации» ВП, которое расширяется настолько, что делает термин потенциально бессмысленным.

Первый пример – это использование ВП в условиях тюрьмы. С конца 1990-х годов в англоговорящих странах были реализованы многочисленные «восстановительные» тюремные программы. Но, за небольшим исключением, подобные программы не включали встречи между жертвами и правонарушителями. Скорее, они ориентировались на «принципы» ВП, касающиеся таких

целей, как способность правонарушителя понять переживания жертвы и раскаяние с его стороны (Liebmann, 2007; Lovell, Helfgott, & Lawrence, 2002), разрешение внутренних конфликтов в тюрьме (Edgar & Newell, 2006; Swanson, 2010) и использование тюремной работы для компенсации нанесенного обществу вреда (Gavrielides, 2011; Gray & Wright, 2011). Некоторые программы, такие как Sycamore Tree Project, включали в свою работу с заключенными встречи с суррогатными жертвами (организация *Prison Fellowship Australia*)⁵, однако в целом то, что называется «восстановительным правосудием» в тюрьмах, отличается от того, что обозначают этим термином за их стенами. Dhami и соавт. (2009, с. 434) отмечают, например, что ВП должно быть «использовано для того, чтобы опыт пребывания в местах лишения свободы позволил заключенным измениться в лучшую сторону, что, в свою очередь, может привести к увеличению полезности пенитенциарных учреждений с точки зрения их усилий по сокращению преступности с помощью этих альтернативных стратегий». Hurley (2009, с. 17) утверждает, что движение к использованию ВП в тюремных условиях представляет собой формирующуюся точку зрения в самом ВП, которая «избирает концепцию восстановительного правосудия, ориентированного на правонарушителя», то есть идею, которая «рассматривает потребности правонарушителей и жертв, особо подчеркивая, что преступник должен заглаживать вред, изменяться и вовлекаться в реабилитационные программы».

Нетрудно распознать «язык» ВП в формулировке этих целей. Но в то же время легко заметить, что эти же установки заложены либо в стратегиях снижения преступности, либо в методиках коррекционализма (исправительных мер), однако они отнюдь не ориентированы на такую восстановительную цель как заглаживание вреда (которая, как мы за много лет усвоили из литературы по ВП, является его главной характеристикой). На самом деле понятие «восстановительное правосудие, ориентированное на преступника» (то есть не включающее *жертву как субъекта*, а предполагающее *использование жертвы только в качестве средства* реабилитации или изменений преступника), отражает практически полный поворот назад от ранних критических положений ВП относительно практик государственного уголовного правосудия как «сфокусированных на преступнике». Точка зрения, что как проведение восстановительных встреч (*conferencing*) (то есть практик, которые включают, в первую очередь, участников, ориентированных на цели заглажи-

вания вреда жертве и ответственности правонарушителя), так и тюремная реабилитация или программы, направленные на правовое воспитание, могут быть отнесены к категории восстановительного правосудия, смешивает абсолютно разные цели и практики.

Второй пример, который мы приведем, – участвовавшее переименование общественных работ (*community service*), их обозначение в качестве «восстановительных», или способов заглаживания вреда сообществу. Такое переименование произошло в тюрьмах, но точно так же и в рамках мер общественного воздействия, направленных на исправление правонарушителей (*community correction*), где во многих случаях, как представляется, произошло мало изменений в программах, которые предусматривают привлечение правонарушителей для выполнения низкоквалифицированной работы, зачастую в стигматизирующей обстановке (Elliott, 2007). В качестве примеров ВП в публикациях приводятся многочисленные случаи работы, используемой в тюремных условиях (ср.: Gavrielides, 2011; Liebmann, 2007; Lovell et al., 2002), однако мало примеров, которые показывали бы их отличие от обычных форм работы в местах заключения. Например, при оценке программы «Inside Out Trust» (Великобритания) обнаружилось, что в период с 1994 по 2007 годы в нескольких тюрьмах Великобритании были «разработаны тюремные проекты на основе принципов восстановительного правосудия», которые включали в себя такую деятельность, как «ремонт велосипедов, мелкий ремонт инвалидных колясок, модернизацию компьютеров, изготовление книг с шрифтом Брайля и книг с крупным шрифтом для благотворительных организаций как для Великобритании, так и для бедных стран» (Gray & Wright, 2011, с. 1). Но довольно мало такой работы проводилось за стенами тюремных мастерских. И, кроме того, это не предполагало участие жертв или компенсацию причиненного им вреда. Скорее, бирка «восстановительное» использовалась потому, что заключенные видели смысл в этой работе и ее результаты имели общественную пользу. Несмотря на то что подобная деятельность заключенных, возможно, преследует важные цели, она не несёт в себе никаких признаков собственно «восстановительной» практики, поскольку подобные тюремные программы уже более двух столетий широко признаются реинтегративными для правонарушителей и полезными для сообществ.

Аналогичные проблемы можно обнаружить и когда общественно-полезные работы проводятся в качестве «восстановительных» вне стен

тюрьмы. В качестве меры общественного воздействия общественно-полезная работа была легко воспринята последовательной социальной логикой развития наказания: сначала с ранних 1970-х – в качестве альтернативы тюремному заключению, затем в конце 1970-х – в качестве средства реинтеграции правонарушителей, в 1980-х и начале 1990-х годов в качестве дополнительной карательной санкции, и с тех пор она все чаще стала обозначаться как «восстановительная санкция». Опять же, в публикациях встречается немного примеров программ общественных работ, переделанных или переориентированных в восстановительные (ср.: Wood, 2012), и гораздо больше примеров, указывающих, что такие программы были просто переименованы в «восстановительные» за приписанные им мнимые возможности, будто с их помощью правонарушители могут «загладить вред» сообществу.

Наш последний пример – недавняя реализация в вооруженных силах Австралии (*the Australian Defence Forces – ADF*) «Программы восстановительных встреч» как способа компенсации вреда жертвам домогательств и непристойного поведения⁶. Эта программа позволяет жертвам (и выбранным ими лицам, оказывающим поддержку) встретиться с представителем ADF на специально организованной конференции, где жертвам предлагается рассказать о причиненном вреде и его последствиях. Программа также дает возможность представителю ADF признать заявленные обвинения «обоснованными» (*Australian Defence Forces, 2014*). Согласно ADF (2014, с. 2, курсивом выделено в оригинале), «в основе концепции лежат лучшие принципы и ценности восстановительной практики и медиации. К этим принципам и ценностям относится утверждение *«не причиняйте еще большего вреда»*, соблюдение конфиденциальности и защита персональных данных». По большому счёту, эти цели соответствуют тому, что формулируется во множестве публикаций по ВП, однако не хватает главного: самого обидчика, возможности жертвы обратиться именно к нему и реализации такой цели, как принятие обидчиком ответственности, в то время как эта цель общепризнанна в качестве ключевой для практик ВП (*Braithwaite & Roche, 2001; Zehr, 2002*).

Неясно, полезна ли такая программа жертвам. Однако более важным является не то, насколько эти или другие «восстановительные» программы или практики полезны или эффективны для выполнения поставленных ими конкретных задач. Скорее, наш вопрос таков: *какова общая нить, которая связывает их вместе?* Каковы их общие цели, задачи, процессы и резуль-

таты, которые можно идентифицировать? Три примера, которые мы обсудили: тюремные программы ВП, «восстановительные» общественные работы и «программа восстановительных встреч» ADF – все они имеют совершенно разные цели. В первом примере программы направлены на реабилитацию правонарушителя, формирование у него законопослушного поведения и реинтеграцию; во втором – заглаживание вреда обществу, в третьем – компенсацию причиненного вреда пострадавшим.

Все это вполне соответствует большинству традиционных задач ВП, но только фрагментарно. В этом отношении возникает очевидный вопрос: *что делает такие программы восстановительными?* Если целями тюремных восстановительных программ являются, главным образом, пробуждение у правонарушителя сочувствия к жертве, формирование у него законопослушного поведения и реинтеграция, то что именно отличает такие программы от других подобных «невосстановительных» программ – к примеру, программ, которые используют концепцию ошибок мышления с целью устранения нарушений когнитивных способностей, в том числе искаженное представление о реальности причиненного вреда? Или что именно «восстанавливается» в процессе проведения «программ восстановительных встреч» ADF, где жертва может услышать извинения от представителя ADF, но не может напрямую обратиться к преступнику или повлиять на принятие решения относительно того, какую меру ответственности должен нести обидчик за содеянное? Чем такие программы отличаются от «невосстановительных» институциональных мер реагирования на насилие, где институты признают и даже, возможно, возмещают причиненный ущерб, однако те, кто непосредственно причинил вред, отстранены от процесса (и часто от ответственности)?

Наша точка зрения состоит в том, что объем понятия ВП продолжает включать все больше и больше «восстановительных целей» или «результатов», многие из которых, однако (включая те, что мы обсудили), вполне могут быть отнесены к различным «невосстановительным» концепциям. Мы здесь не комментируем качество или эффективность таких программ. Скорее, речь идет о растущей пластичности концепции ВП как таковой в ходе ее реализации. Что касается проблемы «определения понятия», будущее ВП, с нашей точки зрения, существенно зависит от того, останется ли в фокусе этого понятия взаимодействие между теми, кто причинил вред, и теми, кому причинен вред, или же ВП продолжит превращаться

во фрагментарные программы и результаты, где различие между «восстановительными» и другими типами программ будет все более расплывчатым.

Проблемы институционализации

ВП появилось в ответ на критику традиционных систем уголовной юстиции (Chiste, 2013; Daly, 2013). Практики правосудия критиковались как «карательные» (Zehr, 1990), как не способные принимать меры по полноценному возмещению вреда жертвам (Barnett, 1977; Eglash, 1977) и как чрезмерно «сфокусированные на преступнике», а не на поиске более осмысленного способа, позволяющего правонарушителям признавать и устранять причиненный вред и успешно реинтегрироваться в общество (Braithwaite, 1989; Christie, 1977). Таким образом, первоначально ВП было сосредоточено на разработке практических методов, которые предлагали альтернативу деятельности официальной уголовной юстиции. Тем не менее, почти 40 лет спустя этого так и не произошло. Напротив, большинство ВП институционализированы в рамках действующих систем уголовного правосудия, нередко они соединены с практиками «выведения» из официального процесса (*diversionary practices*) либо используются в качестве альтернативной санкции внутри официальных систем (Shapland, 2003; Zernova, 2006).

Институционализация произошла по многим причинам. В первую очередь, как отмечают Daly и Proietti-Scifoni (2011), процедуры восстановительного правосудия, такие как проведение встреч правонарушителя и жертвы, как правило, являются жизнеспособными только после вынесения приговора⁷. Daly (2006) обращает внимание, что в ВП вообще отсутствуют какие-либо механизмы «установления фактов» и, следовательно, в этой части оно зависит от системы уголовного правосудия. И в то время как первоначально в США множество программ ВП складывались вне официальных систем уголовной или ювенальной юстиции, потребность в устойчивом финансировании и развитии сделала их более зависимыми от согласования или включения в эти системы (Jantzi, 2004). В Австралии и Новой Зеландии ВП было включено в качестве составной части в государственное правосудие в отношении несовершеннолетних (Joudo-Larsen, 2014; Maxwell, 2013). По мере развития ВП, специалисты начинают получать более полное представление о нуждах жертв и правонарушителей, которые не всегда можно удовлетворить на встречах. В связи с этим появляются службы поддержки жертв,

реабилитационные программы, комплексные программы для правонарушителей с серьезными отклонениями в эмоциональном и психическом здоровье, которые позволяют учитывать нужды во всех сферах жизни (“wrap-around programs”) (Acorn, 2004; Daly, 2002). И наконец, большинство ВП вынуждено полагаться на ювенальную или уголовную юстицию в целях обеспечения соответствия соглашений, достигнутых на встречах, правовым требованиям (Umbreit, Coates, & Vos, 2008; Urban, Markway, & Crockett, 2011). Сегодня очень мало ВП, которые так или иначе не действовали бы в рамках или не зависели бы от систем ювенальной и уголовной юстиции.

Институционализация способствовала росту практик ВП и расширила сферы его применения, превратив ВП в одну из основных альтернативных санкций. Однако могут ли идеалы ВП быть эффективно реализованы в рамках систем ювенальной и уголовной юстиции, является одним из важнейших дискуссионных вопросов и центральных тем в литературе (см.: Aetsen, Daems & Robert, 2006; Archibald & Llewellyn, 2006; Clairmont & Kim, 2013). Исследования показали ряд существенных проблем, связанных с ростом институционализации ВП. Пожалуй, чаще всего упоминается проблема риска ассимиляции целей и «лучших практик» ВП посредством их включения в другие институциональные или системные задачи и результаты (Fattah, 2004; Hudson, 2007). Подобная ассимиляция (кооптация) может привести к использованию пострадавших, чтобы усовершенствовать механизмы реабилитации правонарушителей или способствовать предотвращению рецидивов (*desistance*) (Hoyle & Young, 2002; Walgrave, 2004; Zehr, 1995). Choi, Gilbert и Green (2013) изучали восприятие жертв в медиациях жертвы и правонарушителя (VOM) в США и установили, что жертвы зачастую не были подготовлены к встрече и поэтому не имели ни малейшего представления о целях и сути проведения процедуры, они испытывали давление, то есть их принуждали вести себя определенным образом (например, принять извинения), или они ощущали угрозу со стороны правонарушителей и их сторонников. Аналогичный вывод сделала Zernova (2007) по материалам интервью с участниками семейных групповых конференций в Великобритании, большинство из которых отметили, что основное внимание в процессе уделяется правонарушителям, что процесс сосредоточен, в первую очередь, на повышении эффективности их реабилитации и предотвращении совершения ими преступлений в будущем (*desistance*)⁸.

Ассимиляция ВП может также состоять в том, что формальные показатели программ (такие как количество отработанных дел, рост и эффективность) оказываются приоритетными по отношению к нуждам жертв и правонарушителей (Umbreit, 1995). Исследования, проведенные специалистами-практиками ВП, показали, что зачастую их вынуждают успеть провести ВП в течение ограниченного периода времени (Gavrielides, 2007; Jones & Creaney, 2015). Следовательно, задачи работы, направленной на удовлетворение нужд жертв и правонарушителей, на практике могут быть искажены. Другая проблема – отсутствие адекватной подготовки участников, в особенности жертв, с точки зрения достижения восстановительных целей (Choi, Bazemore, & Gilbert, 2012). В результате наблюдений за программами медиации жертвы и правонарушителя в Соединенных Штатах Геркин (Gerkin) (2008, с. 242) предположил, что если жертвы не понимают целей проведения процедур ВП, трудно добиться восстановительных результатов, поскольку жертвам сложно увидеть «ситуацию через восстановительные линзы». Более того, отсутствие подготовки может вести к тому, что жертвы вообще не приходят на встречу с правонарушителем. Исследование программы предупреждения в полиции Долины Темзы показало, что одни жертвы отказались от участия в восстановительной встрече из-за отсутствия интереса, тогда как другие – из-за непонимания того, что представляет собой такой процесс (Hill, 2002; Hoyle, 2002). Иными словами, участие жертв, по-видимому, напрямую зависит от степени понимания ими особенностей восстановительного процесса, а это должно быть результатом должной подготовки (Zinsstag, 2012).

Помимо ассимиляции институционализация ВП привела к росту числа лиц или органов, контролирующих доступ к ВП (gatekeepers), таких как судьи или офицеры полиции, которые не знают (или даже выступают против) принципов ВП. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что официальные лица либо препятствуют направлению участников на программы (Campbell et al., 2006; Shapland, Robinson, & Sorsby, 2011), либо влияют на встречи таким образом, что процесс не отвечает восстановительным принципам (Hoyle, 2008).

Наконец, проблемы институционализации ВП высвечивают способность институтов узаконивать и даже косвенным образом давать определение термину «восстановительный» за счет устройства программ и их включения в существующие системы, определения целей и показателей «успешности», а также финансирования. На

системном уровне наиболее очевидная проблема поставлена Павличем (Pavlich, 2005), который отметил явное противоречие между альтернативной концептуализацией «вреда» в ВП и определением преступления, как это принято государственными системами уголовного правосудия. В последнем случае вред – это то, что в качестве такового определяет государство. А это, в свою очередь, структурирует, как именно правонарушители и жертвы могут принять участие в восстановительных процедурах и в каких случаях не могут. То есть государство определяет виды и характер правонарушений, которые могут считаться подходящими для ВП, степень соответствия законодательным нормам достигнутых соглашений и последующего выполнения правонарушителями обязательств перед жертвами (или даже сам доступ жертв к участию в этом процессе) и т.д.

На юрисдикционном или программном уровне сила институтов определяет, что может, а что не может быть «восстановительным» для наилучшего достижения интересов жертвы или правонарушителя, в особенности там, где показатели («контрольные точки») программ и ключевые индикаторы успеха важнее передовых практик. Hoyle и Rosenblat (2016, см. настоящий выпуск), сравнив сегодняшние программы в Великобритании и программы десятилетней давности, показали в этом плане ключевую проблему: хотя институционализация может привести к «росту» легализации ВП и количества программ, это не обязательно ведет к развитию и учету извлеченных уроков или к реализации лучших практик. Напротив, это может привести к доминированию более укоренившихся и запутанных практик, где определения «успеха» (или даже переопределения понятия ВП) включаются в цели системы.

Проблемы «перемещения»

Третья проблема, которую мы обсуждаем, – это то, что мы назвали «перемещением» (*displacement*). Под этим термином понимается степень вовлечения ВП в ранее существовавшие неформальные практики или формы выведения из официального процесса в ювенальной и/или уголовной юстиции. Использование ВП в некоторых странах, таких как Великобритания, привело к тому, что восстановительные программы переместились или начали функционировать в сочетании с практиками вынесения официальными органами предупреждений в адрес несовершеннолетних правонарушителей (Hoyle & Rosenblatt, 2016, в этом выпуске). В Соединенных Штатах львиная доля роста программ произошла за счет

замены ими программ по выведению из официального процесса (*diversionary programs*) либо в сочетании с ними, особенно для несовершеннолетних правонарушителей (Bazemore & Schiff, 2005, Umbreit, Coates, & Vos, 2004). Несмотря на то что практики ВП претворялись в жизнь и в некоторых случаях получали законодательное оформление, во всех англоязычных странах рост ВП относится в значительной степени к «мелководью» уголовного правосудия, то есть реализуется как ответ на мелкие преступления и/или правонарушения несовершеннолетних (Hoyle & Rosenblatt, 2016, настоящий выпуск; Shapland, 2014) – за исключением Новой Зеландии и некоторых австралийских штатов, где проведение восстановительных встреч регулярно используется для более серьезных правонарушений в рамках системы ювенальной юстиции.

Для множества таких случаев потребности жертв и возможности для ответственности правонарушителей все же признаны законными. Но, с другой стороны, практики ВП используются и в тех случаях, когда они не обязательно нужны: там, где нет идентифицируемой жертвы, или где жертвы не хотят участвовать, или где вред незначителен (Doak & O'Mahony, 2006; Hoyle, Young, & Hill, 2002; Karp, 2001). Кроме того, некоторые исследования показали, что использование ВП привело к расширению системы уголовной юстиции за счет реагирования на мелкие правонарушения, что привело к росту численности тех, кто контролируется этой системой (это явление получило в криминологии название “*net widening*”) (Hudson, 2002; Skelton & Frank, 2004)⁹.

Таким образом, неясно, насколько «рост» ВП отражает появление действительно новых программ или практик, отличающихся от других формальных или неформальных санкций, и насколько этот рост отражает пополнение или «ребрендинг» уже существующих практик и мер уголовного правосудия. Понятно, что интеграция ВП в системы уголовной юстиции состоялась либо в виде постсудебных практик, либо в формах выведения из официального процесса (Daly & Proietti-Scifoni, 2011; Shapland, 2003). Такое «перемещение» чаще приводило к тому, что ВП оказывалось не столько «альтернативой», сколько «присоединением» к существующим практикам или санкциям, таким как штрафы, общественные работы, выведение из официального процесса или направление на probation (Shapland, 2003; Zernova, 2006). Таким образом, хотя в отдельных случаях практики ВП и вытеснили менее формальные практики юстиции (то есть прежние альтернативы), в целом они не столько изменили облик

многих «неформальных» обязательных условий, которыми сопровождались предупреждения, выведение или общественный надзор, сколько стали их частью¹⁰.

Проблемы актуальности

Maguna (2011, с. 667) назвал тот факт, что ВП сосредоточилось главным образом на правонарушениях несовершеннолетних и малозначительных преступлениях, «геттоизацией восстановительного правосудия». Выше мы упомянули об этом, говоря о проблеме перемещения, и Maguna вряд ли является единственным, кто подверг сомнению непреходящую значимость ВП в XXI веке, особенно в англоязычных странах, где его развитие в значительной степени связано с молодежными и/или преступлениями небольшой тяжести (Hoyle & Rosenblatt, 2016, настоящий выпуск; Shapland, 2014). Были предприняты попытки использования восстановительных практик и по отношению к более серьезным насильственным преступлениям, но это остается маргинальной областью применения ВП (Miller, 2011; Umbreit, Bradshaw, & Coates, 2003).

Сохранится ли впредь актуальность ВП, зависит не только от того, сможет ли оно выйти за рамки «альтернативного наказания» для малозначительных преступлений или правонарушений несовершеннолетних и молодежи, но и от его отношения к своей исходной фокусировке на проблемах социальной справедливости – фокусировке, которая со временем исчезла, поскольку ВП стало укореняться в системе уголовной юстиции и стремиться к практическому совершенствованию и эффективности программ, а также к исследованиям в области эмпирической проверки и развития теории. Изначально ВП воспринималось многими как многообещающее средство решения не только проблем, связанных с исключенностью жертв из процесса и ответственностью правонарушителей, но также мезо- и макро-социальных проблем в сферах их пересечения с уголовной юстицией. Это включало такие острые вопросы, поднимавшиеся многими пионерами ВП, как отмена тюрем (Ruggiero, 2011), а также расовое и гендерное равенство в рамках уголовного правосудия (Cunneen, 1997; Daly, 2000; Gavrielides, 2014; Stubbs, 2014; Tauri, 2009). Что касается последнего, один из ведущих ученых и первопроходцев ВП Марк Умбрайт (1998, включая параграф 3 выводов) почти два десятилетия назад утверждал, что один из основных рисков, который подстерегает движение восстановительного правосудия, состоит в том, что «внимание

к проблеме преобладания цветных в наших системах ювенальной и уголовной юстиции может быть легко утеряно из-за поспешного и исключительного внимания к восстановительным мерам».

Но с тех пор литература и исследования по ВП проявляют все меньше интереса к расовым и этническим проблемам в собственных практиках так же, как и в уголовном правосудии в целом. Исключением является внимание к правосудию коренных народов. Некоторые теоретики утверждали, что истоки ВП частично обнаруживаются в практиках правосудия коренных народов (Considine & Bowen, 1999; Pranis, 2005) и/или что оно, может быть, в большей степени соответствует культуре коренных народов (MacRae & Zehr, 2004; Maxwell et al., 2004). Тем не менее, подобные утверждения оспаривались как в плане представлений, что ВП основано на практиках туземного правосудия (Blagg, 2001; Daly, 2002; Tauri, 2009, 2014), так и что оно в большей степени культурно адекватно или эффективно для жертв или правонарушителей, принадлежащих к коренным народам (Cunneen, 1997; Kelly, 2002; Moyle & Tauri, 2016, этот выпуск).

За рамками утверждений относительно коренных народов исследователи и практики ВП хранили молчание по вопросу, могут ли восстановительные программы культурно соответствовать или быть актуальными для других расовых и этнических меньшинств (Daly & Stubbs, 2007; Gavrielides, 2014). Ученые выражают обеспокоенность по поводу высокой степени представленности в ВП именно «белого», или евроцентрического взгляда на правосудие (Cunneen, 2003; Daly, 2002; Tauri, 2014). Daly и Stubbs (2007, с. 157) отмечают: «Существует мало эмпирических исследований относительно того, как гендер и другие социальные отношения (такие как класс, раса и возраст) нашли отражение в практиках ВП», и больше того, их фокусировка на гендерном факторе, особенно там, где он пересекается с вопросами расы, этнической принадлежности, коренного населения и социального класса, – только усложняет проблему недостаточности практики ВП и исследований, касающихся этих вопросов.

Проблемы расизма, дискриминации и преобладания цветного населения характерны для систем уголовного правосудия Запада. Как показали недавние события в Соединенных Штатах и других странах, в афроамериканских, латиноамериканских, туземных и других общинах существует широко распространенное мнение, что система уголовного правосудия на практике (в полиции, при вынесении приговоров и т.д.) является расистской и отражает более общую

социальную стратификацию и маргинализацию расовых и этнических меньшинств. Общественное движение в США «Черная жизнь», которое появилось отчасти в результате неоднократных случаев применения полицейскими оружия против невооруженных чернокожих (но выступает как более широкое социальное движение против систематического насилия и дискриминации по отношению к чернокожим), свидетельствует, насколько глубоко многие общины ощущают маргинализацию и несправедливость. Хотя публикации и исследования по ВП не умалчивали о *проблеме* социальной маргинализации, тем не менее они в эмпирическом или критическом плане не уделяли достаточного внимания (за некоторыми исключениями) тому, как взаимосвязаны вопросы расы, пола и социального класса с тем, что традиционно рассматривалось как «ядерные» ценности ВП: преодоление виктимизации и заглаживание вреда жертвам, ответственность и реинтеграция преступников, возвращение полномочий сообществам.

Критика Павlichem (2005) восстановительного правосудия – как, с одной стороны, предлагающего альтернативную концептуализацию преступления как «вреда», а с другой стороны, признающего официальное определение преступления, – нигде не была более актуальна, чем в вопросе бифуркации уголовной юстиции по расовому признаку. За некоторыми исключениями, теория и исследования ВП в западных странах мало что сделали в этой связи с точки зрения концептуализации государства как «правонарушителя». Но это не только теоретическая проблема. В своих исследованиях, посвященных правосудию сообществ, Cleary и Karp (1999) утверждали, что программы правосудия на уровне сообществ, скорее всего, потерпят неудачу, если не будут учтены аспекты, связанные со структурными факторами, такими как сегрегация, бедность, безработица и т.д. Имеется мало доказательств, что практики ВП прилагают усилия в этом направлении или придают этому большое значение. Без целенаправленных эмпирических исследований по этим вопросам невозможно иметь точное представление, но более важный пункт (учитывая огромное количество исследований по ВП) состоит в том, что сам факт сравнительно небольшого количества исследований или внимания к этим вопросам убедительно свидетельствует, что они не являются приоритетными¹¹.

Вопрос, сохранит ли ВП свою актуальность, связан не с тем, могут ли его практики устранить структурное неравенство или систематическую дискриминацию. Никакая программа уголовного

правосудия или санкция не может достичь такой цели, а с точки зрения социальной реформы политика в области уголовного правосудия является, как правило, плохим проводником социальных преобразований. Отсутствие внимания к вопросам расы, пола и социального класса в рамках исследований *собственных* практик не является обвинением в адрес ВП в неспособности решать структурные проблемы. Скорее, это критика упущения, невнимания к тому, как социальная стратификация и культурные различия могут структурировать социальные взаимодействия внутри самих восстановительных процессов – с точки зрения дисбаланса социального и культурного капитала среди участников, с точки зрения культурных различий в ритуалах извинения, принятия ответственности и заглаживания вреда и, конечно, с точки зрения того, кто может быть включен или исключен из ВП как «альтернативной» практики правосудия. Не случайно серьезные насильственные преступления социально сконцентрированы вокруг указанных пунктов, и, как мы утверждаем ниже, актуальность ВП в будущем в значительной степени зависит от того, сможет ли оно включить и более эффективно работать с ними в рамках своих практик.

Обсуждение

Рассмотрим в этом заключительном разделе возможные перспективы ВП исходя из его недавнего прошлого и нынешних практик. Мы предлагаем лишь ориентировочные, а вовсе не исчерпывающие рекомендации для решения обозначенных выше проблем.

Прежде всего, мы понимаем, что проблема определения вряд ли будет решена в ближайшем будущем. Плохо ли, хорошо ли, но ВП стало привлекательным «брендом», который все шире применяется в разных программах и практиках. Учитывая характерный для Соединенных Штатов и других стран (особенно у политиков) процесс разрушения привычных идеологических стереотипов относительно необходимости жесткой политики в отношении преступности, доминировавших в уголовном правосудии в последней четверти века или даже больше, ВП представляет собой привлекательную альтернативу образовавшемуся в результате вакууму.

Однако ВП как «альтернатива» в настоящее время не является полноценным противовесом западным системам состязательного уголовного правосудия (особенно в англоязычных странах), способным заполнить этот вакуум. В первую очередь, как отмечалось выше, большинство практик

ВП являются по сути постсудебными либо реализуются в существовавших и прежде практиках выведения из официального процесса, не имея собственных специальных структур по обнаружению и расследованию преступлений, аресту правонарушителей, вынесению приговоров и т.п. До тех пор пока ВП не способно это сделать (то есть, как предполагалось изначально, стать всеобъемлющей альтернативой практикам уголовного правосудия), с нашей точки зрения, правильнее рассматривать ВП (как отмечает Daly в данном выпуске) как «механизм правосудия», но не как всеобъемлющую альтернативу действующим практикам правосудия. Продолжая эту мысль, мы предполагаем, что ВП будет продолжать «расти», но не обязательно расширяться, с точки зрения его функций в системе уголовного правосудия. Скорее если исходить из последних тенденций, более вероятно, что термин «восстановительный» будет по-прежнему применяться к растущему массиву уже существующих и инновационных методов, которые могут иметь заслуживающие внимания цели, но встречи между жертвами, правонарушителями и другими заинтересованными сторонами, нацеленные на заглаживание вреда жертвам, ответственность и исправление негативных последствий преступления, не ставятся во главу угла.

Хотя определения, вероятно, останутся проблематичными, в то же время практиками и исследователями ВП опубликовано много работ по проблемам, касающимся институционализации ВП внутри систем уголовного правосудия. Это направление исследований рисует картину серьезных вызовов, стоящих перед организацией и проведением восстановительных встреч. Оно также дает возможность представить более конкретные и реалистичные пути для продолжения роста ВП, по крайней мере, с точки зрения качества программ и восстановительных процессов. Как мы обсуждали выше, в ряде значительных исследований ВП (не говоря уже об исследованиях удовлетворенности) обнаружено, что жертвы, в частности, *не считают* восстановительные процессы для себя значимыми или «сфокусированными на жертвах», как это часто формулируется в более идеалистических описаниях ВП (Choi и др., 2012, 2013; Zernova, 2007). В то же время эти исследования позволяют предположить, что причины такого положения дел не являются непреодолимыми на юрисдикционном и программном уровнях. В этой связи мы полагаем, что проблемы институционализации менее сложны, нежели проблемы определения; особенно это видно по исследованиям, где показано, что небольшие из-

менения, такие как адекватная подготовка участников (Gerkin, 2008), эффективные и гибкие процессы направления на программы (Laxminarayan, 2014; Zernova, 2006), тщательное обучение и компетентность организаторов/ведущих (Choi & Gilbert, 2010; Rossner, Bruce, & Meher, 2013; Urban et al., 2011), а также последующее сопровождение и поддержка после проведения встреч как жертв (Maxwell et al., 2004; Morris & Maxwell, 1998; Wagland, Blanch, & Moore, 2013), так и правонарушителей (Shearar & Maxwell, 2012; Walgrave, 2011), могут оказать существенное положительное влияние на восстановительные встречи и их результаты. Это не значит, что подобные проблемы легко решаются; институциональные изменения, как известно, сложны. Скорее, мы имеем в виду только то, что в исследованиях последних двух десятилетий изложены довольно четкие представления, как можно легко улучшить восстановительные встречи и результаты для жертв и правонарушителей в рамках действующих институтов.

И наконец, проблемы «перемещения» и актуальности – это две стороны одной медали. Учитывая рост ВП на «мелководье» уголовной юстиции, то есть его использование по большей части в делах о мелких преступлениях или о правонарушениях несовершеннолетних, роль ВП в качестве жизнеспособной стратегии контроля над преступностью ограничена в связи с тем, что большинство молодых людей, совершивших незначительные преступления, или лиц, впервые совершивших преступление, чаще всего, независимо от используемой формы реагирования не совершают повторных преступлений. Это не умаляет значимости в подобных случаях восстановительных практик для жертв. Однако это поднимает вопрос, почему ВП считается, как правило, более эффективным или адекватным именно для таких случаев. Есть исследования, где показано, что на самом деле ВП может хорошо работать и с более серьезными преступниками (Hayes, 2005; Sherman, Strang, & Woods, 2000; Strang, Sherman, Mayo-Wilson, Woods, & Ariel, 2013) и чаще используется в таких делах в Германии и других европейских странах (Dünkel, Grzywa-Holten, & Horsfield, 2015; Zinsstag, Teunkens, & Pali, 2011). Учитывая большой массив криминологической литературы, где постоянно указывается, что небольшое число серьезных закоренелых преступников повинно в большинстве серьезных преступлений, неясно, почему не проводилось систематических исследований, касающихся возможностей ВП потенциально уменьшить число таких преступников¹². В своем систематическом

обзоре, касающемся проведения восстановительных встреч, Strang и соавт. (2013, с. 48) обратили внимание, что «ограничение использования восстановительных встреч только делами о незначительных преступлениях – это напрасное расточительство. Если правительства хотят финансировать ВП, данные свидетельствуют о том, что лучшая отдача от инвестиций будет связана с насильственными преступлениями, а также с рецидивистами». Если это так (хотя обзор ограничивает количество исследований в соответствии с несколькими критериями, которые применяются авторами), актуальность ВП для сокращения более серьезных повторных преступлений должна быть очевидной. По крайней мере, возникает вопрос, *почему* ВП не используется для серьезных преступлений или почему так мало систематических оценок на этот счет¹³.

Чтобы ВП оставалось актуальным в XXI веке, требуется также, чтобы практики и теория начали серьезно решать проблемы социальной маргинализации, поскольку последние структурируют процессы уголовного правосудия и, в свою очередь, влияют на восстановительные процессы. Первостепенное значение имеет проблема расы (включая принадлежность к этническим группам и коренным народам), но это сложным образом пересекается с проблемами пола и социального класса. Вопрос о том, как могут выглядеть изменения в этом направлении, выходит за рамки настоящей статьи (хотя это, безусловно, требует значительного внимания). Тем не менее, многие из ранних аргументов сторонников ВП были нацелены на разработку более справедливой и эффективной системы юстиции – для жертв, правонарушителей и общин – и исходили из предпосылки, что само государство было в значительной мере замешано (если не полностью ответственно) в препятствовании достижению этих целей. В течение более трех последних десятилетий восстановительные практики предоставляли жертвам (хотя и не идеально) больше возможностей для участия, для возмещения им ущерба и больше поддержки, чем было прежде, а правонарушителям – больше возможностей для заглаживания вреда. В то же время это привело к смещению внимания от структурных факторов маргинализации к фокусировке на индивидуальном вреде и его заглаживании, когда преступление определяется на восстановительных конференциях или встречах не как социальное отношение в принципе, а только как нарушение конкретной социальной связи, и именно это должно быть исправлено.

Между тем первые 15 лет XXI века видели взрыв гнева и страха вокруг исторической реконфигурации практик уголовного правосудия как «нового Джима Кроу» (Alexander, 2012)¹⁴, как нового «тюремного континуума» между гетто и тюрьмой (Wasquant, 2001), а также как усовершенствованного механизма колониального подавления и порабощения (Agozino, 2004; Tauri and Rogou, 2014). Поэтому неудивительно, что многие новые социальные движения фокусируются на проблемах уголовной юстиции как основного механизма социальной сегрегации и социальной маргинализации. В то же время исследования и ВП отстают от этих движений, особенно в изучении того, где восстановительные практики могут быть полезными при решении указанных проблем или хотя бы способствовать их решению. Есть одна область, где ВП оказало значительное влияние, – это его растущее использование в школах в качестве потенциального механизма, позволяющего скорректировать связку «школа-тюрьма» (особенно там, где такие программы сменили политику нулевой терпимости, которая криминализирует учащихся)¹⁵, хотя, как отмечает Schiff (2013), мало строгих исследований, позволяющих судить о влиянии таких программ. Есть также примеры программ ВП, более непосредственно направленных на нужды правонарушителей и жертв в общинах меньшинств, например, «Программа восстановительного правосудия для молодежи Окленда», которая определяет в качестве одной из своих основных целей сокращение расового неравенства в системах уголовного и молодежного правосудия. Это перспективные направления, где ВП смогло концептуализировать проблемы вреда, причиненного государству, таким образом, что они, по крайней мере, могут быть решены в рамках восстановительных практик. Но это исключения, и чтобы остаться актуальным с точки зрения своих основных целей полноценного заглаживания вреда жертвам, ответственности и реинтеграции правонарушителей, а также вовлечения и единения сообществ в практиках правосудия, восстановительное правосудие должно серьезно взяться за решение проблем, связанных с реалиями стратификации преступности и уголовного правосудия, имея в виду, что криминализация и виктимизация – это больше, чем сумма и последствия индивидуальных выборов.

Заключение

В некотором отношении поставленные нами проблемы и предложенные рекомендации

противоречивы. Например, с одной стороны, мы обращаем внимание на проблему пластичности концепции ВП, но, с другой, утверждаем, что для того чтобы оставаться актуальным в XXI веке, ВП должно разрабатывать в рамках своих практик новые способы решения проблем расы, гендера и социального класса. В то же время, как мы выяснили, широкое разнообразие практик, которые относят сегодня к «восстановительному правосудию», разношерстны или даже противоречивы. Главная цель нашей работы не в том, чтобы попытаться примирить эти различия или установить новую повестку дня для ВП. Мы предполагаем, что то, что называется «восстановительным правосудием», будет продолжать расширяться, а вместе с этим возрастут существенные различия и даже противоречия в теории и практике.

Проблематично, когда сама концепция начинает становиться «всем для всех». В этой связи такие ученые как Daly (2014) и Graham и White (2015) предложили более широкий термин «инновационное правосудие», который может быть более уместным, поскольку допускает разнообразные цели и практики, признавая их отличающимися и даже бросающими вызов общепринятым практикам правосудия. Мы согласны, что термин «восстановительное правосудие» растянут до своего концептуального предела. На самом деле мы видим инновационные и потенциально эффективные возможности для применения программ или практик, которые мы обсуждали выше (например, тюремные программы, использование медиации в ADF и т.д.), и других – каждая со своими собственными целями и задачами и разными группами участников. Нам важно прояснить, что мы вовсе не умаляем такие нововведения, не отвергаем их как незначительные из-за того, что они не вовлекают жертв, правонарушителей и другие стороны в диалог, направленный на восстановление и возмещение вреда.

Отсюда большая часть выделенных нами проблем и обсужденных рекомендаций основаны на допущении, что «восстановительное правосудие» действительно отличается от других «инновационных» практик, которые не включают встречи между жертвами, правонарушителями и другими заинтересованными сторонами. Мы говорим это не для того, чтобы попытаться лучше определить, что такое ВП, но, напротив, признавая, что если ВП имеет концептуальную ясность или специфику, следует установить границу между тем, чем является и чем не является «восстановительное правосудие».

По существу наш прогноз состоит в следующем. У ВП есть будущее. Однако мы не знаем,

каково оно. С одной стороны, если термин и соответствующие ему практики растекаются во множестве форм реализации и значений, то по мере «роста» ВП все больше будут стираться его отличия от «невосстановительных» программ, практик и теорий правосудия. Это не обязательно плохо в той степени, в какой ВП может функционировать в качестве стимула развития инновационных практик, но в то же время это вполне может привести к постепенному распаду ВП, его превращению не более чем в узнаваемый мем, красивую картинку, символизирующую возмещение ущерба жертвам, реинтеграцию правонарушителей или контроль над преступностью со стороны сообществ. С другой стороны, если ВП все же должно быть концептуализировано как вполне определенный тип практик, предполагающий непосредственные взаимодействия между жертвами, правонарушителями и другими участниками, оно должно противостоять проблемам, связанным с его усиливающейся институционализацией, которую мы, тем не менее, рассматриваем как, возможно, наиболее прямой путь для «роста» ВП в соответствии с принципами лучшего достижения таких целей, как удовлетворение нужд жертвы, возмещение ущерба, ответственность и реинтеграция преступников.

Последняя проблема – актуальность, осталась для нас самой непроясненной. В качестве жизнеспособного механизма контроля над преступностью ВП должно отказаться от «перемещения» в другие неформальные или характеризующиеся незначительным юридическим вмешательством практики правосудия, такие как правосудие в отношении несовершеннолетних либо мелких правонарушителей, и сосредоточиться на более серьезных преступлениях. Хорошо ли, плохо ли, но ВП сделало значительный первый шаг к сокращению рецидивизма, что обеспечило его легитимацию и значимость. Во многом это «сделка с дьяволом», поскольку повторное правонарушение связано с переменными и контекстами за пределами сферы действия ВП. Тем не менее, такое начало ВП должно более убедительно продемонстрировать его эффективность, в противном случае оно рискует быть отвергнутым теми, кто определяет политику как еще одну неудачную попытку снижения уровня преступности.

С точки зрения актуальности ВП должно противостоять раздвоению юстиции, особенно в вопросах расы, этнических меньшинств и коренных народов, и быть способным и в практике, и в теории серьезно выражать свою позицию относительно этих проблем. Что касается реформы

уголовного правосудия, то тема существующего серьезного неравенства, скорее всего, в ближайшем будущем продолжит доминировать в публичном дискурсе и политических дебатах не только в Соединенных Штатах Америки, но также в Австралии, Канаде, Новой Зеландии и Великобритании. Мы не знаем, какую роль будет играть ВП (и будет ли она вообще) в противостоянии этим проблемам и их решению. Однако мы полагаем, что его жизнеспособность и актуальность как «альтернативного» правосудия, базирующегося на признании и заглаживании «вреда», будут снижаться, если ВП продолжит игнорировать социальную стратификацию правосудия, неосознанно воспроизводя соответствующие социальные отношения в собственных практиках.

Литература

- Acorn, A. E. (2004). *Compulsory compassion: A critique of restorative justice*. Vancouver, Canada: UBC Press.
- Aertsen, I., Daems, T., & Robert, L. (Eds.). (2006). *Institutionalizing restorative justice*. Devon, UK: Willan Publishing.
- Agozino, B. (2004). Imperialism, crime and criminology: Towards the decolonisation of criminology. *Crime, Law and Social Change*, 41, 343–358. doi:10.1023/B:CRIS.0000025766.99876.4c
- Alexander, M. (2012). *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*. New York, NY: The New Press.
- Archibald, B. P., & Llewellyn, J. J. (2006). The challenges of institutionalizing comprehensive restorative justice: Theory and practice in Nova Scotia. *Dalhousie Law Journal*, 29(2), 297–343.
- Australian Defence Forces. (2014). *Restorative engagement program framework*. Canberra: Australian Government.
- Baffour, T. D. (2006). Ethnic and gender differences in offending patterns: Examining family group conferencing interventions among at-risk adolescents. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 23, 557–578. doi:10.1007/s10560-006-0075-4
- Barnett, R. E. (1977). Restitution: A new paradigm of criminal justice. *Ethics*, 87(4), 279–301. doi:10.1086/292043
- Bazemore, G., & Schiff, M. (2005). *Juvenile justice reform and restorative justice: Building theory and policy from practice*. Devon, UK: Willan Publishing.
- Bazemore, G., & Walgrave, L. (1999). Restorative juvenile justice: In search of fundamentals and an outline for systemic reform. In G. Bazemore & L. Walgrave (Eds.), *Restorative juvenile justice:*

- Repairing the harm of youth crime* (pp. 45–74). Monsey, NY: Criminal Justice Press.
- Blagg, H. (2001). Restorative visions in Aboriginal Australia. *Criminal Justice Matters*, 44(1), 15–16. doi:10.1080/09627250108552897
- Braithwaite, J. (1989). *Crime, shame and reintegration*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Braithwaite, J., & Roche, D. (2001). Responsibility and restorative justice. In G. Bazemore & M. Schiff (Eds.), *Restorative community justice: Repairing harm and transforming communities* (pp. 63–84). Cincinnati, OH: Anderson Publishing Co.
- Campbell, C., Devlin, R., O’Mahony, D., Doak, J., Jackson, J., Corrigan, T., & Mcevoy, K. (2006). *Evaluation of the Northern Ireland youth conference service*. Belfast, Ireland: Northern Ireland Office.
- Chiste, K. B. (2013). The origins of modern restorative justice: Five examples from the English-speaking world. *University of British Columbia Law Review*, 46(1), 33–80. Downloaded by [Orta Dogu Teknik Universitesi] at 23:43 18 February 2016.
- Choi, J. J., Bazemore, G., & Gilbert, M. J. (2012). Review of research on victims’ experiences in restorative justice: Implications for youth justice. *Children and Youth Services Review*, 34, 35–42. doi:10.1016/j.childyouth.2011.08.011
- Choi, J. J., & Gilbert, M. J. (2010). “Joe everyday, people off the street”: A qualitative study on mediators’ roles and skills in victim-offender mediation. *Contemporary Justice Review*, 13, 207–227. doi:10.1080/10282581003748305
- Choi, J. J., Gilbert, M. J., & Green, D. L. (2013). Patterns of victim marginalization in victim-offender mediation: Some lessons learned. *Crime, Law and Social Change*, 59(1), 113–132. doi:10.1007/s10611-012-9382-1
- Christie, N. (1977). Conflicts as property. *British Journal of Criminology*, 17, 1–15.
- Clairmont, D., & Kim, E. (2013). Getting past the gatekeepers: The reception of restorative justice in the Nova Scotian criminal justice system. *Dalhousie Law Journal*, 36(2), 359–391.
- Clear, T. R., & Karp, D. R. (1999). *The community justice ideal: Preventing crime and achieving justice*. Boulder, CO: Westview Press.
- Cosedine, J., & Bowen, H. (Eds.). (1999). *Restorative justice: Contemporary themes and practice*. Lyttelton, New Zealand: Ploughshares Publications.
- Crawford, A., & Newburn, T. (2002). Recent developments in restorative justice for young people in England and Wales. *British Journal of Criminology*, 42(3), 476–495. doi:10.1093/bjc/42.3.476
- Cunneen, C. (1997). Community conferencing and the fiction of indigenous control. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 30(3), 292–311. doi:10.1177/000486589703000306
- Cunneen, C. (2003). Thinking critically about restorative justice. In E. McLaughlin, R. Fergusson, G. Hughes, & L. Westmarland (Eds.), *Restorative justice: Critical issues* (pp. 182–194). London, UK: Sage Publications.
- Daly, K. (2000). Restorative justice in diverse and unequal societies. *Law in Context*, 17(1), 167–190.
- Daly, K. (2002). Restorative justice: The real story. *Punishment & Society*, 4, 55–79. doi:10.1177/14624740222228464
- Daly, K. (2006). The limits of restorative justice. In D. Sullivan & L. Tifft (Eds.), *Handbook of restorative justice: A global perspective* (pp. 134–146). Oxon, UK: Routledge.
- Daly, K. (2013). The punishment debate in restorative justice. In J. Simon & R. Sparks (Eds.), *The Sage handbook of punishment and society* (pp. 356–374). London, UK: Sage Publications.
- Daly, K. (2014). Reconceptualising sexual victimization and justice. In I. Vanfraechem, A. Pember-ton, & F. M. Ndahinda (Eds.), *Justice for victims: Perspectives on rights, transition and reconciliation* (pp. 378–395). Oxford, UK: Routledge.
- Daly, K. (2016). What is restorative justice? Fresh answers to a vexed question. *Victims & Offenders*, 11(1). doi:10.1080/15564886.2015.1107797
- Daly, K., & Proietti-Scifoni, G. (2011). Reparation and restoration. In M. Tonry (Ed.), *The Oxford handbook of crime and criminal justice* (pp. 207–253). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Daly, K., & Stubbs, J. (2007). Feminist theory, feminist and anti-racist politics, and restorative justice. In G. Johnstone & D. W. Van Ness (Eds.), *Handbook of restorative justice* (pp. 149–170). Devon, UK: Willan Publishing.
- Dhami, M. K., Mantle, G., & Fox, D. (2009). Restorative justice in prisons. *Contemporary Justice Review*, 12(4), 433–448. doi:10.1080/10282580903343027
- Doak, J., & O’Mahony, D. (2006). The vengeful victim? Assessing the attitudes of victims participating in restorative youth conferencing. *International Review of Victimology*, 13, 157–177. doi:10.1177/026975800601300202
- Dünel, F., Grzywa-Holten, J., & Horsfield, P. (Eds.). (2015). *Restorative justice and mediation in penal matters: A stocktaking of legal issues, implementation strategies and outcomes in 36 Euro-*

- pean countries. Mönchengladbach, Germany: ForumVerlag Godesberg.
- Dünkel, F., Grzywa-Holten, J., Horsfield, P., & Păroşanu, A. (2015). Restorative justice and juvenile offenders in Europe: Comparative overview. In F. Dünkel, P. Horsfield, & A. Păroşanu (Eds.), *European research on restorative justice: Vol. 1. Research and selection of the most effective juvenile restorative justice practices in Europe—Snapshots from 28 EU member states* (pp. 175–251). Brussels, Belgium: International Juvenile Justice Observatory.
- Dünkel, F., Horsfield, P., & Păroşanu, A. (2015). Introduction. In F. Dünkel, P. Horsfield, & A. Păroşanu (Eds.), *European research on restorative justice: Vol. 1. Research and selection of the most effective juvenile restorative justice practices in Europe—Snapshots from 28 EU member states* (pp. 3–17). Brussels, Belgium: International Juvenile Justice Observatory.
- Dzur, A. W. (2003). Civic implications of restorative justice theory: Citizen participation and criminal justice policy. *Policy Sciences*, 36(3), 279–306. doi:10.1023/B:OLIC.0000017480.70664.0c
- Edgar, K., & Newell, T. (2006). *Restorative justice in prisons: A guide to making it happen*. Winchester, UK: Waterside Press.
- Eglash, A. (1977). Beyond restitution: Creative restitution. In J. Hudson & B. Galaway (Eds.), *Restitution in criminal justice: A critical assessment of sanctions* (pp. 91–100). Lexington, MA: DC Health and Company.
- Elliott, L. (2007). Security, without care: Challenges for restorative values in prison. *Contemporary Justice Review*, 10(2), 193–208. doi:10.1080/10282580701372079
- Fattah, E. (2004). Gearing justice action to victim satisfaction: Contrasting two justice philosophies—Retribution and redress. In H. Kaptein & M. Malsch (Eds.), *Crime, victims, and justice: Essays on principles and practice* (pp. 16–30). Aldershot, UK: Ashgate Publishing Limited.
- Gavrielides, T. (2007). *Restorative justice theory and practice: Addressing the discrepancy*. Helsinki, Finland: HEUNI Publications.
- Gavrielides, T. (2011). *Restorative justice and the secure estate: Alternatives for young people in custody*. London, UK: IARS Publications.
- Gavrielides, T. (2014). Bringing race relations into the restorative justice debate: An alternative and personalized vision of “the other.” *Journal of Black Studies*, 45(3), 216–246. doi:10.1177/0021934714526042
- Gerkin, P. M. (2008). Participation in victim-offender mediation: Lessons learned from observations. *Criminal Justice Review*, 34, 226–247. doi:10.1177/0734016808325058
- Graham, H., & White, R. (2015). *Innovative justice*. Oxon, UK: Routledge.
- Gray, P., & Wright, S. (2011). Restorative practice in prisons: Assessing the impact of the demise of the inside out trust. *Prison Service Journal*, 194(March) 33–37.
- Hayes, H. (2005). Assessing reoffending in restorative justice conferences. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 38, 77–101. doi:10.1375/acri.38.1.77
- Hill, R. F. A. (2002). Restorative justice and the absent victim: New data from the Thames Valley. *International Review of Victimology*, 9(3), 273–288. doi:10.1177/026975800200900303
- Hoyle, C. (2002). Securing restorative justice for the “non-participating” victim. In C. Hoyle & R. Young (Eds.), *New visions of crime victims* (pp. 97–132). Oxford, UK: Hart Publishing.
- Hoyle, C. (2008). Restorative justice, victims and the police. In T. Newburn (Ed.), *Handbook of policing* (2nd ed., pp. 794–823). Devon, UK: Willan Publishing.
- Hoyle, C., & Rosenblatt, F. F. (2016). Looking back to the future: Threats to the success of restorative justice in the United Kingdom. *Victims & Offenders*, 11(1). doi:10.1080/15564886.2015.1095830
- Hoyle, C., & Young, R. (2002). Restorative justice: Assessing the prospects and pitfalls. In M. McConville & G. Wilson (Eds.), *The handbook of the criminal justice process* (pp. 525–548). New York, NY: Oxford University Press.
- Hoyle, C., Young, R., & Hill, R. (2002). *Proceed with caution: An evaluation of the Thames Valley police initiative in restorative cautioning*. York, UK: Joseph Rowntree Foundation.
- Hudson, B. (2002). Restorative justice and gendered violence: Diversion or effective justice? *British Journal of Criminology*, 42, 616–634. doi:10.1093/bjc/42.3.616
- Hudson, B. (2007). The institutionalization of restorative justice: Justice and the ethics of discourse. In E. Van Der Spuy, S. Parmentier, & A. Dissel (Eds.), *Restorative justice: Politics, policies and prospects* (pp. 56–72). Cape Town, South Africa: Juta and Co. Ltd.
- Hurley, M. H. (2009). Restorative practices in institutional settings and at release: Victim wrap around programs. *Federal Probation*, 73(1), 16–22.
- Jantzi, V. (2004). What is the role of the state in restorative justice programs? In H. Zehr & B. Toews (Eds.), *Critical issues in restorative justice* (pp. 189–202). Boulder, CO: Criminal Justice Press.

- Jones, G., & Creaney, S. (2015). Incentive for insincerity—Presentence restorative justice: In whose interests? *Safer Communities*, 14(3), 126–137. doi:10.1108/SC-05-2015-0018
- Joudo-Larsen, J. (2014). *Restorative justice in the Australian criminal justice system*. Canberra: Australian Institute of Criminology.
- Karp, D. R. (2001). Harm and repair: Observing restorative justice in Vermont. *Justice Quarterly*, 18, 727–757. doi:10.1080/07418820100095081
- Kelly, L. (2002). Using restorative justice principles to address family violence in aboriginal communities. In H. Strang & J. Braithwaite (Eds.), *Restorative justice and family violence* (pp. 206–222). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Laxminarayan, M. (2014). *Accessibility and initiation of restorative justice*. Leuven, Belgium: European Forum for Restorative Justice.
- Liebmann, M. (2007). *Restorative justice: How it works*. Philadelphia, PA: Jessica Kingsley Publishers.
- Lovell, M. L., Helfgott, J. B., & Lawrence, C. F. (2002). Narrative accounts from the citizens, victims, and offenders restoring justice program. *Contemporary Justice Review*, 5, 261–272. doi:10.1080/10282580213088
- MacRae, A., & Zehr, H. (2004). *The little book of family group conferences: New Zealand style*. Intercourse, PA: Good Books.
- Marshall, T. F. (1999). *Restorative justice: An overview*. London, UK: Home Office, Research Development and Statistics Directorate.
- Maruna, S. (2011). Lessons for justice reinvestment from restorative justice and the justice model experience: Some tips for an 8-year-old prodigy. *Criminology & Public Policy*, 10, 661–669. doi:10.1111/j.1745-9133.2011.00752.x
- Maxwell, G. (2013). Restorative and diversionary responses to youth offending in New Zealand. In K. S. Van Wormer & L. Walker (Eds.), *Restorative justice today: Practical applications* (pp. 103–112). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Maxwell, G., Kingi, V., Robertson, J., Morris, A., Cunningham, C., & Lash, B. (2004). *Achieving effective outcomes in youth justice final report*. Wellington: New Zealand Ministry of Social Development.
- McCold, P. (2000). Toward a holistic vision of restorative juvenile justice: A reply to the maximalist model. *Contemporary Justice Review*, 3, 357–414.
- Miller, S. L. (2011). *After the crime: The power of restorative justice dialogues between victims and violent offenders*. New York, NY: New York University Press.
- Morris, A., & Maxwell, G. (1998). Restorative justice in New Zealand: Family group conferences as a case study. *Western Criminology Review*, 1. [Online]. Available: <http://www.westerncriminology.org/documents/WCR/v01n1/Morris/Morris.html>
- Moyle, P., & Tauri, J. (2016). Māori, family group conferencing and the mystifications of restorative justice. *Victims & Offenders* 11(1).
- O'Mahony, D., & Doak, J. (2009). Restorative justice and police-led cautioning practice: Tensions in theory and practice. In L. G. Moor, T. Peters, P. Ponsaers, J. Shapland, & B. Van Stokkom (Eds.), *Restorative policing* (pp. 139–158). Antwerpen, Belgium: Cahiers Politiestudies.
- Pavlich, G. C. (2005). *Governing paradoxes of restorative justice*. London, UK: GlassHouse Press.
- Pranis, K. (2005). *The little book of circle processes: A new/old approach to peacemaking*. Intercourse, PA: Good Books.
- Prichard, J. (2010). Net-widening and the diversion of young people from court: A longitudinal analysis with implications for restorative justice. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 43, 112–129. doi:10.1375/acri.43.1.112
- Prison Fellowship Australia. (n.d.). *Sycamore tree project*. Retrieved from <http://www.prisonfellowship.org.au/sycamoretree>
- Richards, K. (2010). Police-referred restorative justice for juveniles in Australia. *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice*, 398, 1–8.
- Robinson, G., & Shapland, J. (2008). Reducing recidivism: A task for restorative justice? *British Journal of Criminology*, 48(3), 337–358. doi:10.1093/bjc/azn002
- Rodriguez, N. (2005). Restorative justice, communities, and delinquency: Whom do we reintegrate? *Criminology & Public Policy*, 4, 103–130. doi:10.1111/cpp.2005.4.issue-1
- Rodriguez, N. (2007). Restorative justice at work: Examining the impact of restorative justice resolutions on juvenile recidivism. *Crime & Delinquency*, 53, 355–379. doi:10.1177/0011128705285983
- Rossner, M., Bruce, J., & Meher, M. (2013). *The process and dynamics of restorative justice: Research on forum sentencing*. Sydney, Australia: University of Western Sydney.
- Ruggiero, V. (2011). An abolitionist view of restorative justice. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 39(2), 100–110. doi:10.1016/j.ijl-cj.2011.03.001
- Schiff, M. (2013, January). *Dignity, disparity and desistance: Effective restorative justice strategies to plug the “school-to-prison pipeline.”* Paper presented at the Center for Civil Rights Remedies National Conference, Washington, DC.

- Shapland, J. (2003). Restorative justice and criminal justice: Just responses to crime? In A. Von Hirsch, J. Roberts, A. E. Bottoms, K. Roach, & M. Schiff (Eds.), *Restorative justice and criminal justice: Competing or reconcilable paradigms?* (pp. 195–218). Portland, OR: Hart Publishing.
- Shapland, J. (2014). Implications of growth: Challenges for restorative justice. *International Review of Victimology*, 20(1), 111–127. doi:10.1177/0269758013510808
- Shapland, J., Robinson, G., & Sorsby, A. (2011). *Restorative justice in practice: Evaluating what works for victims and offenders*. Oxon, UK: Routledge.
- Shearar, A., & Maxwell, G. (2012). Revolution, decline, and renewal: Restorative youth justice in New Zealand. In E. Zinsstag & I. Vangraechem (Eds.), *Conferencing and restorative justice: International practices and perspectives* (pp. 101–116). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Sherman, L. W., & Strang, H. (2007). *Restorative justice: The evidence*. London, UK: Smith Institute.
- Sherman, L. W., Strang, H., & Woods, D. J. (2000). *Recidivism patterns in the Canberra Reintegrative Shaming Experiments (RISE)*. Canberra: Australian Institute of Criminology.
- Skelton, A., & Frank, C. (2004). How does restorative justice address human rights and due process issues? In H. Zehr & B. Toews (Eds.), *Critical issues in restorative justice* (pp. 203–214). Boulder, CO: Criminal Justice Press.
- Strang, H., Sherman, L. W., Mayo-Wilson, E., Woods, D., & Ariel, B. (2013). *Restorative justice conferencing (RJC) using face-to-face meetings of offenders and victims: Effects on offender recidivism and victim satisfaction—A systematic review*. Oslo, Norway: The Campbell Collaboration.
- Stubbs, J. (2014). Gendered violence and restorative justice. In A. Hayden, L.
- Gelsthorpe, V. Kingi, & A. Morris (Eds.), *A restorative approach to family violence: Changing track* (pp. 199–210). Surrey, Canada: Ashgate.
- Swanson, C. (2010). *Restorative justice in a prison community: Or everything I didn't learn in kindergarten I learned in prison* (Vol. 47). Plymouth, UK: Lexington Books.
- Tauri, J. (2009). An indigenous perspective on the standardization of restorative justice in New Zealand and Canada. *Indigenous Policy Journal*, 20(3), 1–24.
- Tauri, J. (2014). An indigenous commentary on the globalization of restorative justice. *British Journal of Community Justice*, 12(2), 35–55.
- Tauri, J., and Porou, N. (2014). Criminal justice as a colonial project in contemporary settler-colonialism. *African Journal of Criminology and Justice Studies*, 8(1), 20.
- Thorburn, M. (2005). The impossible dreams and modest reality of restorative justice. *Queen's Law Journal*, 30(2), 863–938.
- Umbreit, M. S. (1995). *Mediating interpersonal conflicts: A pathway to peace*. West Concord, MN: CPI Publishing.
- Umbreit, M. S. (1998). Restorative justice through victim-offender mediation: A multisite assessment. *Western Criminology Review*, 1(1). Retrieved from <http://www.westerncriminology.org/documents/WCR/v01n01/Umbreit/umbreit.html>
- Umbreit, M. S., Bradshaw, W., & Coates, R. B. (2003). Victims in severe violence in dialogue with the offender: Key principles, practices, outcomes and implications. In E. G. M. Weitekamp & H.-J. Kerner (Eds.), *Restorative justice in context: International practice and directions* (pp. 123–144). Devon, UK: Willan Publishing.
- Umbreit, M. S., Coates, R. B., & Vos, B. (2004). Victim-offender mediation: Three decades of practice and research. *Conflict Resolution Quarterly*, 22, 279–303. doi:10.1002/(ISSN)1541-1508
- Umbreit, M. S., Coates, R. B., & Vos, B. (2007). Restorative justice dialogue: A multidimensional, evidence-based practice theory. *Contemporary Justice Review*, 10, 23–41. doi:10.1080/10282580601157521
- Umbreit, M. S., Coates, R. B., & Vos, B. (2008). The practice of victim offender mediation: A look at the evidence. In S. G. Shoham, O. Beck, & M. Kett (Eds.), *International handbook of penology and criminal justice* (pp. 691–708). Boca Raton, FL: CRC Press.
- Urban, L. S., Markway, J., & Crockett, K. (2011). Evaluating victim-offender dialogue (VOD) for serious cases using Umbreit's 2001 handbook: A case study. *Conflict Resolution Quarterly*, 29(1), 3–23. doi:10.1002/crq.21034
- Wacquant, L. (2001). Deadly symbiosis: When ghetto and prison meet and mesh. *Punishment & Society*, 3(1), 95–133. doi:10.1177/14624740122228276
- Wagland, P., Blanch, B., & Moore, E. (2013). Participant satisfaction with youth justice conferencing. *Contemporary Issues in Crime and Justice*, 170, 1–15.
- Walgrave, L. (1995). Restorative justice for juveniles: Just a technique or a fully fledged alternative? *The Howard Journal of Criminal Justice*, 34(3), 228–249. doi:10.1111/j.1468-2311.1995.tb00841.x
- Walgrave, L. (2004). Restoration in youth justice. *Crime & Justice*, 31, 543–597. doi:10.1086/655348

- Walgrave, L. (2008). Restorative justice: An alternative for responding to crime? In S. G. Shoham, O. Beck, & M. Kett (Eds.), *International handbook of penology and criminal justice* (pp. 613–689). Boca Raton, FL: CRC Press.
- Walgrave, L. (2011). Investigating the potentials of restorative justice practice. *Journal of Law & Policy*, 36, 91–139.
- Wood, W. R. (2012). Correcting community service: From work crews to community work in a juvenile court. *Justice Quarterly*, 29(5), 684–711. doi: 10.1080/07418825.2011.576688
- Zehr, H. (1990). *Changing lenses: A new focus for crime and justice*. Scottsdale, PA: Herald Press.
- Zehr, H. (1995). Justice paradigm shift? Values and visions in the reform process. *Mediation Quarterly*, 12, 207–217. doi:10.1002/crq.3900120303
- Zehr, H. (2002). *The little book of restorative justice*. Intercourse, PA: Good Books.
- Zernova, M. (2006). Working under the aegis of the criminal justice system: Implications for restorative justice practice. *British Journal of Community Justice*, 4, 67–79.
- Zernova, M. (2007). *Restorative justice: Ideals and realities*. Aldershot, UK: Ashgate.
- Zinsstag, E. (2012). Conferencing: A developing practice of restorative justice. In E. Zinsstag & I. Vangraechem (Eds.), *Conferencing and restorative justice: International practices and perspectives* (pp. 11–32). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Zinsstag, E., Teunkens, M., & Pali, B. (2011). *Conferencing: A way forward for restorative justice in Europe*. Leuven, Belgium: European Forum for Restorative Justice.

Примечания

- 1 Обсуждая эту проблему, авторы имеют в виду, что ВП стало не альтернативой существующим практикам, а *переместилось* в те формы реагирования на преступления, которые существовали и прежде. Еще до прихода ВП в разных странах множество альтернативных практик складывалось в рамках *реабилитационного подхода, сфокусированного на правонарушителе*. В соединении восстановительных программ с реабилитационными формами работы с правонарушителями авторы усматривают опасность утери восстановительного содержания, в частности пренебрежения нуждами жертв, в силу того что восстановительные практики помещаются в старые формы и в силу этого подчиняются силе старых установок и критериев оценки, «новое вино в старые мехи». – *Прим. перев.*
- 2 Мы ограничиваем наше обсуждение англоязычными странами по двум причинам. Прежде всего, в таких странах как Австралия, Канада, Ирландия, Новая Зеландия, Великобритания и Соединенные Штаты Америки действуют состязательные системы правосудия, в отличие от многих европейских стран, где этого нет. Таким образом, в англоязычных странах ВП используется, как правило, как постсудебная практика, тогда как в странах со смешанным процессом (в Германии, Швеции и пр.) ВП может чаще использоваться до или в рамках судебного процесса (Dünkel, Grzywa-Holten, and Horsfield, 2015). К тому же в большинстве англоязычных стран ВП появилось раньше и получило там всестороннее развитие. (Авторы имеют в виду различие в формах уголовного процесса стран, относящихся к англосаксонской правовой семье, и романо-германской, или континентальной, к которой принадлежат правовые системы стран Европы и России. В первом случае, в частности, отсутствуют характерные для континентальной формы процесса (которая называется смешанной) уголовно-процессуальные стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, материалы полицейского расследования быстро передаются в суд и официальный процесс начинается в суде. Поэтому использование ВП в англоязычных странах оказывается возможным в результате судебного решения либо в порядке *diversion* – выведения за рамки официальной процедуры, которое осуществляется полицией по делам о незначительных преступлениях и (в зависимости от тяжести деяния) правонарушениях несовершеннолетних. При этом *diversion* используется и в ювенальной юстиции европейских стран. – *Прим. перев.*
- 3 См., например: Том 1 выпуск 7 *Contemporary Justice Review* for a good example of debates between purists and maximalists/«Обзор современного правосудия», который является хорошим примером дискуссий между пуристами и максималистами.
- 4 Пуризм – повышенная требовательность к сохранению изначальной чистоты, строгости стиля, приверженности канонам. – *Прим. перев.*
- 5 Prison Fellowship International (<https://pfi.org/>) – международная христианская миссионерская организация, основанная 40 лет назад Чарльзом Колсоном, советником президента Р. Никсона, которая

работает с заключенными в парадигме ВП. Организация имеет 45 000 волонтеров, и работа ведется в тюрьмах в 120 странах по всему миру, в том числе Австралии (Prison Fellowship Australia <https://prisonfellowship.org.au/>).

Проект Sycamore Tree (<http://www.prisonfellowship.org.uk/what-we-do/sycamore-tree/>) – одна из программ этой организации. В настоящее время проект реализуется в 40 тюрьмах Англии и Уэльса. Это программа, которая обучает принципам ВП. Занятия проводятся в тюрьмах волонтерами Prison Fellowship в группах до 20 человек. Заключенные исследуют последствия преступлений для жертв, правонарушителей и общества, обсуждают, что могло бы для них означать принятие ответственности за свои действия. Для большинства правонарушителей самый эффективный элемент программы – когда жертвы преступлений приходят, чтобы рассказать, как совершенное против них преступление повлияло на их жизни. На финальной сессии у преступников есть возможность выразить свое раскаяние и сожаление: некоторые пишут письма, стихи или делают что-то своими руками, создают произведения искусства. Приглашаются местные жители для оказания поддержки и для того, чтобы стать свидетелями этих символических актов возмещения ущерба. – *Прим. перев.*

- 6 См.: <http://www.defenceabusetaskforce.gov.au/Outcomes/Pages/DefenceAbuseRestorativeEngagementProgram.aspx>
- 7 Преимущественное использование восстановительных программ после вынесения судебного решения связано со спецификой уголовного судопроизводства в США. Там вынесение приговора имеет две стадии: признание виновности и назначение наказания. Между этими стадиями может пройти несколько месяцев, за это время собираются данные о личности и социальной ситуации подсудимого. И именно в это время проводятся программы, поскольку вина уже установлена. Иначе происходит в Европе, где нет разделения постановления приговора на две стадии. В Европе наибольшее количество программ проводится вообще до судебного разбирательства: в полиции или на этапе предварительного расследования. И при успешно проведенной ВП дела (если речь идет о незначительных или молодежных преступлениях) не возбуждаются либо прекращаются и не поступают в суд. Либо – по тяжким преступлениям – передаются в суд, и суд учитывает заглаживание вреда при вынесении приговора в качестве смягчающего обстоятельства. – *Прим. перев.*
- 8 О других исследованиях по вопросу о том, как институционализация ВП может негативно влиять на жертв, см.: Choi и др. (2012).
- 9 Однако Prichard (2010) установил, что в программах ВП Тасмании и Австралии не было доказательств такого явления, как *net widening*, хотя значительно увеличилось количество ордеров на арест.
- 10 Предупреждение (*caution*), выведение из официального процесса (*diversion*), общественный надзор (*community supervision*) – это некоторые из альтернативных мер, которые применялись полицией и до появления восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей, а также тех, кто совершил мелкие преступления; такие меры применяются и сейчас (и не обязательно с использованием восстановительных программ). – *Прим. перев.*
- 11 Есть несколько исключений. Rodriguez (2005, 2007) и Baffour (2006) рассмотрели эффективность программ ВП для молодых латиноамериканских правонарушителей, а также роль, которую могут иметь этнические и другие структурные факторы в процессах реинтеграции молодых правонарушителей в программах ВП.
- 12 Среди ученых и практиков ВП дискутируется вопрос, должно ли сокращение повторных преступлений быть основным фокусом ВП (см.: Gavrielides, 2007; Robinson & Shapland, 2008; Zehr, 2002).
- 13 Но здесь мы хотели бы отметить, что некоторые категории преступлений, таких как сексуальное и бытовое насилие, поднимают существенные и специфические проблемы для ВП с точки зрения динамики встреч между жертвами и правонарушителями.
- 14 Законы Джима Кроу были государственными и местными законами, которые привели к расовой сегрегации в южных Соединенных Штатах в XIX в. В книге Мишель Александер обсуждаются проблемы, связанные с расой, характерные для афроамериканских мужчин, и массовое лишение свободы в США. Но автор отмечает, что дискриминация, с которой сталкиваются афроамериканские мужчины, распространена и среди других меньшинств и социально-экономически неблагополучных групп населения. Массовое лишение свободы автор метафорически обозначает как «новый Джим Кроу», что является аллюзией на прозвище бедных и необразованных чернокожих американцев и законы об ограничении прав чернокожих в США.
- 15 «Нулевая терпимость» – термин, означающий отрицательную реакцию граждан или нежелание мириться даже с самыми мелкими правонарушениями. – *Прим. перев.*

ПРОЕКТ «СЛУШАНИЯ ПО ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМУ ПРАВОСУДИЮ»¹

ИНСТИТУТ ЗЕРА ПО ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМУ ПРАВОСУДИЮ

ИТОГОВЫЙ ДОКЛАД, НОЯБРЬ 2017

Шах Соня,

*ведущий восстановительных программ,
профессор Калифорнийского института интегративных исследований,
sshah@ciis.edu;*

Стауффер Карл,

*соруководитель института восстановительного правосудия им. Х. Зера,
профессор центра правосудия и миростроительства восточного меннонитского Университета,
carl.stauffer@emu.edu;*

Кинг Сара,

*волонтер-координатор программ проведения кругов поддержки и ответственности
Департамента исправительных учреждений штата Миннесота,
адъюнкт факультета правосудия и исследований по вопросам мира Университета Св. Томаса,
Sarah.King@state.mn.us*

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

Обзор проекта

Институт восстановительного правосудия имени Х. Зера с февраля по апрель 2017 г. реализовал стратегический проект «Слушания о восстановительном правосудии». Одна из целей проекта – привлечь практикующих специалистов из различных взаимосвязанных пересекающихся сфер восстановительного правосудия (ВП), которые представляли различные по демографическим характеристикам группы населения – городское, региональное, аборигенное, население регионов восточного побережья, западного побережья, среднего запада и одной канадской территории. Другая цель заключалась в том, чтобы понять «состояние состояния» восстановительного правосудия – почувствовать, где мы находимся сейчас как движение, создать совместную дорожную карту на будущее и предложить рекомендации сторонникам и спонсорам, как поддерживать и создавать восстановительное движение.

Проект не задумывался как изучение практики или исследование, которое будет положено

в основу плана или документа о том, кто есть кто в восстановительном правосудии – восстановительное правосудие очень широко распространено, и это было бы задачей гораздо более масштабной, чем та, которую мы могли бы осуществить. Мы осознанно говорим, что посетили только одну территорию Канады, которая далеко не в полной мере представляет разнообразие восстановительных практик в стране. По необходимости данная территория взята за образец взаимосвязанных сфер деятельности в области ВП, которая реализуется на всем данном континенте.

Доклад освещает основные темы, тенденции и рекомендации, которые сформулированы по результатам 5 сессий-слушаний и совещаний финальной рабочей группы. Он не охватывает полного богатства знаний, которые были представлены 130 участниками. Более подробная документация из каждой сессии-слушания может быть доступна по требованию.

Примечание: в проекте участвовали 130 уникальных участников и 146 участников в целом, некоторые участники посетили больше одной сессии (см. ниже):

Местонахождение	Даты	Число участников
Миннесота	24 февраля	22
Мэрилэнд	27 февраля	19
Британская Колумбия	17 марта	30
Бэй Эриа, Калифорния	22 марта	28
Навахо Нэйшн, Нью Мексико	31 марта	30
Итоговое совещание – Вирджиния	6–8 апреля	17

Ключевой вопрос: *какого максимального результата мы хотим добиться или представить себе в рамках восстановительного движения в следующем десятилетии?*

Цели проекта

1. Привлечь мудрость и опыт как ведущих ученых, так и местных практикующих специалистов в области ВП.
2. Понять современную организацию восстановительного движения.
3. Предложить региональные пути развития и рекомендации, возникающие из местного социального контекста, общества и истории.
4. Проанализировать успехи и трудности, специфичные для каждой области, и определить вопросы, отражающие особенности движения.
5. Предоставить фонду «Портикус» набор рекомендаций, которые будут ориентиром для использования отведенных денежных средств и возможностей оказания поддержки на следующие три года (2017–2020), чтобы максимизировать влияние восстановительного движения в течение следующего десятилетия.
6. Предоставить информацию о природе, влиянии и направлении восстановительного правосудия большему числу спонсоров и потенциальных спонсоров.
7. Задуматься всем восстановительным сообществом об услышанном во время сессий-слушаний, чтобы добиться прогресса в области формирования нашего движения.

Появление критических тем

По результатам проекта, становится очевидным, что мы находимся в центре возрастающей волны интереса и вихря применяемых восстановительных практик, что многие ученые, практикующие специалисты, преподаватели, общественные деятели и организаторы движений по всей Северной Америке занимаются восстановитель-

ным правосудием в том или ином смысле. Однако как и во всех социальных движениях, глубина понимания и последовательность практик остаются в некоторой степени неопределенными. При таком активном распространении восстановительного правосудия возникла серьезная необходимость связать движение с живым видением и коллективными действиями, чтобы в полной мере усилить его влияние. Трудность заключается в том, чтобы сформировать структуры, которые оказывают систематическое влияние на национальном, региональном и местном уровнях, в достаточной степени отражающих истинные ценности, принципы и практики восстановительного правосудия, когда в центр ставится разнообразие людей, занимающихся восстановительным правосудием, а не продвижение модели формирования движения, исходящей от государства, на принудительной основе. Доклад представляет собой попытку представить и сформулировать данные выводы.

Рассмотрим семь тем, сформулированных в результате слушаний и обрисовывающих общий круг вопросов, которые помогают определить позицию и сформулировать этот рекомендательный доклад.

1. Четыре области применения восстановительного правосудия. Стало ясно, что существует как минимум четыре отчетливых потока практикующих специалистов в области восстановительного правосудия: (i) работающие среди коренных народов и аборигенов, (ii) в общественных организациях или организациях активистов, (iii) в школах и в образовательной среде и (iv) в рамках правовой системы и правовых институтов. Каждая из этих локаций восстановительного правосудия четко определена и обоснована историческим контекстом. Определения и практики восстановительного правосудия, используемого в них языка, а также преимуществ и трудностей, вытекающих из них, время от времени ведут к путанице правильного определения восстановительного правосудия. Более сложное понимание восстановительного правосудия, восстановительных практик, основанных на участии, будет включать в себя все эти течения, которые по-разному называются: восстановительным правосудием, практиками восстановительного правосудия, восстановительными практиками, примирением и кругом. В дополнение прозвучал сильный коллективный призыв о необходимости привлечения ресурсов с целью поддержки практик коренных народов по примирению и восстановительному правосудию.

2. Озвучивание сильных сторон и честность в области существующих препятствий. В деятельности по достижению справедливости

и социальных изменений мы склонны впадать в две крайности: или только говорить о наших успехах и игнорировать неудачи, или только фокусироваться на трудностях и препятствиях, с которыми мы сталкиваемся, у нас никогда нет времени задуматься, что все-таки получается. По результатам сессий-слушаний мы выяснили, что сфера восстановительного правосудия создала пространство практикующим специалистам для обдумывания, чтобы осторожно оценивать как сильные стороны, так и трудности нашей работы с неподдельной честностью.

3. Жить нашими ценностями как практикующие специалисты и организации в сфере восстановительного правосудия. То, что обычно называется: от слов к делу – данная тема возникла неоднократно. На межличностном уровне это означает, что практикующие специалисты должны иметь связь с собой, с самосознанием и самоисцелением в качестве начального этапа установления связи с другими и работы в сфере восстановительного правосудия. На уровне сообщества каждая организация должна практиковать то, что она проповедует, и поддерживать ценности восстановительного правосудия внутри организации.

На структурном уровне это означает участие в проведении реформы по инициативе государства и в разработке законодательства, основанного на принципах этического единства, и в организации совместных подходов для проведения изменений «снизу вверх»².

4. Противоречия в расширении масштабов деятельности и единство практик. Состоялось широкое обсуждение имплементации восстановительного правосудия в институциональные системы (государство, тюрьму, судебные органы, школу); участники выразили беспокойство по поводу недостаточной подготовленности практикующих специалистов; по поводу давления со стороны партнеров, которые представляют системы, чьей целью является использование восстановительного правосудия в качестве быстрого инструмента исправления неполадок, а не как смены парадигмы; также обсуждалось, как расширить масштаб его применения, сохранив единство и не потеряв ценностей восстановительного правосудия. Последнее обсуждение во время сессий-слушаний было очень продолжительным. Противоречия состоят в существовании давления со стороны различных заинтересованных сторон – партнеров систем, спонсоров и внутри самого восстановительного сообщества – предложить техническую сертификацию, чтобы восстановительное правосудие соответствовало потребностям рас-

ширения масштабов его применения, что встречает сильную реакцию со стороны практикующих специалистов, указывающих на сертификацию как на угрозу аутентичности практики, так как при сертифицированном допуске к практике она становится сферой профессиональных элит, что исключает включение мудрости маргинализированных людей, чьи интересы затронуты конфликтом, и сообщества. Другими словами, сертификация может ущемлять права по своей сути. Прозвучала серьезная рекомендация найти пути подготовки сильных практикующих специалистов без официальной аккредитации их практики. Другими словами, сделать выбор в пользу действительного уважения мудрости всех членов сообщества и мудрости людей, чьи интересы напрямую затронуты конфликтом в равной степени, а не технических умений и официального образования.

5. Полноценная интеграция ценностей социальной справедливости (как противодействие любым ущемлениям прав, и особенно расизму) – в восстановительное движение. Западная парадигма восстановительного правосудия была рождена в условиях неравенства и ущемления прав, то есть так же, как формируются социальные движения, соответственно, возникает вопрос, является ли восстановительное правосудие социальным движением? Два фактора частично сдвинули восстановительное правосудие в сферу социальной справедливости: увеличивающееся признание, что примирение как одна из форм восстановительного правосудия берет свое начало у коренных народов, и признание восстановительного правосудия практикующими специалистами, сфера деятельности которых пересекается с другими различными движениями за социальную справедливость, по причине их идентичности как цветных или маргинализированных людей. Большинство практикующих специалистов во время сессий-слушаний ясно указали, что необходимо сосредоточиться на интеграции ценностей социальной справедливости в восстановительное правосудие. Ценности социальной справедливости должны быть воплощены на всех уровнях – влияние ситуаций ущемления прав должно пониматься, начиная от каждого микромезличностного круга к макро-дизайну новых процессов восстановительного правосудия, к культивированию практик, основанных, если привести несколько примеров, на парадигмах примирения коренных народов, к работе с последствиями исторических ситуаций, приведших к причинению вреда большим социальным группам и к обеспечению реального разнообразия в национальных лидерских структурах.

6. Структуры для строительства движения: партнерство, коалиции, региональные центры, национальные объединения и национальный фонд. Были организованы беседы об эффективном партнерстве на всех площадках. На этих площадках обсуждались неудавшиеся попытки организовать более эффективное партнерство и коалиционные структуры. Существует сильное желание создать децентрализованное национальное объединение, которое могло бы связать местную и региональную работу и развить национальный фонд, поддерживающий средние и малые региональные и локальные общественные организации в сфере восстановительного правосудия. Самым важным для местных и региональных коалиций и национальных объединений было бы восприятие их в качестве носителей ключевых ценностей коллективности и власти, переданной с микро- на макроуровень; структур, перераспределяющих власть на регулярной основе; и учреждений, основанных на принципе взаимного обучения и развития всех заинтересованных сторон во всем спектре деятельности по достижению справедливости. Участники настоятельно призывали спонсоров и всех заинтересованных поддерживать органическое развитие (основанное на взаимоотношениях, не делегированное институционально) местных, региональных и национальных коалиций и объединений.

7. Устойчивое финансирование. Данная тема обсуждалась с меньшим энтузиазмом. Это могло произойти в силу многих причин, одна из которых в том, что участники готовы уделять более пристальное внимание содержательной стороне и проблемам движения и таким образом позиционировать проект. Рекомендация по налаживанию связей и основанию объединений между спонсорами и организациями была озвучена на всех площадках для обсуждения – возможные идеи включали работу первичных общинных организаций со спонсорами, чтобы изменить концептуальную работу, наладить обмен информацией и обеспечить прозрачность деятельности между спонсорами и первичными общинными организациями, включить спонсорское сообщество в обсуждения, посвященные восстановительному правосудию. Многие участники были обеспокоены тем, что как практикующие специалисты в области восстановительного правосудия не создали эффективной системы распространения информации и что восстановительное движение нуждается в том, чтобы была рассказана более увлекательная история не только для мобилизации ресурсов, но и для того, чтобы люди (общество) могли лучше понять его охват.

Обзор рекомендаций

Исходя из возникших тем, перечисленных выше, предлагаются следующие рекомендации. Каждая из них будет, в свою очередь, описана в деталях в последующем разделе данного доклада.

1. Поддерживать примирительные и восстановительные практики в коренных сообществах в том смысле, в котором они определены коренными сообществами в их собственном контексте (то есть устойчивый подход «снизу вверх»).
2. Поддерживать формирование движения:
 - a. Создавать децентрализованные структуры, такие как национальные объединения и региональные коалиции или центры.
 - b. Развивать фонд восстановительного правосудия, который оказывает поддержку организациям в сфере восстановительного правосудия, функционирующим на базе средних по размеру региональных и местных сообществ.
3. Поддерживать полноценную интеграцию ценностей социальной справедливости как противодействие ущемлению прав, и особенно расизму, – в движение за восстановительное правосудие.
4. Поддерживать проведение качественных тренингов и обеспечивать единство практик восстановительного правосудия.
5. Поддерживать устойчивое финансирование и выделение ресурсов, что максимизирует результат и включает в себя долгосрочное планирование программы/проекта, имплементацию мониторинга и планы по проведению оценки (на 5–10 лет).

Рекомендации

Основываясь на выявленных во время сессий-слушаний общих идеях и рекомендациях рабочей группы, ниже в деталях приведены топ 5 рекомендаций для обеспечения ресурсами и расширения движения за восстановительное правосудие. Большинство подпунктов рекомендаций были сформулированы участниками сессий-слушаний, в то время как обобщающая рекомендация является синтезом.

Рекомендация 1

1. Поддерживать примирительные и восстановительные практики в коренных сообществах в том смысле, в котором они определены коренными сообществами в их

собственном контексте (устойчивый подход «снизу вверх»)

Существует необходимость поддержки аборигенного правосудия, так как:

- a. Образ жизни родственных нам коренных народов ближе всего к холистическому взгляду на жизнь, который может трансформировать западную систему правосудия, направленную на наказание, в альтернативную парадигму, которую мы ищем.
- b. Западники несут ответственность за историю колонизации, которая разрушила образ жизни коренных народов, их общество перестраивается и переживает некоторое культурное возрождение.
- c. Их коренные ценности сосредоточены в восстановительном правосудии и примирении (даже если они называют это как-то по-другому).

Подпункты рекомендации

1. Обеспечивать ресурсами примирительные и восстановительные практики коренных народов в том смысле, в котором они определены потребностями данного сообщества.

2. Попытки обмена: поддерживать межплеменное двустороннее обучение, тренинг и меж- и внутреплеменное общение.

В конечном итоге это могло бы способствовать траекториям обучения: между западным миром и практикующими специалистами из коренных народов, реализующими ВП.

3. Специальные рекомендации для Нации навахо (представляющей модельный пилотный проект): поддерживать общественное образование, чтобы интегрировать фундаментальный закон Динеты на всех уровнях, от детских раскрасок до университетских аудиторий, осуществляемый народом навахо³, в соответствии с их представлениями.

- a. Поддерживать финансирование инфраструктуры в целях строительства примирительных институтов в школах и вне судебной системы.
- b. Ключевой стратегией может стать запуск обучающей программы для юристов навахо. Студенты юридического факультета будут изучать и разбираться в основах традиционных философии и практик Динеты. Они будут работать с общинами навахо, используя парадигму навахо в обсуждении спорных вопросов и разрешении проблем в соответствии с традициями Динеты, даже в условиях их

полного понимания процедур, предусмотренных англо-американским правом.

- c. Операционные ресурсы: предлагать политическую поддержку, техническую помощь, медиа-поддержку, если требуется.

Рекомендация 2

Поддерживать формирование движения

a. Создавать децентрализованные структуры, такие как национальные объединения и региональные коалиции или центры.

b. Развивать фонд восстановительного правосудия, который оказывает поддержку организациям в сфере восстановительного правосудия, функционирующим на базе средних по размеру региональных и местных сообществ.

I. Поддерживать объединения или региональные коалиции, которые становятся организующей формой с некоторой формой национальной структуры, которая также децентрализована. Связать местную и региональную совместную работу конкретных индивидов и организаций с помощью налаживания доверительных отношений и партнерств через формирование коалиций, которые связаны с национальными объединениями. Желаемые местные и региональные коалиции и национальные объединения были охарактеризованы следующим образом: обладающие главными ценностями коллективности и полномочиями, передаваемыми с микро- на макроуровни структуры, которые перераспределяют поддержку на регулярной основе, и объединения, основанные на взаимном обучении и развитии всех заинтересованных сторон в спектре деятельности по достижению справедливости. Поддерживать органическое развитие (основанное на взаимоотношениях, не делегированных государственными институтами) местных, региональных и национальных коалиций и объединений.

- a. Обеспечивать ресурсами организации восстановительного правосудия, у которых есть возможность функционировать в качестве центров для этих коалиций/объединений. Данные центры будут, прежде всего, объединяться вокруг национальных собраний, национальных органов, которые принимают решения в области финансирования, и вокруг иных стратегических процессов по взаимному обучению. Центры будут функционировать в условиях применения подхода «снизу вверх» в партнерстве с подходя-

щими местными и региональными акторами⁴. Некоторыми мероприятиями центров могли бы быть:

- i. Проведение тренингов и развитие практик.
 - ii. Организация пространства для объединения идей, людей, структур и ресурсов.
 - iii. Поддержка формирования сообщества и строительства коалиции на местном и региональном уровнях.
 - iv. Предоставление возможностей для реализации инноваций на практике.
 - v. Предложение консалтинговых и тренерских услуг для локальных и региональных партнеров в области восстановительного правосудия.
 - vi. Спонсирование и проведение совместных исследований.
 - vii. Проведение программ восстановительного правосудия для заглаживания вреда в делах, где это потребуется.
 - viii. Управление местным и региональным медиаосвещением.
 - ix. Участие в изменениях законодательства и политики.
 - x. Создание рассылочного сервера и списка всех контактов – для распространения информации и сведений о мероприятиях.
- b. Финансировать туры/программы обмена: «траектории обучения» – возможности для специалистов, практикующих ВП, из разных регионов/центров, чтобы поддерживать связь и учиться друг у друга.
- c. Обеспечивать ресурсами медиапроекты и проекты по распространению информации. «Мы должны рассказывать более увлекательные истории», чтобы восстановительное правосудие стало понятным массовой культуре и мы смогли расти как движение.
- d. Спонсировать проведение исследований, мониторинг и проекты по оценке, которые «измеряют движение».

II. Создание фонда восстановительного правосудия

- a. Поддерживать фонды и частных спонсоров в их желании делать взносы в фонд восстановительного правосудия, который поддерживает инновационные практики в сфере деятельности по достижению справедливости, основанные на подходе «снизу вверх», и восстано-

вительные практики, основанные на общинном подходе. Это объясняется тем, что работа в сфере восстановительного правосудия локализована и многие организации финансируются из маленьких бюджетов.

- b. Фонд будет снабжать ресурсами социальное движение, которое в большей степени локализовано, движимо сообществом и децентрализовано.
- c. Фонд обеспечивает уверенность спонсоров, что они делают вклад в настоящие, осуществляемые сообществом инициативы восстановительного правосудия. Круг консультантов, состоящий из опытных практикующих специалистов, активистов и спонсоров со всей страны, которые представляют различные сферы восстановительного правосудия, будет определять, кому присуждать гранты.
- d. Фонд поможет дать старт новым и инновационным взаимосвязям в области практик восстановительного правосудия и их применения.
- e. Фонд обеспечит равное финансирование первичных организаций и более крупных организаций.
- f. Фонд будет работать в тандеме с национальными сообществами и региональными объединениями.

Рекомендация 3

Поддерживать полноценную интеграцию ценностей социальной справедливости как противодействие ущемлению прав, и особенно расизму, в движение за восстановительное правосудие

- a. Поддерживать работу по противодействию ущемлению прав как переломную стратегию для самого восстановительного движения. В частности, противодействие расизму должно быть ключевой стратегией для работы в области восстановительного правосудия.
- b. Поддерживать региональные сообщества восстановительного правосудия для достижения справедливости во взаимоотношениях между различными расами и противодействия ущемлению прав внутри сообщества. Поддерживать процессы, позволяющие людям, чьи интересы напрямую затронуты конфликтом, «найти место за столом», и предоставляющие им более широкие возможности по предложению решений и ведению процесса.

- d. Поддерживать программы, которые содействуют ведущим восстановительных программ в совершенствовании их собственной работы, в *переходе от слов к делу*, в понимании своей властной роли, в рефлексии собственной практики и в противодействии ущемлению прав. Это является ключевым моментом в том, чтобы стать квалифицированным специалистом по делам, связанным с расизмом и ущемлением прав.
- e. Поддерживать программы, где ведущие программ восстановительного правосудия работают без участия белых ведущих (и сообществ) для понимания смысла ущемления прав. Понимание структурного ущемления прав – это навык работы в любом сообществе, находящемся за пределами своего сообщества (и даже в своем).
- f. Преуспеть в рассказе правды и в процессах примирения как восстановительных ответов на вред, причиненный исторически, по всей Северной Америке и за ее пределами.

Рекомендация 4

Поддерживать проведение качественных тренингов и обеспечивать единство практик восстановительного правосудия

Мы признаем, что противоречия в восстановительном движении, возникающие по причине слишком быстрого расширения его масштаба, заканчиваются появлением плохо подготовленных практикующих специалистов и возникновением угрозы их ассимиляции системой, направленной на наказание. Поэтому тренинги по повышению качества и поддержка практики должны быть в приоритете.

1. Тренинги

- a. Тренинг должен быть «высокого уровня, легкодоступным и обеспеченным финансированием». Обеспечивать финансированием и ресурсами высококачественные тренинги из разных регионов, чтобы расширить масштаб деятельности практикующих в области восстановительного правосудия специалистов. Тренеры должны сформировать ценности восстановительного правосудия как смену парадигм, а не как «быстрый способ устранения неполадок».
- b. Тренинги должны осуществляться в разных местах: труднодоступных, урбанизированных и в местах проживания

коренных народов. Признать важность местных тренеров из сообщества так же, как и людей, обладающих национальным опытом проведения тренингов.

- c. Противостоять излишней профессионализации восстановительного правосудия в сочетании с внутренним внедрением ценностей социальной справедливости: сертификация всегда удерживает цветные сообщества и людей, чьи интересы напрямую затронуты конфликтом, что может не учитывать мудрость общины при разрешении конфликтов и их участие в нем.

2. Практика и развитие процедур проведения восстановительных программ

- a. Должна произойти переоценка того, как мы воспринимаем мудрость практикующего специалиста и ведущего восстановительных программ, что образует мудрость общины и мудрость напрямую затронутых конфликтом людей, как такого же важного фактора, как и технические навыки и опыт в данной области. В качестве отправной точки предлагаются следующие *столпы мудрости* для подготовки сильных практикующих специалистов. *Столпы мудрости* включают в себя:
 - i. *Опыт и мудрость мастерства* – многолетний опыт проведения восстановительных программ и развитие навыков с течением времени;
 - ii. *Мудрость общины* – будучи родом из общины, в которой ты работаешь и практикуешь восстановительное правосудие, ты знаешь все детали, историю и чувства этой общины. Такая мудрость ничем не может быть заменена.
 - iii. *Мудрость людей, чьи интересы напрямую затронуты конфликтом* – мудрость тех, кто причинил такой же вред или пережил причинение подобного вреда.
 - iv. *Мудрость способности* – у некоторых людей есть талант к проведению восстановительных программ. Врожденная способность, интуитивное чувство, как взаимодействовать с людьми, слушать их, поддерживать атмосферу неосуждения.
- b. Практикующие специалисты нуждаются в том, чтобы постоянно находящиеся в процессе обучения общины взаимодействовали друг с другом, разрастались и помнили о смысле своей работы.

- c. Поддерживать местные сообщества или региональные организации, разрабатывающие свои собственные объединяющие стандарты, ценности и принципы практики. Данные стандарты практики должны быть достигнуты путем консенсуса или процесса, основанного на участии, а также они должны соответствовать контексту общины, в которой применяются.
- d. Поддерживать создание платформ для восстановительного сообщества в целях постоянного привлечения других партнеров (не только заинтересованных сторон) для понимания их ценностей и построения взаимоотношений.

3. Поддерживать «общешкольные» подходы восстановительного правосудия

Подходы восстановительного правосудия в образовании – K-12⁵ и на уровне университетов – должны быть направлены на глубокие преобразования на благо студентов, учителей и родителей, администраторов, школьных комиссий, полиции и общества в широком смысле.

- a. Образование и профессиональное развитие сделают больший акцент на первый аспект, затем будут двигаться далее:
 - i. Школы, община, семья, церковь, иные неправительственные организации и иные неофициальные учреждения социального контроля;
 - ii. Полиция, службы по защите прав жертв, система уголовного правосудия (до и после вынесения приговора);
 - iii. Система исправительных учреждений (федеральная, на уровне штатов и на уровне провинций);
- b. Вкладывать в учителей, являющихся лидерами и ведущими восстановительных программ – в людей, которые действительно делают свою работу, а не только в организации и учреждения. Поддерживать практикующих в сфере восстановительного правосудия специалистов, занимающихся изменением культуры институциональных акторов;
- c. Определить стратегические точки, чтобы иметь возможность применять восстановительное правосудие в раннем возрасте, в период детского развития и образования.

Рекомендация 5

5. Поддерживать устойчивое финансирование и выделение ресурсов, что максимизирует результат и включает в себя долгосрочное планирование программы/проекта, прове-

дение мониторинга и планы по оценке (на 5–10 лет)

Существует явная потребность более качественного образования и информирования спонсоров в области восстановительного правосудия, чтобы они хотели вступать в равные партнерские отношения, чтобы сообщества были обеспечены финансированием и чтобы у спонсоров формировался творческий и гибкий подход к поиску новых, помогающих находить решения и гибких структур для объединения ресурсов в будущем.

1. Относительно долгосрочного устойчивого финансирования

- a. Сдерживать административную нагрузку, предоставлять максимально возможное долгосрочное финансирование (на 5–10 лет). Отчетность и другие ее критерии должны быть сведены к минимуму. Запрашивать только ту отчетность, которую необходимо предоставить спонсору;
- b. Поддерживать модели финансирования, которые касаются «среднестатистического человека» и которые способствуют налаживанию прямых взаимоотношений и коммуникации между спонсорами и сообществами, которым предоставляется финансирование. Сообщества должны чувствовать, что обладают возможностью рассказать спонсорам о своих потребностях, а не наоборот;
- c. Предложить зарплаты и бонусы (не только стипендии) для поддержания единства практикующих специалистов в области восстановительного правосудия и их важную работу в области реализации программ;
- d. Поддерживать потребность в доступе к публичному финансированию – организовать систему публичного финансирования таким образом, чтобы у людей была возможность поучаствовать в принятии решений об использовании федеральных, региональных и городских/окружных бюджетных средств;
- e. Обратит внимание на острые социальные проблемы, такие как расовое неравенство в финансировании;
- f. Поддерживать общественные кампании, которые помогут людям осознать экономические преимущества восстановительного правосудия;
- g. Заниматься поиском спонсоров, демонстрируя потенциал восстановительного правосудия и различные возможности его применения.

2. Относительно партнерств и сотрудничества

- a. Налаживать связи с организациями и группами, которые преследуют похожие цели, чтобы сотрудничество в сфере грантов и источников финансирования было максимизировано;
- b. Общественные организации должны сотрудничать друг с другом и поднимать тему ожиданий в беседе со спонсорами;
- c. Спонсоры, которые хотят быть вовлечены в восстановительное правосудие, должны заявить о себе и координировать свою деятельность.

3. Техническая поддержка

- a. Предоставить доступ к консультации с экспертами, занимающимися планированием использования грантов и обеспечивать их финансированием;
- b. Разработать инструмент самооценки программ, который бы определял их место в работе в сфере восстановительного правосудия.

взглядах института Зера. Здесь представлена точка зрения, что история разных позиций и перспектив в движении может отличаться. Более полная картина истории восстановительного движения должна быть коллективной.

Откуда мы пришли?

Проект «Слушание о восстановительном правосудии». Настоящий проект (который более подробно описывается в последующих разделах данного доклада) был задуман и создан на основе трехгодичного проектного цикла, старт которому был дан институтом Зера при щедрой поддержке фонда Портикус. Конкретной целью этого проекта было повлиять на сферу восстановительного правосудия за счет усилий института Зера, направленных на создание рамочных условий и формирование социального движения. Соответственно, общими целями проекта были:

- упростить диалог с различными восстановительными сообществами и связанными с ними движениями и между ними;
- повлиять на эволюцию сферы восстановительного правосудия как на социальное движение;
- продемонстрировать новые инновационные восстановительные подходы, способы их применения и практики.

ИСТОРИЯ И ИСХОДНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Примечание. Этот раздел представляет собой незаконченный рассказ об истории и исходной информации о восстановительном движении и в большей степени основывается на научных

Ежегодные мероприятия и итоги данного трехгодичного цикла финансирования были следующими.

Год	Событие	Деятельность	Результаты
2015	Провели консультации с 36 избранными творческими лидерами по теме «Восстановительное правосудие: следующее поколение»	Используя процесс «Построение преобразующих сценариев» (Кахане, 2012), мы пытались определить 4 вероятных сценария, описывающих максимальную/минимальную согласованность сферы восстановительного правосудия и ее развития в будущем	Краткое изложение и оценочные доклады находятся в открытом доступе
2016	Провели общественную конференцию: «ВП и медиация: формируя движение», которую посетили 170 участников	Расширили предыдущую консультацию и провели встречу практикующих специалистов, активистов, организаторов и ученых с целью дальнейшего обдумывания и обсуждения процесса описания, создания рамочных условий и поддержания восстановительного движения	Оценочный доклад в открытом доступе
2017	Занялись процессом обдумывания содержания, чтобы донести информацию до более широкой аудитории с помощью публикации сборника	Отредактированное издание объединяет мнение 12 авторов, которые представляют разнообразие движения и его различные способы применения в США и за их пределами	Предложение концепции в открытом доступе. Сборник будет опубликован в 2018 г.

Определяя проблемы: восстановительное правосудие как социальная служба, смена парадигм или социальное движение?

Восстановительное правосудие в североамериканской и западной парадигме в своей основе было, в первую очередь, задумано как **социальная служба** – альтернативный правовой процесс, направленный на трансформацию индивидов, попавших в систему уголовного правосудия, и с помощью его возможного сопутствующего результата также на изменение отношений в семьях и сообществах. Существует много оснований, чтобы рассматривать восстановительное правосудие в качестве социальной услуги: фокусировка на совершенствовании практики и формах реализации, минимальное теоретизирование и в то же время проведение исследований и их неопределенный статус в мейнстриме системы уголовного правосудия и в обществе в целом. Например, в первые десятилетия, восстановительные встречи между совершившими преступление и пострадавшими были сосредоточены на преступлениях небольшой тяжести и главным образом оценивались как более эффективный механизм для возмещения ущерба, чем судебные штрафы, но это отличается от смысла процессов восстановительного правосудия, которые рассматриваются как создающие основу для изменения социальных нарративов и построения более сильных сообществ для трансформации структур.

В качестве другого примера можно привести факт, что в первые десятилетия восстановительное правосудие в школах главным образом было сосредоточено на использовании конкретной практики как одного из многочисленных подходов, из которых можно выбрать наиболее подходящий для реакции на нарушение дисциплины учеников или проблемы плохого поведения, что также отличается от исходного смысла восстановительного правосудия как основы для изменения всей школьной системы, политики, педагогики и как механизма, препятствующего прямому пути из школы в тюрьму. В данной сфере остается значительное число профессионалов, которые придерживаются определения восстановительного правосудия как еще одного набора технических навыков среди многочисленных возможных вариантов, реализуемых социальными службами, *тем самым ограничивая смысл основного результата восстановительного правосудия только преобразованиями в межличностных отношениях.*

С опубликованием книги «*Changing Lenses*» (Зер, 1990), основополагающей работы в теории восстановительного правосудия, в эту сферу была

введена идея «смены парадигм» (Томас Кун, *Структура научных революций*, 1962). Ховард Зер и другие ключевые лидеры этого направления стали понимать, что практика восстановительного правосудия обладает серьезным потенциалом теоретических основ, ценностей, принципов и реализационных форм, чтобы инициировать данную институциональную трансформацию реагирования уголовного правосудия на причинение вреда. Однако ранее концепция смены парадигм Куна была зажата в тиски модернистского миропонимания смены как линейного, механического процесса разворачивания логической «схемы», которая методически детализировала полную замену одной системы на совершенно другую линейную систему. И такие изменения повсеместно и необратимо должны были бы привести к отказу от уголовно-правовой системы. Последствия этой идеи привели бы к глубоким противоречиям в области восстановительного правосудия между теми, кто верил, что изменения могут происходить только изнутри системы (реформаторы), и теми, кто считал, что изменения могут происходить только извне (революционеры).

Сегодня реформаторы восстановительного правосудия сконцентрировали внимание на создании нового законодательства, которое предоставляет возможность практиковать восстановительное правосудие в уголовно-правовой системе более результативно и эффективно, и/или они могут направить свои усилия на то, чтобы сделать правовую политику и процедуры более «восстановительными» по своей природе, предлагая, к примеру, программы, пропагандирующие «восстановительные тюрьмы» и «восстановительные суды». Революционеры, наоборот, концентрируют свои усилия на реализации полностью альтернативных правосудию процедур, которые не зависят от поддержки уголовно-правовой системы. Современные примеры включают молодежные урбанистические проекты по восстановительному правосудию, которые отказываются от работы по направлениям из судов и от финансирования со стороны судов или создают свободные от полиции сферы жизни для молодежи, чтобы молодые люди могли самостоятельно урегулировать собственные конфликты без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов юстиции. В результате, любой в этом реформистско-революционистском континууме может рассматривать других как «изменников» (предателей идеи).

В последнее десятилетие произошли и другие изменения, после которых восстановительное правосудие трансформировалось в **социальное**

движение, появившееся в США в результате популистского импульса, что создало основу для социальных изменений и согласованности. В последнее время произошел всплеск новых исследований, теоретических публикаций и распространения практик с участием сообществ, которые ранее были маргинализированы, а сейчас вступают в диалог, имея для этого возможность и уверенность. Движение за восстановительное правосудие воплощает в себе справедливый образ жизни, который призывает людей жить правильно, поступать правильно и создавать с помощью человеческой коммуникации «правильные вещи» и сообщество ради «общего блага». Восстановительное движение сейчас простирается далеко за пределы уголовно-правовой системы, на все сферы общества, включая семью, образование (Ginwright, 2016), отношения в сообществе, религию, бизнес, управление, сферы медиа и искусства/культуры. *Задача восстановительного движения заключается в том, чтобы отслеживать как межличностные, так и институциональные изменения, одновременно двигаясь к смене культур или к трансформации общества в его понимании правосудия и его реализации в будущем.* Такое видение предполагает форму правосудия, которое не сосредоточено на наказании и санкционированной государством жестокости как средствах социальных изменений. Вместо этого восстановительное движение выбирает такое будущее, где правосудие должно выстраиваться обществом на отношениях, основанных на принятии на себя ответственности, возмещении ущерба и исцелении.

В ходе этой эволюции появилось возрастающее количество точек зрения, например доктора Фании Дэвис и доктора Скаррар (2017), о восстановительном правосудии как движении за социальную справедливость. Это движение определяется как трансформационная сила, которая сосредоточена на исцелении и принятии на себя ответственности на личностном и структурном уровнях общества, и эти принципы применяются не только к несправедливости в настоящем, но также и к работе с наследием и последствиями причинения исторического вреда (Hooker, 2016). Намерение интегрировать ценности социальной справедливости и противостояние ущемлению прав распространяется на все уровни восстановительного правосудия, от его ценностей до теории, моделей и практики. Это включает широкий перечень мер – от работы с последствиями ситуаций ущемления прав как причин межличностного вреда, процессов установления правды и примирения в целях достижения расовой справедливо-

сти на структурном уровне до придания решающего значения парадигмам миростроительства коренных народов и общинным подходам к реагированию на совершение нарушений, которые лежат в основе западной концепции восстановительного правосудия.

Все более распространенным становится мнение, признающее, что у восстановительного правосудия два корня: общинный и западный. И в силу того что восстановительное правосудие полностью воплощает в себе ценности социальной справедливости, оба этих корня должны быть названы и исследованы.

Многие коренные сообщества не используют термин «восстановительное правосудие», но они пользовались его вариациями в течение многих веков еще до того, как на Западе придумали для этого название. В парадигмах миростроительства коренных народов (которых очень много) правосудие встроено в холистическое миропонимание. В холистическом миропонимании мы не проводим разграничения – то есть миростроительство и круг являются частью образа жизни, поэтому результат правосудия привязан к *исцелению* и восстановлению баланса в себе, во взаимоотношениях и в природе. Соответственно, определение, что существует какая-либо практика или инструмент, называемый «восстановительное правосудие» и стоящий отдельно от *способа существования и жизни вместе*, некорректно и не используется в качестве термина.

В сегодняшних условиях восстановительное правосудие реализуется как все вышеперечисленное: социальная служба, смена парадигм, социальное движение, движение за социальную справедливость и холистический образ жизни. Некоторые относятся к восстановительному правосудию как к инструменту для возмещения межличностного вреда, который не встроено в структурный и исторический анализ неравенства. В то же время усиливается стремление к тому, чтобы восстановительное правосудие стало движением за социальную справедливость.

Чему мы научились у других движений за реформы уголовного правосудия?

Изучение восстановительного правосудия в свете движений за реформы уголовного правосудия в истории США может оказаться полезным. Доктор Дана Грин (2003 и 2013) провела прорывное исследование, где восстановительное правосудие сопоставляется с тремя главными попытками реформ в США: движения за реформу пенитенциарной системы, реформу обращения с

взрослыми преступниками и реформу условно-досрочного освобождения. Вывод, к которому она пришла, поразителен. Каждая из этих импульсных реформ в сравнении с восстановительным правосудием была в той же степени актуальна, хорошо представляема, сформулирована популистским языком, и были разработаны проекты/программы для апробации идей соответствующих инноваций. Однако каждое из этих масштабных движений, в отличие от восстановительного правосудия, невольно в течение десятилетия, с момента начала, послужили расширению сегодняшней уголовно-правовой системы и социального контроля.

Почему? По мнению Грин, существует два обстоятельства, которые препятствовали полному поглощению восстановительного правосудия государственной системой. Во-первых, восстановительное правосудие дало возможность участия в процессе пострадавшим/потерпевшим (сообществам, которым был причинен вред), в то время как другие три движения сконцентрировались по большей части только на лице, совершившем преступление. Во-вторых, все три указанных выше движения в течение десятилетнего периода их существования были закреплены в более широком, комплексном законодательстве на национальном уровне, в то время как восстановительное правосудие не было закреплено и поэтому получило возможность сохранить свою самостоятельность и инновационное выражение, пусть даже и в неопределенном статусе. Центральная роль голоса потерпевшего/пострадавшего и отсутствие единого национального законодательства являются двумя отличиями, которые привели к тому, что восстановительное правосудие стало социальным движением, а не элементом доминирующей уголовно-правовой системы. По мере разрастания движения следует иметь в виду данные различия.

Как мы формируем и укрепляем движение за восстановительное правосудие?

1. Зарисовка из теории социального движения

В целом теория социальных движений указывает на набор решающих факторов, которые управляют успешными социальными движениями. Они сосредоточены вокруг следующих элементов: готовность использовать политическую возможность, возможность мобилизации как человеческих, так и материальных ресурсов и выработка рамочного социально привлекательного месседжа (социального нарратива). Основываясь

на этих трех столпах, восстановительное правосудие может быть определено как быстро развивающееся социальное движение.

- a. **Политическая возможность.** США и весь мир в целом переживают нестабильный момент в истории. Институты *status quo* в современном национальном государстве, такие как правосудие, образование, экономика и управление сейчас подвергаются критике и фундаментальным изменениям. Конкурирующие между собой движения в ситуации глубокой напряженности антиправительственной риторики (как со стороны правых, так и со стороны левых политических позиций) призывают к радикальным изменениям. Движение восстановительного правосудия и его призыв к изменению нашего понимания, взаимоотношений и структур, обеспечивающих уголовно-правовую, социальную и культурную справедливость, очень кстати заполняет этот пробел.
- b. **Мобилизация ресурсов.** Впервые крупные спонсоры юстиции ставят вопросы о долгосрочном обеспечении ресурсами и о системном влиянии финансирования. Сфера восстановительного правосудия развивается с опорой на теорию, исследования и законодательную политику, пересекаясь с широким кругом профессиональных дисциплин и областей практики в значительно большей степени, чем какая-нибудь еще область когда бы то ни было.
- c. **Рамочный социально привлекательный месседж.** Никогда прежде мы не видели такого повышенного интереса практикующих специалистов, преподавателей, политиков, активистов, общественных деятелей, религиозных и медийных лидеров к восстановительному правосудию. Новые сферы применения и соответствующие дискурсы социальных нарративов формируются в ориентации на целостные изменения школьной сферы, работу с последствиями причинения травм, развитие сообществ, политику по защите окружающей среды и переход от состояния войны к миру.

Все перечисленные выше пункты указывают на «критическую массу» или «переломный» момент во времени (Gladwell, 2012), где вероятнее всего произойдут комплексные культурные изменения. Социальная трансформация в таком

масштабе требует, чтобы мы систематически оценивали ситуацию в ее контексте, развивали связи и структуры социального капитала с целью дать возможность постоянному потоку «обратной связи» в целях осуществления осмысленной практики и чтобы мы смогли себя идентифицировать и хотели работать с целью улучшения без преград в будущем. Новые науки о возникающих адаптивных системах (EAS) помогают нам понять динамику социальных движений. Доктор Гленда Эоянг и ее работа «Динамика человеческих систем» (HSD) рекомендует всем, кто хочет проводить эффективные трансформации систем, размышлять, ставить под сомнение и менять:

- **опоры** (культурные и структурные), которые удерживают систему;
- **различия**, которые определяются и укрепляются в рамках системы;
- **взаимоотношения** (материальные и нематериальные), которые встроены в систему и принимаются в ней как само собой разумеющиеся.

2. Воплощая ценности социальной справедливости

Для того что восстановительное правосудие стало настоящим активным движением за социальную справедливость, ниже следуют как минимум шесть его характеристик, которые должны быть реализованы:

- a. Интеграция народов, которые наиболее затронуты ситуацией несправедливости (тех, кому был причинен вред, и причинителей вреда, семейных связей и общественных объединений) и придания особого значения их опыту и мудрости;
- b. Противодействие распространённому восприятию восстановительного правосудия как «быстрого инструмента исправления неполадок» и/или законодательства, принятого в результате политического компромисса, которое часто ведет к имплементации восстановительного правосудия в институциональные системы и принудительному формализму;
- c. Внимание к работе с расовой и этнической несправедливостью и исцелением от исторического вреда, причиненного в результате колонизации в этой стране и по всему миру;
- d. Определение способов трансформации персональной, социальной и структур-

ной жестокости и всех пересекающихся взаимоотношений, которые образуют сеть человеческой справедливости;

- e. Поддержка деинституционализации, децентрализации организационных структур и подхода «снизу-вверх» для обеспечения процессов по достижению справедливости;
- f. Демонстрация распространенных и самостоятельных лидерских моделей и функций.

Соединение всех этих важных элементов будет важным, если восстановительное правосудие будет трансформировано в подлинное движение за социальную справедливость и в долгосрочной перспективе останется надежным и устойчивым.

Источники

- Davis, F., & Scharar, J. (2017). "Reimagining and Restoring Justice: Toward a Truth and Reconciliation Process to Transform Violence Against African-Americans in the United States," in Silver, M. (ed.) *Transforming Justice, Lawyers and the Practice of Law*. Durham, NC: Carolina Academic Press.
- Eoyang, G. (2001). *Conditions for Self-Organizing in Human Systems* (unpublished doctoral dissertation). The Union Institute and University, Cincinnati, OH.
- Ginwright, S. (2016). *Hope and Healing in Urban Education – How urban activists and teachers are reclaiming matters of the heart*. New York and London: Routledge Press.
- Gladwell, M. (2002). *The Tipping Point*. ABACUS Publishers.
- Greene, D. (2013). "Repeat performance: is restorative justice another good reform gone bad?" in *Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social, and Restorative Justice*, 16:3, 359–390.
- Hooker, D. (2016). *The Little Book of Transformative Community Conferencing*. New York, NY: Good Books.
- Kahane, A. (2012). *Transformative Scenario Planning*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers, Inc.
- Kuhns, T. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Zehr, H. (1990). *Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice*. Scottsdale, PA: Herald Press.

Примечания

1 Итоговый доклад был опубликован на сайте института восстановительного правосудия имени Х. Зера: <http://zehr-institute.org/publication/restorative-justice-listening-project/>. Перевод Ольги Киселевой под ред. Людмилы Карнозовой.

2 «*Fromthebottom-up*» – имеется в виду проведение изменений по инициативе общества и вовлечение в них органы власти. – *Прим. перев.*

Навахо – индейский народ, одна из крупнейших индейских резерваций на территории США, полуавтономное государственное образование. Занимает площадь 67 тысяч км² на северо-востоке штата Аризона, юго-востоке штата Юта и северо-западе штата Нью-Мексико. Исторические земли навахо известны под названием Динета или Динетах. В настоящее время большинство индейцев навахо (около 60 % от общего числа) проживают на территории полуавтономной резервации, известной как Нация навахо. – *Прим. перев.*

Актор – действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других. – *Прим. перев.*

Термин К-12 означает начальное и среднее образование в Индии, США, Канаде, Эквадоре, Южной Корее, Турции, Филиппинах, Египте, Австралии, Афганистане и Иране. – *Прим. перев.*

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Карнозова Людмила Михайловна,

доцент кафедры судебной власти НИУ ВШЭ;

ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН 1996–2018 гг.;

руководитель направления «Программы восстановительного правосудия по уголовным делам»

МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»,

karnozova@yandex.ru

Проекты по восстановительному правосудию (ВП) в России начались в 1997 г. Так что сегодня мы говорим о двадцатилетней истории этого движения в нашей стране. Практический опыт и связанные с ним рефлексивные размышления, а не только теоретические соображения, позволяют подтвердить первоначальные положения пионеров восстановительного правосудия, что ВП – это новая парадигма (Х. Зер). Парадигмальный характер новизны ВП предопределяет сложность процессов реализации и институционализации.

Становление практики в России

Первой организацией, которая инициировала проведение программ восстановительного правосудия, то есть медиации между жертвой и правонарушителем, а также теоретические и методические разработки и подготовку специалистов в этой области, является общественный центр «Судебно-правовая реформа». Сегодня эта деятельность продолжается Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации (создана в 2009 г.), которая включает представителей около 30 российских регионов. Ассоциацией приняты стандарты восстановительной медиации, рекомендованные для реализации на территории России в уголовной юстиции, системе образования, учреждениях молодежной политики, социальной защиты и пр.¹.

Проведение восстановительных программ началось с правосудия по делам в отношении несовершеннолетних. Разработаны и реализованы организационно-правовые схемы использования восстановительных процедур, модель восстановительной медиации, чтобы, в частности, отгра-

ничить ее от медиации по гражданским спорам (из сферы альтернативного разрешения споров – АРС). Восстановительные программы стали применяться и в других ситуациях с участием несовершеннолетних: в реагировании на общественно опасные деяния детей, не достигших возраста уголовной ответственности, на административные правонарушения с причинением вреда (мелкие хищения, побои, порча имущества), а также при урегулировании школьных и семейных конфликтов/проблемных ситуаций, где затронуты интересы несовершеннолетних. Разработаны отечественные варианты моделей проведения кругов сообществ и семейных конференций².

Сегодня в мире во множестве публикаций обсуждается содержание понятия ВП: идет ли речь об «альтернативном правосудии» в целом или об отдельных программах? в каких случаях разного рода программы с правонарушителями можно называть «восстановительными»? относится ли это понятие к формам работы за пределами программ с правонарушениями?³. Поскольку в России исходной областью применения восстановительных программ стало уголовное правосудие по делам в отношении несовершеннолетних, естественно дальше встал вопрос о предотвращении детских преступлений, благодаря чему восстановительные программы распространились на школьные конфликты/проблемные ситуации, а затем и на работу с семьями. Поэтому стал использоваться более широкий термин «восстановительные программы» (или «восстановительные практики»), которым охватываются и «программы восстановительного правосудия»; последние мы относим к ситуациям правонарушений. Что же касается термина «восстановительное правосудие», он от-

носится к *парадигме*, и в этом смысле обозначает ценностную и понятийную *платформу для всех этих практик*. Для нас указанные различия являются рабочими и позволяют двигаться в развитии восстановительных практик, методик и теоретических обсуждений. Однако вопрос о терминологии нельзя считать исчерпанным, в частности, в силу необходимости законодательного закрепления восстановительных практик, а следовательно, включения соответствующих понятий в юридический тезаурус.

Организационной формой для реализации восстановительных программ являются *службы примирения*. Службы подразделяются на *территориальные (ТСП)* и *школьные (ШСП)*. ШСП представляет собой команду взрослых и школьников, которая занимается разрешением внутришкольных конфликтов. ТСП занимаются проведением восстановительных программ по правонарушениям, совершенным несовершеннолетними, а также по семейным конфликтным/проблемным ситуациям, которые касаются несовершеннолетних (или с их участием).

Одним из важных механизмов, помогающих удержать качественное управление восстановительными практиками, является мониторинг. Специалистами центра «Судебно-правовая реформа» разработана методика, на основе которой региональные координаторы Всероссийской ассоциации восстановительной медиации ежегодно собирают данные о деятельности служб примирения, специалисты которых входят в ассоциацию. Мониторингом охвачено около 30 регионов (то есть он не содержит общероссийских данных). Особенностью мониторинга является то, что он включает как совокупность количественных показателей, так и качественный анализ, где основное место занимает осмысление проведенных восстановительных программ с точки зрения их *соответствия ценностям и целям восстановительного правосудия*.

Данные мониторинга в целом свидетельствуют о росте количественных показателей восстановительных практик.

Количество ТСП: 2014 г. – 41; 2015 г. – 74; 2016 г. – 102. Количество завершенных программ: 2014 г. – 568; 2015 г. – 690; 2016 – 1904.

Количество ШСП: 2014 г. – 630; 2015 г. – 521; 2016 г. – 1531. Количество завершенных программ: 2014 г. – 3063; 2015 г. – 3059; 2016 г. – 5471⁴.

Противоречия и проблемы

При общем росте количества служб примирения и проведенных программ практику нельзя назвать устойчивой. В одних случаях службы примирения вообще прекращают деятельность, в других – перестают проводить программы по уголовным делам, иные вовсе не начинают подобную работу. В суммарных данных снижение активности одних служб нивелируется растущими показателями других. Тот факт, что восстановительные практики расширяются, но не обрели устойчивого характера, обусловлен сосуществованием ряда противоречивых обстоятельств.

Отсутствие специального законодательства. В России нет закона об использовании программ ВП. Но реализация практических форм ВП допустима только при их легализации. Так, в работе с правонарушениями (в особенности с преступлениями) речь идет об использовании восстановительных программ в сфере публичного права, а следовательно, «незаконное вмешательство» в официальные процедуры невозможно. Но и другие сферы (такие как образование и социальная защита) жестко юридизированы, так что включение сюда восстановительных программ тоже требует нормативных обоснований.

Тем не менее, восстановительные практики реализуются за счет *специфической интерпретации имеющегося законодательства*.

Если взять уголовно-правовую сферу, то общемировые тенденции развития альтернатив по уголовным делам входят в законодательство и практику уголовного правосудия России. Возможность использования программ ВП по уголовным делам обусловлена наличием в законодательстве норм о праве суда или следователя прекратить дело против обвиняемого в случае заглаживания им вреда и примирения с потерпевшим. Это прогрессивные нормы уголовного (ст. 76 УК РФ) и, соответственно, уголовно-процессуального закона (ст. 25 УПК РФ), они распространяются на большой массив дел: речь идет о преступлениях, наказания за которые предусматривают до 5 лет лишения свободы, если совершены впервые. Если дело не подлежит прекращению, заглаживание вреда служит смягчающим обстоятельством при назначении наказания. Причем эти нормы касаются не только несовершеннолетних, но и взрослых обвиняемых.

Однако в законодательстве не названы процедуры, обеспечивающие возмещение вреда и примирение сторон. С одной стороны, это позволяет сторонам использовать любые не запрещенные законом способы, но, с другой, официальное инфор-

мирование или направление сторон на программы ВП оказываются почти невозможными. В уголовном законодательстве есть термин «примирение», но нет «медиации» (восстановительных программ). Одновременно в России действует Закон о медиации как альтернативной процедуре урегулирования гражданско-правовых споров, но он не распространяется на уголовные дела, что многими судьями трактуется как *запрет* на медиацию в уголовной юстиции. Указанными обстоятельствами объясняется мизерное использование в России медиации по уголовным делам взрослых, хотя само прекращение дел за примирением сторон активно используется судами. Что же касается несовершеннолетних, то возможность применения медиации между обвиняемым и потерпевшим появилась в связи с ратификацией Конвенции ООН о правах ребенка и приведением отечественного правосудия по делам несовершеннолетних в соответствие с международными стандартами в этой области. В этот процесс удалось включить ВП как современный тренд развития детского правосудия.

Экспериментальные площадки по формированию организационно-правовых моделей восстановительной работы с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом, созданы там, где нашлись энтузиасты. Территориальные службы примирения создаются на основе региональных нормативных документов. *Однако в отсутствие специального законодательства распространение восстановительных практик остается затруднительным.* Отсюда вытекает и вторая проблема: *отсутствие механизмов закрепления и институционализации новых форм работы*⁵. Устойчивость практики на той или иной территории зависит от позиции людей, наделенных достаточными полномочиями, с их уходом она может прекратиться.

Проведенный в 2016 г. опрос судов по вопросам реализации восстановительного правосудия показал, что большинство судей положительно относятся к ВП в работе с несовершеннолетними, но готовность использования восстановительных программ связывается с принятием соответствующего закона⁶.

Государственная политика в сфере детства. В течение 15 лет восстановительное правосудие в России развивалось как общественное движение. Но в 2012 г. была принята Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг., которой предусмотрено создание и развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного подхода.

В результате официального признания общественное движение получило серьезную государ-

ственную поддержку. Началось активное продвижение восстановительных практик «сверху» при всех плюсах и минусах такого процесса. С одной стороны, восстановительное правосудие вошло в повестку дня деятельности ключевых ведомств в сфере детства, с другой – обнаружился разрыв между дискурсом специалистов в области восстановительного правосудия и официальными представлениями.

Наиболее интенсивно процесс коснулся школ. Административное усердие привело поначалу к решениям об обязательном внедрении «служб медиации», незаметно язык восстановительного правосудия стал меняться на язык Закона о медиации для урегулирования гражданско-правовых споров, не соответствующем восстановительным практикам⁷.

Но одновременно Всероссийская ассоциация восстановительной медиации продолжала продвигать восстановительную модель в разных регионах, и Министерство образования направило в школы рекомендации, позволяющие создавать как «службы медиации», так и «службы примирения», базирующиеся на восстановительной модели. А в 2017 г. Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования РФ разработаны и направлены в регионы Методические рекомендации по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций (от 26.12.2017 г). Можно надеяться, что это существенно повлияет на развитие восстановительных практик.

Что же касается деятельности ТСП по проведению программ восстановительного правосудия между жертвой и несовершеннолетним правонарушителем, то здесь ситуация оказывается значительно сложнее. Запланированная правительством разработка к 2017 г. специального закона, призванного легализовать эти процедуры, так и не была осуществлена: в предложенных законопроектах проявилась парадигмальная чужеродность восстановительного подхода по отношению к общепринятым юридическим представлениям, использование восстановительных программ до сих пор не нашло адекватных юридических форм.

Восстановительное правосудие и «права человека». Можно обнаружить, как минимум, два аспекта противопоставления восстановительного подхода доминирующему юридическому дискурсу. Первый мы привычно связываем с оппозицией восстановительного и карательного подходов, и этому посвящен основной массив публикаций по восстановительному правосудию. Но обратим внимание еще на один момент. Как правило, обо-

снованием имплементации восстановительного правосудия в правовые системы служит ссылка на идею прав человека. Ценностные основания такой связи очевидны. Однако практики и дискурсы «защиты прав человека» и ВП существенно *отличаются*. Гуманистическая идея «прав человека» превратилась в юридические конструкции, и тем самым произошло их отчуждение от человека; дискурс «прав человека» реализуется в практиках борьбы и «отстаивания прав»⁸, в форме состязательного правосудия, в то время как ВП ориентировано на непосредственный диалог людей, затронутых преступлением (либо иной сложной ситуацией), взаимопонимание и принятие совместных решений (но эти «права» не зафиксированы в законах). ВП возвращает людям субъектность и установку на диалог, что расходится с привычным способом защиты прав человека в официальных структурах.

Парадокс состоит в том, что реализация ВП требует правового обеспечения. И права человека являются величайшим завоеванием в процессе долгого развития права, пренебрежение ими всегда вели к страшным катастрофам, произволу и отходу от целей справедливости. И здесь возникает серьезная задача формализации языка ВП без утери особенностей его содержания. Но одновременно речь идет о необходимости развития самого правового дискурса, нового правового мышления.

Инфраструктура восстановительных программ и вопросы управления. Одновременно официальное продвижение ВП открыло ворота к формированию восстановительных практик в тех структурах, где прежде это было невозможно. В качестве примера можно привести восстановительные программы в закрытых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. Масштаб этой работы пока невелик, но ее значение чрезвычайно важно. Модели такой работы, учитывающие специфику закрытых учреждений, разработаны по двум видам программ. Первая: восстановительная медиация жертвы и правонарушителя – воспитанника закрытого учреждения. Медиация проводится с помощью писем, а по возвращении воспитанника домой проводятся очные встречи с жертвой. Вторая программа – семейная конференция, нацеленная на урегулирование сложных семейных ситуаций воспитанников и создание благоприятных условий для их дальнейшей ресоциализации.

С самого достижение положительных результатов восстановительных программ мы увязывали с необходимостью социальной и реабилитационной работы с несовершеннолетними

правонарушителями, а иногда и жертвами. Но новые области использования более отчетливо поставили вопрос о формировании адекватной инфраструктуры восстановительных практик. Когда несовершеннолетний возвращается из закрытых учреждений, он нуждается в социальной поддержке не только родственников (а семьи таких подростков зачастую очень сложные), но и остальных субъектов системы профилактики, которые должны быть ориентированы на поддержку, контроль и, при необходимости, корректировку выполнения договоренностей, достигнутых на восстановительных встречах. Это значит, что полноценная реализация восстановительного подхода не исчерпывается только проведением восстановительных программ (в привычном смысле, т.е. медиации или семейной конференции). Формирование восстановительной инфраструктуры – следующий шаг развития восстановительной парадигмы, требующий новых управленческих технологий и соответствующей системы понятий в деятельности структур системы профилактики.

Подготовка специалистов. В работе с несовершеннолетними в трудной жизненной ситуации доминирует административно-карательный либо, в лучшем случае, реабилитационный подход. Но когда ВП внедряется сверху, появляется соблазн назвать прежние способы работы «восстановительными». Неявно предполагается, что работа психолога или социального педагога априорно является восстановительной, хотя это не так.

Сегодня будущих ведущих обучают на курсах переподготовки, *преодолевая подходы, которые усвоены ими на студенческой скамье*. При этом требуется адекватная подготовка (переподготовка) не только ведущих восстановительных программ, но и специалистов других служб. В перспективе именно восстановительный подход должен стать базовой концепцией социально-гуманитарного образования.

Проблемы – не тупик, а программа действий

Осознавая сложность и длительность процессов, связанных с социальным признанием новых практик, восстановительное сообщество наряду с проведением восстановительных программ выстраивает многомерную инфраструктуру в целях институционализации этой деятельности. Для этого требуется работа в разных направлениях:

- совершенствование системы показателей, форм мониторинга и оценки эффективности восстановительных практик;

- анализ восстановительных практик;
- разработка и проведение исследовательских программ;
- анализ мирового опыта в области восстановительных практик;
- изучение и включение в собственную концептуальную работу социологических, социально-философских и теоретико-правовых работ, посвященных проблемам правосудия, социальной справедливости, воспитания;
- изучение и использование элементов традиционных практик примирения;
- развитие концепций и технологий проведения восстановительных программ, адекватных российским реалиям;
- поддержка создания школьных служб примирения и восстановительно-ориентированных практик в системе образования;
- разработка нормативно-правовых и организационных регламентов использования восстановительных программ в реагировании на криминальные и квазикриминальные ситуации;
- разработка нормативно-правовых и организационных регламентов использования восстановительных программ в работе с семьями в социально опасном положении;
- развитие понятийной системы и языка восстановительных практик;
- ведение образовательных программ, направленных на подготовку ведущих, а также на создание и поддержку служб примирения;
- ведение образовательных курсов в вузах, готовящих юристов, педагогов, психологов, социальных работников и других специалистов социально-гуманитарной сферы для привлечения современных профессионалов в сферу восстановительного правосудия;
- укрепление всероссийской и региональных ассоциаций восстановительной медиации.

Примечания

- 1 Стандарты восстановительной медиации. <http://sprc.ru>
- 2 Разработки представлены в Вестниках восстановительной юстиции и других материалах в открытом доступе на сайтах центра «Судебно-правовая реформа» <http://sprc.ru> и <http://www.школьные-службы-примирения.рф/>
- 3 См. в настоящем выпуске: Вуд У. Р., Сузуки М. Четыре вызова будущему восстановительного правосудия.
- 4 Более подробно данные мониторинга деятельности ТСП и ШСП см. в предыдущих выпусках Вестника восстановительной юстиции; данные за 2017 г. тоже показывают рост количественных показателей и представлены в настоящем выпуске Вестника.
- 5 В работе Вуда и Сузуки (см. настоящий выпуск) проблемы институционализации ВП связываются авторами с тем, что она рассматривается как включение восстановительных программ в уже существующие формы работы либо как переименование старых практик в восстановительные. Подобная опасность есть и в России, однако мы подразумеваем под институционализацией восстановительных практик закрепление соответствующей деятельности в формах, обеспечивающих аутентичность ВП.
- 6 Опрос проведен Рабочей группой при Совете судей Российской Федерации по вопросам дружественного к ребенку правосудия в системе правосудия РФ. Опрос проведен при взаимодействии с центром «Судебно-правовая реформа» в рамках проекта «Дружественное к ребенку правосудие: развитие практик защиты прав несовершеннолетних с помощью восстановительных программ в Российской Федерации», 2016.
- 7 Карнозова Л.М. Различение медиации в рамках восстановительного правосудия и медиации из сферы урегулирования частноправовых споров // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 12. 2015. С. 4–9.
- 8 Впервые это суждение я услышала от правозащитника, писателя и главного редактора журнала «Неволя» Наума Нима. Он обсуждал эти вопросы в другом контексте, а именно, с точки зрения более эффективных форм защиты прав заключенных. Однако фокусировка на специфике дискурса «прав человека» представляется не менее важной и для лучшего понимания специфики дискурса, ценностей и практик ВП.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В СИТУАЦИЯХ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ¹

Максудов Рустем Рамзиевич,

президент МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»,
председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации,
makcrane@mail.ru

Р.Р. Максудов. Здравствуйте, уважаемые участники. Разрешите мне начать обсуждение программы восстановительного правосудия в работе по предотвращению насилия в семье.

Итак, начнем с истоков постановки темы. Наверняка вы слышали о московских центрах «Сестры», «Анна», может быть кто-то из вас проходил в них обучение. Когда мы начинали свою работу 20 лет назад, мы встречались с представителями этих центров, но они были категорически против применения восстановительного подхода в работе с насилием в семье² и под этим действительно есть основания. Когда женщины, подвергающиеся насилию в семье, подают заявление, представители органов внутренних дел часто отказываются принимать их, потому что на следующий день многие из женщин умоляют не возбуждать уголовное дело. И это является следствием цикла насилия³.

Единственным выходом многие специалисты по насилию в семье считают, и нельзя сказать, что это обосновательно, что в этих случаях нужно дать женщине возможность построить собственную жизнь, покинуть насильника и выстраивать свою жизнь, свободную от насилия. Нужно помочь ей в социальном плане решить вопросы с жильём, детьми, найти работу. Нужна помощь и специалиста по социальной работе, психолога и, соответственно, необходимы кризисные центры, приюты, где будут работать обученные специалисты, помогающие женщинам. В этом, на мой взгляд, идеология, это очень важно и об этом мы будем говорить. Помощь женщинам оказывают в основном женщины, помощь мужчинам также оказывают в основном женщины. В центрах для мужчин работают женщины. Я не знаю, какая си-

туация у вас. Работают ли мужчины в кризисном центре для женщин и женщины в кризисном центре для мужчин?

Специалист кризисного центра для мужчин. В кризисном центре для мужчин наравне с женщинами помощь оказывают и мужчины. Женщин, конечно, больше, соотношение примерно 25% мужчин и 75% женщин. У нас в центре для женщин есть мужчины. Двое мужчин.

Р.Р. Максудов. Сколько у вас остального персонала?

Ю.А. Ковалева. В штате 24 человека: 22 женщины и 2 мужчины.

Р.Р. Максудов. У меня такой вопрос. Разделяете ли вы точку зрения, что в случаях насилия, я сейчас не оценочно это обсуждаю, а в принципе, в случаях насилия в семье, я имею в виду мужчин против женщин, самое главное – добиться оставления женщиной насильника, а также возбуждения уголовного дела? Мужчина должен быть наказан, а женщина освободиться и начать строить свою жизнь, свободную и от этого мужчины, и от актов насилия.

Специалист кризисного центра для мужчин. Конкретно такая методика и используется. Женщина размещается в приюте, где бы она могла ночевать, жить, а также получать юридические и другие виды услуг. В рамках работы психолога акцент делается на снятие ограничивающих убеждений, перестройку, чтобы стать автономными партнерами, расторгнуть брак или остаться в нём. Если есть несовершеннолетние дети, мы строим работу так, чтобы они не утратили ни отца, ни мать.

Р.Р. Максудов. То есть правильно я вас услышал: вы допускаете, что брак может быть со-

хранён? Какие условия для сохранения брака вы считаете необходимыми?

Специалист кризисного центра для мужчин. Ресурсы, которыми мы обладаем, с чем мы можем работать для сохранения психологического равновесия. Мы работаем и с мужчиной, и с женщиной. Мы работаем с семьей.

Р.Р. Максудов. Когда вы говорите про ограничивающие убеждения, правильно ли я понял, что вы используете идеи Дженкинса, его работу «Приглашение к ответственности»⁴?

Специалист кризисного центра для мужчин. Да.

Р.Р. Максудов. Скажите, пожалуйста, а у вас был успешный опыт работы с мужчинами, которые признавали ответственность за то, что они сделали, меняли свое поведение и, тем самым, сохранялся брак?

Специалист кризисного центра для мужчин. Да, такое тоже было. Работа велась с семьей, которая находилась в процессе развода. Сейчас супруги живут раздельно, но общаются и продолжают посещать психолога.

Р.Р. Максудов. Они живут раздельно? Вы делаете некоторую диагностику ситуации, потом понимаете, есть ли условия для совместной жизни, свободной от насилия?

Специалист кризисного центра для мужчин. Решение быть ли вместе, на одной территории, остается за ними. Супруги сами это регулируют.

Р.Р. Максудов. А вы в этом какую-то роль играете? Вы можете, например, сказать: «Мы, как специалисты, считаем, что сейчас можно жить вместе» или: «Есть угроза».

Специалист кризисного центра для мужчин. Директивные рекомендации мы не даем, выбор всегда делает семья.

Р.Р. Максудов. А были случаи, когда клиенты сделали выбор жить вместе, а акты насилия продолжались?

Специалист кризисного центра для мужчин. Да, такое было.

Р.Р. Максудов. Как вы с этим работаете?

Специалист кризисного центра для мужчин. Проговариваем ситуацию, слушаем мнения обеих сторон. Работаем с техниками прощения, чтобы снять напряжение и ответственность. Работаем на осознание ситуации, которая случилась, с каждой стороной.

Р.Р. Максудов. Да, это важный момент. В нашем сообществе не было группы, которая занималась бы этим на протяжении многих лет⁵, и это меня сподвигло начать разбираться с этой темой. Я пришел к выводу, что нужно не просто прово-

дить тренинги по восстановительному правосудию, внутри которых обсуждать насилие в семье, а нужен специализированный цикл семинаров-тренингов, где обсуждались бы функции и роль программ восстановительного правосудия. Непосредственным поводом к постановке этой темы было проведение мною тренинга в Туле в кризисном центре помощи женщинам, который возглавляет Эвелина Борисовна Шубинская. Во время проведения тренинга я лицом к лицу столкнулся с этой темой. В процессе размышлений я понял всю степень ее сложности, и просто сказать: «Давайте обучимся и будем использовать программу восстановительного правосудия», – слишком самонадеянно.

Не то чтобы я настаивал на проведении программ восстановительного правосудия. Вполне возможно, что ресурсов, которые у вас есть, хватает, чтобы использовать ваши техники, не прибегая к другим. Я просто делюсь опытом моей работы. Это был вызов мне как тренеру и я, так или иначе, возвращался к этой теме в разных ситуациях. Это ведь то, чем я занимаюсь уже 20 лет, я имею в виду медиацию жертвы и правонарушителя, семейные конференции, круги сообщества. Насилие – это преступление, когда человек избивает другого человека – это преступление, поэтому мне помог опыт нашей работы со случаями насильственных преступлений.

Но поскольку семья – это закрытая система, то в ней есть сильная взаимозависимость. И, соответственно, важно понимать специфику проведения программ восстановительного правосудия, связанных именно с актами насилия в семье. В конце третьего дня на тренинге я стал размышлять, как выстраивать программу восстановительного правосудия. Я рассматриваю это как возможное направление деятельности. В нашем сообществе оно может развиваться с приглашением специалистов, желающих работать в этом направлении из разных регионов, как, например, Архангельская область. На всероссийской конференции рассматривался случай проведения медиации между отцом и сыном (отец бил сына), тема насилия над детьми так или иначе обсуждается. Но тема насилия мужчины над женщиной, особенно в семьях, где нет детей, отдельно не поднималась, потому что центры социальной помощи нацелены на помощь несовершеннолетним, на работу именно с детьми, и семья затрагивается постольку, поскольку решается судьба ребенка. Есть ли ко мне вопросы?

Специалист кризисного центра для женщин. Я немного не поняла. Мы сейчас говорим о восстановительном подходе в работе с семейным

насилием. У нас уже реализуется программа по работе с семейным насилием. Что же восстановительный подход может внести нового в нашу деятельность?

Р.Р. Максудов. Я об этом и размышлял, чтобы вы понимали контекст моих размышлений.

Специалист кризисного центра для женщин. Не будет ли этот подход нарушать право на неприкосновенность? Мы не можем оставить женщину в ситуации насилия.

Р.Р. Максудов. Говоря о ситуации насилия, мы не снимаем ответственности с обидчика, мы должны предотвратить насилие. Но если мы уходим от понятия насилия и превращаем его в конфликт, то снимаем ответственность с обидчика. Поэтому если понимать работу в рамках классической модели медиации, то будут большие риски в плане ответственности. Важно понимать, учитывает ли восстановительный подход специфику этой ситуации.

Л.С. Раченкова. На мой взгляд, ситуация немножечко неясная. Надо сначала договориться, что такое восстановительный подход. Насколько я понимаю, феминистки сейчас против этого подхода. Они за то, чтобы помочь женщине уйти от насильника. Если мы говорим о помощи, то здесь восстановительного подхода нет. Восстановительный подход предполагает, что личность должна сама делать первые шаги к восстановлению, прежде всего, собственного я. Для этого и существуют эти технологии в рамках восстановительного подхода. Если говорить, что такое восстановительный подход в рамках работы с насилием, то здесь нет никакого противоречия, мы всегда говорим, что человек сам учится, сам лечится, сам выбирает свою судьбу, сам должен решать свои проблемы. Конечно, в этом нужно разобраться. Для меня эта тема новая. Если мы говорим о человеке, который сам восстанавливается, сам принимает решение, то мне кажется, что это универсальный механизм, чтобы выйти из любой ситуации.

Р.Р. Максудов. Лариса, Вы ставите очень важные вопросы. Только смущает термин «восстановительный». Когда специалисты центра помощи семье, кризисные центры помощи женщинам, возможно, кризисные центры помощи мужчинам помогают, они же могут сказать: «Так мы тоже помогаем восстанавливать собственное я, восстанавливать автономность, помогаем в принятии решений и ответственности за себя и свою жизнь, не просто еду покупаем. Мы помогаем восстановить именно социально-психологическое состояние женщины. Чтобы женщина взяла ответственность в свои руки и сама начала выстраивать свою жизнь».

Так что здесь непростой вопрос. Цель восстановительного подхода в ситуациях совершения преступлений – изменить способ реагирования на ситуацию, в том числе и правоохранительных органов. Включение в орбиту правосудия восстановительных программ помогает правонарушителям принять ответственность и загладить вред. Мы начинаем использовать эту идею для других ситуаций, пытаемся понять, как использовать ее для таких очень специфических ситуаций, как насилие в семье мужчин над женщинами. Вот здесь я вижу определенную сложность и необходимость наших дальнейших размышлений и работ.

Л.С. Раченкова. Да, наверное, есть определенная специфика, но есть и точки соприкосновения. Ведь в ситуациях преступлений, а вы проговорили, что насилие – это тоже преступление, отрабатывать нужно с обеими сторонами. Чтобы мужчина брал на себя ответственность за ситуацию, речь идет о технологическом инструментарии.

Р.Р. Максудов. Совершенно верно. Сейчас я постараюсь описать вам первоначальную конструкцию. Жаль, не могу рисовать, я ее просто выскажу. Итак, у нас есть фигуры акта насилия. У нас есть мужчина и женщина, а также кризисные центры, которые помогают женщинам. Первое, что происходит, это обращение женщины в центр. Я не знаю о случаях, когда бы мужчина первым обращался за помощью. Возможно, они есть.

Специалист кризисного центра для мужчин. Да, такие случаи есть.

Р.Р. Максудов. Сколько их у вас было за вашу практику?

Специалист кризисного центра для мужчин. За последний год 3 обращения.

Р.Р. Максудов. Мужчины сами обращались?

Специалист кризисного центра для мужчин. Да.

Р.Р. Максудов. Они обращались в связи с тем, что от них уходили жены? А жены при этом не обращались?

Специалист кризисного центра для мужчин. Мы всегда работаем с семьей.

Р.Р. Максудов. Я имею в виду первоначальный импульс.

Специалист кризисного центра для мужчин. Они могут прийти вместе. В числе трех случаев за год были случаи, когда семья приходила вместе и когда мужчина обращался сам, но направляла его женщина, сказав, что такой центр есть, что она там была с ребенком и ему там помогут.

Р.Р. Максудов. На основании сказанного вами я буду дорабатывать свою схему. И так, есть обращения мужчины и женщины в кризисные центры. В этих ситуациях действительно может быть развилка, заключающаяся в том, что работа может происходить только с женщиной или только с мужчиной, или и с женщиной, и с мужчиной вместе. Важность заключается в самоопределении женщины. Исходя из этого, строится дальнейшая работа. Если он и она хотят жить вместе, необходимо работать с семьей. Возможно, если дети достигли возраста осознания, с ними тоже можно работать. Я не говорю о маленьких детях. Если мужчина признает свою ответственность, с ним начинается работа психолога. Если эта работа приводит к определенным результатам, можно провести медиацию. Медиация позволит им заключить соглашение при участии нейтрального посредника. Очень важен нейтральный посредник, потому что специалист, работающий с семьей или с женщиной и с мужчиной по отдельности, будет участвовать в медиации именно как специалист при выработке соглашения, ведь медиация направлена именно на соглашение. Очень важно прописать, если они будут жить вместе, каким образом собираются выстраивать свои отношения и, соответственно, дальнейшая работа будет заключаться в том, чтобы реализовать это соглашение. Но предварительно необходимо решить два вопроса: специалист (не медиатор) должен определить степень готовности мужчины к ответственности за свое дальнейшее поведение и способность женщины осознанно участвовать в диалоге с мужчиной. Далее медиатор может помочь им выработать соглашение, где будет четко прописано, как они совместно предотвращают ситуации, связанные с насилием. В этом я вижу роль медиации или семейной конференции с вовлечением близких. Специалистам важно понимать, как вовлечение близких поможет справиться с насилием, и тогда может быть организована семейная конференция. В нашей практике семейные конференции часто проводятся по случаям профилактики социального сиротства. Но я не вижу препятствий для обсуждения ее применения и по случаям насилия. Как минимум, медиация возможна. Очень важно проводить ее только после работы специалиста. Идея заключается в том, что нужна связка специалистов, в которой медиатор или ведущий восстановительных программ должен найти свое место. Это первое, что я хотел сказать. Вопросы, рассуждения, комментарии?

Специалист кризисного центра для мужчин. Здесь важна роль медиации не только в слу-

чае, когда люди хотят жить вместе, но и тогда, когда есть несовершеннолетние дети. У родителей есть повод встречаться, нести ответственность за жизнь и развитие ребенка, даже если они и не живут вместе.

Р.Р. Максудов. Да, у медиации могут быть разные цели, одна из них – помочь наладить совместную жизнь людей. Если они не хотят жить вместе, но есть несовершеннолетние дети, цель медиации – договориться, как будет строиться воспитание детей. Также медиация может проводиться по вопросу раздела имущества: как его поделить без конфликтов и насилия, чтобы женщина не боялась это обсуждать и отстаивать свои права. И поскольку судебный процесс может затянуться надолго, медиация даёт возможность не ждать судебных решений и не тратиться на адвокатов.

Юрист кризисного центра для женщин. Когда сторона, например, мужчина абсолютно не идет на контакт, мы можем с этим работать?

Р.Р. Максудов. Я не случайно говорил, что медиация или другие программы восстановительного правосудия имеют место только после того, когда специалист, работающий с женщиной, поймет, что тот принимает на себя ответственность. Пока этого нет, медиация просто невозможна и может быть даже вредной. А теперь важный момент. Что, если мужчина так и не признает свою ответственность? Медиация невозможна, и тут очень важна помощь специалиста в сепарации женщины, восстановлении ее чувства собственного достоинства, формировании автономности. В случае когда специалист работает с женщиной по программе восстановительного правосудия, важно собрать круг поддержки. Собирается семейная конференция или круг сообщества, чтобы поддержать женщину в этой ситуации. Чтобы не только специалисты ее поддерживали, но и близкие ей люди, социальное окружение, ведь специалист не может заменить близких. Часто бывает так, что близкие отстраняются от этого. Во-первых, им бывает стыдно за ситуацию или за мужчину, или за женщину. Во-вторых, они могут считать, что это внутренние дела семьи, пусть сами разбираются. А когда дело приобретает публичный оборот, они делегируют ответственность другим, в частности, кризисному центру. Идея восстановительного правосудия заключается в восстановлении социальных связей между людьми, способными помочь в этой ситуации. Помощь близких нужна, несмотря на нашу автономию, невозможно жить без друзей и близких. Восстановительный подход позволяет, не игнорируя ответственность женщины за свою судьбу, не

перекладывая ответственности на родственников, собираться и решать, как помочь своему близкому человеку. На тренинге мы обсуждали, как могут проводиться круги сообществ, если нет близкого окружения. Если женщина откуда-то приехала, она одна с ребёнком, ей некуда деться. В Туле, например, есть приют, практически убежище. У вас есть убежище?

Ю.А. Ковалева. Да, в кризисном центре для женщин.

Р.Р. Максудов. Да, есть возможность размещения в приюте. Когда я был в стационарном отделении в Туле, я видел, как сами женщины, находящиеся там, внутри своего коллектива формируют круг поддержки. Наша задача – помогать женщинам в создании подобных сообществ. У специалистов, оказывающих поддержку женщинам, часто складываются дружеские отношения с ними, и это хорошо. Как поддерживать спонтанно возникающие сообщества? Какую помощь нужно оказывать этим группам поддержки? Какая помощь может быть оказана через интернет? Возможно, помогать в поисках интернет-сообщества. Может и среди женщин, находящихся в ваших центрах, формируются группы, для которых можно проводить круги сообщества. На этих кругах следует обсуждать, как они будут помогать друг другу, когда выйдут из убежища.

Директор кризисного центра для женщин. У нас есть такие примеры. После выхода из убежища, если у женщин нет возможности самим снимать жилье, они делают это совместно, помогают друг другу в воспитании детей.

Р.Р. Максудов. Важно содействовать сплочению таких групп на этапе поступления женщин в кризисный центр.

Специалист из города Бийска. Рустем, бывали ли такие случаи при обращении женщины по вопросу семейного насилия, когда другая сторона имеет психическое отклонение? Может ли специалист в этом случае отказаться от проведения медиации?

Р.Р. Максудов. Это возможно в случаях, когда специалист понимает, что ни мужчина, ни женщина не берут на себя ответственность за то, что происходит.

Л.С. Раченкова. Мне показалось очень интересным, как в сельских поселениях развиваются службы примирения для взрослых. При проведении семинаров я получила информацию, что в селах спонтанно появляются некие сообщества женщин. Они помогают друг другу. Как это учесть, использовать в нашей работе? Ведь это великолепный потенциал.

Р.Р. Максудов. Я с вами согласен. Это существует. Люди друг другу помогают. Сегодня в различных регионах России происходит становление лидеров в местных сообществах, осознанно использующих восстановительные программы, например, круги сообществ, для преодоления разобщенности, укрепления связей между людьми и усиления ответственности за обустройство жизни на своей территории. Мне импонирует, как это делают Дмитрий Бондин и Вячеслав Ракитин в Липецкой области. Для меня такого рода проекты – важное направление деятельности всего нашего сообщества.

Примечания

- 1 Стенограмма обсуждения с участием представителей Алтайского края и Тульской области 18.01.2018 г.
- 2 Речь идет о ситуациях, связанных с насилием мужчин против женщин.
- 3 О цикле насилия см. https://www.b17.ru/article/r_cycle_domestic_violence/, <http://www.harmony.baikal.ru/center/cycle.htm>.
- 4 См.: <http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/%D0%90%D0%BB%D0%B0%D0%BD-%D0%94%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D1%81.%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf>
- 5 В настоящее время практика использования медиации в случаях насилия в семье существует в Архангельской области, см.: Илатовская Ольга Николаевна. «Мама, давай простим папу»// Вестник восстановительной юстиции. 20 лет восстановительному правосудию в России. 2017, № 14. С. 95–97.

ИСТОРИЯ: ТРАДИЦИИ ПРИМИРЕНИЯ

IX ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТРАДИЦИОННЫМ ПРАКТИКАМ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ И ПРИМИРЕНИЮ

Карнозова Людмила Михайловна,

доцент кафедры судебной власти НИУ ВШЭ;

ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН 1996–2018 гг.;

руководитель направления «Программы восстановительного правосудия по уголовным делам»

МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»,

karnozova@yandex.ru

21–22 марта 2018 г. на факультете права научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» прошел IX ежегодный научно-теоретический семинар, посвященный традиционным практикам разрешения конфликтов и примирению. Семинар организован общественным центром «Судебно-правовая реформа» совместно с кафедрой судебной власти факультета права.

В семинаре приняли участие 55 человек из 18 регионов Российской Федерации.

Развитие восстановительного правосудия, в истоке которого лежит «реститутивный» взгляд на то, как следует реагировать на преступление, где понятие ответственности определяется как компенсация причиненного ущерба и заглаживание вреда, стимулирует изучение традиционных практик урегулирования конфликтных и криминальных ситуаций, для которых именно такой способ является доминирующим. Соответственно, тип процедуры, характерный для традиционных практик, принципиально отличен от нынешней состязательной формы правосудия, и сегодня он воплощается в восстановительных программах, которые реализуются в диалоге всех тех, кого затрагивает случившееся, и совместном принятии решения, как будет заглажен вред.

Анализ традиций в урегулировании конфликтов и криминальных ситуаций позволяет увидеть, что практики посредничества и совместных обсуждений касаются всех значимых вопросов, связанных с жизнью сообществ, а потому такого рода формы стали в последние десятилетия прототипами не только альтернативных форм правосудия.

С докладами выступили *И.Л. Бабич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН;*

Р.Х. Камбиев, старший инспектор по правам человека на Северном Кавказе, председатель общественной организации «Открытый Кавказ»;
Н.Н. Ефремова, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор;
А.И. Ковлер, судья Европейского суда по правам человека с 1998 по 2012 гг., доктор юридических наук, заведующий Центром зарубежного законодательства и сравнительного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель представителя от России в Комиссии Совета Европы за демократию через право (Венецианской Комиссии), профессор кафедры судебной власти НИУ «Высшая школа экономики».

После основных докладов прошел круглый стол «Использование знаний о традициях урегулирования конфликтов в формировании современных практик восстановительного правосудия». На нем выступили *Д.А. Бондин, медиатор из Липецка,* и *Т.В. Прянишникова, педагог, руководитель ассоциации детских служб примирения Самарской области.*

Семинар открыли *Р.Р. Максудов, президент общественного центра «Судебно-правовая реформа», председатель всероссийской ассоциации восстановительной медиации,* и *Л.М. Карнозова, доцент кафедры судебной власти НИУ «Высшая школа экономики», руководитель направления «Программы восстановительного правосудия по уголовным делам» общественного центра «Судебно-правовая реформа».* Организаторы обратили внимание на актуальность обсуждения традиционных практик урегулирования конфликтов и

сложных ситуаций и одновременно на специфику исторического знания, посредством которого они предстают перед нами, были сформулированы важные для общего обсуждения вопросы.

Изучение прошлого и критика доминирующих современных практик не должны формировать иллюзий и вести к пренебрежению правом. Во вступительном слове *С.А. Пашина, профессора кафедры судебной власти НИУ «Высшая школа экономики», залуженного юриста РФ*, было выражено опасение на этот счет и сформулированы вопросы:

- в какой мере традиционные практики отвечают идее прогрессивного развития права?
- в какой мере за традиционными практиками вообще можно усмотреть право и не создают ли они еще больше проблем?
- единое государственное право служит сплочению народов; не могут ли традиционные практики разных народов способствовать усилению центростремительных сил?

Доклады и дискуссии на семинаре позволили сформировать достаточно сложное и многослойное пространство проблематики связи традиций и современности. Обсуждались как традиции и обычаи тех или иных народов, так и общие вопросы сосуществования официального и неофициального права.

Два доклада (И.Л. Бабич и А.А. Плиева и доклад Р. Камбиева) были посвящены традициям урегулирования конфликтов народов Северного Кавказа. Общетеоретическим вопросам был посвящен доклад Н.Н. Ефремовой «Право и закон в официальной и неофициальной юстиции: теоретический и исторический аспекты», где внимание привлечено к проблеме отыскания оптимальной модели правосудия, в организации которой должны быть гармонизированы интересы и потребности личности, общества и государства.

Теоретической аргументации и обзору основных институтов альтернативной юстиции в современном мире был посвящен доклад А.И. Ковлера «Антропология права об альтернативном правосудии». В докладе показано, что в современной правовой науке растет интерес к альтернативной юстиции. Большую роль сыграли в этом этнографические и антропологические исследования и формирующиеся новые дисциплины на стыке наук, в частности, антропология права. В мировой практике альтернативные формы разрешения споров и защиты прав получили довольно широкое распространение. Формы весьма

различны: омбудсмены, соседские суды, мировая юстиция, медиация и пр. Традиции разных народов и религий во многих странах получают законный статус. Важно, чтобы альтернативные практики были легальными. Юристы должны быть компетентны в этих вопросах. Во многих западных университетах программы обучения юристов предусматривают обязательное изучение обычаев коренных народов.

В докладе ключевые работы российских правоведов в этой области, ситуация первых лет советской власти, современные исследования и законодательные акты (видеозапись доклада А.И. Ковлера см.: <https://youtu.be/PINYGdVLQxY>).

Доклады и выступления вызвали много вопросов и дискуссий. В частности, один из аспектов обсуждения касался терминов, которые используются для описания традиционных практик, к примеру, термин «медиаторский суд» народов Кавказа, где понятие «медиатор» отличается от используемого в современном языке медиации. Нужно видеть различия и в понимании преступления. Многие деяния, которые по современным уголовным кодексам большинства стран относятся к «преступлению», в рамках обычного права (рассматриваемые как причинение вреда) имели иной статус. Изучение традиций требует выявления смысла и содержания, стоящего за ритуалами и формами, и соотнесения этих смысловых основ с сегодняшней жизнью; их прямой перенос невозможен.

Обсуждались вопросы соотношения современного права и обычаев, проблемы баланса единства и разнообразия, необходимость создания в рамках действующей правовой системы условий для легального выбора людьми процедур урегулирования споров и конфликтов. Собравшиеся на семинаре специалисты из разных регионов России обращали внимание на важность изучения местных традиций и обогащения восстановительных практик с учетом таких знаний.

Семинар был проведен в рамках проекта «Сохраним детей в семьях: от административных решений к восстановительным методам укрепления семейных родственных отношений», в котором используются средства государственной поддержки, выделенные общественному центру «Судебно-правовая реформа» в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 апреля 2017 г. № 93-рп.

МЕДИАТОРСТВО У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XIX–XX ВЕКАХ

Плиев Абдурахим Ахмедович,

кандидат исторических наук;

Бабич Ирина Леонидовна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Института этнологии и антропологии РАН,

irina@babich1.net

Введение

Медиаторство как способ примирения до сих пор важен для чеченского и ингушского обществ, поскольку в 1990–2010-е гг., как отмечали многие политические деятели и научные исследователи, кровная месть значительно выросла, и по решению глав Ингушетии и Чечни создавались и продолжают создаваться примирительные комиссии, работающие с большим или меньшим успехом¹. Поэтому дореволюционный опыт урегулирования конфликтов с помощью посредничества в чеченском и ингушском обществах представляется нам важным. Его можно использовать и в настоящей правовой практике.

Суд по адату являлся характерным для всех народов Северного Кавказа судебным институтом. У чеченцев и ингушей он назывался *кхел*, у карачаевцев и балкарцев – *тере*², у осетин – *тархон лаги* или *тархонилагтае*³, у кабардинцев – *мэндэтыр*⁴. В русских судебных документах суд по адату назывался по-разному: *медиаторский*, *посреднический* или *третейский*⁵. Основой медиаторского судопроизводства являлись нормы ада-та. Между тем этот процесс имел своеобразие и некоторые различия у разных народов Северного Кавказа. В данной статье нам хотелось проанализировать методы урегулирования конфликтов у чеченцев и ингушей в двух областях жизни: при кровной мести и похищении девушек и женщин, проводя одновременно сравнительный анализ медиаторских приемов у других северокавказских народов, например, осетин, адыгов и т.д. Такой подход позволит обнаружить некоторые тенденции в правовой истории горцев.

Исследование выполнено на основе историко-этнографического метода, который позволил А.А. Плиеву собрать полевой этнографический материал о практике бытования медиаторства с 1870-х по 1960-е гг. Эта работа проводилась в 1960-е гг. Были опрошены лица старшего возраста (90–100 лет), которые были свидетелями ряда конфликтов и помнили рассказы о таковых своих старших родственников. В качестве сравнительного материала привлечены материалы, извлеченные И.Л. Бабич из ряда архивов Северного Кавказа, датируемые 1870–1960-м гг. (Центрального архива Кабардино-Балкарской Республики, Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия–Алания, архивов Верховных судов Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии).

Выбор хронологических рамок данного исследования определялся двумя обстоятельствами: 1. Проведение изучения бытования кровной мести чеченцев и ингушей после их возвращения из Средней Азии (1956–57 гг.). Время депортации оказало значительное влияние на правовую практику горцев. Эти изменения требовалось изучить. 2. Этнографические интервью с лицами старшего возраста (90–100 лет) позволили опустить нижнюю временную границу исследования до 1870-х гг.

Добровольное и принудительное переселение виновного и его семьи в другое селение

Одним из распространенных способов ослабления конфликта и избегания кровной мести

на всем Северном Кавказе, в том числе в Чечне и Ингушетии, было добровольное или вынужденное переселение виновного отдельно или вместе с семьей за пределы своего селения, района или родины на время или навсегда. По нормам чеченского и ингушского адата, в подобных случаях кровная месть чаще всего прекращалась: убийца считался навсегда потерянным для родственников потерпевшего и для всего их тейпа. Редко кто решался разыскивать убийцу в других местах. Редко когда месть переходила на его ближайшего родственника. Ингуши говорили так: *мехкахваьннар а веннар а цаIва* (ингуш.) – «человек, покинувший свою Родину и умерший – одинаковы».

Часто чеченцы и ингуши уезжали в *Грузию*. Известно, что в Ахметском районе Кахетии (Грузия) существует пять крупных кистинских селений, которые были образованы в XIX–XX вв. из преследуемых лиц. Такая судьба постигла ингушей Мальсаговых, переселившихся в Грузию и известных ныне под фамилией Мальсагошвили. Они покинули Ингушетию из-за кровной мести с фамилией Плиевых. Обычаем кровной мести можно объяснить появление в Пшавии фамилии Горзамаули – выходцев из Кистетии.

Известно, что чеченцы и ингуши, спасаясь от мести, переезжали и в соседние *казачьи станции* и со временем становились казаками. Так, по сообщению М. Попова, кровник из фамилии Г., бежавший в середине XVIII в. из сел. Алды в ст. Червленную, положил начало ветви гуноевцев, слившихся впоследствии с гребенцами. По данным на 1870 г., его потомки составляли половину казаков ст. Червленной⁶.

Если убийца не опасался, что его убьют, он мог оставаться в своем селении, жить не скрываясь. Тем не менее чеченское и ингушское общества осуждали таких лиц, но никаких денежных вознаграждений, штрафов потерпевшей стороне они не платили. У других народов были выплаты. Так, в Дагестане убийца должен был платить штраф, если почему-либо замедлил уйти из села⁷.

Появление убийцы в общественном месте, нежелание его покинуть родное село рассматривалось родственниками потерпевшей стороны как неуважение к ним. «*Ахарг-м ихь-ездемичад, дошхетацаханна!*» (ингуш.) «У них нет ни совести, ни уважения; они не считаются с нами!») – говорили члены обиженного тейпа. Такое поведение убийцы утверждало потерпевшую сторону в желании исполнить кровную месть.

Иногда чеченцы и ингуши из-за боязни кровной мести могли переселиться и в *Турцию*. В течение XIX – начале XX вв. было несколько волн переселения северокавказцев в Османскую

империю, чем и объясняется достаточно большая численность соплеменников в этой стране⁸. Приведем пример. В 1878–1880 годах из-за боязни кровной мести одна чеченская семья переселилась в Турцию. Убийца-чеченец там женился на чеченке. Даже находясь далеко от своей родины, он, боясь мести, почти не выходил на улицу, как рассказывал наш информатор⁹.

Наряду с определением выплаты виновным компенсации у многих северокавказских народов, в частности, у адыгов и осетин, медиаторы применяли и другую важную норму адата, а именно: выселение виновного и его семьи на временное или постоянное жительство в другое селение. Для горца оставление родного селения было большим ударом. Многие из тех, кто был вынужден покинуть свое селение, страдали, живя вдали от него, и стремились через какое-то время вернуться домой¹⁰.

Чрезвычайно распространенной формой урегулирования конфликта в адыгском обществе было временное (на период судебного процесса выплаты компенсации и устройства примирительного угощения) выселение семьи виновного в другое селение. Сроки его могли быть от полугода до двух лет¹¹.

У многих северокавказских народов выселение являлось одной из главных форм урегулирования крупных конфликтов, в частности у осетин, у которых практиковалось не только принудительное, но и добровольное переселение. Переселение кровников как явление достаточно распространенное на протяжении XIX в. – важный фактор этнических миграций этого исторического периода.

Система компенсации при урегулировании ситуаций, связанных с кровными отношениями

Согласно обычному праву горцев Кавказа любое преступление (ранение, убийство, кража) рассматривалось как причинение ущерба, которое могло быть урегулировано с помощью компенсации, что позволяло избегать кровной мести по отношению к виновному в преступлении или его родственникам. Проводниками идеи равного возмездия в жизни ингушей и чеченцев служили *народные посреднические суды*.

По мере развития экономики и некоторых изменений в хозяйственном укладе появились новые формы возмещения причиненного ущерба – выплаты денежной компенсации. Она появилась среди чеченцев и ингушей довольно поздно, не ранее начала XIX в., с развитием торговых свя-

зей. До этого широкое применение имела система натуральной компенсации, зародившаяся в условиях натурального хозяйства.

У адыгов в XVIII – начале XIX в. компенсация выплачивалась рогатым скотом, лошадьми, овцами, оружием, конской сбруей, одеждой, крепостными людьми, во второй половине XIX в. по желанию потерпевшей стороны компенсация могла выплачиваться скотом или деньгами. Как свидетельствует архивный материал, в 1880–1910-е гг. адыги предпочитали получать компенсацию деньгами¹². У других народов Северного Кавказа, например, у осетин, карачаевцев, в пореформенное время в качестве компенсации могли отдаваться земельные участки¹³.

У чеченцев и ингушей основная ответственность за пролитую кровь ложилась на членов фамилии виновного, а затем – на остальных родственников, то есть на весь тейп. Такой же порядок существовал и при выплате компенсаций – выкупа – *тоам* (чечен.) или *пхъа* (ингуш.). Члены фамилий помогали выплачивать компенсации. Размер помощи виновному определялся степенью близости родственных отношений.

В конце XIX в. выкуп, который убийца обязан был уплатить родственникам убитого, как отмечали чиновники и юристы того времени, у чеченцев и ингушей был равен 630 рублям¹⁴. Наши полевые этнографические материалы свидетельствуют, что эта сумма могла меняться. Более того, в разных обществах была принята своя компенсация, а ранее, при натуральной оплате, было принято определенное число голов скота. Так, Джераховское общество платило *пхъа* – 8 коров, а Хамхинское – 19 коров. В XIX веке в результате укрепления общественных связей между селениями, по настоянию Джераховского общества, выкуп за кровь стал равен 18 коровам или же 390 рублям. Кроме того, убийца должен был уплатить одного трехгодовалого быка, трех оседланных коней и кусок шелковой материи¹⁵.

Отметим, что во второй половине XIX в. российская администрация в силу целого ряда причин проводила переселение горных чеченцев и ингушей на плоскость, что привело к тому, что в разных районах начали складываться новые местные правовые обычаи.

Например, в Майсте (Чечня) был проведен сельский сход, на котором присутствовали чеченские и ингушские знатоки обычного права. Один из них так сказал: «За все мы установили размер примиренческих, только за душу человека (то есть за убийство) мы не определили примиренческих». Другой знаток ответил ему: «Каждый человек сам определяет цену своей души. Одни

хорошие, другие плохие – и «цена» им разная». Третий знаток сказал: «Это правда, но каждый будет считать своего брата самым лучшим – и между людьми никогда не будет мира, если мы не установим примиренческие в одинаковом размере и за хорошего, и за плохого». Все с этим согласились, и с тех пор, как рассказывали нам старики, «примиренческие» были «в одинаковом размере за хорошего и плохого, за старого и молодого, за сильного и слабого»¹⁶. Отметим, что у большинства народов Северного Кавказа существовала иерархия уважения и неуважения людей в обществе, веками были выработаны критерии, по которым формировалась данная иерархия¹⁷.

По нормам чеченских и ингушских адатов при выплате компенсации соблюдалась определенная процедура примирения. У ингушей бывали случаи, когда она оттягивалась на определенный срок. Этого не было у чеченцев, осетин, кабардинцев и др. Это так называемый обычай *хъалхле* (ингуш.), суть которого заключалась в том, что родственники убийцы предоставляли определенный выкуп потерпевшей стороне, которая обещала в течение определенного срока не трогать никого из родственников, кроме самого убийцы. Таким образом, все братья, родители и ближайшие родственники убийцы, уплатившие *хъалхле*, могли свободно находиться в обществе, продолжать свои хозяйственные работы до истечения назначенного срока. В то же время по обычаю убийцу (*маьре*, ингуш.) могли убить в любое время, не дожидаясь установленного срока. Часто бывали случаи, когда даже по истечении установленного срока родственников *маьре* не трогали, особенно если те вели себя скромно, зная, что ответственны за совершенное убийство. Случаев нарушения *хъалхле* в Ингушетии, как правило, не было. Если этот обычай нарушался, то выкуп, полученный ранее, возвращению не подлежал¹⁸.

По ингушскому обычному праву убийца мог выпросить себе право безопасно ходить возле своего дома как по двору, так и по усадьбе. За такие уступки со стороны потерпевших он уже со второго года вражды, если не происходило примирения или мести, должен был ежегодно уплачивать мстителем по одному бычку, называемому *меарии уст* (правильнее было бы *маьрий уст* – прим. А.П.) – «бык кровника». Аналогичный обычай мы находим и у осетин, где старейшины села старались заключить с родственниками потерпевшего соглашение на год, по которому убийца уплачивал определенное число овец или быков оскорбленной стороне, а последняя, в свою очередь, давала клятву оставить убийцу в покое

в течение действия заключенного соглашения¹⁹. Такое соглашение могло быть возобновлено по договоренности между обеими сторонами.

Если в первичном конфликте произошло случайное убийство, согласие родственников потерпевшего на примирение и выплату компенсации получить было легче и быстрее. Наши информаторы рассказали нам о таком случае: в XIX в. в российской армии служили два молодых ингуша – Т. и М. Ингуш М. как старший по званию приказал Т. идти на дежурство и случайно его толкнул. Т. упал на свою винтовку, которую держал в руках, и она случайно выстрелила. Пуля попала в Т., от которой тот умер. М. вызвал своих сослуживцев, поставил их в известность о случившемся. Вражда между родственниками виновного и потерпевшего длилась недолго. По возвращении домой М. попросил стариков устроить примирение, он дал присягу в присутствии 18 присяжников, заплатил «примиренческие» в размере 2300 рублей. Это был очень большой выкуп, и сельчане осудили фамилию Т. за то, что они попросили такую значительную компенсацию²⁰. По правовому обычаю долгом чести и достоинства в таких случаях считалось прощать виновной стороне совершившиеся без предоставления денежной компенсации вообще или при выплате половинной компенсации – стоимости крови – *ахпхьа* (ингуш.).

Как в литературных и архивных материалах, так и в беседах со знатоками обычного права, нам не удалось найти данных о существовании в ингушском или чеченском обществах урегулирования конфликтов, в которых была пролита кровь, с помощью брака молодой девушки из семьи виновного с юношей из семьи потерпевшего или с помощью традиции аталычества – определения детей на воспитание в семью убийцы. Как свидетельствуют наши полевые этнографические материалы, иногда для скрепления акта примирения, уже после выплаты компенсации, враждующие тейпы отдавали друг другу своих девушек для совершения брака²¹. Но это не было типичным для ингушского общества и не являлось обязательной составной частью обычая примирения.

В обычаях многих народов Кавказа выплата выкупа приводила не только к примирению враждующих сторон, но и к заключению между ними в будущем союза мира, родства. У осетин враждующие семейства могли быть примирены двояким образом: платою за кровь или браком²².

Хотя по вековым правовым обычаям выкуп для примирения враждующих семей был важной частью урегулирования кровных отношений, у чеченцев и ингушей все же считалось «долгом

честь» для семьи и фамилии простить кровника без уплаты выкупа. Такое явление было редким и практиковалось лишь тогда, когда многочисленная потерпевшая фамилия, уважаемая народом, была вынуждена дать согласие на примирение под давлением авторитетных посредников.

Особенно часто это происходило у «плоскостных» чеченцев, то есть проживавшие в плоскостной части Чечни вообще не брали «примиренческие» за кровь. Так, в 1916 году произошел случай, когда ингуш, получив от кровников-чеченцев согласие на примирение, поехал к ним со своими родственниками мириться, захватив для уплаты быка и деньги. Чеченцы, увидев приведенного быка, высказали недовольство, а когда узнали, что ингуши принесли еще и деньги, возмущению хозяев не было границ. Мужчины, женщины и подростки бросились к ингушам, чтобы избить их и с позором выгнать. «Что мы, душами торгуем?» – кричали хозяева. Старики-чеченцы, знавшие ингушские обычаи, с трудом успокоили хозяев, объяснив им, что ингуши поступили согласно своему обычаю²³.

В отличие от «плоскостных» чеченцев, как показывают полевые этнографические материалы, некоторые горные общества Чечни, как например, Мелхинское, состоявшее из 14 сел; Галанчажское – из 6 (Кийский, Галанчожский, Аккинский, Ялхароевский, Нашхоевский, Мержоевский сельские советы) и население, проживавшее южнее селения Итум-Кале (Боблоевский, Тедлоевский, Хилдажировевский, Майстинский сельские советы), при примирении, напротив, брали выкуп – *тоам*²⁴.

Хотелось бы подчеркнуть, что в разных районах Чечни и Ингушетии нормы обычного права имели местные особенности, не совпадавшие подчас с правовыми обычаями соседних селений. Так, майстинцы, проживающие в верховьях Чанты-Аргуна на притоке последнего Майсты-ахка, с гордостью уверяли, что не было случая, чтобы они простили когда-либо друг другу или соседним народам убийство своего сородича. Мелхинцы же, соседи майстинцев, напротив, иногда прощали кровь, получив установившийся по обычаю выкуп – *тоам*, «примиренческие». В то же время быть уверенным, что мелхинцы, примирившись, не будут мстить, было нельзя. В отличие от них на ингушей и плоскостных чеченцев всегда можно было положиться, что после выплаты компенсации кровная месть не могла произойти.

Некоторые уступки и послабления родственникам убийцы могли быть сделаны потерпевшей стороной и без всякой компенсации. Это происходило, например, когда родственники виновного

соблюдали «этикет кровников», например, обычай *никъбийхаба* – «закрытие дороги». Согласно этому обычаю потерпевшая сторона, питая ненависть к родственникам убийцы, продолжающим жить по соседству, но зная, что они невиновны в убийстве, накладывала запрет на все маршруты дорог, кроме одной, по которой разрешалось ходить кровникам. Если представители двух враждующих сторон встречались на этой дороге, все обходилось мирно, но стоило им столкнуться в другом месте, как это могло вызвать кровавую развязку.

Обряд примирения кровников

Сам обряд примирения кровников у чеченцев и ингушей состоял из целого ряда процедур. После совершенного убийства старики начинали вести переговоры с родственниками потерпевшего о возможном примирении. Редко им удавалось получить согласие после первого или второго прихода посредников в дом потерпевшего. Если старикам не удавалось уговорить на примирение, они вставали на колени и просили о примирении. По чеченским и ингушским традициям не согласиться на примирение в этом случае считалось большим позором. Если кровник оставался непреклонным, то просителям он не показывался, хотя бы и находился в это время дома. Такие уговоры могли длиться в течение несколько лет.

Как правило, посредников выбирали из наиболее влиятельных и уважаемых лиц, по возможности не состоявших в родстве ни с истцом, ни с обвиняемым.

При разборе дел сторона, нанесящая ущерб, должна воздерживаться от обвинительных речей. Для доказательства правоты часто прибегали к присяге. В зависимости от тяжести причиненного ущерба обвиняемого сопровождали соприсяжники: у ингушей – от одного до 18 человек, а в исключительных случаях даже до сорока; у чеченцев – от 7 до 63 человек.

У адыгов сохранялось правило, согласно которому для проведения судебного заседания необходимо было выбрать не менее пяти судей: по два судьи²⁵ (называвшиеся русскими писарями медиаторами, Хан-Гиреем – *таркохьясь*, а М.А. и З.Ю. Кумаховыми – *лыклуэ*) от каждой конфликтующей стороны и одного нейтрального – *посредника*²⁶. Судей могло быть и больше; это зависело от важности или сложности рассматриваемого дела. Участники конфликта сами выбирали своих медиаторов, причем одна сторона не могла дать отвод медиаторам, которых выбрала противоположная, и наоборот. Осетинский суд состоял из

медиаторов, *тархони лаги*, которых выбирали конфликтующие стороны из наиболее уважаемых и знающих адат сельчан. Часто ими могли быть члены враждующих семей.

В осетинском обществе урегулирование отношений между враждующими группами возлагалось, в первую очередь, на старейшин тех самых родов, которые находились в отношениях кровной мести, а не на незаинтересованных лиц. Если дело было очень серьезным, приглашали авторитетных осетин из других селений. Число судей варьировалось: от 1 до 5 с каждой стороны. Чем серьезнее было дело, тем больше медиаторов требовалось для его урегулирования. Так, в 1896 году для примирения кровников в сел. Христианском группа медиаторов состояла из 30 человек. Общее число судей должно было быть неравным, при этом потерпевшая сторона имела право выбрать на одного посредника больше, чем виновная²⁷.

Во время судебного разбирательства свидетели и обвиняемый должны были давать присяги. У ингушей и чеченцев различалась «большая клятва» – присяга на Коране 63 человек, принимавшаяся в крайних случаях, и «малая клятва» – присяга семи человек.

Институт клятв бытовал у всех народов Северного Кавказа. В прежнее доисламское время адыгская клятва произносилась с использованием амулетов, посоха, вырубленного в священной роще. Присяга, называемая *зэпэбаш*, предполагала операции с посохом, палкой или ружьем и состояла в том, что два человека, взявшись за концы палки, посоха или ружья, образовывали своего рода арку, под которой проходили присягающие, произнося клятву. Адыги клялись «могилами отцов и матерей», «закланием овцы и прикосновением к окровавленному кинжалу» и т.д. Доисламские присяги сопровождали и различные ритуальные действия, приуроченные к тем или иным значительным событиям. С принятием ислама присяга стала осуществляться на Коране. Присягающий почтительно подходил, дотрагивался рукой до священной книги и говорил: «Я клянусь этой книгой слова Божия...», заканчивая клятву, он подносил Коран к губам²⁸.

В Дагестане существовало два вида мусульманских присяг: именем Аллаха и так называемая кебинная присяга (*кебинталак*, *хатунталак*), когда в случае лжесвидетельства женатый разводился с женой, а холостой закладывал свой участок (мульк) как вакф сельской мечети.

В адатном суде дело рассматривалось *соприсяжниками*. Ими не могли быть лица, уличенные во лжи. Присягающие ингуши шли без оружия и клялись, сняв шапки, Богом, святым храмом и пе-

плом домашнего очага. Ингуши верили, что дети у того, кто дает ложную присягу, рождаются физически нездоровыми. Часто истец настаивал, чтобы обвиняемый принес присягу на могиле убитого. Как правило, случаев ложной присяги не было.

При получении согласия на примирение убийца вместе со своими ближайшими родственниками в окружении почетных стариков шел к ближайшим родственникам убитого. Войдя во двор, он становился на колени. Если родственники убитого соглашались на примирение, старший из них поднимал убийцу на ноги и брил ему голову в знак того, что потерпевший был под ножом.

У чеченцев и ингушей выкуп за кровь – *тоам* выплачивался сразу, и не было случаев, чтобы он вносился по частям. У других народов Северного Кавказа бывало иначе. Так, у осетин, наоборот, устанавливались определенные сроки выплаты, при нарушении которых появлялась возможность тотчас же возобновить кровомщение.

Примирение враждующих сторон могло произойти при соблюдении ряда народных традиций:

- если виновному удавалось проникнуть в дом убитого им человека и, схватившись за цепь над очагом, просить у его родственников прощения;
- удавалось пососать грудь матери убитого им человека;
- если виновный и его ближайшие родственники просили прощения на могиле убитого им человека, лежа ничком. В таком положении они иногда проводили несколько дней, не получая согласия потерпевшей стороны.

У чеченцев и ингушей считалось большим позором для стариков-посредников получать что-либо от враждовавших сторон при примирении, в отличие от осетин, где «посредники за свои хлопоты получали с каждой стороны по барану...». Для прочного закрепления состоявшегося примирения виновная сторона должна была пригласить к себе в дом обиженную им ранее сторону, то есть устроить обед, на который также приглашались и другие люди.

При убийствах у адыгов также последним этапом процесса примирения являлось *примирительное угощение*, устраиваемое виновной семьей для потерпевшей. Для обеда готовили 20 кабардинских столиков с блюдами, резали одного барана, бузу варили из двух пудов меда. Иногда увеличивалось и количество столиков с едой, что зависело от размера определяемой судьями компенсации. Адыги, как и другие народы Северного Кавказа, во время застолья дарили потерпевшей семье лошадь²⁹.

У осетин процесс примирения включал угощение, устраиваемое виновной стороной (*фынга или туджифынг*), на которое приглашались все лучшие представители конфликтующих семей, а также медиаторы. В своем медиаторском решении судьи определяли размер устраиваемого виновной стороной угощения. Обычно осетины устраивали *кровный стол* на 300 рублей. Иногда его оплата включалась судьями в размер определяемой ими компенсации. Во время угощения виновная сторона делала какой-либо подарок потерпевшей, например, верховую лошадь со всем снаряжением.

У ингушей и чеченцев был обычай, согласно которому после примирения при взаимном посещении враждующих ранее сторон принимающий у себя в доме гостей хозяин должен был обязательно перевернуть чашку, стоящую вверх дном. Смысл этого обычая был таков: от друга, хотя между ними и была вражда, ничего нельзя скрывать, все должно быть открыто, как у родных братьев.

После состоявшегося примирения враждовавшие ранее стороны должны были соблюдать правила поведения, который определялись такой формулой: «Никогда не забывайте, что вы убили человека». Во-первых, убийца и его ближайшие родственники должны уступать дорогу свои бывшим кровникам, во-вторых, в их присутствии не садиться и не разговаривать громко, в-третьих, не класть руку на кинжал и не стоять гордо, в-четвертых, не ехать верхом мимо дворов бывших кровников, а слезать с коня и вести его под уздцы и, наконец, всегда стараться оказать какую-нибудь услугу своим бывшим кровникам. Если же случалось, что убийца ехал верхом и встречал идущего пешком родственника убитого, он обязан был уступить ему свою лошадь. В праздник Байрама он должен был преподнести подарки родственникам убитого.

Примирение при похищении девушек и женщин

При совершении насильственного похищения девушек в чеченском обществе события могли развиваться по трем «сценариям»: во-первых, отъем девушки ее родителями, во-вторых, совершение под влиянием общества адатного примирения между похитителем и его родителями, с одной стороны, и девушкой и ее родителями, с другой, в-третьих, совершение кровной мести по отношению к похитителю и его пособникам. В первом случае компенсация была равна 100 рублям, одному барану и одному платью.

Кроме того похититель давал присягу, что похищенная девушка сохранила девственность. Если он отказывался дать такую присягу или же девушка была изнасилована, похититель должен был платить компенсацию еще за поруганную честь девушки³⁰.

Похищение замужних женщин независимо от наличия или отсутствия детей и просватанных девушек воспринималось горными чеченцами и ингушами как более тяжкое преступление.

Приведем пример из жизни чеченского общества 1860-х годов. У нашего информатора, старика В.З. Карсамова, была старшая сестра А., которая была уже просватана и готовилась к свадьбе. За день до свадьбы она по своей воле вышла замуж за другого. Ни ее родители, ни ее братья ничего не знали об этом. Три года семья А. опасалась кровной мести со стороны тех, за кого она была просватана. Но похититель вместе с А. покинул Чечню, 12 лет ничего не давал о себе знать. За это время состоялось примирение по адату, в результате которого семья А. выплатила там в размере 70 коров³¹.

Еще один пример из жизни горных чеченцев. В конце XIX века в сел. Хильди-Харой А.Д. просватал девушку, однако она по собственному желанию вышла замуж за другого, Ч.Д. Старики стали разбирать дело и вынесли решение об уплате тама в размере 50 коров и верхового коня в полной сбруе. Там был выплачен. Однако А.Д. не мог забыть нанесенной ему обиды и через год попытался убить Ч.Д., произведя выстрел в него, но Ч. остался жив. Тогда А.Д. был арестован российскими властями, осужден российским судом на каторгу, откуда больше не вернулся³². Выплата компенсации по адату не освобождала полностью от совершения будущей мести. Такие случаи бывали.

Если при столкновении преследователей с похитителем происходило убийство кого-либо (с любой стороны), отношения между фамилиями полностью прекращались, так как могла произойти месть. Если убийство было совершено похитителями, по местным адатам с убийцы взыскивалось 63 коровы (*пхьа*), а за похищение девушки там – 10 коров. После примирения должно было состояться примирительное угощение, во время которого приносили *уст даьрий* (быка и кусок шелкового материала). Если убийство было совершено преследователями, последние должны были выплатить «цену крови» – 63 коровы³³.

Любопытно, что при насильственном похищении девушек и женщин у плоскостных чеченцев чаще, чем у горных, случались адатные примирения, причем часто вообще без выплаты

компенсаций (*пхьа*), потому что «не продают души людей». Величина *тама* за похищенную девушку была различной: до 100 рублей деньгами, один баран, одно платье³⁴. Родители похищенной, как правило, забирали ее домой и после получения тама могли выдать ее замуж за другого.

Российское судопроизводство, кровная месть и похищение невест

В 1860–1870-е годы российские власти во всех областях Северного Кавказа создали российские (так называемые горские словесные) суды. Коснулось это и чеченцев, и ингушей, которые не стремились передавать свои конфликты на рассмотрение российского государственного суда. Российская власть и ее учреждения для чеченцев и ингушей все же оставались чуждыми вплоть до начала XX века. Наши материалы показывают, что ингуши и чеченцы обращались в российские судебные органы, когда происходили серьезные конфликты, в том числе и убийства, грозящие перерасти в длительные кровные отношения. Если случалось, что виновный в убийстве был осужден российским судом, отбывал наказание в ссылке, где и умирал, то, как правило, кровная месть прекращалась. Ингуши говорили: «*дакьзаголазавейнава*» (ингуш.) – «пропавший без трупа и костей». Однако если родственники умершего привозили труп арестанта в родное селение, по обычаю ингушей, они должны были уплатить потерпевшей стороне стоимость полвиры – *ахпхьа*³⁵. Чеченцы такого обычая не имели³⁶.

К такому суду обращались в случае осетино-ингушских конфликтов. В конце XIX – начале XX в., несмотря на вековые дружественные, добрососедские и во многом родственные связи между ингушами и осетинами, взаимоотношения между ними начали ухудшаться: происходили земельные споры, усиливалось скотокрадство и конокрадство, возникали столкновения не только между отдельными лицами, но и обществами в целом, переходящие в групповую кровную месть.

11–12 июля 1907 года был составлен приговор, утвержденный Временным генерал-губернатором Терской области генерал-лейтенантом Колюбякиным, о необходимости открытия Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. Приговор состоял из 28 пунктов.

Первый гласил: «По обоюдному согласию сторон все бывшие недоразумения, ссоры и раздоры предать вечному забвению и установить прочные и добрососедские отношения. По кровным враждам, образовавшимся до сего времени вследствие убийств с той или другой стороны,

никаких отмищений не производить, но под руководством сельских старшин все кровники должны быть примирены на началах обычного права (адата)»³⁷. Несмотря на недоброжелательство, с которым горцы относились к российским судам, в начале XX в. был создан так называемый *Осетино-Ингушский суд присяжных*, который рассматривал тяжелые уголовные преступления (убийства, ранения, грабежи) и поземельные тяжбы между осетинами, с одной стороны, и ингушами, с другой, на основе норм обычного права. При рассмотрении дел, связанных с кражами, суд использовал присягу всех жителей села, если следы вели туда, и применял нормы обычного права, а именно: возмещение украденного³⁸.

Согласно решению вновь учрежденного суда за убитого, без различия пола и возраста (осетина или ингуша), взыскивался штраф в пользу потерпевшего в размере 600 рублей³⁹. Штрафы, которые взымались с убийц, сразу же после разбора дела судом вносились в специальные кассы. Затем деньги выдавались потерпевшей стороне.

Если совершивший преступление был не в состоянии уплатить необходимый штраф, у ингушей он взымался с его ближайших родственников до третьего колена включительно по мужской линии, у осетин же – с имущества семьи, затем с членов его фамилии, живущих в одном с ним селении. Если же родственники виновных также не могли уплатить штраф, касса пополнялась имуществом того селения, к которому принадлежал виновный⁴⁰.

Иногда в осетино-ингушский суд поступали дела, в которых виновный не был известен. В таких случаях пополнение кассы происходило за счет селения, к которому вели следы преступления⁴¹. Люди, совершившие преступления, подлежали выселению из данной местности.

Приведем несколько случаев, обнаруженных нами в архивах.

В сентябре 1908 г. в казенном лесу произошла ссора между ингушом Б.Б. (сел. Сагопши) и четырьмя осетинами (сел. Владимирское), в результате которой ингуш был смертельно ранен. Имена осетин, совершивших преступление, не были известны, однако следы из леса привели на землю сел. Владимирского. Дело рассматривалось в Осетино-ингушском суде присяжных, который 20 октября 1908 г. вынес постановление: «Взыскать с общества сел. Владимирского, куда были выведены следы, в пользу двух вдов убитого Б.Б. – Баби и Хаби, 600 рублей, в прогон и суточные судьям – 16 рублей, мулле с. Тулатово и переводчику по одному рублю каждому, а всего 618 рублей»⁴².

Между тем дело на этом не закончилось. Старшина сел. Владимирского Андрей Батманов принимал все возможные меры к розыску виновных в убийстве ингуша. В апреле 1909 г. ему удалось обнаружить убийц. Это были Б.Н. и Д.А.. Учитывая показания свидетелей, которые видели Б.Н., бежавшего с бердянкой с места преступления, дело вновь было передано на рассмотрение Осетино-ингушскому смешанному суду присяжных. Суд допросил свидетелей, затем потребовал от них очистительные присяги, однако они отказались их дать. Тогда суд постановил: «Взыскать с жителя сел. Владимирского Д.А. и с имущества умершего Б.Н. в равных долях в пользу общества сел. Владимирского в возврате уплаченных ими за убитого Б.Н. 618 рублей. Если же обвиняемые окажутся несостоятельными, означенную сумму взыскать с имущества их семей, а затем членов их фамилий, живущих в одном с ними селении»⁴³.

Отношение к присяге было настолько серьезным, что отказа от ее дачи оказывалось недостаточным, чтобы признать виновным подозреваемого в убийстве. Таким образом, ни методы следствия, проводимого судом присяжных, ни сумма установленной им компенсации за убийство не отличались от тех, которые были приняты в адатах чеченцев и ингушей.

Позже подобные дела были переданы в ведение *осетино-ингушских примирительных судов*, которые руководствовались как нормами обычного права, так и российским законодательством. Из практики местного адата ими применялись высылка убийцы за пределы области, а также очистительная соприсяга односельчан обвиняемого, когда дело возбуждалось по подозрению и явных уликам совершения преступления не оказывалось.

Во второй половине XIX в. российские власти пытались ослабить практику выдачи калыма. У ингушей это приданое со стороны жениха своей невесте. Калыма как выкупа у ингушей никогда не было. Дважды (в 1879 и 1887 гг.) в Ингушетии с помощью горских словесных судов принимались общественные приговоры по вопросу об установлении ответственности за принятие и уплату больших калымов и за увоз девушек и женщин. Если ингуш насильно похитил девушку, он должен был платить родителям или родственникам 3 коровы по 30 рублей (*барча*) за оскорбление и девушке калым в размере 150 рублей. Если похищение совершалось с согласия девушки, похититель платил лишь три *барча*, а девушка лишалась калыма⁴⁴.

С помощью горских судов удавалось уменьшить размеры калыма, похитителей ссылали в российскую глубинку, а похищенная девушка возвращалась. Приведем пример решения гор-

ского суда, который разбирал случай похищения девушки. В 1877 году житель сел. Базоркино Д.М. похитил девушку К.Д. В ходе примирительных процедур молодой человек в качестве калыма заплатил 50 рублей, тогда как обещал 105 рублей. Похищенная девушка обратилась в российский суд за остальными деньгами. Дело рассматривалось в Назрановском горском словесном суде. Судьи приняли следующее решение: Д.М. вместе с пятью присяжниками должен был под присягой подтвердить, что увез девушку не насильно, а с ее согласия. Он это сделал. В случае отказа Д.М. должен был бы выплатить родителям девушки три барча за оскорбление и калым в размере 105 рублей⁴⁵.

В своем рапорте начальнику Терской области от 6 июля 1881 г. начальник Владикавказского округа указывал, что «увоз девушек как с согласия их, так и против их желаний, приговорами, установившимися между Ингушскими племенами, воспрещается, и кто увезет девушку насильно, тот платит родителям ее или родственникам 3 «барча» за бесчестие, а девушке – калым в размере 105 рублей. Если девушка увезена с ее согласия, то увезший платит 3 «барча» родителям ее, а девушка, если не пожелает остаться у своего похитителя женою, калыма лишается. Суд в подобных делах, руководствуясь установившимся обычаем, назначает похитителю девушки присягу, что он увез ее с ее согласия...»⁴⁶. Приведенный пример доказывает правдивость слов начальника округа.

В 1880–1890-е годы в ингушских и чеченских селах состоялись сходы, на которых под давлением российской администрации «единогласно» были приняты общественные приговоры, касающиеся совершения различных преступлений, в том числе и преступлений, связанных с похищением девушек и женщин. Например, общественный приговор сел. Барсуки (Ингушетия) предусматривал высылку людей из своей среды, которые были замечены в каком-либо преступлении⁴⁷. В 1880 году по инициативе российской администрации был утвержден *общественный приговор* жителей Аргунского округа (Чечня), согласно которому вводился запрет на выход просватанных девушек за других лиц до того, как они отказывались от прежних женихов и до возвращения прежнему жениху всего от него полученного. Согласно договору мужчины не должны были принимать в жены засватанных уже другими людьми женщин и девушек до отказа их от прежних женихов и до возвращения прежнему жениху всего от него полученного. Виновные в нарушении этих положений должны были подвергаться штрафу в пользу прежних женихов в размере

150 рублей, из которых 50 рублей взыскивались с родных женщин и девушек, а остальные 100 рублей с людей, которые будут сватать или принимать в жены засватанных женщин и девушек⁴⁸.

Ответственность за похищение свободной девушки, согласно обычному праву чеченцев и ингушей, была меньше, чем за похищение просватанной девушки и замужней женщины. В подобных случаях в ингушском обществе похититель должен был уплатить калым в 18 коров и лошадь, несколько баранов и 3 рубля на араку для угощения за обиду. Чаще за обиду платили больше, чем при уплате калыма, вносимого женихом своей невесты.

Наказанию похитителей и их родственников за похищение замужних женщин было самым суровым из всех, которые были известны чеченцам и ингушам, а потому такие похищения были очень редки. Добиться согласия на примирение при подобного рода похищениях удавалось не ранее, чем через несколько лет. У ингушей примирение сопровождалось взысканием в пользу мужа с похитителя и ее отца по 50 коров.

Приведем пример, обнаруженный нами в ходе сбора полевого этнографического материала. Старики рассказывали нам, что на сходе Хамкинского общества (Ингушетия) выступал начальник российской администрации Владикавказского округа князь Георгий Александрович Андроников. Для того, чтобы поймать известного абрека Зелимхана, российская администрация арестовала его семью. Г.А. Андроников так сказал на сходе: «Вы, ингуши, горский народ, вы очень бедны, вы не знаете, что такое царское добро и жалость. После моего приезда в г. Владикавказ вы почувствуете и узнаете, что такое царское добро. Вы должны выдать абрека Залимхана царским властям»⁴⁹. Залимхан в это время действительно скрывался в ингушских селениях. Ингушские старшины хорошо знали о его местонахождении, но выдать его не позволяли нормы адата. В результате, несколько ингушей, находящихся на службе в российской армии, в частности, капитан полиции Ш.С., посоветовали Залимхану убить князя Андроникова. Однако тот ответил, что не может пойти на такое убийство, поскольку навлечет большие неприятности на ингушский народ, предоставивший ему приют.

Тогда ингуши передали Залимхану новые слова князя Андроникова. Якобы он спросил ингушей: «По какому ингушскому обычаю не смывается позор, если произвести выстрел, то есть убийство?». Ингуши ответили, что по всем поводам может произойти примирение враждующих сторон, за исключением «похищения просватанных девушек и жен». Тогда Г.А. Андроников в

присутствии ингушей заявил, что он похитил у Залимхана его жену и жену его брата. Когда абрек услышал эти слова, то решил убить князя. Он узнал его маршрут и на следующей неделе действительно его убил. Залимхан в письме к представителю 3-й Государственной Думы в 1909 г. дает следующие показания: «... Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник»⁵⁰.

В 1918 году произошел такой случай. Бывший старшина М. (сел. Насыр-Корт, Ингушетия) – человек вспыльчивый и самоуверенный, похитил девушку, которая была невестой К. из сел. Кантышево. Оскорбленный К. и его родственники, которые были способны носить оружие, поскакали в сел. Насыр-Корт, чтобы отбить девушку и жестоко наказать похитителя. Жители сел. Насыр-Корт – не родственники М., вышли навстречу кантышевцам, призвали к себе на помощь людей из других ближайших сел: Гамурзиево, Альтиево и Экажево, чтобы не допустить кровопролития. Не разнять дерущихся, не приложить все усилия к предотвращению драки – для чеченцев и ингушей считалось позором.

Старики от имени всего общества потребовали, чтобы кантышевцы вернулись домой, но те отказались. Тогда старики предложили им передать дело в суд старейшин. Кантышевцы также отказались. После этого старики дали слово кантышевцам разработать решение, которое будет для них, безусловно, почетным. Кантышевцы ответили: «Думайте». После долгих совещаний известных знатоков обычного права из всех ближних и дальних селений – мехкакхел – было вынесено решение: «Пусть род М. отдаст роду К. девушку без калыма».

Род М. с радостью согласился. Они обратились к матери одной из девушек рода с просьбой отдать ее замуж за К. Мать ответила: «Чтобы не пролилась кровь и не умерли люди, я на все согласна». Согласился на решение стариков К. и его род. Два тейпа примирились⁵¹. Был создан прецедент. Об этом узнала вся Ингушетия, и после этого подобные случаи стали практиковаться как норма адата.

Роль общественного мнения в адатном примирении. Общинные санкции

При формировании общественного мнения во второй половине XIX – начале XX века ключевую роль играли уважаемые старики, знатоки обычного права – *кхлахой*. Решить вопрос через

кхел (медиаторский суд) не считалось для горцев Кавказа позорным, между тем согласиться на выполнение требований враждебной стороны (*багаглаьннаp де* – «сделать устно потребованное») считалось недостойным. Любой ингуш или чеченец скорее соглашался на очень тяжелое для него решение *кхел*, чем на легкое требование враждующей стороны.

В урегулировании споров, которые могли в дальнейшем привести к возникновению кровной мести, важную роль играло общественное мнение. Оно способствовало тому, что враждующие стороны соглашались на примирение по нормам адата. Приведем пример. В августе 1917 года в сел. Базоркино (Ингушетия) на сельском сходе обсуждали вопрос бытования кровной мести. Было принято решение о ликвидации в ингушском обществе этого правового обычая. Группа людей во главе с почетными стариками начала ходить в семьи кровников сел. Базоркино и беседовать о возможности их примирения. Обычно хозяева отвечали так: «Если все кровники в Ингушетии примирятся, то и мы поступим как все»⁵².

У осетин после вынесения медиаторского решения суд определял *поручителей* со стороны виновного и потерпевшего, *фыдар лаг*, которые должны были следить за тем, чтобы виновный выплатил компенсацию в срок. Поручителей выбирала противоположная сторона: родственники потерпевшего назначали поручителя от виновной стороны и, наоборот, родственники виновного назначали поручителя от потерпевшей стороны. Если виновный не выполнял решения суда, поручитель обязан был принудить его родственников к выплате компенсации или выполнению других решений суда.

Другой действенной формой общинных санкций у осетин был так называемый бойкот (*хъод*), объявлявшийся либо пострадавшей стороной либо сельчанами виновному в преступлении и его родственникам, согласно которому никто из односельчан не выдавал девушек замуж за мужчин этих семей и никто не женился на девушках из этих семей; никто не ходил к ним на похороны и свадьбы и никто не пускал их на похороны и свадьбы; никто не пускал их к себе в гости и никто не ходил в гости к ним; никто с ними не разговаривал. Что бы ни случилось у такого человека, никто из общинников к нему не приходил⁵³. Односельчане не выдавали дочерей замуж за мужчин, если в их фамилии кому-либо был объявлен бойкот. Никто не женился на девушках из таких фамилий. Жизнь семей, на которые были «наложен хъод», становилась невыносимой. Снять хъоды можно было только примирившись со сво-

ими кровниками или переселившись в другое отдаленное селение. Эта норма встречалась как у православных, так и у мусульман осетин.

Примирительные комиссии 1920–1930-х годов

Уже с начала 1920-х годов начались первые шаги по правовому регулированию кровной мести со стороны советской власти на Северном Кавказе⁵⁴. В Ингушетии 22 сентября 1920 г. на заседании Назрановского окружного исполнительного комитета советов под председательством *Ю. Албогачиева* было принято решение о создании комиссии по примирению кровников во главе с *Султаном Альдиевым*. В ее состав вошли как бывшие адатные судьи, так и член шариатского суда⁵⁵. Комиссия начала активно работать по урегулированию конфликтов всего Назрановского округа. Как видно из архивных материалов, ей удалось «ликвидировать многие дела», она «упростила и сберегла жизнь многих граждан, погибавших от несчастного векового обычая кровной мести»⁵⁶. Но через некоторое время возник конфликт уже в самой комиссии между ее членами и советской администрацией: за работу в комиссии ее члены должны были получать от советской власти небольшую зарплату и «довольствие», однако в реальной жизни ни члены комиссии, ни ее председатель почти полтора года ничего не получали. Подчеркнем, что в этом случае мы видим характерное отличие комиссии от деятельности традиционного адатного суда, члены которого никогда не получали никаких зарплат. Эта работа считалась почетной для каждого уважаемого члена общины. В результате 22 мая 1923 г. Назрановский окрисполком принял постановление о прекращении работы примирительной комиссии Назрановского округа⁵⁷.

В решении уголовных вопросов, связанных с кровной мезтью, примирительной комиссии разрешалось руководствоваться нормами адата и отчасти шариата. Поэтому примирение кровников в первые годы советской власти сопровождалось уплатой определенной суммы денег (*тоам, хьелам*) потерпевшей стороне⁵⁸. В качестве примирения в чеченском и ингушском обществах использовалась и другая мера – переселение убийцы и его ближайших родственников в другие селения на постоянное жительство⁵⁹.

Примирительная комиссия в Чечне была создана немного позже, чем в Ингушетии: лишь в 1924 г. Реально комиссии стали работать после 1926 г. По имеющимся у комиссии данным на март 1927 г., в одиннадцати округах Чечни (кроме Галанчожского и Надтеречного) было за-

фиксировано 319 случаев совершения кровной мести⁶⁰. Вначале удалось примирить 55 семей, враждовавших между собой на почве кровной мести: комиссия получила 111 расписок кровников о прекращении конфликтов. Таким образом удалось примирить 188 человек (из них 77 человек избежали опасности стать объектами кровной мести)⁶¹. В 1926–1927 годах комиссия наиболее плодотворно работала в двух плоскостных округах Чечни – в Шалинском и Урус-Мартановском, в результате чего удалось примирить 107 семей, находящихся в кровных отношениях⁶².

В какой степени комиссия соблюдала адатные правила примирения кровников? Как нам представляется, лишь отчасти: во-первых, ее члены не выбирались враждующими сторонами и таким образом не имели авторитета для кровников, во-вторых, комиссия не назначала выплату компенсаций, а требовала примирения без выплат и расписку от конфликтующих сторон. В конце 1920-х годов назначение компенсации при рассмотрении дел, связанных с убийством, было введено вновь.

В 1920-е годы постепенно менялось положение северокавказской женщины, или, как ее стали называть в 1920-е годы, *горянки*, в обществе и семье. Многие мероприятия советской власти были направлены на уравнивание горянки в правах с мужчиной, на вовлечение в общественное производство, на привлечение к общественной деятельности, на повышение ее культурного уровня. Одной из наиболее вредных, унижающих честь и достоинство женщины, по мнению советских идеологов равенства полов, была адатная традиция *похищения девушек* с целью брака.

Примирительные комиссии 1950–1960-х годов

В конце 1950 – начале 1960-х годов в чеченском и ингушском обществах наблюдалось своеобразное сочетание традиционных форм примирения и деятельности советских судебных органов власти по урегулированию конфликтов, которое могло в ряде случаев дать и более позитивный результат, если бы применялся лишь один способ урегулирования конфликта. Адатные посредники по-прежнему определяли в качестве возмещения причиненного ущерба выплату компенсаций. Иногда после примирения все равно совершалась кровная мезть, то есть примирительная функция адата иногда не «срабатывала».

Советские примирительные комиссии. В 1960-е годы партийные органы Чечни и Ингушетии стали более внимательно рассматривать народные традиции. Была создана *республикан-*

ская примирительная комиссия, которая должна была рассматривать дела, касающиеся всей республики. При районных и сельских советах были созданы аналогичные районные и сельские примирительные комиссии, в чье ведение входило рассмотрение более мелких конфликтов и ссор. В функции комиссий всех уровней входило выявление и примирение кровников, составление соответствующих документов о примирении и т.д.

Примирительные комиссии Чечни и Ингушетии сразу же приступили к работе. Прежде всего, ими был составлен список всех имеющихся в пределах Чечено-Ингушской АССР конфликтов, связанных с кровной мстью: всего таких случаев было 314. За период с февраля по ноябрь 1960 г. в Чечено-Ингушетии с помощью примирительных комиссий удалось примирить практически половину кровников из имеющихся списков (157 конфликтов).

Черта нового, «советского» примирения, а именно: замена совершения кровной мести (в форме убийства) на «узаконенное» убийство путем назначения согласно УК СССР высшей меры наказания – расстрела. Таким образом, население переносило процесс совершения мести с себя на «государство».

Заключение

Проведя описание основных характеристик процедуры медиаторства у чеченцев и ингушей во второй половине XIX – начале XX в. и их сравнение с посредническим процессом у других народов Северного Кавказа, мы пришли к заключению, что посредничество как принцип существовал у всех горцев региона, но наблюдались значительные различия в отдельных аспектах, а именно: в числе медиаторов (судей) в судебном процессе, в размерах компенсации, в сроках ее выплаты, в использовании других форм примирения (добровольное и принудительное выселение за пределы селения или региона) и т.д. Более того, были выявлены расхождения в примирении адатов внутри чеченского и ингушского обществ, что говорит о продолжении процесса унификации горских адатов в течение XIX – начала XX в. Этот процесс у чеченцев и ингушей еще не был завершен. Создаваемые в советские годы советские примирительные комиссии лишь отчасти вобрали в себя черты дореволюционного медиаторства чеченцев и ингушей.

Примечания

1. Албогачиева М. С.-Г., Бабич И.Л. Правовая культура ингушей: история и современность // История государства и права. 2009, № 19. С. 33–39; № 20. С. 34–38; Бабич И.Л., Албогачиева М. С.-Г. Кровная мсть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010, № 6. С. 133–140.
2. Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 209.
3. Бабич И.Л. Правовая культура адыгов. М., 2000.
4. Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Ф.10. Оп.1. Д.14.
5. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.
6. Попов М. Ичкерия // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 13.
7. Комаров Л.В. Адагы и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 27.
8. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 155–182.
9. Полевые материалы А.А. Плиева. 1967 г., г. Грозный, информатор – Х.Д. Ошаев, 1898 г. рожд.
10. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦГА КБР). Ф.И. – 22. Оп.1. Д. 6432. Л.1; Бабич И.Л. Мсть в пореформенном адыгском обществе // Обычное право в России. Ростов-на-Дону, 1999. С. 220–249.
11. Там же. Д. 496, 628; Д. 2181. Л.1. Д. 2922. Л.1.
12. Там же. Д. 625. Л.1. Д. 696. Л. 1; Д. 3388. Л.1.
13. Свечникова Л.Г. Семейное право горцев в XIX – начале XX в. Историко-юридическое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 149.
14. Агшиев Н.М., Бушен В.Л. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Спб., 1912. С. 153.
15. Полевые материалы А.А. Плиева, 1965 г., сел. Алхасты, информаторы – А.М. Гудиев, 1903 г. рожд.; сел. Плиево, информатор – А.Ю. Плиев, 1898 г. рожд.
16. Полевые материалы А.А. Плиева, 1965 г., сел. Сурхахи, г. Грозный, информаторы – А.Э. Аушев, 1890 г. рожд.; Д.Д. Мальсагов, 1898 г. рожд.

- 17 *Бабич И.Л.* Иерархия общественных статусов в кабардинском обществе // Этнографическое обозрение. 1994, № 4. С. 44–53.
- 18 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1966 г., г. Грозный, информатор – *Д.Д. Мальсагов*, 1898 г. рожд.
- 19 *Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГАРСОА)*. Ф.1. Оп.1. Д.61. Л. 74.
- 20 *Полевой материал А.А. Плиева*, 1966 г., г. Грозный, информатор – *Д.Д. Мальсагов*, 1898 г. рожд.
- 21 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1966 г., г. Грозный, сел. Сурхахи, информаторы – *А.Э. Аушев*, 1890 г. рожд.; *Х.Д. Ошаев*, 1898 г. рожд.
- 22 *Бабич И.Л.* Право и жизнь на Северном Кавказе (рукопись). 2001.
- 23 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1965 г., г. Грозный, сел. Плиево, информаторы – *А.Ю. Плиев*, 1898 г. рожд., *Д.Д. Мальсагов*, 1898 г. рожд.
- 24 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1966 г., г. Грозный, информатор – *Х.Д. Ошаев*, 1898 г. рожд.
- 25 ЦГА КБР. Ф.И.–22. Оп.1. Д.402. Л.1–12.
- 26 *Бабич И.Л.* Правовая культура адыгов. М., 2000.
- 27 *Бабич И.Л.* Право и жизнь на Северном Кавказе (рукопись). 2001.
- 28 *Бабич И.Л.* Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // Человек и общество на Кавказе. М., 2002. С. 86–95.
- 29 ЦГА КБР. Ф.И.–22. Оп.1. Д.266. Л.1–9; Д.405. Л.1. Д.899. Л.2; Д.1092. Л.1; Д.2181. Л.1; Д.2183. Л.1.
- 30 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1971 г., сел. Катыр-Юрт, информатор – *Х.Г. Арсанов*, 1901 г. рожд.
- 31 Там же. 1971 г. сел. Бамут, информатор – *В.З. Карсамов*, 1857 г. рожд.
- 32 Там же. 1971 г., сел. Тазбичи, информатор – *Я. Яскиев*, 1876 г. рожд.
- 33 Там же. 1973 г., сел. Кокадой, информатор – *И. Ваваригов*, 1878 г. рожд.
- 34 Там же. 1971 г., сел. Рошни – чу, информатор – *У. Умаров*, 1880 г. рожд.
- 35 Там же. 1965 г., г. Грозный, информатор – *Д.Д. Мальсагов*, 1898 г. рожд.
- 36 Там же. 1966 г., г. Грозный, информатор – *Х.Д. Ошаев*, 1898 г. рожд.
- 37 ЦГАРСОА. Ф.117. Оп.1. Д.14. Л.12.
- 38 ЦГАРСОА. Ф. 166. Различные дела.
- 39 ЦГАРСОА. Ф.117. Оп.1. Д.14. Л.13.
- 40 ЦГАРСОА. Ф.117. Оп.1. Д.14. Л.12–13.
- 41 ЦГАРСОА. Ф.117. Оп.1. Д.14. Л.12-13.
- 42 ЦГАРСОА. Ф.117. Оп.1. Д.9. Л. 2, 61.
- 43 ЦГАРСОА. Ф.117. Оп.1. Д.9. Л.63.
- 44 ЦГАРСОА. Ф.12. Оп.3. Д. 179. Л.1.
- 45 ЦГАРСОА. Ф.12. Оп.3. Д. 179. Л.2.
- 46 ЦГАРСОА. Ф.12, Оп.3. Д. 179. Ф.12. Оп.3. Д. 179. Л.1.
- 47 ЦГАРСОА. Ф.12. Оп.5. Л.4545. Л.1.
- 48 ЦГАРСОА. Ф.12. Оп.3. Д. 178. Л.12.
- 49 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1966 г., сел. Алхасты, информатор – *А.М. Гудиев*, 1903 г. рожд.
- 50 *Голос правды*. Спб., 1909, № 985–1312.
- 51 *Полевые материалы А.А. Плиева*, 1965 г., г. Грозный, информатор – *Х.Д. Ошаев*, 1898 г. рожд.
- 52 Там же. 1965 г., г. Грозный, сел. Сурхахи, информаторы – *Д.Д. Мальсагов*, 1898 г. рожд.; *А.Э. Аушев*, 1890 г. рожд.
- 53 *Бабич И.Л.* Право и жизнь в адыгском обществе. М., 2001.
- 54 *Бабич И.Л.* Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время // Этнографическое обозрение. 1997, № 3. С.95–108.
- 55 *Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (далее – ЦГАЧИАССР)*. Ф.158. Оп.1. Д.14. Ингушский областной исполнительный комитет. 1920–1932 гг. Л.11. Протокол № 7. Л.13. П.8.
- 56 ЦГАЧИАССР. Ф.Р.–183. Д.9. Л.6.
- 57 ЦГАЧИАССР. Ф. Р.–158. Оп.1. Д.29. Л.8.
- 58 ЦГАЧИАССР. Ф.Р.–183, Д.134. Л.277.
- 59 ЦГАЧИАССР. Ф.Р.–264. Оп.1. Д. 293. Л.70.
- 60 ЦГАЧИАССР. Ф.Р.–264. Оп.1. Д.293. Л.70.
- 61 ГАЧИАССР. Ф.Р.–264. Оп.1. Д.293. Л.70.
- 62 ЦГАЧИАССР. Ф. Р.–264. Оп.1. Л. 37.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЧЕРКЕСОВ

Камбиев Руслан Хаджи-Муратович,

*старший инспектор по правам человека на Северном Кавказе,
председатель общественной организации «Открытый Кавказ»,
kambiruslan@yandex.ru*

Судебная практика назначения наказания по обычному праву черкесов (адыгов) основывалась на принципе возмещения причиненного ущерба, посредством которого, как правило, улаживались конфликтные ситуации. В традиционном судопроизводстве существовала шкала возмещения и применялась в зависимости от тяжести причиненного вреда. Кроме того, практиковалось назначение иных видов компенсации ущерба. В данной статье описываются их виды, приводятся формы наказаний за совершение различных преступлений с конкретными примерами из архивных материалов.

Осуществление правосудия у черкесов уходит своими корнями в глубь веков и имеет в своей основе выработанные столетиями богатые традиции норм обычного права, а также систему судебных разбирательств на основе шариата.

Издревле нормы общественной жизни и взаимоотношения между отдельными членами рода у черкесов регулировались адатом – законом, основанным на обычном праве. Суд по адату представлял собой словесное разбирательство при посредничестве избранных судей. Суд был гласным и публичным.

Главной категорией при урегулировании гражданских отношений была честность и справедливость, на что указывал один из основоположников адыгской этнографии и истории Хан-Гирей: «У черкесов все судебные дела взвешиваются на чистоте совести. Совесть издаёт законы, и в судах руководствуются чистотою совести. Подозреваемый может оправдаться именем Бога; честность везде служит порукою».

Несмотря на то, что система кажется на первый взгляд утопичной, в реальности она эф-

фективно обеспечивала защиту общественного порядка. Так, например, это подтверждают мемуары английского путешественника Джеймса Белла: «Общественное мнение и установленные обычаи – вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел. Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью – всем тем, что отличает черкесов в их повседневных взаимоотношениях».

Основной формой наказания по обычному праву всех свободных членов общества за любое преступление, включая убийство (если не прибегали к мести), были имущественные платежи (штрафы). Черкесы не знали таких форм общественного наказания за преступления, как заключение в тюрьму, телесные наказания, смертная казнь до тех пор, пока не стали вводиться нормы шариата и российского законодательства.

В черкесской юридической практике существовала дифференцированная шкала выплачиваемых компенсаций за нанесение телесных повреждений или материального ущерба. Например, более легкой формой возмещения было устройство семье виновного «примирительного угощения» для семьи потерпевшего, а более жесткой – выселение семьи виновного за пределы селения. Для черкеса изгнание из своего селения было большим несчастьем. Многие из подвергнутых этому наказанию очень страдали, живя вдали от дома, и стремились через какое-то время все-таки вернуться обратно. Как описывалось выше, главной особенностью системы наказаний

у адыгских народов было отсутствие средств физического насилия. У черкесов не существовало ни тюрем, ни телесных наказаний, никаких других видов лишения свободы, и наказания ограничивались наложением штрафа, размер которого зависел от характера совершенного проступка и увеличивался в случае его повторения.

Единица штрафа (сха) определялась не произвольно, а по установленным правилам, где использовались собственные меры стоимости: условная единица (цю) равнялась одному быку. На размер сха сильно влиял социальный статус потерпевшего. Так, например, для князя сха был равен 60 быкам, для дворянина – 40, а для простолюдина – 8. За убийство князя необходимо было выплатить 100 сха, за убийство дворянина – 40, а за простолюдина – 20. Штраф за воровство со взломом составлял 10 быков, за вторичную попытку кражи – 25.

Штраф уплачивался виновным в течение срока, установленного судебным решением. Процедурой его взыскания занимался сам потерпевший, так как «суд у черкесов был, в действительности, не тот суд, которого решения опирались бы на власть исполнительную, а имел характер мирового соглашения спорящих, поддерживаемого страхом оружия, поэтому он и не брал на себя обязанности следить за исполнением своего приговора». Штраф распределялся следующим образом: небольшую часть получали судьи, более значительная доставалась родственникам истца и только треть доходила до самого истца и его семейства.

Как видим, стоимость штрафа за убийство, а также за ряд других преступлений, относившихся к числу общественно опасных, была очень высокой. Поэтому виновник был не в состоянии осилить ее выплату собственными средствами – большинство населения не обладало большим достатком. Здесь в дело вступали кровнородственные узы: штраф распределялся на всю фамилию, члены которой выплачивали определенную долю, осуществляя тем самым материальную поддержку своему собрату по общине. С другой стороны, слишком частый взнос штрафа за виновного был весьма обременительным для членов общины, поэтому им приходилось наблюдать за действиями каждого и удерживать беспокойных людей от преступных деяний. Если же преступник несколько раз подряд нарушал присягу и вновь совершал злодеяния, его изгоняли из фамилии. Последнее было крайне опасным для горца, так как человека, исключенного из фамилии, каждый мог оскорбить, ограбить, убить или взять в рабство, не навлекая на себя мщения. Виновнику оставалось только бежать и искать покровительства у

другой фамилии, а добиться этого с плохой репутацией было крайне сложно. Вышесказанное подтверждает, что кровнородственные узы у адыгов выступали в качестве эффективного механизма охраны общественного порядка.

Рассмотрение дел, связанных с кражами, входило в компетенцию созданных российской администрацией во второй половине XIX в. сельских судов, судопроизводство в которых осуществлялась на основе изданного в 60-е годы XIX века «Положения о сельских обществах». По желанию потерпевшего дело могло быть передано в медиаторский суд. Обычно медиаторы, установив вину вора, принимали решение о возвращении украденного. Однако бывали и необычные формы наказания. Так, однажды виновного в краже баранов по решению медиаторов водили по всему селению с куском баранины во рту. Если бы преступник совершил повторную кражу, то по решению медиаторского суда его могли изгнать из селения.

Если во время драки не были причинены телесные повреждения, медиаторы обязывали сторону виновного устроить для семьи потерпевшего «примирительное угощение» или сделать ей подарок. Например, в 1889 г. два односельчанина подрались из-за того, что один из них отказался возратить долг в размере 2 рублей 50 копеек. Дело поступило в медиаторский суд. Рассмотрев его, суд обязал зачинщика драки устроить для потерпевшего угощение, зарезав барана и приготовив бузу. В другом, похожем, случае медиаторы велели виновному подарить потерпевшему бычка в возрасте 3,5 лет.

Если в ходе конфликта потерпевшему был нанесен незначительный физический ущерб, медиаторы присуждали виновному выплату компенсации, включавшую оплату лекарств и услуг доктора, стоимость мыла для промывания ран, оплату наемного работника на время лечения потерпевшего, стоимость свечей и продуктов для приема гостей, посещавших больного, а также собственно денег на «удовлетворение». За легкие ранения суд назначал сумму в размере от 15 до 30, реже – до 100 рублей. После выздоровления и получения компенсации за ранение виновный приходил к раненому в дом, просил прощения и приглашал его на «примирительное угощение». Обычно для него акрывали 20 традиционных столиков с блюдами, приготовленными из туши одного барана, и бузой. Во время застолья семья виновного дарила семье потерпевшего лошадь-четырёхлетку. Этот подарок был особенно ценен, если на лошади стояло тавро какой-либо знатной фамилии.

В случае серьезного ранения медиаторы обычно назначали компенсацию в размере от 100 до 200, реже – от 200 до 500 рублей. Для более высоких размеров компенсации были нужны дополнительные факты. Так, однажды поссорились общинники, принадлежавшие к одной фамилии, и один из них был серьезно ранен. Медиаторы, рассмотрев дело, обязали виновного уплатить потерпевшему 500 рублей. Случаи неумышленного нанесения телесных повреждений, которые в основном происходили в среде подростков, не умевших пользоваться оружием, и молодых людей, подвыпивших на свадьбах или танцах, также рассматривались медиаторским судом. В этих случаях медиаторы особенно внимательно следили, чтобы виновный полностью и в срок выплачивал компенсацию. Если участники столкновения жили в одном квартале или являлись родственниками, медиаторский суд, исходя из необходимости прекратить постоянные контакты между семьями участников конфликта, мог принять решение о выселении виновного за пределы селения.

При рассмотрении случаев, связанных с убийством (умышленным или неумышленным), медиаторы, как правило, назначали компенсацию в размере от 300 до 500 рублей. Меньшая сумма выплачивалась редко. «Цена крови» в размере 500 рублей назначалась в тех случаях, когда имелись дополнительные обстоятельства, например, если был убит родственник или черкес из другого селения – гость в данном ауле. В 1860–1870-х годах при убийстве черкеса, принадлежавшего к привилегированному сословию, медиаторы могли назначить плату за кровь в размере от 550 до 800 рублей.

Установленная медиаторами сумма делилась на две части: денежную и натуральную. Соотношение частей было разным. Так, компенсация в размере 350 рублей могла быть разделена на две части: 250 рублей – стоимость скота, передаваемого пострадавшим, и 100 рублей серебром (выплачивались наличными). Так же как и при ранениях, последним этапом процесса примирения при убийствах было «примирительное угощение», устраиваемое семьей виновного для семьи потерпевшего. Для обеда готовили 20 традиционных столиков с блюдами, резали одного барана и из двух пудов меда варили бузу. Чем выше был размер назначаемой медиаторами компенсации, тем больше требовалось приготовить традиционных столиков с угощениями. Во время застолья сторона виновного дарила потерпевшей семье лошадь.

При рассмотрении дел, связанных с убийством, медиаторы достаточно часто обращались и к выселению виновной семьи в другое место

проживания. Если конфликтующие стороны жили по соседству, медиаторы могли принять решение о выселении виновного и его семьи в другой квартал того же селения. Если же семья потерпевшего испытывала сильную неприязнь к виновному и его семье, последняя выселялась за пределы селения. Так, в 1859 г. между узденями Кушховым и Тахтамышевым, жившими в одном селении, произошло столкновение, которое было рассмотрено в медиаторском суде. Медиаторы решили: «Главным условием для устранения между двух сторон всякого неприязненного столкновения должно быть удаление кого-либо из них на постоянное жительство в другое селение, вне Кабарды». Выселить решили семью Кушховых. В течение месяца она должна была со всем своим имуществом выехать за пределы не только Большой и Малой Кабарды, но и Карачая.

В очень редких случаях выплата компенсации заменялась принудительным выселением или сочеталась с ним. Медиаторы учитывали пожелание потерпевшей стороны: если произошло убийство соседа или родственника, потерпевшая сторона могла отказаться от компенсации и просить медиаторский суд принять решение о выселении семьи виновного за пределы селения. Выселение как форма примирения конфликтующих сторон применялась и в некоторых других случаях. Если потерпевшая семья, получив компенсацию, не чувствовала себя в безопасности из-за агрессивности со стороны виновного, медиаторы могли принять дополнительное решение о выселении семьи последнего. Однако для этого медиаторский суд должен был согласовать свое решение о выселении с мнением сельской общины, без согласия которой эта форма наказания не могла быть применена. Порой семья виновного в убийстве, особенно в неумышленном, сама стремилась покинуть прежнее место проживания, боясь мести со стороны семьи потерпевшего. Бывали случаи, когда, выполнив все предписания медиаторского суда, семья виновного не чувствовала себя в безопасности. Тогда она принимала решение о добровольном переходе в другое селение. Если семья виновного не могла выплатить установленную судом компенсацию, она также добровольно покидала родное селение.

Чрезвычайно распространенной формой урегулирования конфликта было временное (на период судебного процесса, выплаты компенсации и устройства примирительного угощения) выселение семьи виновного в другое селение. Его сроки могли быть от полугода до двух лет.

Во второй половине XIX в. медиаторский суд начал рассматривать ситуации, связанные с

преступлениями на сексуальной почве. В прежние времена «самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, – писал этнограф и кавказовед Леонтий Яковлевич Люлье, – это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства». Подобные происшествия почти никогда не завершались примирением «прежде, чем позор не будет смыт кровью виновного или кого-нибудь из его родственников».

Особенно острая ситуация складывалась тогда, когда девушка, принадлежавшая к привилегированному сословию, была изнасилована простым общинником. Во второй половине XIX в., как и в прежние времена, в случае изнасилования или соблазнения семья виновного старалась урегулировать ситуацию, устроив брак соблазнителя и его жертвы. Если же это не удавалось, дело могло быть рассмотрено в медиаторском суде, который назначал выплату компенсации в размере от 100 до 200, реже – до 500 рублей.

Случаи ранения или причинения смерти животным медиаторский суд рассматривал как нанесение материального ущерба хозяевам. Выплата компенсации владельцам животных устанавливалась в сумме от 45 до 75 рублей. Как сообщал Л.Я. Люлье, «редко кому удавалось в подобном случае уйти от уплаты пени».

Адыгский (черкесский) миротворческий процесс предусматривал не только определенные формы возмещения ущерба (нанесения телесных повреждений, материального урона), устройство «примирительного угощения», но и установление правил дальнейшего поведения участников рассматриваемых конфликтов. Если кто-либо нарушал их, медиаторы назначали выплату штрафа в размере от 100 до 300 рублей в пользу общины. Такие случаи описаны в архивных делах. При выплате некоторых видов компенсации в адыгской общине бытовала родственная помощь. В случае совершения преступления членом черкесского семейства или рода все родственники в совокупности складывались для платы за кровь. ризяга обязывала членов фамилии оказывать помощь только при выплате компенсации, помогать потерпевшей семье при совершении мести они не были обязаны. Архивные материалы подтверждают существование подобной родственной помощи при выплате компенсации. В селении Тыжево в 1890 г. произошла крупная ссора, в результате которой два родных брата убили троих односельчан. Дело рассматривалось в медиаторском суде, который определил размер компенсации в 1300 рублей. Родители виновных дали 200 руб-

лей, а остальную сумму в размере 1100 рублей родственники разделили между собой. Затем семья виновных братьев своими силами устроила «примирительное угощение» для семей потерпевших. Одной из них была подарена лошадь.

Из изложенного следует, что правосознание и юридическая практика черкесов сохраняли свойственные им особенности. Адыги рассматривали нанесение телесных повреждений и имущественного вреда как причинение «ущерба». У них не было понятий «преступления» и «наказания» за его совершение. Деятельность медиаторского суда сводилась к определению степени нанесенного ущерба и установлению размеров «возмещения». Важно отметить, что у черкесов не существовало жесткой связи между серьезностью нанесенного ущерба и формой его урегулирования. Они не различали причинение умышленных и неумышленных телесных повреждений. Медиаторский суд рассматривал практически все крупные конфликты, происходившие в адыгской общине. Характер решений, принимаемых медиаторскими судами, зависел от ряда факторов: сословного, должностного, территориального, возрастного, общественного, родственного. При рассмотрении конфликтов, происшедших между родственниками или соседями, медиаторы, как правило, принимали более жесткие решения. То же самое происходило при разборе конфликтов, в которых участвовали представители привилегированных сословий. Принадлежность виновного к старшей возрастной группе, его хорошая репутация в общине способствовали тому, что медиаторы могли принять по отношению к нему более мягкое решение.

В истории черкесов, как и других народов Северного Кавказа, были периоды, когда в обществе начали отчетливо проявляться тенденции развития и укрепления государственности. Новые тенденции укрепления вертикали государственной власти среди адыгов и других народов Северного Кавказа были связаны с приходом России в этот регион. Вместе с Россией на Кавказ пришла европейская цивилизация, принесшая с собой коренную перестройку всего образа жизни горцев. Пришлось кардинально менять многие стороны их жизни и, в первую очередь, систему охраны общественного порядка. В основе сложившейся у адыгов системы лежали следующие принципы: отсутствие центральной вертикали власти и специально выделенных органов правопорядка; регулирование гражданских отношений и равновесия в обществе с помощью определенных социальных институтов (механизмов); общественное мнение как главный регулятор поведения людей;

принципы честности и справедливости как основной фактор, учитываемый при вынесении судебных решений; гуманная система наказаний, основанная на штрафах. Российским властям необходимо было, с учетом перечисленных реалий, выстроить новую государственную систему обеспечения общественного порядка, основанную на совершенно других началах: наличие специально выделенных органов охраны правопорядка, единый свод законов как главный фактор при вынесении судебных решений, подчинение судебных органов государственной власти и система наказаний, основанная на средствах насилия. Стоит отметить, что представители российской власти, сумевшие интегрировать в новую систему принципы справедливости и честности, высоко ценимые горцами, добивались немалых успехов в этом крайне сложном деле.

Литература

1. Государственный архив Республики Адыгея. Ф. 21. Оп. 1. Д. 367. Д. 24.
2. *Калмыков Ж.А.* Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских обществах в годы Русско-Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность / Ж.А. Калмыков. – Краснодар, 1995. – С. 5.
3. *Мисроков З.Х.* Адатские и шариатские суды в автономиях Северного Кавказа. Дисс... канд. юр. наук / З.Х. Мисроков. – М., 1979. – С. 17.
4. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 2. Д. 162. 1376.
5. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адыге), абхазцами (азега) и др. смежными с ними // Записки Кавказского отдела Русского географического общества / Л.Я. Люлье. – Тифлис, Кн. IV. 1857. – С. 38.
6. *Бабич И.Л.* Судебная реформа и обычное право в адыгской общине / И.Л.Бабич // ЭО. 1999. – № 2. – С. 4. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 379. Л. 2.
7. *Дубровин Н.* Черкесы (адыге) // Документы и материалы по истории адыгов. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1991. – Вып.1. – с.7–248.
8. *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право, его особенности. – Нальчик: «Эль-Фа», 2003. – 196 с.
9. *Липинский Т.* (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: «Эль-Фа», 1995. – 464 с.
10. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: «Эльбрус», 1982. – 166 с.
11. Предания о Жабаги / Сост. А. Шортанов. – Нальчик: «Эльбрус», 1985. – 152 с.
12. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
13. *Эльберд М.* (Мальбахов Э.Т.) Страшен путь на Ошхамахо. Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 416 с. Источник: Современный Кавказ. – Вып.15. – Пятигорск: ОАО «Полиграфсервис», 2011. – С. 59–66.

ПРАВО И ЗАКОН В ОФИЦИАЛЬНОЙ И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ефремова Надежда Николаевна,

*кандидат юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН,
профессор НИУ ВШЭ,
nadnike@mail.ru*

Задача совершенствования организационно-правовых основ деятельности суда решается в истории российского государства с регулярной периодичностью¹. Это обусловлено как объективными внутренними (несовершенством суда), так и объективными и субъективными внешними факторами (социальными, политическими, идеологическими и прочими переменами, государственно-правовыми реформами и революционными построениями новых моделей на месте разрушенных старых), о чем свидетельствует богатый опыт трансформации отечественной юстиции. Неудовлетворенность качеством государственного суда заставляет правительство и гражданское общество периодически включать в его состав представителей общественности (сословных, народных, присяжных заседателей) или даже вводить отдельные звенья негосударственного, общественного суда (третейские суды, комиссии по делам несовершеннолетних, трудовые сессии и прочие).

Планирование очередной судебной реформы в России, поиски новых форм альтернативного, негосударственного судопроизводства для дел особой юрисдикции (по предметному и субъектному составу участников) на современном этапе заставляют задуматься, как можно одновременно удовлетворить потребность гражданина (индивидуума), общества и государства в надлежаще организованном правосудии, сочетая институты официальной и неофициальной юстиции, при этом желательно с опорой на национальный опыт, накопленный в предшествующие исторические эпохи, отражающий наличие качественных особенностей национальной правовой культуры, одним из факторов которой является правосудие,

или юстиция. Это безусловно важно, поскольку только традиционные ценности при здоровом консерватизме могут обеспечить стабильность новой модели, в противовес волонтаристским необоснованным новациям и рецепциям зарубежных образцов, выступающих, по общему правилу, деструктивными факторами. Впрочем, сочетание традиционного и новационного в истории отечественных судебных реформ в большинстве случаев присутствовало, однако не всегда в оптимальной пропорции и в соответствии с вызовами времени².

Разумеется, речь не может идти о полном отказе от государственного суда, обеспечивающего универсальный характер правосудия как в наибольшей мере потенциально соответствующий принципу формального равенства, то есть одному из сущностных начал права, в целом, и производной от него категории и явления, – правосудия, в частности. Под официальной юстицией автор понимает государственную или обеспеченную государственным санкционированием общественную (и светскую, и религиозную), тогда как под неофициальной юстицией понимается негосударственная по природе, по структурно-организационной и функциональной оформленности институция, разрешающая юридически значимые конфликты и споры в интересах участников соответствующего процесса, относящихся к определенной социальной (территориальной, конфессиональной, этнической и т.п.) группе или сообществу. Последняя не обеспечивается, как правило, государственной поддержкой, но прямо и не запрещается законом (примерами являлись селенные, семейные суды, суды стариков и прочие, продолжавшие действовать в Российской

империи в пореформенный период; причем их решения признавались официальной местной юстицией, в частности, волостными судами). Вместе с тем, необходимо отметить, что так называемая общинная юстиция, основанная на обычном праве, формирующаяся в догосударственный период социальной организации, может сосуществовать впоследствии наряду с государственной официальной юстицией как в качестве официальной, так и не официальной, если она не запрещена законом. Также в данном случае уместно привести современное доктринальное определение «обычного», или «традиционного права», как сложившегося в догосударственный период, но сохраняющего свое действие в качестве оснований для решения дел в общинных, или традиционных, институтах, наделенных судебными функциями. Их достоинство в сравнении с другими органами юстиции состоит в примирительной направленности производства спорных или конфликтных дел³.

При этом основания для решений по делам в данных двух разных моделях юстиции также различны. Большое и даже определяющее, по мнению А.И. Ковлера, значение для формирования традиционных правовых систем в целом, и становления источников правоприменительной деятельности традиционной юстиции, по нашему мнению, в частности, имеют «религиозно-этические нормы» и «ценностные установки соответствующей культуры»⁴. Социальная и правовая природа этих оснований нуждается в специальном анализе, проведение которого невозможно без учета философско-правового подхода к различению права и закона, права и обычая, права и религиозной, нравственной и иной нормы. В философской и юридических доктринах сложилось множество вариантов их отождествления и разделения, основанных на использовании различных как юридических (прежде всего, академик В.С. Нерсесянц⁵, создавший соответствующую типологию правопонимания), так и неюридических критериев. Заслуживает, в частности, внимания и подход известного русского государствоведа и теоретика права Н.М. Коркунова, который разделял право как юридические нормы в совокупности с другими неюридическими нормами (нравственными, этическими или техническими) и закон, как он пояснял «в научном смысле». Вследствие чего любая из «норм», включая правовую, по его определению, «есть правило, обусловленное определенной целью, другими словами правило должного», тогда как закон есть «общая формула, выражающая подмеченное единообразие явления. Закон выражает не то;

что *должно* быть, а то, *что есть* в действительности, – не должное, а сущее. Закон есть лишь обобщенное выражение действительности»⁶. Не менее интересно определение догосударственного права как имеющего отношение к рассматриваемой проблеме, данное Г. Еллинеком: «Правом первоначально считается у всякого народа то, что фактически осуществляется как таковое. Длительное осуществление соответствует норме, и с тем вместе сама норма является уже авторитетным велением общества, т.е. правовой нормой. Этим разрешается и проблема обычного права. Источником обычного права является не санкционирующий его народный дух, не общее убеждение в том, что что-либо есть право в силу внутренней необходимости, не безмолвный волевой акт народа – обычай возникает из той общей психической особенности, в силу которой фактическое, постоянно повторяющееся, рассматривается как нормативное; происхождение обязательной силы обычного права совершенно аналогично происхождению обязательной силы церемониала или моды»⁷. Не останавливаясь на анализе приведенных мнений, следует признать, что целью автора настоящей статьи в данном случае является не решение в рамках небольшой статьи проблемы, а скорее, привлечение внимания к ней в интересах формирования оптимальной модели правосудия, в организации которой могут быть гармонизированы интересы и потребности личности (индивидуума, человека, гражданина, подданного), общества и государства одновременно.

В поисках идеальной, а точнее образцовой, или надлежащей модели организации правосудия, по мнению автора, весьма важно, как уже было заявлено выше, опираться на анализ опыта организации и деятельности предшествующих моделей, позволяющий выделить как позитивные их качества, так и негативные, как закономерности их эволюции, так и случайности, влияющие на их состояние в конкретно-исторические периоды. Комплекс таких данных может помочь и в отображении и последующей рецепции исторически доказавших релевантность надлежащей организации правосудия черт, а также избежать использования свойств, которые ранее опытным путем уже опровергли свою приемлемость при проектировании новой современной модели. Уместно в связи с этим вспомнить собранные под руководством С.И. Зарудного как одного из «отцов» судебной реформы 1864–1899 гг., общепризнанной в качестве наиболее успешной из всех проведенных в истории России, 74 тома материалов по истории отечественного и зарубежного суда, позволивших создать сначала концепцию, а на ее основании и

прогрессивное судебное законодательство (Судебные уставы 1864 г.).

Важным для успеха проектной деятельности, что особенно сложно, как из-за пресловутого утверждения «два юриста – три мнения», так и из-за объективно сложившегося различия в правопонимании, является договоренность о едином понятийном словаре. Взяв, к примеру, термин «суд», можно убедиться, что в истории и в современности его используют в разных смыслах: 1) как орган, причем и государственный, и общественный – по природе, и единоличный, и коллегиальный – по составу; 2) как функцию («суд судити») – в русских Судебниках 1497 и 1550 гг.); 3) как форму судебного процесса, или синоним состязательной, противоположной по форме розыску, или розыскному, следственному, инквизиционному процессу (в памятниках русского права XV–XVIII вв.) и др.

Нет единства и в вопросе о генезисе суда: в позитивистском правопонимании утвердилось представление о единовременном его возникновении с государством и, разумеется, с правом⁸, определяемом как выражение воли государства и отождествляемым с законом, тогда как, в частности, в либертарно-юридической концепции зарождение права относят к догосударственным формам организации публичной власти, равно как и суда в качестве правоприменительной институции и как явления производного от права (правосудие, юстиция). Из бесчисленного множества исторических источников известно, что после трансформации племенной организации публичной власти (народное собрание, совет старейшин, вождь, жрецы) в государственную форму последней наряду с принимавшимися государством новыми формально-юридическими источниками продолжала действовать сложившаяся ранее в социуме система правовых обычаев, наиболее значимые и перспективные из которых санкционировались с течением времени государством. После чего еще длительный период сохранялся дуализм правовых форм одновременно действовавшего обычного (традиционного) и государственного права (закона в широком смысле этого слова). То же следует сказать и о суде: процесс трансформации общественного по своей первоначальной природе суда к государственной его организации сопровождался постепенным расширением юрисдикции государственного суда за счет сужения традиционного, общинного, а также поступательным переходом от частного обвинения к публичному.

Оппоненты последней позиции в пользу своей говорят о принуждении как о качестве только государственного по своей природе права

и монополии государства на его легальное принуждение, которое в значительной мере осуществляется государственно-опосредованным судом. В доказательство приводят, в частности, цитату классика: «Право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права», – имея в виду, что это аппарат государственной власти, применяющий легализованное насилие, и при этом подчеркивают классовый характер как государства, так и права, которое выступает «в качестве регулятора (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»⁹. По мнению известного теоретика права советского периода Л.И. Спиридонова, право выступает как «классовый регулятор общественных отношений, сущность которого объясняется формально-логическими средствами»¹⁰. Справедливости ради следует отметить, что Л.И. Спиридонов, как сторонник социологического подхода в понимании права, определял древнее общество как целостность, наделяющую своих членов социальными функциями, в котором зарождалось «абстрактное право» как «развитый момент» «социального организма», нашедшее «историческое выражение в форме индивидуальных фактических отношений, ставших обычаями и традициями»¹¹. Он полагал, что в новых условиях «всеобщности связей индивидов», то есть с переходом от родоплеменных общин к территориальным, «приобретение правом характера всеобщности» изменяет способ его применения, поскольку правонарушение направлено теперь на «социальное целое», и соответственно «восстановление нарушенного права становится не делом «мстящего индивида», а прерогативой суда». Также Л.И. Спиридонов высказывал не типичное для официальной юридической доктрины мнение: «То, что этот орган представляет гражданское общество, подчеркивается едиными для всех судов процедурами применения положительного закона (процессуальное право) и публичностью его деятельности»¹².

В рамках либертарно-юридической концепции и с учетом социокультурного, а не классового подхода, право и производные от него категории определяются иначе, и прежде всего соответственно сущностным началам первого – формального равенства, свободы и справедливости, в согласовании в нем должного и сущего, выделяя при этом в истории развития правовых явлений «ступени роста», соответствующие уровню достигнутого прогресса права и государства как правовой организации публичной власти. Такой подход позволяет отойти от тотальной критики исторических типов и форм права и государства, на основании

которой творцы советского легизма¹³ отказывали в признании положительных качеств всех предшествовавших социалистической формаций, и типов государства и права соответствовавших прежним как эксплуататорским. В частности, суд рассматривался как средство защиты интересов господствующего класса и орудие подавления эксплуатируемых. С отходом от классового понимания целей легализованного принуждения следует признать принуждение в праве как средство достижения правовой цели, то есть обеспечения осуществления правовых требований, установ-

ленных обществом в общих интересах и соответственно покоящихся на легитимности принятых в данном обществе институтов юстиции, опирающейся на признанный обществом авторитет. Формы последней соответствуют социокультурным традициям и сложившейся правовой культуре, а в случае традиционной ее модели и юридическому быту. Такой подход применительно к рассматриваемой теме позволяет увидеть положительные черты организации официальной и неофициальной юстиции прошлого и настоящего.

Примечания

- 1 Разумеется, судебные реформы не являются исключительной особенностью развития отечественного суда, но в сравнении с модернизацией суда в иных государствах, на первый взгляд, заметно, что это происходит не только на всех значимых для типа и форм государства и права этапах перемен, но и в периоды их общей стабилизации. Можно сослаться на судебные реформы и контрреформы XVIII, XIX вв., когда судебную организацию меняли не в параллели с реформами административными, реформу конца XX – начала XXI в., по сути незавершенную и в настоящий момент возобновляемую.
- 2 См., например: *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы / Государство и право. М., 1996, 11. С. 85–91; Ефремова Н.Н. Глава 4: Судебные реформы в России: пути утверждения идей и ценностей правосудия // Политико-правовые ценности: история и современность. Эдиториал УРСС. М., 2000. С. 226–252.
- 3 См., например: *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение. Учебник. М.: Юрист, 2000. – 448 с. С. 335.
- 4 См.: *Ковлер А.И.* Антропология права. Учебник для вузов. М.: Издательство «Норма», 2002. – 480 с. С. 197; *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2000. С. 272–277.
- 5 См., например: *Нерсесянц В.С.* Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983.
- 6 *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. 2-е изд. / Предисловие д-ра юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 430 с. С. 71.
- 7 *Еллинек Георг.* Общее учение о государстве / вступительная статья д-ра юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 752 с. С. 337. ISBN 5-942010310-1.
- 8 См., например: История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Под ред. Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 447 с. С. 13.
- 9 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99, 94 / Цит. по: Спиридонов Л.И. Избранные произведения по теории права. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2010. С. 24. ISBN 978-5-7320-1188-3.
- 10 *Спиридонов Л.И.* Указ. соч. С. 24.
- 11 Там же. С. 59.
- 12 Там же. С. 66.
- 13 См., например: *Ефремова Н.Н.* «Советский легизм» в портретах: М.С. Строгович, Н.Н. Полянский, С.А. Голунский // Право и государство: теория и практика. 2015, № 1 (121). С. 146–152.

СОВРЕМЕННЫЕ СЕЛЬСКИЕ СХОДЫ (САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Прянишникова Татьяна Вячеславовна,

*председатель Ассоциации детских служб примирения Самарской области,
pmtv68@yandex.ru*

Современные сельские сходы, рассматриваемые в данном материале, описываются на конкретном сельском поселении. Само поселение состоит из семи поселков общей численностью населения около двух тысяч человек. Поселки находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Сельское поселение основалось по историческим меркам совсем недавно, в 1936–1938 годах. Заселили эти поселки жители из разных мест – из Пензенской, Оренбургской и других областей.

По наблюдениям, можно выделить четыре вида сходов:

волостной;
поселковый;
уличный;
мини-уличный.

Каждый из них имеет свои особенности.

Таблица 1. Некоторые характеристики сельских сходов

№	Сход	Частота сбора	Решаемые вопросы	Число людей
1	Волостной (сход представителей от всех поселков, входящих в сельское поселение)	1 раз в год	Отчеты главы поселения и главы муниципалитета	Сотни, от каждого поселка есть представители
2	Поселковый (сход представителей от одного поселка)	По мере необходимости	Обсуждение важных вопросов и проблем, например, празднование дня поселка и др.	30–50 человек
3	Уличный (сход представителей с одной-двух улиц по одному представителю от домовладения)	По мере необходимости	Важные вопросы и проблемы конкретной улицы или двух улиц	20–30 человек
4	Мини-уличный (сход только заинтересованных жителей в решении локальной проблемы)	По мере необходимости	Затопление, борьба с паводком на конкретном участке и др.	3–6 человек

На **волостном сходе**, который проходит в виде собрания, собираются граждане в большом помещении, например, в доме культуры. Глава сельского поселения и глава муниципального района готовят презентации и доклады о проделанной работе. В основу доклада главы сельского поселения включены отчеты различных юриди-

ческих организаций, находящихся на территории поселения, то есть всех семи поселков, жители которых приезжают для участия в сходе. В зале присутствуют руководящие работники учреждений, обслуживающих население волости. Доклад изначально слушается от главы волости, а затем от главы района. Все вопросы, которые задают

жители волости, переадресовываются руководителю организации, который за данное дело отвечает. В любой момент глава района может задать вопрос любому руководителю – и тот должен быстро дать ответ в цифрах или коротко по существу. В зале жители волости быстро реагируют на фальшь эмоциями, например, если не довольны работой врача общей практики, люди выражают вздохом одновременно недовольство. Никакая другая оценка не способна перебить отношение к его ошибкам. Никакой главврач районной больницы не убедит людей, что на самом деле работа ведется на удовлетворительном уровне. Сотня глаз, направленных на защитника, выражает презрение говорящему за то, что покрывает ошибки подчиненного. Это воздействие оказывается достаточно сильным для того, чтобы пересмотреть отношение к своей работе. Большое внимание уделяется роли общественных организаций, работающих в волости, например, совет ветеранов, молодежный совет, женсовет. Отмечают их заслуги в общественной жизни всей волости.

Поселковый сход в виде собрания проходит по мере необходимости для решения важных внутренних вопросов, например, празднования дня поселка, проведения юбилейных наградений, сельского конкурса на лучший двор, проведения субботников по благоустройству поселка, высадки насаждений, проведения выборов и др. Собирают активных жителей в зале дома культуры и глава поселения озвучивает вопросы. Любой житель может попасть на такой сход и внести свою лепту в решение вопросов. На таком сходе практически никто не голосует, прислушиваются к мнению самого активного жителя. По его совету принимают решения. Жители настроены доброжелательно друг к другу. Доверие людей к главе сельского поселения красной нитью проходит через встречу.

И самыми трогательными являются **уличные сходы**. Собираются они хаотично, по мере накопившихся вопросов. В основе обсуждения на таких сходах стоят вопросы переселения, оформления документов, благоустройства улицы, каким должен быть забор, куда девать мусор, где разместить детскую площадку и т.д. Представители сельской администрации и жители собираются вечером на одной из улиц по одному человеку от двора. Есть и свои особенности: при встрече главы сельского поселения и первых жителей нужно сказать главе: «Почему стол не накрыли?», а он должен ответить: «Это вы нам должны, а не мы вам». Затем дожидаются всех, мужчины здороваются друг с другом за руку. Женщинам предписано вести себя скромно, быть нарядными. Часто

все встают в круг, вокруг бегают дети, собаки и кошки. Вопросы могут решаться серьезные, например, как подать документы и как правильно их оформить, и обычные, например, куда девать мусор, все ли фонари горят вечером. Решения принимаются без голосования, прислушиваются к мнению самого активного жителя. Часто слушают того, кто громче кричит. Но слушать могут разные мнения, кто будет плохо и долго говорить, того перебьют и махнут на него рукой. Слушают тех, кто может четко выразить мысль.

Видна тенденция сохранения неких атрибутов сельского уличного схода, например, один человек от домовладения, приветствие, расположение людей в виде круга, возможно перемещение внутри круга, отсутствие голосования, решение проблем криком, мирные и шуточные высказывания людей, присутствие детей, животных, очень позитивное отношение к главе, уважение мнения большинства или уважаемого человека, если даже его мнение в меньшинстве. Приятно то, что после схода многие идут в гости друг к другу.

Мини-уличные сходы собираются по крайней необходимости. Например, подтопление – нужно провести работы по отводу воды от домов. Жители сами назначают встречу главе поселения и обрисовывают кратко ситуацию и что могут сделать сами, а в какой помощи нуждаются. Всё решается быстро, а обещания выполняются. На данном сходе бывают только заинтересованные жители, то есть те, которых касается данная проблема. Посторонние там не нужны. Дело делается сообща.

Таким образом, все виды сходов имеют право на существование, позволяют людям самим решать некоторые вопросы и проблемы. Явление сходов устойчивое и самодостаточное.

Наблюдение за тем, как в сообществах люди договариваются и решают свои проблемы, может быть важным для людей, способных передавать опыт другим поколениям. Сельские сходы имеют сходство с историческими описаниями сельских сходов в крестьянской России в конце 19-го века. Исторические традиции до конца не исчезли, они трансформировались под реальность. Но можно отметить общие черты сходов раньше и сейчас:

1. Собирают по одному жителю от двора;
2. Решение зависит от самого инициативного, который не боится прокричать предложение решение проблемы;
3. Уважение жителей к главе поселения;
4. Взаимоуважение людей друг к другу, принятие мнения авторитетного человека в первую очередь;

5. Выработка общего решения (люди не расходятся, пока не решат, либо обдумают и позже снова соберутся);
6. Наряды женщин и шутки жителей в адрес друг друга (для поддержки настроения);
7. Повторяющиеся приветственные фразы от главы к людям и наоборот – от людей к главе;
8. Непозволительно чужим людям быть на сходе.

Предлагаю некоторые описания уличных сходов для понимания повторяющихся правил сельского схода, а также для понимания, каким образом люди научились договариваться в сообществах.

Сельский сход улиц Малиновой и Вишневой

23 марта 2016 года

Сегодня был сход двух улиц: Малиновой и Вишневой. Собрались все, кроме двух домовладельцев, они отпросились. Всего было 12 человек. Назначено было к шести часам вечера. Без семи минут вышли жители из второго дома с улицы Вишневой, затем из четвертого, начали шутить над тем, а где же все остальные. Вскоре стали открываться двери, из-за которых выглядывали некоторые хозяева, их интересовало, сколько уже пришли человек и не опаздывают ли они. Следом еще подошли люди, стали здороваться и шутить. Женщины некоторые оделись ярко, нарядно. Но почти все были в резиновых сапогах. Стали высмеивать одного мужчину за сапоги: «Куда же ты в таких пришел?»

Тут же подъехал глава сельского поселения с двумя женщинами. «А где стол? – спросил глава, – почему не накрыли?». Все рассмеялись. Мужики поздоровались за руку, женщины улыбались. «Ну, кого нет?» – спросил глава. Из-за углов выходили нехотя скромные женщины. Шли не спеша. Без них начали.

Глава озвучил первый вопрос: «Какой будем ставить забор?» Глава говорит, что лучше сплошной, лишнего ничего не будет видно. Женщина возразила: «Как в коробке сидеть будем, ничего не видно, давайте штакетник».

Серьезный пожилой житель предложил сделать пожарный проезд. Ведь важно всем, а вдруг пожар. Глава сказал, что не запланировано, но нужно. Он предложил: «Давайте отрежем по 2 метра от каждого надела и получится дорога». Хмурый житель сказал: «Мне проезд не нужен,

я живу с краю». Женщина нарядная предложила руки поднимать. Но никто не стал поднимать. Пошли, что раз житель кричал громко о пожарном проезде, значит, будем делать. Глава спросил: «Есть еще вопросы?»

«Главное, поймите, вы не одни, вы думаете, мы сидим в сельсовете? Нет, мы с вами. Вам будет хорошо – и нам тоже будет хорошо», – пояснил глава.

Веселый житель начал шутить про нечистую силу, как она ему спать не дает. Хвалится, что далеко съездил и заплатил бабке 5 тысяч, за эти деньги она обещала всех нечистых к соседям угнать. Сам смеется и на соседку глядит, что-то ей не смешно. Видно, задел за живое. Пошли разговоры о том, как прозимовали. Всем ли тепло было. Каждый что-то сказал. Друг друга не слушали.

Женщина из сельсовета решила разносить документы на подпись. Каждый подписывал, почти не читая, вроде всё понятно объяснили. «Да ладно, ведь не обманут», – так многие думали, и кто-то эту мысль высказал вслух.

Тут все замерзли, ежиться начали. «Ну что? Всё решили, пора по домам», – предложил кто-то. Некоторые жители стали звать на чай тех, кого давно не видели.

15 апреля 2016 года

Сегодня вечером на закате в 21 час собирався сход двух улиц, Малиновой и Вишневой. После субботника глава сельской администрации приехал на Вишневу и окликнул мальчика, чтоб тот всех позвал. Мальчик побежал собирать жителей, многие были на огородах, занимались землей. Все быстро пришли к месту сбора. Поздоровались и спросили: «Почему здесь собрались?» Жительница ответила: «Кто первым затормозил главу, там и будет сбор». Некоторые подумали: «Значит повезло».

Подходили все и вставали в круг. Многие радовались тому, что свиделись. Мужики подходили и здоровались за руку. Женщины поправляли на себе одежду, многие с огорода и поэтому не нарядны. Взяли с собой детей, а те принесли котят и щенков. Дождались всех, кроме пожилого жителя, он на работе – об этом все знали. Стали знакомиться с молодыми соседями, которые недавно приехали жить. Глава сказал: «Хорошо у вас тут, может мне к вам переехать?» Начало было приветливым.

У главы сельсовета есть цель – объяснить, чтобы колышки никто не трогал, что законно вбиты колышки специалистами с землеустройства и никто их трогать не может, иначе будет штраф.

Тут один пожилой житель начал хорошо говорить, что он согласен с границами земли, которую ему отвели. Но говорил непонятно и долго, все решили, что хватит его слушать, потому что непонятно. Предположили, что он совсем не умный, а ведь раньше думали про него иначе.

Тут один нервный житель разгорячился и начал скандалить с соседкой, что та выставила гараж слишком вперед. Та на него стала кричать, чтобы не лез не в свои дела. Пока они кричали, все их ждали. Глава сказал: «Хватит кричать, а то голова болит после субботника».

Перешли ко второму вопросу: строить пожарный проезд или нет. Глава сказал про плюсы и минусы. Когда про минусы говорил, грубовато высказался. Но все одобрили, что высказался понятным языком. Потом женщина, живущая на углу улицы, начала шуметь, что она против проезда, потому что никто убирать его не будет. Шумела долго, но её слушали. Муж дернул её за рукав и сказал, что хватит кричать. Никому в голову не пришла мысль о голосовании. Решали всё криком. Кто громче кричит, тот и прав.

Перешли к третьему вопросу: главу спросили про тротуар. Он удивился и посмеялся: «Вот чего захотели, нигде нет, а вам делать его что ли?» Один старик сказал, что нужно думать о будущем, а равняться на прошлое не стоит. «Но тротуара не ждите, – сказал глава. – Не буду обещать того, чего не смогу сделать». Все замолкли. Тут опомнилась женщина с угла и спросила: «Городьбу ставить можно между соседями?» «Ставьте», – ответил глава. «А спереди мы сами вам поставим, чтобы красиво было», – добавил он к сказанному.

Стало совсем темно, стали расходиться. Станным было то, что ощущение радости было от того, что вместе собрались, постояли рядом. Пусть не красиво говорили и грубовато, да и кричали громче обычного, но от души высказывались честно, на грубую речь никто не обижался, с нею даже как-то все понятнее становилось.

Июнь 2016 года

Работники сельсовета обзвонили жителей двух улиц, Малиновой и Вишневой, позвали на встречу. Время было назначено на 17.30–18.00. Все пришли, собралось много людей, от каждого домовладения по 1–2, а то и более человек. Пришли всего 30 человек, из них 10 детей.

Конечно, люди приоделись, позориться не хочется. Вот подъезжает на иномарке глава посе-

ления, с ним две женщины – специалисты. «А где стол? – спросил глава сельсовета. – Почему не накрыли? Должны стол накрывать». Традиционно в ответ особо недовольные жители пробурчали: «Это вы нам его должны накрывать». «Ну, кого нет?» – спросил глава. – Вроде все пришли?». Все встали в круг, атмосфера накалилась, многие передвигались внутри круга и, найдя себе место, замирали. Все только недавно узнали, что один житель с Вишневой написал жалобу на главу. А на что жаловался, никто не знал. Некая растерянность была у людей от того, что без обсуждения с людьми жалоба возникла. Многие были недовольны и, наверное, думали: «Откуда его только черт принес на нашу голову? Выгнали его с городской квартиры за характер, вот он теперь нам нервы мотает».

Объявили тему схода: в каком порядке приходиться за документами на квартиры для приватизации и передачи в собственность. Сначала молодая женщина из сельсовета просила выслушать ее, она подробно и доброжелательно объяснила, кому, когда и зачем приходиться и какие бумаги принести с собой. Потом вторая молодая женщина строго все объяснила о том, что нужно всем сделать.

Настал жгучий момент – глава обратился к кляузнику. Хотел понять, зачем он жалобу написал. Житель начал нагло оправдываться, что не он писал жалобу, а его сын. А сына его никогда никто не видел, поэтому засомневались жители в правде. Люди, стоявшие в кругу, стали перемещаться в сторону главы. Большинству неприятно стало. Кляузник стал просить прощения у главы, что недосмотрел за сыном. Люди молчали, многие опустили голову и морщились. Дети разинули рты и ждали чего-то. Скорее всего, глава и простил его, но нужно время. Люди отвернулись от кляузника, какой-то он неприятный. У людей он не просил прощения, а ведь все понимали, что советоваться нужно с людьми. А раз не посоветовался, то и поддержке не бывать.

С тех пор прошло время. Действительно, у кляузника есть сын, он молод. Глядя на него, людям становится понятным, что сын, скорее всего, хотел помочь отцу. Не все люди в молодом возрасте понимают, что живут люди в поселках сообществом и советоваться нужно друг с другом.

На следующий день после схода с утра собрались одни дети и стали играть в сход. Их игру заметили люди, живущие на краю улицы.

СЕЛЬСКИЙ СХОД КАК ОСНОВА ПРОВЕДЕНИЯ КРУГОВ СООБЩЕСТВА

Путина Ольга Владимировна,

*глава территориального управления поселка Станционный-Полевской администрации
Полевского городского округа Свердловской области,
olga-putina@inbox.ru*

– Алло, когда будет электричество? Мы детей накормить не можем, температура в доме опустилась несколько часов назад – старики в холоде лежат. А уроки как делать? Ну, хорошо, сегодня восстановят..., а сколько еще будут продолжаться частые отключения?

– Приходите завтра в 14 часов, у меня есть информация по этому вопросу. Да, и соседу Вашему передайте, он тоже звонил.

2 ноября 2017 года в поселке Станционный-Полевской Свердловской области произошло отключение электричества. На восстановление понадобилось 8 часов. Двое жителей улицы Правонабережная позвонили мне, чтобы выяснить, когда будет восстановлено электроснабжение.

Накануне я получила информацию об утверждении статьи муниципального бюджета на восстановление резервной подземной линии электропередач, подающей электричество в поселок. Позвонивших мне я пригласила к себе в кабинет на следующий день, чтобы рассказать им о планируемом восстановлении. Я рассчитывала, что после встречи они поделятся полученной информацией со своими соседями и информация дойдет до всех заинтересованных жителей, в итоге снизится социальная напряженность.

3 ноября в назначенное время в территориальное управление поселка на прием к главе пришли двое жителей, которым была назначена встреча, и еще 20 человек, узнавших о встрече.

Эмоциональная готовность принять любое количество граждан по любым вопросам позволила быстро организовать пространство для проведения встречи. Я принимала жителей не одна (обычно управляюсь сама) – пригласила инспектора по работе с населением. Инспектор вела протокол, так как она знает многих жителей по-

селка, что значительно упрощало положение дел. Важно, чтобы кроме ведущего на встрече были значимые люди, которые владеют ценной информацией. На свободный стул, рядом со мной, я пригласила сестру главного механика по электроснабжению, который оказался среди пришедших. Наряду с этим существовали риски, связанные с отсутствием и невозможностью проведения предварительных встреч. Люди уже пришли! Пришли сами, а значит, мотивированные на решение проблемы. Но мы не знали, на что они готовы.

Предварительный этап (подготовка, предварительные встречи) от нас не зависел, и мы взяли управление ситуацией в момент проведения встречи. поприветствовав и представившись, я обозначила цель встречи, ограничения (время проведения встречи), представила председателя, секретаря, озвучила правила встречи (слушать уважительно, не перебивать, говорить по существу). Вопросы повестки сформулировала следующим образом.

1. «Воспоминания жителей, как долгие годы обстоит ситуация с электроснабжением поселка и почему важно решение вопроса»;
2. «Информация администрации Полевского о планируемых мероприятиях по улучшению качества электроснабжения»;

3. «Что мы, жители поселка, можем сделать, чтобы улучшить сложившуюся ситуацию».

Выписка из протокола по первому вопросу.

«Нина: проблемы начались с 1986 года: аварийные отключения, потом совсем плохо стало. Я с сентября веду учет, когда были отключения.

Александр: есть видео (показал видео). Скачки напряжения от 180 до 250 вольт. Выходят из строя котлы, холодильники, отопление...»

Высказавшись по первому вопросу, участники были готовы к продолжению. Без лишнего напряжения и эмоций жители выслушали информацию, которую я доложила. Для усиления позиции передала слово главному механику, тот рассказал, что уже сделано и что «запланирован капитальный ремонт некоторых воздушных линий и трансформаторных подстанций до 01.06.2018 года; проведен монтаж дополнительного фазного провода на воздушной линии ул. Кирова, капремонт воздушной линии КТП №1, КТП-160 «Школа», капремонт ВЛ-10кВ, проходящей по поселку, на 2018 год запланирован капремонт подающей на поселок ВЛ-10кВ, на 2018 год – капремонт трансформатора».

Затем перешли к третьему вопросу: «Что мы, жители поселка, можем сделать, чтобы улучшить сложившуюся ситуацию?»

Инициативу перехватил «зачинщик»: «меня жители часто просят: «Подними общественность...», направляли письмо губернатору СО, главе ПГО и др. Ответов не видели. Встречался с Ветлужских А.Л. (Депутат ГД РФ, имеет дачу в поселке), он сказал, что Путину В.В. увезет. Качество обслуживания плохое, то техника, то трубы меняли, у соседа чуть дом не сгорел. Мы скинулись и новый трансформатор поставили. Главный механик ответственно, добросовестно работает и днем и ночью, но денег не выделяют. Предлагаю Путиной О.В. направить приглашения всем заинтересованным сторонам, пусть нам доложат о работе».

Был риск потерять контроль над ситуацией, потому что он начал историю заново, возвращаясь к первому и второму вопросам повестки.

Со своей стороны я дала понять, что согласна с позицией жителей и поддерживаю их в необходимости улучшения ситуации. Гарантировала поддержку выполнения соглашений на собрании жителей в уже назначенную дату. Предложила собравшимся сформулировать дальнейшие «наши» действия. Услышав предложение, я давала обратную связь: «Правильно ли я поняла...», «Правильно ли я записала...».

В результате, я еще раз целиком зачитала пункты решения. Важно то, что все пункты решения были продиктованы жителями, тем самым ответственность за дальнейшие действия по решению ситуации «вернулась» к ним. Предложения мной были приняты полностью или приняты с корректировкой и дополнениями.

РЕШИЛИ:

1. Главе ТУ направить приглашения на собрание жителей 13.11.2017, главе Полевского городского округа, начальнику Шарташской дистанции электроснабжения ОАО «РЖД»;
2. Жителю поселка Лаптеву собрать подписи и направить обращение жителей в адрес главы Полевского городского округа, депутатов Думы Полевского городского округа, начальника Шарташской дистанции электроснабжения ОАО «РЖД»;
3. Главному механику Шарташской дистанции электроснабжения ОАО «РЖД» донести информацию о ситуации с электроснабжением поселка на железнодорожных сетях до дирекции.

Что-то удалось достичь при проведении встречи, что-то не удалось, данный опыт позволил сделать следующие выводы.

- Эмоциональная готовность. Эмоциональный настрой ведущего круга имеет большое значение для успешного проведения. Необходимо быть готовым и эмоционально заряженным на успешное проведение круга.
- Организовывать круг не в одиночку. Обязательно проводить с помощниками – это позволит технически все организовать более эффективно и усилит позицию ведущего.
- Вести записи встречи. Записывать все, что происходит на встрече, каждое слово важно!
- Усилить свою позицию значимым человеком. При недостаточности информации пригласить уважаемого человека.
- Управлять встречей. Не терять контроль над ситуацией, чтобы на встрече состоялся конструктивный диалог.
- Поприветствовать, представиться, выбрать председателя, секретаря, обозначить цель встречи, ограничения, время проведения встречи, правила проведения встречи (например, слушать уважительно

- но, не перебивать, говорить по существу).
- Сформулировать вопросы повестки таким образом, чтобы дать возможность озвучить ситуацию, услышать что сделано и «вложиться» каждому тем, что он может сделать.
 - Дать каждому высказаться, чтобы снизить эмоциональность.
 - Дать конгруэнтную, убедительную, правдивую информацию.
 - Дать возможность каждому внести свой вклад в разрешение дела, чтобы участники круга чувствовали свою сопричастность.
 - Постоянно давать обратную связь!
 - В решение записывать предложения жителей. Корректировать, поправлять, но не решать за них.
 - Обязательно зачитать решение целиком после обсуждения, когда сняты все вопросы. Лучше, чтобы участники могли и видеть и слышать решение.

СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ В РЕГИОНАХ

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Ковалева Юлия Анатольевна,

начальник отдела по вопросам семьи, материнства и детства управления по льготам, демографической и семейной политике Министерства труда и социальной защиты Алтайского края, kovaleva1972@outlook.com

Создание и развитие служб медиации/примирения и применение восстановительных технологий в работе с несовершеннолетними правонарушителями в системе социальной защиты населения было начато Министерством труда и социальной защиты Алтайского края в рамках своих полномочий во исполнение нормативных правовых актов:

Указа Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»;

распоряжения Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации»;

постановления Администрации Алтайского края от 13.11.2012 № 617 «Об утверждении Стратегии действий в интересах детей в Алтайском крае на 2012–2017 годы».

Первая служба примирения в системе социальной защиты населения в крае была создана в 2013 году на базе КГБУСО «Краевой социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Солнышко».

В соответствии с приказом Главного управления по социальной защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне от 24.06.2013 № 283 организована работа вышеназванного учреждения в качестве ресурсного центра подпрограммы «Профилактика преступности и правонарушений несовершеннолетних, находящихся в конфликте с

законом, в Алтайском крае «Все в твоих руках!» на 2013–2015 годы государственной программы Алтайского края «Дети Алтая» на 2011–2015 годы».

В 2014 году в соответствии с утвержденным планом методической работы ресурсного центра для специалистов краевых государственных учреждений социального обслуживания был организован и проведен 72-часовой обучающий семинар «Служба примирения на основе восстановительной медиации как средство управления разрешением конфликтов среди несовершеннолетних» (приняли участие 24 специалиста), издано методическое пособие «Проектирование и апробация модели социальной службы примирения в учреждениях социального обслуживания несовершеннолетних». Службы примирения в 2014 году были созданы на базе трех краевых государственных учреждений социального обслуживания: комплексных центров социального обслуживания населения города Бийска, Смоленского и Тальменского районов края.

В 2015 году для специалистов краевых государственных учреждений социального обслуживания населения на базе автономной некоммерческой образовательной организации высшего профессионального образования «Алтайская академия экономики и права» были организованы 72-часовые курсы повышения квалификации по программе «Медиация. Базовый курс» (приняли участие 30 специалистов), службы примирения были созданы еще на базе двух комплексных центров социального обслуживания населения городов Славгорода, Рубцовска, Мамонтовского района. Опыт работы был обобщен в рамках научно-практического семинара «Современные социальные технологии как средство социализации

и ресоциализации несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом».

Также с 2015 года с целью развития профессиональных компетенций специалистов учреждений социального обслуживания проводятся на систематической основе вебинары по применению ювенальных технологий как механизмов реализации восстановительного подхода, с 2016 года – мониторинга использования технологии восстановительной медиации.

В соответствии с утвержденным государственным заданием КГБУСО осуществляет методическое сопровождение краевых учреждений социального обслуживания по организации применения специалистами учреждений социального обслуживания технологии восстановительной медиации в индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями, развития сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия.

В марте–апреле 2017 года Министерством труда и социальной защиты края для специалистов краевых государственных учреждений социального обслуживания населения на базе центра переподготовки и повышения квалификации факультета социологии Алтайского государственного университета были организованы дистанционные курсы повышения квалификации по программе «Организация разрешения криминальных конфликтов несовершеннолетних в службе примирения (медиация)». В курсах приняли участие 32 специалиста.

На основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края № 9 от 22.06.2017 организована апробация межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных районов, городских округов края, районов Барнаула и служб примирения края по реализации восстановительного правосудия в отношении детей в шести учреждениях социального обслуживания (в городах: Барнаул, Алейск, Бийск, Рубцовск, Славгород, а также в Мамонтовском районе края).

В октябре 2017 года Минтрудсоцзащитой края совместно с общественным центром «Судебно-правовая реформа» (Р.Р. Максудов) были проведены курсы повышения квалификации «Профилактика и социальная реабилитация несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, и их семей средствами социально-педагогических технологий». 30 специалистов учреждений социального обслуживания населения края обучались технологиям «восстановительная медиация» и «семейная конференция».

Достигнута предварительная договоренность с общественным центром «Судебно-правовая реформа» о продолжении сотрудничества и обучения специалистов краевых государственных организаций социального обслуживания применению в работе с несовершеннолетними технологии «круг сообщества».

С ноября 2017 года по настоящее время Минтрудсоцзащитой края совместно с Р.Р. Максудовым организовано проведение супервизий в форме вебинаров для консультационно-методической помощи специалистам организаций социального обслуживания, применяющим технологию семейной конференции.

Также на базе КГБУСО в декабре 2017 года с целью организационно-методической поддержки специалистов, применяющих в работе с несовершеннолетними восстановительные технологии, взаимодействия и обмена опытом между специалистами создана ассоциация ведущих восстановительных программ и закрытая группа в социальных сетях.

В результате работы, проделанной по реализации восстановительного подхода в крае, с 2013 по 2018 годы количество социальных служб примирения, существующих на базе государственных учреждений социального обслуживания, увеличилось от одной до 20, число медиаторов (ведущих восстановительных программ) – специалистов учреждений – от 1 до 35.

Увеличилось общее число участников завершенных программ, причем резкое увеличение произошло в 2017 году, когда было проведено 23 семейных конференции. Эта форма реализации восстановительного подхода вовлекает в круг разрешения различных конфликтов наиболее щадящим путем (восстанавливающим семью) все большее количество семей, находящихся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации.

Применение специалистами краевых государственных учреждений социального обслуживания «семейной конференции» в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей организовано Минтрудсоцзащитой края в рамках компетенции в соответствии с законодательством о социальном обслуживании.

С 2013 года медиативные технологии применяются в работе с несовершеннолетними в рамках предоставления социально-психологических услуг, с 2015 года – в соответствии с главой 5 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». В настоящее время, с 2018 года, также и в рамках профилактики обсто-

ятельств, определяющих нуждаемость граждан в социальном обслуживании (статья 29 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»).

Особенностью реализации названных технологий является трудоемкость и большие временные затраты на их проведение. При их реализации в рамках предоставления социальных услуг учреждения социального обслуживания испытывают сложности, связанные с соблюдением законодательно определенного порядка признания каждого члена семьи, участвующего, например, в семейной конференции, нуждающимся в социальном обслуживании и т.д. Кроме того, стандарты предоставления социальных услуг ограничивают специалиста по времени работы с человеком.

В этой связи семейные конференции (восстановительные программы) в крае проводятся в рамках профилактики обстоятельств, определяющих нуждаемость граждан в социальном обслуживании (в соответствии со статьей 29 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ). В 2017 году Минтрудсоцзащитой «профилактика обстоятельств, определяющих нуждаемость граждан в социальном обслуживании» была отнесена к государственным работам, были внесены соответствующие изменения в региональный перечень государственных услуг (работ), осуществляемых краевыми государственными бюджетными учреждениями социального обслуживания.

Начиная с 2018 года, «профилактика обстоятельств...» – это отдельная строка в госзадании учреждений социального обслуживания, подведомственных Минтрудсоцзащите Алтайского края.

На предварительном этапе нами был обобщен опыт работы с семьями и подсчитаны трудозатраты специалиста на работу с семьей, которые в среднем составляют 9,5 часов для комплексных центров социального обслуживания и 12 часов для краевых кризисных центров против 1 часа, отведенного для предоставления социально-психологической услуги в соответствии со стандартами предоставления социальных услуг.

Число несовершеннолетних, в работе с которыми использовалась технология восстановительной медиации, за 2017 год составило 114 человек. Реализованные в 2017 году восстановительные программы распределились по следующим типам:

- вступление несовершеннолетнего в конфликт с законом – 94 (82,5 % от общего количества завершенных восстановительных программ);

- общественно опасные деяния несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, – 6 (5,3 %);
- семейные конфликты – 8 (7 %);
- иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда, рассматриваемые в КДНиЗП – 1 (0,9 %);
- конфликтные/проблемные ситуации в образовательных организациях – 5 (4,4 %).

Основаниями завершения восстановительных программ в 2017 году были:

- примирение сторон – 68 (62,9 % от общего количества завершенных восстановительных программ) (6 в работе);
- отказ от участия в медиативной встрече – 37 (32,5 %);
- смягчение наказания – 3 (2,6 %).

С ноября 2017 года по январь 2018 года в 17 муниципалитетах (Благовещенском, Каменском, Краснощековском, Локтевском, Петропавловском, Ребрихинском, Солонешенском, Табунском, Тальменском, Топчихинском, Чарышском, Шипуновском районах, городах Алейске, Барнауле, Бийске, Новоалтайске, Рубцовске) специалисты учреждений социального обслуживания провели 23 семейных конференции. Задействованы в них были 25 ведущих восстановительных программ.

Семейные конференции в 2017 году были проведены по следующим типам случаев:

- преступления несовершеннолетних (кражи) – 4;
- общественно опасные деяния несовершеннолетних – 2;
- иные деяния несовершеннолетних – 1;
- семейные конфликты (проблемные ситуации) – 15;
- школьные конфликты (проблемные ситуации) – 1.

В семейных конференциях приняли участие 22 несовершеннолетних и 73 взрослых члена семьи. Дети участвовали в 14 конференциях.

О конечных результатах семейных конференций как о выполнении планов, разработанных семьями, говорить рано, поскольку прошло немного времени. Вместе с тем полученные результаты подтверждают, что данная технология не только способствует разрешению конфликтов, но также позволяет защищать семью, укреплять ее, восстанавливая внутри нее утерянные связи.

В 2018 году продолжается работа по развитию применения восстановительных технологий в работе государственных учреждений социального обслуживания края.

Создана **Единая территориальная служба примирения** в столице края – городе Барнауле. Ее целью является содействие профилактике правонарушений и социальной реабилитации участников конфликтных, криминальных ситуаций на основе принципов восстановительного правосудия, задачами – проведение примирительных программ для участников семейных конфликтов и ситуаций криминального характера; обучение участников восстановительных программ методам урегулирования конфликтов. В состав службы входят специалисты восьми краевых учреждений (подразделений) социального обслуживания Барнаула, включая пять филиалов комплексного центра города.

При Правительстве края на межведомственной основе с участием президента общественного центра «Судебно-правовая реформа» Р.Р. Максудова образована рабочая группа по внедрению порядка межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных районов, городских округов края, районов Барнаула и служб примирения края по реализации восстановительного правосудия в отношении детей, утвержденного постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края от 22.06.2017 № 9 (в редакции от 27.02.2018 № 2).

Продолжается использование восстановительных технологий в работе с семьями в различных ситуациях, в муниципальных образованиях края реализуется социально значимый проект **«В центре внимания – ребенок!»**, стартовавший 13 марта 2018 года.

Координаторы проекта: краевое Министерство труда и социальной защиты, Главное управление Министерства внутренних дел РФ по Алтайскому краю.

Цель проекта: мониторинг положения детей в семьях; оказание профессиональной социальной, юридической, медицинской, педагогической, психологической помощи семьям с детьми; оказание методической помощи специалистам по реализации демографической и семейной политики.

В рамках проекта проведение семейных конференций осуществляется специалистами Единой службы примирения Барнаула.

Целевые группы проекта: многодетные семьи, семьи с детьми-инвалидами, семьи, воспитывающие приемных детей, семьи, воспитывающие детей раннего возраста, семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, женщины, мужчины трудоспособного возраста, социально активные отцы, несовершеннолетние 14–18 лет.

Разработан и будет реализовываться проект **«Алтай – территория примирения»**.

Старт проекту будет дан 15 мая в рамках празднования в Российской Федерации и Алтайском крае Международного дня семьи.

Координаторы: Министерство труда и социальной защиты Алтайского края, Министерство юстиции Алтайского края.

Цель: оказание психологической помощи семьям с целью их сохранения, профилактики развода.

Проект будет реализовываться в Барнауле и Бийске.

На предварительном этапе, в январе 2018 года, на базе Минтрудсоцзащиты края состоялось совещание с использованием IP-телефонии «О возможности применения восстановительного подхода в работе с насилием в семье». Состоялся круглый стол по вопросу создания в структурных подразделениях органов ЗАГС в Барнауле и Бийске комнат примирения и возможности участия специалистов государственных учреждений социального обслуживания в их работе.

Разработан и будет реализовываться на территории края проект **«Активизация использования восстановительных технологий как средства поддержки кризисных кровных семей со стороны окружения»**. Он начнет реализовываться в текущем году – в преддверии Дня защиты детей.

Координатор проекта: Министерство труда и социальной защиты края.

Цель: Профилактика социального сиротства через укрепление семейных связей средствами восстановительных программ, социального проектирования, портфолио.

Задачи: интеграция восстановительных технологий, социального проектирования, портфолио в работе с несовершеннолетними, находящимися в трудной жизненной ситуации, и их семьями; организация совместной работы социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и комплексных центров социального обслуживания населения с кризисными семьями средствами восстановительных программ, социального проектирования, портфолио; распространение опыта.

Целевые группы проекта: подростки и их родители (кризисные кровные семьи).

Разработан и будет реализовываться на территории Алтайского края проект **«Воссоединение семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, развитие добрососедских отношений с помощью восстановительных программ»**.

Выполнение мероприятий проекта запланировано на 3-й квартал 2018 года.

Координаторы: Министерство труда и социальной защиты края, УФСИН России по Алтайскому краю.

Цель: восстановление, сохранение семейных связей и профилактика противоправного поведения женщин и их несовершеннолетних детей средствами технологий восстановительных программ (восстановительная медиация, семейная конференция, круги сообществ).

Целевые группы проекта: женщины, содержащиеся в местах лишения свободы (освобождающиеся), дети женщин, находящихся в местах лишения свободы, взрослые члены семей женщин, находящихся в местах лишения свободы, члены сообществ соседей семей женщин, находящихся в местах лишения свободы.

На предварительном этапе, в ноябре 2017 года, на базе КГБУСО состоялась рабочая встреча специалистов организаций социального обслуживания населения и учреждений УФСИН России по Алтайскому краю по вопросу организации работы по социальному сопровождению женщин, освобождаемых из мест лишения свободы, в том числе женщин, имеющих детей, а также по оказанию помощи членам ближайшего социального окружения женщин, находящихся в местах лишения свободы.

В феврале 2018 года было организовано посещение ФКУ ИК № 11 УФСИН России по Алтайскому краю в рамках проведения занятий с осужденными женщинами в «Школе подготовки к освобождению».

«ЗОНА БЛИЖАЙШЕГО РАЗВИТИЯ» ШКОЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБ

Маловичко Ирина Сергеевна,

*президент ВРБОО «Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка»,
региональный координатор Волгоградского отделения
Всероссийской ассоциации восстановительной медиации,
unescovlg@mail.ru*

Повышением эффективности деятельности школьных служб примирения (а также территориальных, ведомственных, общественных и иных служб примирения) озабочены все участники движения за восстановительное правосудие – от школьного уровня до общероссийского, поскольку очевидно, что, потратив значительные усилия на создание служб примирения, организаторы ожидают от них отдачи в виде общественной пользы. В сообществе практиков восстановительного правосудия, объединенных во Всероссийскую ассоциацию восстановительной медиации, постоянно ведутся дискуссии о том, какую службу примирения можно считать эффективной, а какую нет. В ходе дискуссий вырабатываются, а затем апробируются на практике те или иные элементы системы мониторинга и оценки эффективности деятельности служб примирения. Однако стройной системы такой оценки пока не сложилось. При этом никто из практиков и управленцев не сомневается в пользе школьных служб примирения для решения широкого спектра проблем в нескольких смежных областях: защиты прав детей, социальной защиты детей и семей в трудной жизненной ситуации, профилактики насилия и правонарушений несовершеннолетних, семейного неблагополучия, социального сиротства и других.

Создание методологии оценки эффективности деятельности школьных служб примирения (а в общем случае не только школьных, но и других, например, территориальных служб примирения), это очень нужная и важная задача для развития восстановительного правосудия в целом. Именно оценка, по своему смыслу и сути, имеет свойства, необходимые для успешной управленческой дея-

тельности. Она помогает определить последствия наших действий («то, что происходит, благодаря нашей работе») и, в конечном счете, их влияние на общественные отношения («к каким изменениям это приводит»). Оценка позволяет вынести суждение о достоинствах и недостатках объекта исследования с выводом о степени пригодности его для дальнейшего использования. Оценка выделяет успехи, отмечает слабости, указывает на требующие изменений элементы, благодаря чему можно определить стратегию дальнейшего развития оцениваемой деятельности¹. Также важно, что участие в проведении оценки существенно и долгосрочно влияет на жизнь оцениваемой деятельности. В нашем случае, отгалкиваясь от размышлений и предварительных взглядов на прошедший путь и перспективы развития движения школьных служб примирения в целом, руководители, кураторы, эксперты, аналитики и другие участники этой деятельности осмысливают свою работу, делают для себя выводы и корректируют стратегию и тактику, что неизбежно оказывает влияние на дальнейший путь развития движения.

Для разработки методологии оценки важно определить, кто является заказчиком такой оценки, на каких основаниях и ценностях базируется методология, каково видение данного заказчика направлений развития движения служб примирения, как он планирует осуществлять те или иные изменения в системе, управлять этими изменениями, внося инновации для решения той или иной проблемы. Единое видение вырабатывается не просто: осложняет выработку единого подхода сложный (многоаспектный, мультидисциплинарный и межведомственный) характер областей проявления социальных результатов этой

деятельности. В настоящее время видение и задачи оценки у разных заказчиков (сообщества практиков, школьной администрации, различных ведомств и др.) отличается друг от друга. Поэтому могут быть созданы различные системы оценки с акцентом на те или иные социальные результаты. В настоящее время в сообществе практиков и в государственных ведомствах осуществляются более или менее удачные попытки создания различных систем мониторинга и оценки этой деятельности. При этом сообщество практиков высказывает опасения относительно имеющихся примеров создания систем оценки, ориентированных на формальный учет количественных показателей деятельности служб (количество созданных служб, количество программ и др.) без учета содержательных, качественных и ценностных аспектов их деятельности. Такая, сугубо количественная, система оценки не только не способствует повышению эффективности и качества работы служб примирения, но и определенно препятствует реализации смысловых, ценностных сторон ее работы, а значит, не обеспечивает оценки социальных эффектов от этой работы в виде общественной пользы. Мы надеемся, что в дальнейшем различные системы не будут противоречить друг другу, а удачные находки различных заказчиков будут учтены.

У членов Всероссийской ассоциации восстановительной медиации имеются значительные наработки в области оценки эффективности деятельности школьных и территориальных служб примирения. Заказчиком в данном случае выступает сообщество практиков восстановительного правосудия как на общероссийском уровне (в лице экспертов Всероссийской ассоциации восстановительной медиации и общественного центра «Судебно-правовая реформа»), на региональном или районном уровне (в лице регионального координатора), так и на уровне одной образовательной организации (в лице куратора и группы детей-волонтеров). Наиболее важным и методически разработанным элементом этой оценочной деятельности является **всероссийский общественный мониторинг деятельности служб примирения** (методическая разработка и реализация осуществляется общественным центром «Судебно-правовая реформа»²), который позволяет проводить сравнительный количественный и качественный анализ отдельных явлений и процессов, протекающих в сети служб примирения на местном, региональном и межрегиональном уровне. Также этим сообществом разработаны другие критерии и показатели, которые прямо или косвенно говорят об эффективности деятель-

ности служб. Это такие критерии, как критерий минимально приемлемой активности школьной службы примирения (проведение не менее 4 программ в год); критерий соответствия проведенных программ принципам восстановительного правосудия (зафиксировано в форме отчета), критерий соответствия перечню признаков эффективно работающей школьной службы примирения; критерий соответствия типологии школьных служб примирения; критерий соответствия описанной модели направлениям развития региональной сети школьных служб примирения (например, в Пермском крае, Волгоградском регионе) и др. Таким образом, можно констатировать, что в общественном секторе идет творческий процесс формирования адекватной (понятной практикам, свободной от рисков формализации и имитации) методологии оценки эффективности деятельности школьных служб примирения на уровне отдельной службы и на уровне группы (сети) таких служб в территориальном и всероссийском масштабе. Некоторые размышления участников волгоградского сообщества практиков восстановительной медиации на эту тему приведены в настоящей статье.

Как указано в основополагающих документах³, деятельность школьной службы примирения нацелена на формирование и поддержание в образовательном учреждении благополучного, гуманного, дружественного, безопасного, свободного от насилия пространства (среды) для полноценного развития и социализации детей и подростков, в том числе при возникновении трудных жизненных ситуаций, включая ситуации конфликта с законом. При этом школьная служба примирения реализует ценности и принципы восстановительного подхода к реагированию на конфликтные и криминальные ситуации путем организации программ примирения между сторонами конфликта с участием нейтрального посредника (медиатора) и других профилактических и просветительских восстановительных программ.

Достижение этих целей в той или иной степени обуславливает получение общественной пользы (социального эффекта). При этом социальная эффективность возникает на низовом, глубинном уровне процессов и механизмов работы, где происходит постепенное формирование результатов отдельных процедур, которые, в свою очередь, сливаются в результирующую социальную эффективность. Для этого в школьной службе примирения должны быть налажены такие процессы и процедуры деятельности, которые обеспечат последовательное (динамическое) повышение уровня социальной эффективности работы служб

бы – от обоснованно невысокого в начале жизненного цикла до максимально возможного в последующем. Таким образом, эффективность деятельности школьной службы примирения может быть оценена по двум взаимосвязанным направлениям: **по социальной эффективности и эффективности процессов**, обеспечивающих достижение социальной эффективности.

1. Социальная эффективность деятельности отдельной школьной службы примирения на уровне образовательной организации может быть оценена по типу и глубине произошедших изменений⁴, а именно по степени сформированности дружественной и безопасной школьной среды, где в большей степени проявляются положительные стороны поведения детей, такие как осознанное и ответственное отношение детей к собственным поступкам; готовность детей вести диалог и достигать в нем взаимопонимания; способность разрешать конфликты на основе согласования позиций и учета интересов⁵, и **в меньшей мере проявляются отрицательные** стороны поведения детей, например, реже происходят случаи агрессивных, насильственных и асоциальных действий; слабее деструктивное влияние неизбежно возникающих конфликтов; меньше совершается правонарушений (в том числе повторных) и т.п. Показателями оценки таких изменений школьной среды в этом случае могут быть два взаимосвязанных показателя, а именно:

1. доля несовершеннолетних участников конфликтных и криминальных ситуаций (пострадавших и обидчиков, а также их социального окружения – одноклассников, членов их семей, членов педагогического коллектива), у которых, благодаря работе школьной службы примирения, **произошли положительные изменения** в жизненной ситуации (загладили причиненный вред, и отказались от дальнейшей агрессии), от общего количества несовершеннолетних и других участников конфликтных и криминальных ситуаций, выявленных в определенном временном периоде; и положительная динамика (повышение) этой доли.
2. доля несовершеннолетних участников конфликтных и криминальных ситуаций, (обидчиков, а также их социального окружения – одноклассников, членов их семей и членов педагогического коллектива), которые после участия в восстановительных программах школьной службы примирения **проявили негативные формы поведения** (агрессию,

насильственные, противоправные, асоциальные и другие действия) и не загладили причиненный вред, от общего количества несовершеннолетних и других участников конфликтных и криминальных ситуаций, выявленных в определенном временном периоде; и отрицательная динамика (снижение) этой доли.

Кроме того, социальная эффективность может быть оценена по повышению чувствительности и доброжелательности школьной среды к детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации из-за вовлеченности в конфликтные взаимоотношения со сверстниками, родителями, учителями. Это проявляется в выявлении случаев конфликтов на возможно более раннем этапе, в расширении доступности услуг школьной службы примирения, и в ответном повышении доверия детей к деятельности службы. Показателем таких изменений школьной среды могут быть:

3. доля несовершеннолетних участников конфликтных и криминальных ситуаций (пострадавших и обидчиков, а также их социального окружения – одноклассников, членов их семей, членов педагогического коллектива), которые стали участниками восстановительных программ (получили помощь школьной службы примирения), от общего количества несовершеннолетних и других участников конфликтных и криминальных ситуаций, выявленных в определенном временном периоде; и положительная динамика (повышение) этой доли.

Также социальная эффективность может быть оценена по расширению участия детей в продвижении идей и ценностей доброжелательного к детям правосудия и восстановительной культуры взаимоотношений в школьной среде. Показателем таких изменений школьной среды могут быть:

4. доля обучающихся несовершеннолетних, принявших деятельное участие в примирительных программах, профилактических и просветительских мероприятиях по распространению восстановительной культуры взаимоотношений в школьной среде в определенном временном периоде, от общего количества обучающихся в образовательной организации; и положительная динамика (повышение) этой доли.

Указанный список критериев социальной эффективности деятельности отдельной школьной службы примирения ни в коей мере не яв-

ляется полным или окончательным. Есть много областей воспитательной, профилактической и реабилитационной работы, а также школьной, семейной и общественной жизни, на которые оказывает влияние деятельность этой службы.

Социальная эффективность работы районной, региональной и межрегиональной группы (сети) школьных служб примирения может быть оценена по показателям приращения социального капитала данного сообщества, а именно по степени повышения качества жизни и жизнестойкости детей и семей, переживших трудные жизненные ситуации; улучшения семейных и общественных отношений и, следующему за этим, снижению нуждаемости детей и семей в помощи государства и общества. Показатели оценки социальной эффективности сетей школьных служб примирения находятся в стадии разработки и обсуждения и в данной статье не рассматриваются. Следует отметить, что попытки свести показатели оценки только к определению изменений уровня повторных правонарушений несовершеннолетних правонарушителей – участников восстановительных программ являются упрощенным подходом и не соответствует смысловой направленности и ценности использования восстановительного подхода в общественной жизни, поскольку на изменение уровня повторных правонарушений несовершеннолетних правонарушителей влияет множество других не учитываемых в данном подходе факторов. В научной и методической литературе широко исследуется и дискутируется вопрос о создании системы оценки социальной эффективности деятельности в этих областях, приводятся убедительные примеры использования тех или иных критериев⁶. Эти исследования могут послужить импульсом для разработки оригинальной системы критериев оценки социальной эффективности деятельности сети школьных служб примирения. При неформальном и творческом подходе такие критерии могут быть наполнены реальным содержанием, что поможет позитивному развитию движения школьных служб примирения.

2. Эффективность процессов в школьной службе примирения оценивается, как выше указано, по степени их влияния на социальную эффективность службы. Таким образом, социальная эффективность является мерилем и смысловой рамкой усилий организаторов деятельности школьной службы примирения, и если социальная эффективность не достигается, любые другие активности организаторов деятельности службы обесцениваются.

Многие кураторы школьных служб примирения это понимают и задаются вопросом, как

сделать свою службу более эффективной, каковы будут признаки такой службы, какие организационно-деятельностные процессы необходимо наладить и до какой степени их развить, чтобы существенно повысить эффективность и качество работы своей службы. В ответ аналитики и методисты Всероссийской ассоциации восстановительной медиации создают методические пособия, аналитические материалы, проводят исследования, публикуют описания моделей и опыта работы, историй успеха и неудач, а также разрабатывают другие материалы, описывающие структуру, функциональные механизмы и критерии эффективности работы школьных служб примирения⁷.

Для целей оценки эффективности организационно-деятельностные процессы в школьной службе примирения можно условно представить в нескольких категориях. Количество и содержание таких категорий может быть разным в зависимости от степени обобщения или детализации совокупности процессов. При этом не нужно недооценивать условность такого деления в цельной, сложной и взаимозависимой деятельности школьной службы примирения. Таким образом, попытаемся, на свой взгляд, выделить восемь отдельных категорий организационно-деятельностных процессов, необходимых для эффективной работы школьной службы примирения:

1. Процессы стратегического, тактического планирования и определение «зоны ближайшего развития» службы;
2. Информационные процессы, включая процессы передачи случаев в службы и обеспечения административной, государственной и общественной поддержки деятельности службы; процессы повышения доверия к работе службы, обеспечения расширения участия детей в работе службы;
3. Процессы привлечения и мотивирования кадров специалистов и детей-волонтеров;
4. Процессы освоения знаний, умений и навыков практической работы с кадрами – специалистами и детьми-волонтерами;
5. Процессы организации практической деятельности службы по урегулированию конфликтов в соответствии с принципами и ценностями восстановительного подхода, поддержки качества и устойчивости практики;
6. Процессы организации просветительской и первично-профилактической деятельности среди детей, педагогов, родителей и широкой общественности;

7. Процессы поддержания устойчивости работы службы в условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды;
8. Процессы рефлексирования, анализа, методического осмысления и описания своей практики; мониторинг и оценка эффективности отдельных процессов и деятельности службы в целом, включая оценку социальной эффективности службы и др.

Оценку эффективности любого процесса можно представить в виде определения его места на шкале достижений, которая условно разделена на несколько степеней или делений. Другими словами, оценить эффективность процесса можно путем соотнесения актуального состояния этого процесса с совокупностью признаков достижения желаемого состояния процесса. Если реальность в большей степени совпадает с признаками, то оценку процесса можно считать высокой, если нет – низкой. Примером такого способа оценки является система пятибалльной оценки знаний или система оценки достижений в процентах от 0 до 100. В нашем случае оценка эффективности процессов в школьной службе примирения может выражаться в сравнении реального состояния этих процессов с максимально возможной их реализацией, выраженной в совокупности признаков эффективной работы службы по данной категории.

Совокупность признаков эффективной работы школьной службы примирения, как правило, описана в основополагающих материалах, таких как стандарты восстановительной медиации⁸ и методические рекомендации по созданию и развитию служб примирения в образовательных организациях⁹. Каждая категория процессов может быть представлена своим перечнем признаков, описывающих их эффективное протекание. Например, признаками эффективности одного из главных процессов – организации практической деятельности школьной службы примирения по разрешению конфликтов (п. 5) могут быть следующие признаки:

- взрослые и юные медиаторы соблюдают ценности, принципы и стандарты восстановительной медиации;
- строго соблюдается принцип добровольности; принуждение к примирению исключено;
- в центре внимания процесса примирения находятся интересы пострадавшего (жертвы);

- обидчик принимает ответственность перед пострадавшим по заглаживанию вреда;
- социальное окружение принимает участие в восстановлении отношений между пострадавшим и обидчиком;
- отношения между пострадавшим, обидчиком и их семейным, социальным окружением нормализуются и др.

В волгоградской практике мы считаем удобным представить состояние всех процессов в графическом виде, например, в виде круговой диаграммы с восемью радиусами (по отдельным категориям), имеющими градацию от 0 до 100%, где 0 – отсутствие, несформированность данного процесса, а 100% – максимальное соответствие процесса совокупности признаков качественной и эффективной работы службы примирения по данной категории. На такой диаграмме будет наглядно видно, какие процессы «провалены», а какие вполне сформированы и приближаются к желаемому состоянию. Таким образом, графический вид диаграммы в **слабой службе** будет неровным, звездчатым, и многие показатели будут находиться вблизи ее центра (0%), а в **сильной службе** график будет более равномерным, приближающимся по очертанию к большому равному кругу (100%).

Такое видение позволяет оценивать эффективность отдельных процессов в школьной службе примирения и определять «зону ближайшего развития» службы. «Зоной ближайшего развития» мы условно называем пространство первоочередных, необходимых и реально возможных изменений организационно-деятельностных процессов в отдельной школьной службе примирения для получения достоверного повышения эффективности и качества работы службы. При этом первоочередными будут действия по улучшению тех процессов, которые в наибольшей степени влияют на повышение социальной эффективности деятельности школьной службы примирения.

Отвечая на вопрос кураторов о том, как сделать свою школьную службу примирения более эффективной, можно сказать, что в этом направлении существенно продвинется та школьная служба примирения, которая, благодаря оценке эффективности, ведет поиск наибольшей сбалансированности всех организационно-деятельностных процессов и неуклонно продвигается по своим «зонам ближайшего развития» в направлении более продуктивной, качественной и устойчивой работы службы к достижению высоких социальных результатов.

Примечания

- 1 *Автономов А.С., Хананашивили Н.Л.* Мониторинг в оценке социальных проектов. М., 2017. С. 19.
- 2 *Карнозова Л.М., Коновалов А.Ю.* Руководство по мониторингу деятельности служб примирения по проведению восстановительных программ. М., 2016.
- 3 Методические рекомендации по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки Российской Федерации от 26.12.2017 г.
- 4 *Автономов А.С., Хананашивили Н.Л.* Оценка в социальном проектировании. М., 2010. С. 50.
- 5 Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897.
- 6 *Борисова В.Ф., Ильгова Е.В., Кузнецова И.О.* Оценка эффективности деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Саратов, 2015.
- 7 Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Методические рекомендации по созданию и развитию служб примирения в образовательных организациях. Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Письмо Минобрнауки РФ от 18.12.2015 г. № 07-4317. См. <http://www.8-926-145-87-01.ru/>
- 8 Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Стандарты восстановительной медиации. 2009 г. <http://sprc.ru>
- 9 Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Методические рекомендации по созданию и развитию служб примирения в образовательных организациях. Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Письмо Минобрнауки РФ от 18.12.2015 г. № 07-4317. См. <http://www.8-926-145-87-01.ru/>

РАЗНООБРАЗИЕ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Прянишникова Татьяна Вячеславовна,

*председатель Ассоциации детских служб примирения Самарской области,
pmtv68@yandex.ru*

В 2011 году общественная организация «Ассоциация детских служб примирения Самарской области» решила построить свою модель продвижения восстановительной медиации среди детей и молодежи. За основу мы взяли работу общественной организации, которая создает свою областную долгосрочную программу и работает по ней. Для поддержки такой программы было выбрано правление организации во главе с председателем. Постепенно стало формироваться региональное сообщество, состоящее как из взрослых, так и из детей. Отношения в организации были доверительными, с горизонтальным управлением, возвращались тренеры по медиации, выстраивались связи с различными организациями и учреждениями. Первостепенной задачей на начальном этапе было накопление практического опыта работы с реальными случаями конфликтов, только затем была поставлена цель – увеличение количества школьных служб примирения.

В настоящее время ассоциация работает над внедрением модели «Школьная служба примирения» в различные учебные заведения помимо школ. Много вопросов возникло при организации школьной службы примирения на базе ГКО СУВУ (специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа для несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния и направленных по решению суда) города Октябрьска, так как есть определенные риски. Для решения внутренних конфликтов и ведения переговоров было принято решение, что нужно организовать школьную службу примирения. Факторами, выступающими «за» такое внедрение, были:

1. Закон об образовании в РФ и выполнение его всеми образовательными учреждениями.
2. Наличие современной воспитательной системы в СУВУ: она должна выполнять все требования основных документов об образовании и воспитании.
3. Требования к СУВУ от управления образования возросли: нужно участвовать в олимпиадах, научно-практических конференциях, иметь высокие баллы за сдачу экзаменов и т.п.
4. Наличие высокопрофессионального педагогического коллектива: учитель и воспитатель проходят аттестацию, курсы повышения квалификации и т.д.
5. Прозрачность воспитательной работы с подростками через сайт школы.
6. Небольшая численность учащихся, оказавшихся после суда в учреждении.

Но есть и «подводные камни», которые могут помешать реализации восстановительного подхода в СУВУ: режимные нарушения, риск разглашения тайны конфликта, недоверие со стороны учащихся друг к другу в связи с тем, что за хороший результат в рейтинге можно побывать дома и увидеть близких на каникулах и т.д. Становится ясным, что у воспитанников появляется возможность «закладывания друг друга ради того, чтобы попасть домой» и т.д.

Поэтому, на наш взгляд, служба примирения может быть эффективной при разрешении внутришкольных конфликтов в случаях:

1. Если возраст участников составляет 12–15 лет.

2. Если участник конфликта имеет шансы вернуться в «здоровое окружение» после СУВУ.
3. Важно использовать восстановительную программу «Круг сообщества» в случаях, когда нужно принять общее решение, исправить ситуацию, пока она не зашла далеко, и т.д. Такие круги нужно проводить среди воспитанников одного отряда, численность которого небольшая. Организовывать диалоги нужно самому куратору в паре с медиаторами. Куратор дает возможность принять участие в проведении круга воспитанникам, которые прошли обучение. Нужно добавить, что в нашем случае были обучены 25 учеников (100% учащихся) и 5 воспитателей. Воспитатели, которые прошли обучение, могут активно подключиться к подготовке и проведению круга.
4. Для учеников, которые вряд ли попадут в «здоровое окружение» после СУВУ и тем ученикам, которым 15–17 лет, лучше осваивать переговорную практику.
5. Переговорная практика позволяет юноше/девушке почувствовать себя более значимым и полезным. Часто они понимают, что такое умение может спасти беду от ровесников. Но мы не можем утверждать, что такая практика, без «нравственной подушки», сыграет положительную роль в жизни этих воспитанников.
6. Также возмещение вреда при конфликтах с помощью переговоров помогает избежать эскалации конфликта.

Есть еще проблема в СУВУ: подростки находятся там определенное время, и это время можно использовать для того, чтобы «сделать некую прививку по восстановительной медиации». Если подросток видит применение полученных знаний на практике после СУВУ, он охотно погружается в работу. Если подросток видит, что эта практика «мертва в его окружении, после СУВУ», то он относится к этому скептически. Но важна информированность его о том, что есть разные варианты решения сложных ситуаций мирным путем. Также проведение кругов среди отрядов позволяет налаживать атмосферу взаимопонимания.

Есть проблемы создания школьной службы примирения на базе вечерних школ. Недолгое обучение молодежи, редкая посещаемость (так как молодые люди учатся одновременно в колледже, где нет среднего образования, и в вечерней школе) затрудняет стандартные подходы в работе медиаторов.

Куратор, владеющий восстановительной медиацией, самостоятельно начинает работать. Ученик-медиатор может в школе отсутствовать на момент разбора конфликта, по причине редкой посещаемости занятий. Куратор самостоятельно разрешает конфликт, в итоге, нет эффекта работы по принципу «равный-равному». Возможно, куратора воспринимают как специалиста, который «просто замечательный психолог». Остается вопрос: можно ли такую организацию работы называть школьной службой примирения?

В Самарской области на сельских территориях также созданы школьные службы примирения. Например, в Приволжском районе более 10 школ прошли обучение и начали практику разрешения конфликтов восстановительным способом. И здесь есть свои особенности: в селе Обшаровка была своя птицефабрика, и большинство взрослого населения работало именно там. После закрытия птицефабрики жители вынуждены были уезжать в города Самара и Сызрань для трудоустройства. По железной дороге они уезжают на сутки и более из дома. Дети остаются одни, они заботятся друг о друге, о домашних животных и подворье, сами себя обслуживают и ходят при этом в школу. Некая преждевременная взрослость и самостоятельность откладывают отпечаток на жизнь в селе. В открытии школьных служб примирения заинтересованы не только работники образования, но и специалисты по работе с молодежью. Важно отметить, что при обучении мы заметили высокий уровень мотивации и со стороны детей. В сложившихся условиях значимым является то, что подростки очень самостоятельны, что также способствует успешному освоению позиции медиатора.

Школьные службы примирения в сельских школах отличаются тем, что темп жизни подростка более спокойный, чем в городе. Более спокойная атмосфера царит в школах. Открытость характера свойственна сельским подросткам, поэтому ученики с удовольствием участвуют в восстановительной программе «Круг сообщества». Сельские подростки могут потратить время на конструктивный диалог в круге, хотя их речь может быть скупой из-за низкого уровня развития коммуникативных навыков и способности к рефлексии.

В СП ДОД ЦДТ ГБОУ СОШ пос. Кинельский создана школьная служба примирения, которая организована в системе дополнительного образования. У такой службы есть свои сложности в организации работы: если нет мотивации у классного руководителя этих детей, то как хорошо не обучишь подростков, всё равно они не смогут

получать заявки и разрешать конфликты. Но подростки охотно разрешают конфликты во дворах, в лагерях, в семье, используя восстановительный подход. С большим интересом дети относятся к проведению кругов. Наличие доверительного отношения друг к другу, открытость объединяют подростков. Волонтерским ядром для обучающих семинаров и мероприятий по поддержке медиаторов выступают воспитанники дополнительного образования, которые уже имеют практику раз-

решения конфликтов среди сверстников, то есть действующие медиаторы.

Обучающие программы по проведению семинаров, профильных смен, разработок мероприятий основываются на работе методического кабинета СП ДОД ЦДТ ГБОУ СОШ пос. Кинельский, что доказывает, что сообщество восстановительных практик объединено общими целями и не зависит от того, где находятся члены сообщества: в крупном или малом городе, в поселке или в селе.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ И АНАЛИЗ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ШКОЛЬНАЯ СЛУЖБА ПРИМИРЕНИЯ, ИЛИ НАШИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В МЕДИАЦИЮ

Дмитриева Любовь Владимировна,

*куратор школьной службы примирения МБОУ СШ № 28 г. Архангельска,
nedogodalove@mail.ru*

Созданная в нашем образовательном учреждении школьная служба примирения совсем молодая. Тем не менее, есть уже первые результаты. Могу с уверенностью сказать, что, выбрав медиацию как одну из форм профилактики правонарушений, мы встали на правильную дорогу. Являясь руководителем психолого-педагогической службы, социальным педагогом, я по роду деятельности вхожу в различные комиссии, рабочие группы образовательной организации. Уже на начальном этапе работы школьной службы примирения могу сказать, что медиация – куда более конструктивный, а самое главное, гуманный элемент в огромном спектре работы с детьми, в том числе с детьми «группы риска». Ученик, нарушающий порядок в школе, пройдя процедуру медиации, – это совершенно иной подросток, чем после совета профилактики или административного совета.

Итак, обо всём по порядку.

Вот уже полтора года я снова в школе. Вернулась в неё после 16-летней разлуки: 13 лет работала в правоохранительных органах и 3 года – на государственной службе. И если с полицией попрощалась, по большей части, из-за переезда в другой город, то в одной из контрольно-надзорных федеральных служб попросту заскучала. Вернулась в школу и поняла, что она уже не та, в которой я на протяжении десяти лет была учителем начальных классов в девяностые, ну и, конечно, не та советская, в которой когда-то училась сама. И вроде бы школа – это по-прежнему союз детей, педагогов и родителей, но что-то в этом союзе очень сильно изменилось.

Основную часть службы в органах являлась сотрудником ОДН и по роду деятельности курировала две городские школы нашего небольшого

районного городка. Сейчас я – социальный педагог большой школы-«тысячника» в областном центре. Войти в должность было несложно – владение нормативной базой в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних позволило окунуться в работу, что называется, «с порога». Работа с детьми группы риска, неблагонадёжными родителями, прогульщиками, нарушителями дисциплины и порядка, благодаря служебной закалке, ничем особенно новым не оказалась, мероприятия по первичной профилактике (беседы, встречи, собрания, круглые столы) с детьми и родителями также давались без особого труда, так как за годы службы проведено таковых было немало. Процедуру проведения советов профилактики изучать не пришлось: инспекторы ОДН всегда в такие советы входят. Ну и, конечно, бумаги, бумаги, бумаги (то, чего я меньше всего ожидала и от чего, честно сказать, убежала, увольняясь на гражданку). Не тут-то было! Бумажная канитель насквозь пронзила и образование... Планы, программы, отчёты, протоколы... Что поделаешь?!

Резюмируя вышесказанное, подытожу: являясь сотрудником правоохранительных органов, всегда опиралась на свой педагогический опыт и старалась не изменять любви к детям. А вернувшись в педагогику, стала благодарна всему, что познала, когда была в погоне: умению работать с документами, взаимодействовать с органами и структурами, применять правовые знания, умения, навыки в профилактической работе с детьми и родителями.

Вернёмся к реалиям сегодняшней моей работы. С самого её начала, пожалуй, один вид указаний департамента образования вводил в смяте-

ние, заставлял нервничать, что не понимаю сути требования. А требуют работы школьных служб примирения, если же таковых нет – непременно и скорейшего их создания. Директор, не вдаваясь в подробности, списывая на исполнение данные указания, тут же поясняла характер ответа на них: «Службы примирения в школе нет, а не создаём из-за отсутствия специалистов, прошедших обучение». Администрация пытается решать эту проблему, но педагоги не соглашаются. По разбухшему архиву документов было видно, что речь об этих самых ШСП идёт уже далеко не первый год.

Через некоторое время меня пригласили на беседу, руководитель попыталась объяснить нюансы работы школьной службы примирения (как она понимала их сама) и в конце беседы спросила: «Осилите ли вы эту деятельность, если мы направим вас на обучение?» С ответом я не стала спешить, а посетила очередное тематическое заседание нашей КДНиЗП в округе, где коллеги из других школ делились опытом работы по применению восстановительных технологий и проблемами в работе школьных служб примирения. Мероприятие пробудило во мне одновременно и интерес и страх (потому как проблем коллеги озвучили куда больше, чем успехов), но что-то внутри меня подсказывало: моё.

Обучение! Позволю себе остановиться на этом периоде моего знакомства с восстановительными технологиями. На разных этапах жизни приходилось учиться много, проходя различные начальные подготовки, переподготовки, сборы, курсы, семинары и т.д. Но с более практикоориентированным процессом обучения, чем здесь, в центре «Надежда», я не встречалась. Наверное, ни в каком из видов своей деятельности такого чёткого, полного и содержательного «руководства к действию» я не получала никогда. И тем, кому ещё предстоит учиться и познавать основы медиации, хочется пожелать самого главного: выучились – не откладываете полученные знания и навыки на потом. Начинайте сразу по возвращении в школу, в свои учреждения. В противном случае ощущение уверенности в собственной возможности быть медиатором, проводить процедуры примирения пропадёт.

Во время обучения мы не только получали теоретические знания. Тренинги, игры, ролевые ситуации, обсуждения – каждое занятие, каждый новый приём убеждали меня, что я на этом пути не зря.

К концу обучения осознала суть противоречия, которое не раз охватывало меня в моей прошлой правоохранительной деятельности. Как

часто при проведении проверок по тем или иным заявлениям граждан по фактам противоправных деяний, допущенных несовершеннолетними, можно было услышать от потерпевших: «А зачем его (подростка) к ответственности-то привлекать? Я ему жизнь портить не хочу. Что, никаких других методов нет?»; «Я не хотела бы к уголовной ответственности... мне бы только украденное вернуть, побеседуйте с ним и родителями да пожурите...»; «Ой, девушка, а зачем сразу на учёт-то его? Не хочется мне, старому человеку, грех на душу брать... ведь мал совсем, оступился...». А строгий-престрогий сотрудник, конечно же, в соответствии с нормативными документами отвечает: «Нет, гражданочка, мы тут разговоры разговаривать не собираемся: или пишете «к уголовной», или Вы закон нарушаете, ложно сообщая о преступлении...» И ещё много разных установок, положений, порядков тех или иных действий, особенно касающихся детей и подростков, порождали во мне сомнения и недопонимание. Мне уже тогда казалось, что между обычным ребёнком, школьником, с которым впервые случилась беда, и настоящим нарушителем закона не хватает какой-то ступеньки, нет, скорее, действительно, той самой соломки, которую можно бы было подстелить, чтобы не сразу он, не ведающий, что творит, упал на самое дно, с которого потом далеко не каждый поднимается полноценным, а главное, законопослушным гражданином, не обозлённым и не желающим совершать противоправные деяния.

Я не юрист, я педагог по образованию, призванию и твёрдому жизненному убеждению. Природа наделила меня качествами, благодаря которым я способна признавать каждого ребёнка имеющим право на шалости, ошибки, нежелание всегда и каждому говорить правду и ещё на многие детские проявления и поступки, которые, как правило, взрослых выводят из себя, родителей приводят в отчаяние, педагогов и воспитателей раздражают. Также твёрдо я уверена в том, что взрослый человек, так или иначе причастный к жизни каждого конкретного ребёнка (родитель, родственник, сосед, педагог, психолог, воспитатель, тренер, врач), просто не имеет права сознательно ломать жизнь маленького человека, и неважно, будет это неправильное слово или неграмотное действие. Более того, каждый такой взрослый, напротив, должен помочь вырасти ребёнку в психологически устойчивую личность: не надломленную, а уверенную в себе, готовую правильно и стойко решать жизненные задачи своей последующей взрослой жизни. А значит, в жизни каждого ребёнка на разных этапах его взросления должно быть как можно меньше отрицательных

ярлыков и клише, порождающих впоследствии те или иные комплексы и проявления отрицательного поведения. И различные обвинения ребёнка в том или ином проступке, навязывание чувства этой самой вины и есть одна из самых больших педагогических ошибок. С младенчества мы все накидываемся на него: «Ты виноват – наказан»; «И как ты думаешь исправлять свою вину?»; «Марш в угол!»

И вот сейчас, наверное, выскажу свою позицию, которой возмущу многих коллег: «А может ли быть исключительно только его, ребёнка, эта самая вина?! А зачем мы тогда вообще делим общество на детей и взрослых?! Разве нет у ребёнка права заблуждаться, ошибаться, оступаться?! Есть! И никакой особой мудрости не нужно, чтобы понять, что ребёнок, которого меньше ВИНЯТ в чём бы то ни было, более открыт и непосредствен, более общителен и более справедлив и участлив к жизни других людей. Для меня разницы в «виноват – в угол» и «виновен – в тюрьму» нет, дело только в возрасте ребёнка и совершённом им поступке. А разве этот «угол» – не то ли самое клише?! А потом вы же (родитель) и ещё многие другие взрослые в его жизни планомерно будете награждать его: «хулиган», «двоечник», «бездельник», «лоботряс», «учётник» и т.д. Ну и кого вы потом вините, что он докатился до скамьи подсудимых?! Вы же только и делали, что обвиняли. Так, может, прежде чем винить, попробуем его услышать, почувствовать, разобраться, понять и дать ему возможность ощутить себя не отвергнутым?

И теперь я точно знаю, что этой «соломкой» для ребёнка может стать медиация. Та самая процедура, которой чужды понятия «вина», «обвинение». Медиация – не про навязывание вины, она про умение слушать, слышать, чувствовать, думать, понимать и про то, что делать, чтобы подобного не случилось вновь.

Не буду вдаваться в тонкости медиации, потому как этому всё-таки лучше обучиться, расскажу о первых практических шагах нашей школьной службы примирения. Так как обучение мы прошли в апреле 2017 года и планировали начать работу, не откладывая в «долгий ящик», времени на документирование, полноценное официальное оформление работы школьной службы практически не оставалось (майские праздники + активация режима работы школы под названием «ЕГЭ, ОГЭ»). Чтобы иметь право начать работу, администрацией школы были изданы приказы о создании и функционировании ШСП. Об участии детей в составе службы тогда ещё речи не шло, но так как нас было два полноценных обученных

медиатора, мы решили, что мы – служба. С момента первой зафиксированной программы был заведён «журнал регистрации конфликтных ситуаций». Другие документы: положение о службе, план работы, приказ о графике работы службы и месте ее нахождения – были изданы уже с началом этого учебного года. Этап информирования педагогов, родителей и учеников о работе ШСП полноценно начался и продолжается до сих пор также в этом учебном году.

Нашей первой программой как раз явился «Круг сообщества». Обстановка в одном из третьих классов была за год, «благодаря» двум мальчишкам, накалена настолько, что доходило до отчаяния учителя и очень радикальных нападков на администрацию школы со стороны родителей. Все возможные и невозможные формы и методы работы были опробованы на этом классе и с этими двумя учениками. И проведение круга с учащимися в 3а было больше похоже на то, что нужно было что-то новое, хотя бы даже для того, чтобы пояснить родителям, что мы пытаемся и не теряем надежду наладить обстановку в классе. Круг провели по всем канонам и остались удовлетворены и мы с коллегой, и классный руководитель, а самое главное, ребята, которые очень мудро высказывались и убедили нас, взрослых, в том, что не нужно этих мальчишек убирать из класса, что им можно помочь и что сами ребята готовы к этой помощи. После круга 3а класс спокойно закончил учебный год. И на сегодняшний день такой обстановки, как в прошлом году, в классе не наблюдается. Имеются единичные жалобы на этих мальчишек от учителей, работающих в классе, но срыва уроков, убегания с них не было.

Также полноценно проведённой программой в конце прошлого года явилась и медиация, участниками которой стали первоклассник (да, да, обычный восьмилетка) и третьеклассник. И вспоминаю слова обучающего нас специалиста: «... бояться малышей не надо в этом процессе, они вполне рассудительны и способны к анализу происшедшего с ними». Наш первоклассник являлся пострадавшей стороной, но был настолько объективен в своих суждениях, что даже его собственная мама не ожидала от сына таких способностей анализировать ситуации и вести диалог с чужими людьми. Запомнилось особенно, как он на вопросы, кто пострадал и кто был вовлечён в ситуацию, перечислил огромный круг лиц, при этом без подсказок и наводящих вопросов объяснял о каждом: «почему». И ещё один интересный факт из этого случая. При составлении примирительного договора стороны взаимно могут договориться об условиях его исполнения,

а также указываются лица, которые будут отслеживать выполнение сторонами условий на протяжении контрольного периода. Так вот, в данном случае, так как встреча состоялась в последние дни учебного года, наши участники уходили на каникулы, отследить его исполнение я смогла только в первые дни сентября. И каким же было моё удивление, когда на мой вопрос нашему пострадавшему, уже второкласснику, не обижает ли его тот мальчик, с которым у него была встреча, он ответил: «Какая встреча? Какой мальчик? Я не помню. Аааа, тот-то! Нет, не обижает, я его встречаю в школе, и он мне говорит: «Привет». Это ли не то самое исцеление жертвы?! Даже пожалела немного потом: парень так освободился от плохих мыслей о ситуации, что просто забыл, а тут я со своими вопросами.

В настоящий период времени уже этого учебного года мы имеем несколько зафиксированных конфликтных ситуаций. Заявки на проведение процедур примирения поступали из отделения по делам несовершеннолетних, от классных руководителей, родителей учащихся. Одним из важных принципов медиации является добровольность участия, поэтому, получив по двум ситуациям отказы законных представителей детей на примирение, я не стала настаивать на более усиленной мотивации участников, о чём не жалею, так как не думаю, что они могли разрешиться положительно. Всё-таки до корифеев медиации нам ещё далеко и на данном этапе развития нашей работы лучше объективно оценить свои возможности и браться только за посильные случаи. При этом в одном из конфликтов одной из сторон был педагог, и он не пожелал примириться с учеником. Этот момент, пожалуй, отмечу как одну из проблем, возникших в данной работе. Случай показал нам, что далеко не все педагоги склонны воспринимать подобную форму работы с детьми как действенную, и определённая работа должна вестись и в этом направлении тоже. Не меньшей проблемой оказались и другие случаи, по которым заявки на проведение медиации поступили из ОДН. Стороны правонарушителей отказались от встреч с пострадавшими сторонами. Вот как объясняют свой отказ от примирительных встреч родители детей: «С моим ребёнком уже поработали в полиции, «пугали» учётами. О каком примирении может идти речь?»; «Мы разбирались в классе, мой ребёнок при всех попросил прощения, зачем ещё встречаться?»

Показательно, что примирением закончились случаи, в которых законные представители ребят – участников конфликта, как раз настаивали на несообщении в правоохранительные органы. Им

было важно разрешить конфликт ребенка с обидчиком, исцелить ребёнка от боязни находиться рядом с обидевшим его человеком, внушить чувство уверенности в себе. Вот один из таких случаев.

Конфликт Егора и Бориса

В один из дней ноября в школе, на перемене учащиеся 2-го класса Егор и Боря находились в коридоре, играя в подвижные игры с другими детьми. Учительница в это время находилась в школьной столовой с другими своими учениками, поэтому не могла контролировать ситуацию. В какой-то момент игры Егор начал заталкивать Борю в туалет девочек. Боря упирался. Егор убежал в класс, но Боря его догнал и пнул ногой, между ребятами завязалась драка, в ходе которой Егор сильно ударил Борю по голове кулаком. Учителю ребята не рассказали о случившемся, никто из них ни на что не пожаловался. Уже после уроков дома Боря пожаловался родителям на головную боль. Родители обратились за медицинской помощью. Они не желают сообщать об этом в правоохранительные органы, поэтому обратились к классной руководительнице, которая подала заявку в школьную службу примирения.

В результате проведённой программы примирения сторонами подписан примирительный договор, пострадавшая сторона с заявлением в какие-либо органы не обращалась.

Рассмотрим, как реализовались принципы восстановительного подхода в данной программе.

Принципы восстановительного подхода	Реализация (в чем и как проявилась)
Восстановление способности людей понимать друг друга	Борис и его папа поверили Егору, что он и впрямь считал забавным и смешным заталкивать других мальчиков в женский туалет. Егор услышал от Бори, как ему было стыдно и неприятно находиться в данном помещении, отчего он разозлился и хотел отомстить Егору, побежал за ним в класс и пнул. Взрослые пояснили детям, что может считаться игрой и быть забавным, а что выходит за рамки допустимого
Участие уважаемых участниками людей и близкого окружения (родителей, родных, друзей, заинтересованных педагогов	В программе приняли участие законные представители каждой из сторон (обе стороны – папы)

<p>Ответственность обидчика перед жертвой (если в ситуации был обидчик)</p>	<p>Взаимное рукопожатие отцов, детей и детей с отцами, принесение извинения со стороны Егора за причинённый моральный и физический вред здоровью Бори. Мальчики будут контролировать себя при желании проявить силу или агрессию. Помощь Егора (мальчик физически значительно превосходит одноклассника) Борису в соревнованиях или конкурсах. Боря также извинился, что из-за него конфликт ещё больше разгорелся, когда он пнул Егора</p>
<p>Исцеление жертвы (если в ситуации была жертва)</p>	<p>По истечении контрольного периода пострадавший Боря пояснил, что конфликтов с Егором и другими ребятами в классе у него нет. Он больше не обижается на Егора и заметил, что тот изменил своё поведение и по отношению к другим одноклассникам («раньше он многих обижал, а теперь стал дружным»)</p>
<p>Принятие участниками конфликта на себя ответственности по его урегулированию</p>	<p>Обе стороны справедливо описали ситуацию и её последствия, каждый признал неправоту своего поведения в ней, ответственно отнеслись к выработке условий договора. Пострадавший пояснил, что правонарушитель имеет право на прощение, вторая сторона с благодарностью отреагировала на понимание, прощение и доверие</p>
<p>Что стороны договорились сделать, чтобы подобное не повторилось?</p>	<p>Совместное участие в командных соревнованиях и конкурсах, беседа с классом о правилах поведения и осторожности в играх на переменах</p>

Данную встречу можно было назвать «Правильный диалог больших и маленьких мужчин». Порой даже нам, медиаторам, хотелось включить «мамочек» в те или иные моменты, пожалеть детей, смягчить разговор... Но как раз мужской подход к разрешению конфликта мальчишек дал правильный результат. Казалось, что в ходе беседы участников встречи о чувствах речь не идёт (мужчины больше говорили о поступках: как можно и как нельзя), но когда в одной из родительских анкет по результатам данной встречи о нужности медиации в школе увидели: «заставляет задуматься о чувствах другого человека», поняли, что ошибались. Мужское рукопожатие в глазах детей – важнее и значимее тысячи слов!

Проведенные программы примирения убедили меня в моей и без того сформировавшейся задолго до начала работы медиатором уверенности: правоохранительные органы могут наказать правонарушителя согласно законодательству, но они не могут да и не ставят перед собой задачу исцелить жертву, вселить в пострадавшего человека ощущение отсутствия смутения из-за причинённых обид, телесных повреждений или причинённого ущерба. Дети и их родители остаются в состоянии жертвы, живут с обидами, копят в себе негативные эмоции, что приводит к подавленности, страхам, депрессии, недоверию к службам, структурам, работающим с детьми и подростками. А те, к кому применили «карательные» меры, напротив, чувствуют себя незащищёнными со стороны школы, как правило, обозлёнными, занимая позицию: «Ребёнок наказан полицией, отстаньте все от нас и впредь нашей милости не ждите тоже». В ходе же восстановительной медиации стороны имеют возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации. О какой более высокой цели в разрешении детских конфликтов может идти речь?!

РАБОТА РУКОВОДИТЕЛЯ СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ С КОМАНДОЙ ЮНЫХ ВОЛОНТЕРОВ-УЧАЩИХСЯ

Горина Ольга Александровна,

педагог-психолог МБОУ «СОШ №1», г. Чернушка Пермского края,
olga_chipunowa@rambler.ru

Школьные годы кажутся чудесными далеко не всем выпускникам. Кто-то до самой старости с ужасом вспоминает, каким унижениям приходилось подвергаться на переменках и после уроков, а кто-то мучительно сожалеет, что одноклассники считали его не другом, а смертельным врагом. Разрешать конфликты, возникающие между детьми, призвана школьная служба примирения. Поэтому с 17 апреля 2008 года в МОУ «СОШ №1» города Чернушки на основании приказа управления образования от 05.03.2008 № 92 была создана школьная служба примирения «Бумеранг» с целью реализации восстановительных технологий в школе. Первыми ее шагами стали: создание нормативно-правовой базы, организация просветительской работы среди педагогов, родителей и учащихся, презентации, оформление стендов. Большое внимание уделяется накоплению различных электронных материалов по теме «Восстановительные технологии». Сейчас в копилке службы имеются методические материалы, разработки занятий, статьи, в которых авторы делятся опытом в сфере реализации восстановительных технологий (А.Ю. Коновалов, Е.Ю. Колотаева, А.С. Кривцова, Р.Р. Максудов и др.).

Главная идея заключается в том, что службой руководит взрослый, но ведущими должны работать школьники, поскольку они лучше знают реальные взаимоотношения в школе и им скорее доверяют то, во что не посвящают взрослых. Концепция ШСП в нашей школе базируется на трех положениях:

- 1) конфликт должен быть разрешен его непосредственными участниками, поскольку только они смогут найти лучшее решение. И если они приняли на себя от-

ветственность за решение, то, скорее всего, выполнят его и больше не попадут в подобную ситуацию;

- 2) в качестве ведущих примирительной встречи работают подростки, поскольку у них установлен наиболее тесный контакт со сверстниками;
- 3) навыки, полученные ведущими в ходе проведения примирительной встречи, по качеству превосходят любые искусственные ситуации на тренинге и понадобятся подросткам в их жизни. Поэтому чем больше учащихся освоят деятельность ведущего, тем лучше.

Уже 10 лет я являюсь руководителем ШСП, равно как и ведущим примирительных программ. Сейчас в составе службы 10 учащихся 7-го класса и трое из 8–10 классов, всего 13 человек. Они прошли тестирование, которое предполагало наличие в характере у ребят общительности, доброжелательности, тактичности, умения наладить контакты с людьми, умения проводить примирительные программы. Чтобы научить будущих медиаторов восстановительным технологиям, в кружке «Зеленый свет» для активистов ШСП на еженедельных встречах отрабатываются коммуникативные техники, удержание нейтральной позиции ведущего (которую не только школьникам, но и взрослым бывает непросто освоить) и др. Сначала учащиеся изучают теоретическую часть, затем проигрывают ситуации, отрабатывая техники, навыки переговоров, налаживания контактов. Ребята не только проводят примирительные программы в начальных классах, но и просветительские классные часы, недели психологии, оформляют плакаты. По результатам

проведенных программ примирения проводится супервизия, учащиеся учатся заполнять учётные карточки, пишут отчеты по проведенным программам. Идет накопление и анализ опыта, ведётся мониторинг. Отзывы ребят об участии в кружке положительные, ведь именно здесь они учатся примирять людей и получают новую полезную информацию и понимают, что кому-то смогут помочь в конфликтной ситуации.

Также богатый опыт подростки ежегодно получают, участвуя в районных слетах, круглых столах и других мероприятиях, которые организует муниципальная служба медиации.

Случай 1

Конфликт произошел между двумя мальчиками 6-го класса, которые учатся в одном классе. Ситуация произошла зимой в школе. На перемене в кабинете кто-то из ребят пробежал возле Миши и нечаянно толкнул его на Диму, вследствие чего Миша задел плечом Диму. Дима тут же несколько раз ударил и пнул Мишу. Произошла драка. Ребят разняли одноклассники. Мама Миши знала, что Дима уже обижал других ребят, решила его проучить и написала заявление в полицию. В ШСП поступила заявка из КДНиЗП. Ведущая – О.А. Горина.

На предварительную встречу 04.12.2017 г. Дима пришел вместе с мамой, И.И. Ивановой, которая сразу откликнулась на предложение принять участие в программе. Мальчик охотно пошел на контакт, рассказал о случившемся. Дима понимал свою вину, осознавал последствия своего поступка, поэтому извинился перед Мишей. Мама очень переживает за сына, плакала. Дома оба родителя поговорили с Димой о недопустимости такого поведения, и мама очень надеется, что мальчик будет терпимее к ребятам и будет разрешать конфликты мирным путем. Мама рассказала, что в жизни сыну трудно контролировать свои эмоции, он очень активный. На примирительную встречу согласились.

Пострадавшая сторона пришла на предварительную встречу 06.12.2017 г. Потерпевший Миша пришел с мамой Натальей Николаевной. Мама рассказала, что она уже беседовала с Димой один раз, но, видимо, тот не прислушался к ней. Поэтому когда произошел эта драка, Наталья Николаевна и написала заявление, чтобы хоть как-то подействовать на мальчика. Она думала, что Дима задумается над своим поведением. Миша – уравновешенный, молчаливый, скромный мальчик, охотно пошел на контакт. Хотя тема разговора не была приятной для него, он подроб-

но рассказывал, отвечал на вопросы. По его мнению, ситуация завершилась, Дима принёс свои извинения и в дальнейшем с ними такая ситуация не повторится. На встречу с Димой Миша ответил согласием.

Примирительная встреча состоялась 08.12.17, на которой присутствовали Миша, Н.Н., Дима, И.И.

Объяснив причину и правила встречи, ведущая встречи предложила Мише высказать свое мнение о случившейся ситуации. Миша рассказал, что конфликт начался в кабинете, на перемене кто-то из ребят пробежал возле него и нечаянно толкнул его, и из-за этого Миша задел плечом Диму. Дима несколько раз ударил и пнул Мишу по ягодицам. Тому было больно, завязалась драка, которую разняли одноклассники.

Дима подтвердил информацию, рассказанную Мишей. Он осознал, что плохо поступил по отношению к однокласснику, и сожалел о случившемся. Дима извинился перед Мишей и сказал его маме, что будет стараться, чтобы такая ситуация больше не повторилась. Также Дима сказал, что проблемы будет учиться решать словами.

Нарушитель извинился перед пострадавшим. Дал отрицательную оценку своему поведению. Потерпевшая сторона приняла извинения. Встреча прошла хорошо.

Для разрешения конфликтных ситуаций мною было предложено обеим сторонам обращаться в школьную службу примирения.

Результат программы: примирение сторон.

Случай 2

Конфликт произошел между тремя мальчиками 4-го и 7-го классов, живущих недалеко друг от друга. Ситуация произошла осенью на стадионе. В выходные дни ребята всегда общались друг с другом. Денис, четвероклассник, попросил у семиклассника Артема велосипед прокатиться, поехал и упал, за что Артем стал требовать у Дениса деньги. Деньги мальчик Артему не отдавал. Саша, четвероклассник, рассказал, что Артем заставлял его курить, снимая это на видео и грозя, что если тот не принесет деньги, покажет ролик его родителям. Об этой ситуации узнала мама Дениса и написала заявление в полицию. В ШСП поступила заявка из КДНиЗП. Ведущие: О.А. Горина, Паула Клементьева, Павел Черенков.

02.09.2017 года на предварительную встречу Артем, учащийся 7-го класса, пришел вместе с мамой Р.Л. Копытовой. Мама сразу откликнулась на предложение принять участие в программе, но была очень взволнована, нервничала. Мальчик

же неохотно пошёл на контакт, но рассказал о случившемся. Он понимал свою вину, осознавал последствия своего поступка. Мама очень переживает за сына. Дома она разговаривала с сыном о недопустимости такого поведения. Она очень надеется, что Артем будет сначала думать, а уж потом говорить. Мама рассказала, что у подростка есть плохая привычка: после сделанного он говорит «будешь должна», поэтому она предположила, что мальчишкам он также сказал в шутку. На примирительную встречу долго не соглашалась. Она очень сердилась, что родители пострадавшего не пришли к ней и не решили все мирным путем, а сразу написали заявление. С мамой были отработаны чувства, и вскоре она согласилась на примирительную встречу.

05.09.2017 года пострадавшая сторона пришла на предварительную встречу. Потерпевший Денис, учащийся 4б класса, пришел с мамой Т.А. Сидоровой, а мама Саши, учащегося 4б класса, не смогла прийти (была на работе), но с ней разговор состоялся по телефону. Денис – уравновешенный, скромный мальчик, охотно пошёл на контакт. Хотя тема разговора не была приятной для него, он подробно рассказывал, отвечал на вопросы. Денис рассказал, что Артем просил у него 1000 рублей за то, что, катаясь, упал с его велосипеда. Требуемые деньги мальчик Артему не отдавал. Мама рассказала о том, что написала заявление, чтобы хоть как-то подействовать на Артема. Она надеялась, что тот задумается над своим поступком. На встречу с Артемом Денис ответил согласием.

Примирительная встреча состоялась 09.09.2017 года, на которой присутствовали Артем, Р.Л. Копытова (мама Артема), Денис и Саша, мама Дениса, Т.А. Сидорова. Мама Саши не смогла прийти по семейным обстоятельствам, доверив Т.А. Сидоровой своего сына.

Узнав о причине и правилах встречи, Денис и Саша рассказали о случившейся ситуации между ними и Артемом. Раньше они были друзьями и часто вместе играли. Денис рассказал, что кон-

фликт начался, когда Артем потребовал у него 1000 рублей, если Денис поедет на его велосипеде и упадёт с него. Денис поехал и упал, деньги мальчик Артему не отдавал, хотя Артем несколько раз напоминал ему об этом.

Саша рассказал, что Артем заставлял его курить и снимал это на видео и грозил, что если не принесет деньги, то покажет ролик его родителям. Деньги Артему не отдавал. Ребята говорили, что им было неприятно, страшновато, когда Артем напоминал о деньгах. Денис и Саша сказали, что они и сейчас хотели бы дружить с Артемом, если он не будет у них требовать деньги.

Артем частично подтвердил информацию, рассказанную мальчишками. Он сказал, что говорил про деньги в шутку, просто так. Он осознал, что плохо поступил по отношению к мальчишкам, и сожалел о случившемся. Артем извинился перед мальчишками, мамой Дениса и своей мамой, потому что он ей не до конца все рассказал. Подросток заверил, что будет стараться, чтобы такая ситуация больше не повторилась. Артем сказал, что если бы ребята и принесли деньги, он бы им отдал их обратно, так как это была шутка.

Обидчик попросил прощения у пострадавших. Сказал, что поступил неправильно. Потерпевшая сторона приняла извинения, и мальчишки сказали, что теперь не боятся Артема и не сердятся на него. Стороны договорились обращаться за помощью к старшим.

Для разрешения конфликтных ситуаций обеим сторонам было предложено обращаться в школьную службу примирения, к классному руководителю.

В результате встречи был составлен договор, в котором стороны договорились информировать руководителя ШСП о подобных случаях. Артем решил избавляться от привычки за все просить деньги, больше так не шутить ни с мамой, ни с ребятами. Денис и Саша выразили желание продолжать дружбу с Артемом.

Результат программы: примирение сторон, составление договора.

РАЗВОД И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ... МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Енькова Лейсан Рифкатовна,

*руководитель муниципальной службы примирения г. Казани,
leys91@inbox.ru*

Для России в целом и Республики Татарстан в том числе актуальным остаётся вопрос укрепления института семьи, брака и гармоничных семейных отношений. Поэтому очень важно сохранять и беречь полные благополучные семьи, заниматься профилактикой семейных конфликтов, особенно необдуманных, спонтанных разводов. Тем более что за последние 30 лет их количество возросло в шесть раз и ежегодно распадается каждый третий брак.

Казанский центр «Доверие» на сегодняшний день реализует ряд мер, направленных на укрепление семьи: работа с молодоженами, круглосуточная экстренная психологическая помощь по телефону доверия для супружеских пар, семейная медиация на территории ЗАГСов города, работа с дисфункциональными семьями по запросам КДНиЗП и ПДН, а также деятельность, направленная на урегулирование конфликтных вопросов на стадии гражданского судопроизводства. Однако результаты деятельности достигают наиболее положительного эффекта при сотрудничестве всех ведомств, участвующих в жизни семьи. Одно из приоритетных направлений муниципальной службы примирения – объединение усилий для комплексного сопровождения семей, находящихся в конфликтных взаимоотношениях и в трудной жизненной ситуации. Так, важным событием стало проведение семинара в октябре 2017 года на тему «Восстановительные программы как альтернативная форма работы с семьями», где представители органов опеки и попечительства, ЗАГСов, КДНиЗП, ПДН, представители образования, НКО, занимающиеся медиативной практикой, смогли обсудить актуальные вопросы по работе с семьей. Мнения специалистов по дан-

ному вопросу, а также опыт реализации программ в рамках восстановительной медиации в Казани, представлены в статье.

Директор МБУ МП «КЦСО «Доверие» Елена Владимировна Овчинникова:

Центром «Доверие» совместно с органами ЗАГСа, а также общественными организациями реализуется ряд проектов, направленных на формирование у молодежи ценностей семьи, укрепление семейных уз и сокращение числа разводов.

На всех площадках ЗАГСов в городе нашими специалистами ведутся еженедельно интерактивные информационно-просветительские занятия с будущими молодожёнами. На них мы рассматриваем перспективы развития семьи на первые 2–3 года, рассказываем о стадиях развития отношений мужчины и женщины, об их новых социальных ролях как супругов, так и будущих родителей. Разбираем на конкретных примерах ситуации, при которых зарождается и развивается семейный конфликт. Обсуждаем его разрушительные последствия. Ищем пути примирения, поиска и нахождения разумных компромиссов. На занятиях молодожёны то затихают и ловят каждое слово психолога, то бурно, горячо спорят и дискутируют. Каждый узнаёт себя и своего партнёра в представленных психологических портретах.

Вступая в брак, молодожены должны знать, что ЗАГС – это не кафе и не развлекательный клуб, в который можно сходить ради красивых фотографий и подарков. Речь должна идти об ответственности друг перед другом, перед родителями, близкими людьми. За период реализации проекта выявилась целая категория разводящихся, которые вступили в брак по принципу «давай

попробуем, не понравится – разведемся». Такое легкомысленное отношение к браку понижает статус института семьи, девальвирует наши традиционные семейные ценности, искажает объективную демографическую статистику.

Работники ЗАГСов традиционно фиксируют высокий процент заключаемых браков в ситуации беременности невест. Появление малыша в молодой неокрепшей семье – это из факторов, способствующих обострению семейных отношений. Поэтому с 2017 года началась апробация психологического практикума для молодых родителей и лиц, вступающих в брак, «Четыре шага к ответственному родительству».

Апогеем семейного конфликта является развод. С парами, находящимися в стадии развода, на площадках ЗАГСов города проводятся семейные медиации и консультации. Семейная медиация – это процесс, в котором медиатор помогает участникам конфликта улучшить взаимодействие друг с другом и наладить диалог, принять приемлемые для обеих сторон осознанные решения по некоторым или всем вопросам, связанным с отношениями, разводом, детьми. Медиаторами выступают педагоги-психологи, прошедшие дополнительное обучение проведению восстановительной медиации. Процедура медиации проводится на основе принципов добровольности, конфиденциальности, равноправия сторон, независимости и нейтральности медиатора.

Для нормализации эмоционального состояния в рамках этой технологии с супругами сначала проводятся индивидуальные предварительные встречи, затем совместная примирительная встреча – медиация.

В 2017 году встречи с медиаторами по урегулированию семейных конфликтов были проведены для 468 супругов. 52% из них пришли к примирению и отказались от подачи заявления на расторжение брака. Всего же за время реализации проекта в медиативных процедурах приняли участие 2021 супруг, переживавших кризис семейных отношений.

Наибольшую вероятность примирения имеют молодые пары, которые проживают в браке меньше года, иногда – несколько месяцев. В этом случае решение о разводе принимается спонтанно, под воздействием эмоций, часто причиной для развода служит не вынесенный вовремя мусор, разногласия в уходе за домашним животным или особенности темперамента супругов.

Вовремя проведенная в период адаптации к семейной жизни примирительная программа в значительной мере снижает риск развода и повышает вероятность сохранения семьи.

Реализация медиативной практики получила широкий общественный резонанс. Мы видим это, прежде всего, по растущему числу обращений из районов республики и даже из других регионов РФ. Так, в 2017 году с целью обмена опытом прошел семинар с участием специалистов из Екатеринбурга, которые в последующем внедрили процедуру медиации в ЗАГСы своего города.

Важно отметить, что к процедуре медиации прибегают и те, кто, несмотря ни на что, намерен расторгнуть свой брак, но при этом желает сохранить добрые отношения. В таких случаях мы помогаем супругам по-новому выстроить взаимодействие, руководствуясь, прежде всего, интересами несовершеннолетних детей.

С 1 марта 2017 года в соответствии с соглашением между центром «Доверие» и Управлением ЗАГСов Кабинета министров Республики нами организован круглосуточный прием звонков, поступающих на телефон доверия от граждан, испытывающих кризис в семейных отношениях.

Переадресованный звонок принимает психолог, который сначала помогает обратившемуся за помощью человеку преодолеть острую фазу эмоционального напряжения, а затем показывает пути разрешения конфликтной ситуации. При необходимости наш сотрудник записывает звонящего на бесплатную семейную медиацию, которую можно пройти как на площадке органа ЗАГСа, так и в нашем центре.

За 10 месяцев 2017 года к нам было переадресовано более 930 звонков. В большинстве случаев причиной разлада в семье становится домашнее насилие (причем как со стороны мужчин, так и женщин), отсутствие любви и взаимопонимания, бытовые, жилищные проблемы, измены и вмешательство родственников или друзей в отношения супругов.

Практика показала, что возможность выговориться, быть услышанным позволяет многим звонящим на телефон доверия ЗАГСа снять стресс и приступить к поиску выхода из сложившейся в семье конфликтной ситуации.

Ведущий специалист по обеспечению координации взаимодействия подразделения социальной сферы аппарата ИКМО г. Казани Татьяна Анатольевна Укусникова:

Одной из острых проблем современного российского общества является проблема осознания значимости и важности института семьи. Сегодня российская семья находится в состоянии кризиса, социальной деградации. На протяжении последних лет существует тенденция к неустойчивости

браков, ухудшению материального положения семьи, росту числа неполных семей, отчужденности детей от дома, падению авторитета родителей. Возможные последствия такой дисфункции семьи трагичны.

Данное обстоятельство стало одной из причин создания в республике два года назад в качестве эксперимента института муниципальных сотрудников по профилактике семейного неблагополучия. Штатная численность их в республике невелика – 100 человек, в том числе в Казани – 29. Имеются они во всех городах и районах республики.

Я являюсь представителем этой службы в Казани в должности ведущий специалист отдела по обеспечению координации и взаимодействия подразделений социальной сферы муниципального казенного учреждения Аппарата исполнительного комитета города Казани. По работе закреплена за подразделением по делам несовершеннолетних ОП №12 «Гвардейский» УМВД России по городу и оказываю им содействие в работе по данному направлению.

Приведу статистические данные: по состоянию на 1 октября 2017 года на учете в ПДН республики состоит 4874 неблагополучных семей (за аналогичный период прошлого года – 4388) и 3720 несовершеннолетних правонарушителей (за аналогичный период прошлого года – 3832).

Вместе с тем анализ ситуации показал, что в последние годы все чаще приходится сталкиваться не с неблагополучными семьями в их классическом понимании (когда родители злоупотребляют спиртными напитками и не занимаются надлежащим образом воспитанием, содержанием и обучением детей), а с дисфункциональными семьями – внешне благополучными (непьющие родители, имеющие материальный достаток, ухоженные дети), в действительности же имеющими глубокие внутренние нарушения. И самый серьезный негативный результат такой дисфункции – распавшиеся семьи. Такие семьи часто не стоят на учете в ПДН, а выявляются уже на поздней стадии распада семьи – после развода родителей и предъявления ими обоюдных исков, претензий, подачи жалоб в различные инстанции: в полицию, суд, судебному исполнителю и т.д.

Развод – крайняя мера по разрешению семейного конфликта. В основе любого конфликта всегда лежит отсутствие согласия между сторонами. Распад семейных отношений чаще всего означает, что члены семьи не смогли подняться в своем личностном росте на ступеньку выше и предпочли разрушение отношений преобразованию их. Существенной особенностью семейных

конфликтов является то, что они могут иметь тяжелые социальные последствия. Даже если супруги расстанутся по обоюдному желанию (что бывает не так уж и часто), даже если они все сделали «цивилизованно», оба испытывают разочарование, боль, потерянную. В России по статистике Росстата распадается около 50% семей. Причем большая часть разводов приходится на семьи, где муж и жена прожили в браке от 5 до 9 лет. Как правило, в таких ячейках общества уже есть дети. Ситуации, конечно, бывают разные, и иногда развод действительно становится единственным разумным выходом, но принимают решение о расставании всегда только взрослые. А дети – всегда, во всех без исключения случаях, становятся заложниками родительского развода, который имеет для них тяжелые разрушительные последствия. Каждый ребенок любит своих маму и папу одинаково сильно. Для него потеря контакта с любимым из них – даже не травма, а настоящая катастрофа.

Замечено, например, что дети дошкольного возраста считают себя виноватыми в разводе родителей. Дети в возрасте примерно 10 лет осуждают обоих родителей или того, кто, по их мнению, лишил их защищенности. В подростковом возрасте это часто приводит ребенка к совершению правонарушений. Тяжелых последствий не бывает только в том случае, если развод воспринимается ребенком как освобождение от кошмара.

К сожалению, после развода нередко родитель старается «забыть» о своих обязанностях по отношению к детям, в том числе и о материальных. Так, за 9 месяцев текущего года рост преступлений, предусмотренных статьей 157 УК РФ – злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, на 26,4% опередил аналогичный показатель всего прошлого года (ст. 157 УК РФ за 9 месяцев текущего года – 676 против 535 за весь прошлый год).

Еще один проблемный вопрос – место жительства ребенка и общение его с родителями после развода.

Согласно законодательству эти вопросы решаются соглашением между родителями, а при его отсутствии спор разрешается судом исходя из интересов ребенка и с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет (ч. 3 ст. 65, статья 57 СК РФ). В случаях когда не происходит добровольного исполнения такого судебного решения, задействуется система принудительного исполнения в соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 г. №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» – федеральная служба судебных приставов.

На практике все гораздо сложнее и процесс превращается в многолетние тяжбы, в которых ребенок становится инструментом мести, манипуляций, интриг, иногда – выкачивания денег.

Приведу несколько примеров из практики нынешнего года.

Родители развелись, отец не хочет общаться ни с бывшей супругой, ни с ребенком. На воспитание и содержание дочери до ее 18-летия отец выплатил бывшей супруге досрочно около 2 млн. рублей – всю сумму, которую указал суд в своем решении по вопросу. Мать девочки ведет постоянные тяжбы, предъявляя постоянные претензии к отцу дочери: не водит ее в кружки, не водит в музыкальную школу, не занимается досугом.

Родители развелись. Судом определен порядок общения отца с ребенком: по субботам и воскресеньям с 10 до 13 часов в общественных местах (не дома!). На практике: отец длительное время не имеет возможности общаться с ребенком. Как только приближается выходной, мать говорит, что ребенок болен и при необходимости подтверждения предъявляет справку врача. Так как встречи с ребенком предусмотрены только в общественных местах, то домой к себе бывшего супруга она не пускает. Такая «болезнь в выходные» продолжается не один месяц. Отец просит предусмотреть посещение больного ребенка на дому.

Около трех лет судятся находящиеся в разводе родители, проживающие в двух разных городах республики. С двух лет ребенок воспитывался бабушкой и дедушкой со стороны отца, мать не видел. Рос в любви и заботе, внимании. Отец не отдал ребенка матери, несмотря на решение суда. Спустя время решение суда было выполнено: ребенка буквально вырвали из семьи бабушки и дедушки и отдали матери, живущей в другом городе. У ребенка серьезнейший стресс: маму он не видел, не помнил, город чужой, все чужие, бабушки и дедушки рядом нет.

Родители развелись. Мать подала на алименты. Место проживания ребенка не было определено. Долг отца за короткое время (3 месяца) составил более 300 тысяч. Он решил: «зачем платить такие деньги бывшей супруге, лучше я буду давать своей матери на порядок меньшую сумму». Отец забрал ребенка из садика и увез в Санкт-Петербург к своей матери. Более полугода ушло на определение судом места проживания ребенка и порядка общения его с родителем (в том числе досудебное), рассмотрение кассационных жалоб отца. Теперь очередь за судебными приставами – исполнителями.

После развода родителей судом определен порядок общения отца с ребенком. Мать дает им

видеться, общаться. Но отец регулярно нарушает достигнутое соглашение: не возвращает ребенка матери, не дает ей поговорить с ним по телефону, скрывает его местонахождение (свою квартиру продал, живет с ребенком на съемных). Мать периодически подает в розыск – пытается найти ребенка. Находим, возвращаем. Ребенок уже научился пользоваться разногласиями между родителями: желая получить что-либо от отца, жалуется ему на мать, а позже матери – на отца. Кто вырастет из него?

В 2011 году ст. 5.35 Кодекса об административных правонарушениях была дополнена ч. 2, а в 2013 – ч. 3.

Диспозиция ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ содержит перечень правонарушающих действий по отношению к детям, совершаемых, как правило, в связи с конфликтом родителей (матери и отца). Чаще всего это связано с расторжением брака (разводом) и недостижением согласия родителей или неисполнением судебного решения по поводу того, как воспитывать ребенка, как, где и в какое время общаться с ним и т.д.

Часть 3 статьи 5.35 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за повторные нарушения, предусмотренные ч. 2. Составлять такие материалы могут сотрудники полиции и службы судебных приставов.

Обратимся к статистике вопроса. За весь 2016 год сотрудниками полиции составлено по ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ 26 протоколов, в том числе 18 – на отцов. За 9 месяцев текущего года – 20, в том числе 7 на отцов.

А вот пример несколько другого плана – когда общение с родителем, несмотря на решение суда, противоречит интересам ребенка. Муж дал жене, которая легла на сохранение, на платные роды 50 тысяч рублей. Она попросила потом еще 15 тысяч – отблагодарить медперсонал. Он отказал. После выписки из роддома жены со вторым ребенком стал требовать объяснения, куда дела деньги, жена отказалась объяснить. Муж выгнал из дома жену с малолетними детьми (в возрасте 2 лет и 1 месяца) «в связи с утратой доверия». Спустя некоторое время он стал искать жену с детьми по ее родственникам, у которых она проживала, преследовать их, устраивать скандалы и драки (с женой и тестем) в присутствии детей. Жена подала на развод, он – на определение порядка общения с детьми. Опасаясь за жизнь и здоровье детей, свое и своих родственников, женщина была вынуждена снять однокомнатную квартиру и тайно от супруга проживать в ней с детьми. Муж потребовал привлечения жены к административной ответственности по ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ,

но ему было отказано в этом, поскольку мотивом действий матери являлась защита прав и интересов малолетних детей. Проявления физического и психического насилия к близким родственникам ребенка (например, избиение матери или других близких родственников в его присутствии) является психотравмирующим обстоятельством для ребенка и может негативно сказаться на его здоровье и нравственном развитии. Такое поведение родителя опасно для ребенка и представляет реальную угрозу для его жизни и здоровья. Общение с таким родителем противоречит интересам ребенка.

Приведенные примеры свидетельствуют, что далеко не все родители в ситуации семейного конфликта и распада семьи руководствуются интересами детей.

К сожалению, в отечественной семейно-демографической политике и социальной практике не сложилось концепции защиты детей в ситуации распада семьи и развода, не выработан комплексный и системный подход к решению этих проблем, мало используются возможности минимизации деструктивных последствий разводов.

Требовать полной адекватности от людей, находящихся в состоянии сильнейшего стресса, невозможно. Двое взрослых не слышат друг друга и меньше всего думают об интересах ребенка. Необходим поиск путей эффективной социализации несовершеннолетних в рамках самой распавшейся семьи, то есть профилактика и компенсация отрицательных последствий родительского разрыва для детей.

Важно, чтобы именно в этот период взрослые сделали над собой усилие, обуздали свои негативные эмоции и действовали, прежде всего, в интересах ребенка. Правильно организовали жизнь ребенка, корректно относились друг к другу, обоюдно поддерживали родительский авторитет перед ребенком, не формировали у него негативного мнения друг о друге, избегали негативной оценки при нем своей еще недавно любимой второй половинки.

Незаменимой в этой ситуации могла бы стать помощь третьей – нейтральной стороны, в качестве которой могли бы выступить медиаторы, работающие в рамках восстановительных программ, можно задействовать и имеющиеся психологические службы НКО. Взрослых людей можно научить анализировать ситуацию, поведение и правильно управлять дисфункциональными конфликтами, не причиняя непоправимый вред психике ребенка, самому себе и бывшей «второй половине».

Я – сторонница диалога, а не судебных тяжб, а потому уверена, что двое взрослых всегда могут договориться при условии, что у них есть такое желание, тем более если помочь им и ребенку. Ребенок – это отдельная личность, уникальная, любящая и ждущая ответной любви от обоих родителей.

Главный специалист КДНиЗП Администрации Кировского и Московского районов ИК МО г. Казани Наталья Ивановна Железкова:

В «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в разделе «Создание системы защиты прав и интересов детей и дружественного ребенку правосудия» (дружественного, а не карательного) предусматривается:

- развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия;
- организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении.

При разрешении конфликтов и криминальных ситуаций посредством программ восстановительного правосудия ответственность за её разрешение предоставляется сторонам. В результате подростки с помощью взрослых (медиатора, куратора школьных служб примирения и, возможно, присутствующих на встрече людей из ближайшего окружения ребенка) учатся находить конструктивное решение, заглаживать причиненный их поступками вред, восстанавливать нарушенные отношения и связи.

Применение восстановительных технологий помогает подросткам осознать ответственность перед людьми, пострадавшими от правонарушения. Ответственность правонарушителя понимается не как наказание, а как возникшее в результате правонарушения обязательство по заглаживанию причиненного вреда.

Важная роль в формировании ответственного поведения несовершеннолетних принадлежит сегодня комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В Кировском и Московском районах города с 2011 года ведется работа в данном направлении. Организатором внедрения восстановительных программ является районная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав и комплексный центр социального обслуживания детей и молодежи «Доверие».

Специалисты КЦСО «Доверие» проводят:

- методическое сопровождение деятельности школьных служб примирения не только Кировского и Московского районов, но в целом по Казани и республике;
- обучающие семинары и тренинги для медиаторов школьных служб примирения;
- медиации по случаям из КДНиЗП, ПДН, органов опеки, судов, ЗАГС.

Огромную помощь в обучении специалистов служб примирения оказывает межрегиональная общественная организация «Общественный центр «Судебно-правовая реформа» (Москва). За 2015–2017 годы:

- проведены обучающие семинары в школах Кировского и Московского районов с педагогическими коллективами по применению восстановительного подхода в учебно-воспитательном процессе;
- организованы выступления по внедрению восстановительных технологий и дружественного к детям правосудия на расширенных заседаниях районной, городской и республиканской комиссии, в районных прокуратурах города, международном форуме школьных учителей, Верховном суде республики;
- созданы школьные службы примирения в 56 образовательных учреждениях Республики Татарстан;
- организовано обучение кураторов ШСП и членов КДНиЗП;
- проведены профильные смены для школьных служб примирения в оздоровительном лагере «Заречье»;
- организована работа муниципальной службы примирения.

Представитель муниципальной службы примирения (специалист-психолог КЦСО «Доверие») присутствует на каждом заседании районной комиссии, в ходе которого отбираются случаи (дела) для проведения восстановительных (примирительных) программ как в семье, так и школьном коллективе. По результатам проведенной работы служба представляет отчет в комиссию.

Положительный результат проведения восстановительной программы (осознание последствий содеянного, заглаживание причиненного вреда потерпевшему и т.д.) может послужить основанием для досрочного снятия несовершеннолетнего с профилактического учета и изменения поведения подростка в лучшую сторону.

Заместитель начальника отдела по опеке и попечительству Администрации Кировского и Московского районов ИК МО г. Казани Татьяна Александровна Белова:

Родители обладают равными правами и равными обязанностями в отношении своих детей. При этом не имеет значения, в зарегистрированном браке родился ребенок или нет, отцовство было признано в добровольном порядке или установлено судом (п. 1 ст. 61 СК РФ).

При осуществлении родительских прав и обязанностей должен соблюдаться приоритет интересов ребенка. Это положение имеет принципиальное значение, поскольку нередко жизненные ситуации, когда интересы родителя противостоят интересам ребенка. Например, родители не оказывают должного внимания духовному развитию ребенка, ссылаясь на нехватку времени. Не занимаясь воспитанием ребенка, родители ущемляют права несовершеннолетнего. Приоритет прав и интересов ребенка является основополагающим при осуществлении родительских прав и обязанностей (п. 1 ст. 65 СК РФ).

Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Отступление от этого правила возможно только в случаях, когда нарушаются интересы ребенка (п. 1 ст. 63 СК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 63 СК РФ родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Право на воспитание своего ребенка является личным правом каждого родителя, заключается оно в возможности воспитывать своего ребенка лично, применяя всевозможные способы и методы семейного воспитания. Для осуществления этого права родителям со стороны государства должна оказываться всевозможная поддержка.

Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. На них возложена обязанность по подготовке полноценной личности для общества. По сути, эта обязанность представляет собой ежедневный непрекращающийся труд обоих родителей, направленный на подготовку ребенка к взрослой жизни.

Обязанность родителей по заботе о ребенке предполагает, прежде всего, заботу о его здоровье, физическом и психическом развитии.

В соответствии со ст. 8 СК РФ защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных Семейным кодексом, государственными органами или органами опеки и попечительства.

Кроме того, орган опеки и попечительства осуществляет защиту семейных прав в случаях:

- при возникновении разногласий между опекуном ребенка и несовершеннолетним родителем (ст. 62 СК РФ);
- противоречий между интересами родителей и детей (ст. 64 СК РФ);
- при наличии разногласий между родителями по поводу воспитания ребенка.

Орган опеки и попечительства стоит на защите прав и интересов несовершеннолетних детей. Зачастую нарушенные права детей приходится защищать в судебном порядке.

За последние годы участились обращения родителей (законных представителей несовершеннолетних) в органы опеки и попечительства по вопросу определения порядка общения с ребенком и определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей.

При обращении в орган опеки и попечительства специалист ведет беседу с одним из родителей, а в лучшем случае, с обоими родителями, объясняет последствия неучастия обоих родителей в жизни ребенка. При наличии разногласий родители совместно с ребенком направляются в центр «Доверие», где с ними ведут работу психологи/медиаторы. При необходимости назначается психологическая диагностика, психологические консультации или работа по восстановительной программе.

За 2011 год по Кировскому району города в судебном порядке было рассмотрено 15 дел по определению порядка общения с ребенком при раздельном проживании родителей. Центром «Доверие» с каждой семьей была проведена определенная работа, по результатам которой положительно и в интересах детей был определен порядок общения. За 2017 год в Кировском и Московском районных судах было рассмотрено уже более 50 таких дел. Индивидуальная работа с каждой семьей принесла результаты.

На учете в отделе по опеке и попечительству состоят дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. С возрастом ребенка меняются его интересы и потребности и иногда опекунам, которыми зачастую являются бабушки, трудно найти общий язык, и тогда такие подопечные с опекунами направляются в центр «Доверие», где с ними проводится работа, по результатам которой сохраняется семья, и дети остаются жить со своими опекунами.

Начальник отдела регистрации Управления ЗАГСа г. Казани Любовь Сергеевна Шарифуллина:

Официальная статистика свидетельствует о ежегодном сокращении количества разводов казанских семей в последние годы. За 9 месяцев 2017 года Управлением ЗАГСа зарегистрировано: 9113 браков и 3442 развода (на 4,2% меньше, чем за аналогичный период 2016 года: браков – 10 862, разводов – 4732).

Если посмотреть на соотношение количества заключенных и расторгнутых браков, можно увидеть, что здесь тоже динамика положительная. Если 10–15 лет назад более 55% браков в Казани распалось, то сегодня уже только 37%.

Но все-таки 4678 семей города оформили развод в прошлом году, и нас это не может не беспокоить. Наибольшая интенсивность разводов приходится на возрастную группу до 30 лет, особенно в первые годы совместной жизни.

Управлением ЗАГС проводится систематическая работа по снижению количества разводов. Мы стараемся не просто регистрировать браки и разводы и подсчитывать статистику, но и выявлять негативные тенденции и влиять на них.

Для профилактики семейного неблагополучия и сокращения количества разводов необходимо максимально информировать молодежь в области семейного права и семейных традиций, мотивировать их на создание благополучной семьи. В средствах массовой информации, в социальных сетях нами освещаются мероприятия, направленные на повышение статуса и роли семьи в обществе, на укрепление института семьи, на пропаганду семейных ценностей.

В Управлении ЗАГСа реализуется несколько программ: для молодоженов организована «Школа счастливой семьи», для старшеклассников – курс «Азбука семейного воспитания».

С января 2016 года в Управлении совместно с «КЦСО «Доверие» при комитете по делам детей и молодежи Исполнительного комитета города стартовал перспективный проект по семейной медиации. Проект направлен на профилактику разводов и сохранение семьи. В рамках данного проекта организуются встречи в рамках восстановительной медиации для супругов, оказавшихся в сложной семейной ситуации, переживающих кризисный период или находящихся на различных стадиях развода.

В чем суть проекта? Семейным парам, обратившимся в ЗАГС по вопросу расторжения брака, предлагают пройти процедуру восстановительной медиации и попробовать примириться друг

с другом. То есть найти выход из семейного конфликта, а значит сохранить семью от развода.

Первые пары приглашали, обзванивая супругов, уже подавших заявление на расторжение брака, и мотивировали для участия в проекте. Помогли знания, полученные специалистами в ходе обучения на курсах повышения квалификации «Применение методов медиации в работе органов ЗАГС», задавали вопросы:

1. Готовы ли Вы попытаться наладить Ваши отношения?
2. А Вы хорошо обдумали свое решение? Не принято ли это решение сгоряча?
3. А все ли средства урегулирования конфликта в Вашей семье Вы попробовали?
4. Вам лучше расстаться или Вам лучше сохранить отношения?
5. Что, как Вам кажется, может помочь Вам?
6. Хотите быстрее развестись, потому что боитесь передумать? И т.д.

После освещения проекта в СМИ и социальных сетях желающие сами звонят, консультируются, записываются к медиатору. При подаче заявления на расторжение брака по обоюдному согласию паре рассказывают о проекте и рекомендуют принять в нем участие и попытаться сохранить семью. Даже если пара отказывается от восстановительной медиации, специалист вручает им памятку-приглашение, которую они смогут прочитать в спокойной обстановке и взвесить свое решение. У всех семейных пар впереди есть еще один месяц до оформления развода в ЗАГСе. В этот период у них есть уникальная возможность посетить медиатора и принять осознанное решение. В работу включаются мировые судьи, которые перед расторжением брака в судебном порядке рекомендуют парам обратиться в ЗАГС и принять участие в восстановительной медиации. К нам обращаются пары, подающие заявление на расторжение брака по обоюдному согласию, приходят пары, имеющие несовершеннолетних детей, приходят уже разведенные супруги, желающие начать жизнь с чистого листа. Хотя мы казанский ЗАГС и должны принимать по расторжению брака только казанцев, но к нам на медиацию приезжают семьи и из районов республики. Мы готовы помогать всем семьям, которые хотят принять участие в программе.

Семейные пары участвуют в медиации на бесплатной основе и только на правах добровольности. С парами проводятся предварительные индивидуальные встречи. Их может быть несколько в зависимости от ситуации. Случается, что пары беседуют и по два часа, а потом записываются на

последующие встречи. После предварительных встреч семье предлагается прийти на совместную встречу, на которой медиатор, не принимая чью-либо сторону, помогает наладить уважительный диалог между супругами для достижения соглашения, научиться справляться с обидами и злостью, найти общий язык.

Педагог-психолог высшей категории, куратор школьной службы примирения МБОУ «Школа № 72» г. Казани Магина Равилевна Султанова:

Для современной семьи сейчас как никогда актуальна психологическая безопасность детей в школе. В наш век сенсаций стало популярным не только среди детей сделать «интересный ролик с места происшествия» вместо того, чтобы помочь конфликтующим. И поэтому актуальность работы по профилактике конфликтного поведения только возрастает. Данная работа осложняется тем, что именно институт семейного нравственного воспитания не имеет на сегодня прочной идеологической основы. Работа с семьей – один из самых ответственных, трудоемких и стрессовых процессов.

Позиции родителей зачастую отличаются тем, что они защищаются ярко выраженным отрицанием конфликтной ситуации и сопротивлением. Организация примирительных встреч с участием триединой системы (педколлектив – родители – дети) – один из самых перспективных и действенных инструментов в разрешении конфликтных ситуаций, так как общее взаимодействие и обсуждение таких педагогически важных тем, как традиции семьи, личная ответственность, перспективы будущего общения позволяют заложить основы уважительного, культурного, бесконфликтного взаимодействия в школе. Самое главное, что происходит на таких встречах, – это восстановление принятия личной ответственности за деяние.

Сложности ведения таких встреч, конечно же, связаны с огромными эмоциональными затратами специалистов – ведущих, а также с низкой правовой культурой как родителей, так и педагогов, огромными временными затратами при организации общей встречи. Но такая форма взаимодействия, как показал и наш опыт, является наиболее эффективной, так как позволяет максимально быстро показать конфликтующим сторонам всю деструктивность и бесперспективность положения. Родители начинают понимать, что в конфликте их сопровождают собственные эмоциональные потери, снижение общего жизненного тонуса семьи, нарушение позитивных транзакций в различных системах: в семье, в школе, на рабо-

те. И в каждом случае большой победой является объединение усилий педагогов и родителей в признании сложившейся ситуации, что способствует началу сотрудничества.

Таким образом, работая в единстве с семьей, мы убедились в эффективности системного практикоориентированного подхода и добились стабилизации во взаимоотношениях между педагогами и родительской общественностью, а также гармонизации отношений в ученической среде. Эффективность сотрудничества с семьей подтвердили данные внутришкольного социологического опроса: произошло улучшение психологического климата в классах, минимизировалось

количество стихийных конфликтных ситуаций, активизировалось внимание семьи к информационным источникам о значимых жизненных ценностях, и самое главное – активизировалось родительское самосознание в области ответственности за психологическую и физическую безопасность детей.

Перспективу в нашей общей психолого-педагогической деятельности я вижу в повышении уровня культуры учебного труда и гармонизации отношений в системе «педагог-родитель». Только активное сотворчество семьи и школы обеспечит действительную безопасность образовательного пространства.

ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ «ЦЕНТР «НАДЕЖДА» ПО СЛУЧАЯМ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ С УЧАСТИЕМ ДЕТЕЙ

Хованская Татьяна Валерьевна,

*педагог-психолог отделения медиации ГБУ АО «Центр «Надежда»,
E.dunaeva2015@gmail.com*

В «Центре психолого-медико-социального сопровождения «Надежда» работает пять отделений:

- консультирование, которое проводит психолого-педагогические консультации для детей от 7 до 18 лет и их законных представителей по разрешению различных проблем (личностных, семейных, возникших в образовательной организации, социальных);
- формирование здорового жизненного стиля, ведущее профилактическую работу в образовательных организациях с обучающимися, законными представителями, педагогическими работниками;
- мобильная социально-психологическая работа. Это отделение осуществляет диагностическую, профилактическую, обучающую и коррекционную работу с воспитанниками и персоналом учреждений для детей-сирот;
- «отделение временного пребывания детей» проводит психолого-медико-педагогическое сопровождение несовершеннолетних группы риска по употреблению психоактивных веществ;
- отделение медиации, которое проводит восстановительные программы, координирует деятельность территориальных и школьных служб примирения, осуществляет образовательную деятельность по программам повышения квалификации в сфере восстановительных технологий.

Дружный коллектив нашего центра оказывает поддержку несовершеннолетним и их семьям. Хорошо зная работу коллег, специалисты помогают друг другу. Нередко после медиации семья переходит на сопровождение в отделение

консультирования, а специалисты отделения консультирования или мобильной социально-психологической работы рекомендуют своим клиентам участие в восстановительных программах.

Отделение медиации «Надежда» создано в январе 2016 года. Сначала специалисты проводили программы примирения в отношении несовершеннолетних, преступивших закон. Позднее расширили сферу применения медиации надела об административных правонарушениях подростков, школьные конфликты, нарушенные детско-родительские отношения. Основным инструментом работы стали восстановительная медиация, семейная конференция, круги сообществ.

Большим спросом пользуются восстановительные технологии в работе с семьей как способ самостоятельного принятия членами семьи решения о семейном взаимопонимании и эмоциональном благополучии ребенка.

В соответствии с принципами добровольности и принятия ответственности участие семьи в программах возможно при условии, если все ее члены согласны и готовы ответить на главный вопрос: «А что именно я могу сделать, чтобы ситуация изменилась к лучшему?» Таким образом, из обратившихся в «Надежду» семей только каждая десятая дает согласие на участие в восстановительной программе. Из них лишь каждая четвертая принимает участие в восстановительных программах, но, что важно, уже на этапе предварительной работы эти семьи самостоятельно берут на себя ответственность и начинают решать свои проблемы.

Семейная восстановительная медиация – это встреча члена семьи и ребенка с целью восстановления отношений. В ней принимают участие

дети от 10 лет (можно и с восьми, но с учетом эмоционально-личностного развития ребенка). Договор (или протокол о результатах встречи сторон) передается членам семьи.

Семейная конференция предполагает, прежде всего, соблюдение интересов ребенка. Участие в ней дает возможность каждому члену семьи самому отвечать за свои действия, уважая при этом личные взгляды других членов. Через диалог участники программы принимают решения и разрабатывают совместные действия. Итогом встречи становится «план семьи», в нем отражаются все шаги по преодолению кризисной ситуации.

Работа с семьей, обратившейся за помощью в отделение медиации, начинается с оформления заявления на проведение восстановительной программы. Этот важный этап позволяет проанализировать социальное окружение ребенка, запрос и возможности семьи.

Заявление на проведение восстановительной программы

Имя ребенка (детей):	
Возраст:	
Адрес:	
Номер телефона ребенка:	
Где в данный момент живет ребенок:	
Имена и адреса близких членов семьи:	Мать (другое) Отец (другое) Брат, сестра
Имена и адреса других членов семьи:	Бабушка Дедушка Другое
Имена и адреса людей, важных для ребенка:	
Культурное наследие семьи:	
Родной язык семьи:	
Особые пожелания семьи:	
Имена и адреса специалистов, имеющих отношение к семье:	
Кто подает заявление:	
Дата заявления:	
Мотивация для восстановительной программы:	
Краткое описание проблемной ситуации:	

Без глубокого анализа ситуации сложно сразу решить, какую именно восстановительную программу можно предложить семье. А без информации о близком окружении ребенка невозможно правильно определиться с видом помощи и поддержки. Поэтому только после обязатель-

ных предварительных встреч со всеми заинтересованными лицами специалисты отдела решают, какая именно восстановительная программа подходит для ребенка в данной ситуации. Такая предварительная работа занимает много времени, но позволяет специалисту максимально прояснить ситуацию и наметить пути ее решения. В среднем проводится от 5 до 12 встреч с членами семьи, ребенком, заинтересованными специалистами (первая встреча – с заявителем, затем с семьей, с законным представителем ребенка, встречи с ребенком, отдельные встречи с членами семьи и специалистами, итоговая встреча с заявителем или законным представителем ребенка).

Если семья участвует в семейной конференции, итогом работы становится ее план, который подписывается участниками встречи, которые указаны в плане.

План семьи (ФИ ребенка)

Что	Кто	Когда

В первом столбце (что) семья прописывает каждое конкретное действие по решению сложившейся ситуации. Во втором столбце (кто) – лицо, которое это действие будет совершать. В третьем важно указывать реальные сроки выполнения указанного действия. Фразы «всегда или постоянно» могут привести к срыву исполнения плана семьи, поэтому на предварительных встречах обсуждается реальный временной период от одного месяца до полугода.

Если конфликтная ситуация может быть разрешена силами двух сторон (взрослого и ребенка), то проводится семейная медиация, в результате которой стороны подписывают примирительный договор. По нашему мнению, он между членом семьи и ребенком должен быть предельно простым и понятным. Поэтому мы разработали следующую его форму.

Примирительный договор

Участники программы примирения в лице _____ провели личную встречу, на которой обсудили ситуацию, состоящую в _____ и пришли к следующим договоренностям _____ Чтобы в дальнейшем подобное не повторилось, мы договорились сделать следующее: _____ Проверять выполнение условий договора и уведомлять медиаторов об их успешном завершении будет _____ _____ Несовершеннолетний _____ Взрослый _____ Посредник _____

В примирительном договоре важно учесть все пожелания и предложения ребенка, даже высказанные на предварительных встречах. Временной промежуток исполнения договора также должен быть определен, все действия, как и прописанные в договоре, – конкретными и исполнимыми.

Например, в апреле 2017 года в отделение консультирования обратилась мать Алеша (12 лет), который в январе 2017 года принял решение жить с отцом. Родители подростка к тому времени уже 10 лет находились в разводе. Развод проходил тяжело, между родителями остались напряженные отношения. С отцом ребенок встречался редко и хотел, чтобы папа уделял ему больше внимания. Мать дала согласие на проживание ребенка с отцом. К марту 2017 года отношения между матерью и сыном резко ухудшились: ребенок перестал отвечать на звонки, при встречах требовал денег и угощений и сразу убежал. Мать поддерживала постоянный контакт со школой и знала, что успеваемость сына резко снизилась.

Специалисты отделения консультирования обратились в отделение медиации. Были проведены предварительные встречи с матерью, отцом и ребенком. На предварительных встречах мать очень эмоционально говорила о беспокойстве за ребенка, за его успеваемость, внешний вид, проявления грубости. Считала, что отец плохо влияет на сына. Отец говорил о постоянных, надоедающих звонках матери, тотальном контроле, вине матери за то, что ребенок не желает с ней общаться. Алеша рассказывал о ее постоянных звонках, что в грубой форме выговаривает ребенку за его проступки, ругает отца. Очень часто приезжает в школу, пытается при одноклассниках обнимать и целовать подростка, «позорит его». Постоянно беседует с классным руководителем, выясняет, как сын учится и себя ведет. Все это вызывает у мальчика негативные чувства, стыд и неловкость. Поэтому он отказывается разговаривать с матерью, убегает от нее в школе.

После предварительных встреч стало понятно, что семейная конференция в данном случае невозможна. В семье сложилась серьезная конфликтная ситуация. Специалисты отделения медиации предложили медиацию между матерью и сыном. Но их встреча была невозможна без предварительной медиации между матерью и отцом. Семья согласилась на проведение программ примирения именно в таком порядке.

На первой медиации родители обсуждали проблему разрушающихся отношений между ма-

терью и ребенком. В итоге они пришли к следующим договоренностям.

1. Провести восстановительную медиацию матери и сына в присутствии отца.
2. Алеша звонит маме в любое время.
3. Если сын не отвечает, мать связывается с отцом по телефону.

Чтобы в дальнейшем проблема не повторилась, родители договорились:

1. Мать звонит сыну по четным дням в 20.00.
2. Мать разговаривает с Алешей по телефону, не используя грубых слов и негативных эмоций. Задает ему нейтральные вопросы: «Как дела? Все ли хорошо?»
3. Отец напоминает сыну, чтобы он отвечал матери, когда она звонит.

Спустя две недели была проведена восстановительная медиация между матерью и мальчиком. Отец как законный представитель интересов ребенка присутствовал на встрече, но в обсуждении участия не принимал. Мать и сын пришли к следующим договоренностям.

1. Мать разговаривает с ребенком спокойным голосом, хорошими словами.
2. Мать не беспокоит отца звонками, кроме случаев, если ребенок не отвечает на ее звонок.

Чтобы в дальнейшем проблема не повторилась, мать и сын договорились о следующем.

1. Во время учебного года мать звонит ребенку по четным дням в 20.00 и приезжает к нему по пятницам в 12.00.
2. Летом мать звонит ребенку по средам в 20.00 и приезжает по пятницам в 15.00.
3. Если ребенок в отъезде, отец сообщает матери об этом за день.
4. Мать звонит классному руководителю ребенка один раз в месяц.

В сентябре 2017 года была проведена контрольная встреча, в результате которой специалисты отделения медиации убедились, что оба договора были исполнены. Алеша стал спокойнее. Учебный год начал хорошо, с матерью стал общаться больше.

Таким образом, восстановительный подход – ресурсное направление работы при разрешении семейных конфликтов. Семье никто не дает советов, не говорит, как поступить, не ломает семейный уклад. Если члены семьи сами принимают решение, то и выполняют его на 100%.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СИТУАЦИИ ВОСПИТАННИКА СУВУ

Белоногова Елена Валентиновна,

*руководитель отдела медиации и социальных практик,
ГОО «Кузбасский РЦППМС»,
lebell@rambler.ru*

В статье описана работа, проделанная с мая по ноябрь 2017 года по организации и проведению восстановительной программы «Семейная конференция» в рамках проекта Минобрнауки «Восстановление связей воспитанников с их ближайшим окружением для профилактики повторных правонарушений на основе восстановительного правосудия», осуществляемого совместно Калтанским СУВУ (Кемеровская область) и общественным центром «Судебно-правовая реформа» (см.: Модельное описание программы «Семейная конференция» для специальных учебно-воспитательных учреждений: Методическое пособие / Под ред. А.Ю. Коновалова, Е.В. Белоноговой. – М.: МОО «Центр «Судебно-правовая реформа», Калтан: Калтанское СУВУ, 2017. – 189 с.). Ведущие программы – представители Кузбасской ассоциации медиации и восстановительных практик Елена Белоногова, председатель ассоциации, и Галина Преображенская (соведущая), волонтер-медиатор ассоциации. В подготовке программы участвовали администрация, специалисты СУВУ и ответственный секретарь муниципальной территории проживания семьи воспитанника.

Воспитанник Глеб (имя изменено), 16 лет, прибыл в Калтанское СУВУ в начале июля 2016 года сроком до середины мая 2018 года за совершение краж (ст. 158 ч. 2 УК РФ) и умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 ч. 1 УК РФ). Подросток проживал в небольшом городском округе Кемеровской области в семье опекунов вместе с другими шестью опекаемыми детьми и двумя родными детьми опекунов. Учился в средней общеобразовательной школе очень слабо, последний год занятия посещал нерегулярно. Добровольно отозвался на предложение спе-

циалистов центра «Судебно-правовая реформа» обсудить интересующие вопросы с членами семьи и значимыми для него людьми.

Ситуация Глеба и его семьи определялась специфическими социальными факторами. Опекаемый ребенок из многодетной приемной семьи, он поступил в СУВУ социально-педагогически запущенным. Трудно адаптировался к условиям учреждения, был очень слабым в учебе и освоении специальности «деревообработка», не усваивал инструкцию, еле сдал на второй разряд. Но на последнем ПМПК по результатам его стали хвалить, отмечая его старания. Коммуникативные навыки подростка также были слабыми, он жил особняком, не доверял окружающим: ни сверстникам в СУВУ, ни педагогам, за исключением педагога-психолога Ирины. Глеб – простой в общении, вдумчивый, добрый подросток. Мотивация совершения проступков, за которые попал в СУВУ, – развлечься, «посмеяться». После года пребывания вне семьи повзрослел, стал увереннее, переосмыслил свое положение, раскаялся за совершенные проступки.

На основании бесед со специалистами и предварительных встреч со всеми участниками восстановительной программы были обозначены проблемы воспитанника и семьи, требующие разрешения: 1) У опекуна-отца нет заинтересованности в продолжении обучения мальчика; 2) Недостаточная педагогическая компетентность опекунов, которые не могут помочь с учебной, отец применяет жесткие методы воспитания, физические наказания; 3) Большая занятость опекунов, затрудняющая контроль и оказание эмоциональной поддержки всем детям (мать не все успевает, не справляется с детьми и хозяйством, отец вы-

нужден подрабатывать и очень устает), много сил отнимает воспитание приемного ребенка-инвалида; 4) Запойный алкоголизм родной матери, из-за чего она часто теряет работу; 5) Опекуны испытывают психологическое напряжение и иногда снимают стресс выпивкой; 6) Место проживания Глеба после возвращения – под вопросом, так как опекуны сильно обижены на него за противоправное поведение (не звонят, не пишут, не приезжают к нему), и он сам не хочет жить у них, а мечтает жить с родной матерью с целью ее поддержки (но там неприемлемые условия для жизни несовершеннолетнего).

Семья Глеба не имеет достаточных воспитательных ресурсов: приемные родители употребляют алкоголь, неся при невысоких доходах большие расходы, связанные с выплатой ипотеки за дом, не могут обеспечить эмоциональную поддержку и контролировать учебу и досуг детей. Есть у семьи и определенные «сильные стороны»: опекуны трудолюбивые, могут привить детям трудовые навыки, обеспечить занятость по дому; у семьи есть свой дом, огород, коровы; остальные дети не замечены в противоправном поведении, участвуют в ведении хозяйства, помогают по дому, родная сестра Глеба учится хорошо, посещает кружок в доме творчества; родители стараются улучшать материальные условия, выполнять рекомендации органов опеки и КДНиЗП; в семье у всех есть обязанности, дети между собой взаимодействуют без ссор.

В качестве ресурсов социального окружения были выделены следующие.

В местном железнодорожном техникуме, куда мечтает поступить Глеб, хорошие педагоги, психологи, материальная и спортивная база, директор техникума – депутат, держит дисциплину, поддерживая контакт через ответственного секретаря КДНиЗП). Председатель женсовета – член КДНиЗП, которая могла бы узнать про ситуацию родной матери Глеба (контакт не был установлен). Начальник местных органов опеки и попечительства готова прояснить вопрос о льготном получении жилья и осуществлять контроль за семьей (контакт установлен, участвовала в программе СК). В кадетском корпусе железнодорожников директор готов взять Глеба при содействии департамента образования, психолог – ведущий восстановительных программ, хорошая материальная и спортивная база (контакт установлен, есть предварительная договоренность). Ответственный секретарь КДНиЗП готова вести переговоры с директором техникума или кадетского корпуса железнодорожников по приему Глеба на обучение (контакт установлен, активно участво-

вала в программе, в том числе в роли куратора случая).

Члены семьи и родственники, которых сам подросток хотел бы видеть на встрече: мама-опекун, 42 года, домохозяйка, получает пособие на детей; папа-опекун, 41 год, работал водителем скорой помощи, дополнительно развозил воду (на начало работы со случаем, потом был лишен водительских прав за выпивку и нашел другую работу); родная мать, 38 лет, лишена родительских прав, ранее употребляла наркотики, сейчас пьет, официально не работает; родная сестра, 10 лет, учится в 5 классе, успевает по учебе. Значимым лицом, также приглашенным Глебом на СК, был его лучший друг, 14 лет, взят под опеку из детского дома родной бабушкой, учится в 8 классе. Представителем СУВУ, сопровождающим Глеба на СК, стала педагог-психолог Ирина, она же – доверенное лицо, поддерживающее подростка, специалист, обладающий информацией о психологических особенностях его личности. В качестве специалистов и заинтересованных в судьбе подростка членов местного сообщества выступили ответственный секретарь муниципального КДНиЗП, которая в процессе работы взяла на себя роль «куратора случая»; директор социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних (где мальчик находился 3 года до помещения в опекунскую семью), хорошо знает биологических родителей Глеба; бывший начальник ПДН (сейчас уже на пенсии), педагог по профессии, Глеба помнит и хорошо к нему относится; начальник муниципальных органов опеки и попечительства, хорошо знает Глеба, его родную мать и опекунскую семью; специалисты СУВУ – три педагога-психолога, замдиректора по воспитательной работе, замдиректора по административно-социальной работе.

Так как несовершеннолетний за совершенные преступления находился в специальном закрытом учебно-воспитательном учреждении на принудительном перевоспитании, проведение восстановительной программы имело свою специфику. Особенности реализации восстановительной работы были связаны и с тем, что Глеб находился в СУВУ (юг области), остальные участники – в его родном городе (север области), а ведущие – в областном центре. В ходе работы ведущие провели 20 очных предварительных встреч, 5 бесед по телефону, телефонные переговоры по организационным моментам с СУВУ и куратором случая, в результате были сформулированы вопросы повестки, составлена совместно с Глебом «карта перспектив», определено организационно-технологическое обустройство восстановительной

программы (список участников, сроки, место проведения и т.д.).

Для восстановления социальных связей несовершеннолетнего и профилактики его повторных правонарушений пришлось учитывать режим работы СУВУ, а также сам факт его территориальной удаленности от места проживания семьи. Кроме того, на момент первых предварительных встреч опекуны не были готовы принять Глеба после возвращения и поддержать позитивные изменения в его сознании и поведении, которые произошли благодаря усилиям педагогов и психологов СУВУ. Поэтому была выбрана двухстадийная модель СК по общей теме «Как помочь Глебу позитивно реинтегрироваться в социум после выпуска из СУВУ?». Первую стадию мы сочли целесообразным провести во время нахождения Глеба в СУВУ, примерно за полгода до выпуска.

В семейной конференции (СК-1) участвовали 11 человек: воспитанник Глеб, представитель СУВУ, члены семьи и значимые для воспитанника лица, специалисты и члены местного сообщества, заинтересованные в судьбе несовершеннолетнего. Состав участников встречи включал значимых для Глеба лиц (родственники и друг); представителя СУВУ (она же специалист и поддерживающее лицо); представителей сообщества и органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних на территории проживания семьи: начальника местных органов опеки и попечительства, ответственного секретаря муниципальной КДНиЗП (она же куратор случая), директора социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, бывшего инспектора ПДН.

СК-1 была организована по веб-трансляции после проведенных личных предварительных встреч со всеми потенциальными участниками, согласования повестки и времени встречи. Глеб и представитель СУВУ находились на территории закрытого спецучилища, остальные – на территории проживания семьи. Местом проведения было выбрано помещение конференц-зала в здании муниципальной администрации. Основной вопрос: «Что родственники и члены сообщества будут делать по-новому, чтобы к моменту выпуска Глеба

создать условия, необходимые для его поддержки (включая социально-психологическую помощь родной матери и опекунской семье)?»

Конкретные вопросы, которые было намечено обсудить и решить в ходе СК-1: восстановление эмоциональных связей и доверия между опекаемым и опекунами; обретение Глебом новых позитивных социальных навыков, психологической устойчивости к искушениям улицы; заглаживание вреда перед членами семьи и потерпевшими; помощь со стороны семьи и сообщества по подготовке к поступлению в учебное заведение после возвращения; что можно сделать уже сейчас для льготного получения жилья; социально-психологическая помощь опекунской семье (вынесен из общей повестки матерью-опекуном на частное обсуждение со специалистами); социально-психологическая поддержка (и возможно лечение) родной матери Глеба.

Предполагалось, что решение этих вопросов даст шанс семье, сообществу и самому несовершеннолетнему взять ответственность за ситуацию и ее разрешение и приведет к позитивным изменениям уже к моменту возвращения из СУВУ.

До проведения СК-1 были организованы и проведены по веб-трансляции.

1. Примирительная встреча сына с матерью-опекуном с обсуждением возможностей заглаживания вреда перед родителями-опекунами; восстановления доверия и позитивных эмоциональных отношений между Глебом и матерью-опекуном, включая налаживание общения с сыном до его возвращения.
2. Беседа Глеба с сестрой о восстановлении семейных связей, эмоциональной поддержке брата; обсуждение возможности заботы о родной матери.

Остальные вопросы отражены в повестке СК-1, куда в ходе обсуждения добавились еще два вопроса: оплата алиментов матерью Глеба (внесен специалистом СУВУ, опекой); к чему стремиться Глебу, чтобы измениться (внесен подростком как запрос на пожелания от значимых людей для укрепления собственной мотивации).

В ходе семейного совета на СК-1 был разработан следующий план.

№ п/п	Вопросы повестки, проблемы, задачи	Действия, намеченные на СК	Ответственный	Сроки выполнения
1	Подготовка к поступлению в учебное заведение после выпуска (куда поступает и кто в чем поможет)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Глеб все взвешивает, думает и решает: железнодорожный техникум или кадетский корпус железнодорожников. 2. КДНиЗП держит связь по кадетскому корпусу и техникуму, узнает про актуальную информацию и документы 	<p>Глеб</p> <p>Отв. секретарь КДНиЗП</p>	<p>До 10 февраля 2018 г.</p> <p>К выпуску – май 2018 г.</p>
2	Место проживания после выпуска из СУВУ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Глеб будет жить у приемных родителей. 2. Приемные родители сами забирают сына из СУВУ. 	<p>Глеб</p> <p>Опекуны</p>	<p>После выпуска – май 2018,</p> <p>18 мая 2018 г.</p>
3	Помощь в льготном получении жилья (что можно сделать уже к выпуску и кто поможет)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Глеб выбирает вариант: очередь на льготу или муниципальное жилье и пишет заявление. 2. Приемные родители контролируют написание заявления. 3. Опекa помогает в оформлении и сборе документов 	<p>Глеб</p> <p>Опекуны</p> <p>Начальник опеки</p>	<p>После выпуска сразу – май 2018 г.</p>
4	Формирование у Глеба навыков противостояния соблазнам, ответственности за собственную жизнь	<ol style="list-style-type: none"> 1. Психолог СУВУ поможет Глебу научиться ставить реалистичные цели, принимать ответственные решения, укреплять коммуникативные навыки, развивать интеллект. 2. Педагоги помогут ликвидировать пробелы в знаниях. 3. Глеб будет посещать занятия с психологом и учебу, будет стараться 	<p>Психолог СУВУ</p> <p>Психолог СУВУ</p> <p>Глеб</p>	<p>До 18 мая 2018 г.</p>
5	Общение с семьей (восстановление контакта)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Родная мать с разрешения опекунов звонит через неделю. 2. Опекуны сами будут звонить через неделю (по очереди). 3. Психолог СУВУ спросит разрешения у старшего воспитателя для звонков родной матери 	<p>Мать</p> <p>Опекуны</p> <p>Психолог СУВУ</p>	<p>Через неделю до мая 2018 г.</p> <p>5.11.17 с 15.00 до 17.30, далее через неделю до 3 ноября 2018 г.</p>
6	Трезвый образ жизни и трудоустройство родной матери Глеба	<ol style="list-style-type: none"> 1. После операции в декабре мать встает на учет в ЦЗН для трудоустройства. 2. КДНиЗП осуществляет контроль образа жизни и работы матери Глеба. 3. Таня ходит к матери, поддерживает ее и информирует КДНиЗП. 	<p>Мать</p> <p>Отв. секретарь КДНиЗП</p> <p>Сестра Таня</p>	<p>Январь 2018 г.</p> <p>Систематически, до совершеннолетия Глеба. Периодически</p>
7	Оплата алиментов матерью Глеба	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мать оплачивает ежемесячно алименты на счет Глеба в СУВУ. 2. Опекa контролирует номер счета и поступления на него. 3. СУВУ присылает номер счета для опеки. 	<p>Мать</p> <p>Начальник опеки</p> <p>Психолог СУВУ</p>	<p>Ежемесячно</p> <p>Ежемесячно</p> <p>До 15 ноября 2017 г.</p>
8	К чему стремиться Глебу, чтобы измениться	<ol style="list-style-type: none"> 1. К новому образу жизни после выпуска. 2. К получению профессии и знаниям через учебу. 3. К формированию характера 	<p>Глеб</p>	<p>Каждый день</p>

Было решено, что отслеживать выполнение плана в целом будет ответственный секретарь КДНиЗП, обученная восстановительному подходу и СК, которая взяла на себя роль куратора случая.

В результате проведенной СК-1 семье удалось выработать план до конца срока пребывания Глеба в СУВУ, который был принят, подписан всеми членами семьи и двумя членами сообщества. В ходе всей восстановительной программы Глеб осознал свою ответственность за противоправное поведение, раскаялся и принес извинения семье, готов заглаживать вред перед потерпевшим; восстановлена эмоциональная связь с матерью-опекуном и сестрой; восстановлен контакт с семьей в виде звонков по выходным; изменилось отношение опекунов к желанию Глеба учиться дальше, мать готова поддерживать его в этом и оказывать содействие, отец готов помочь с поступлением в кадетский корпус железнодорожников; опекуны готовы принять Глеба после возвращения и он согласен жить с ними; прояснен вопрос по жилищным правам Глеба с помощью начальника органов опеки; Глеб готов посещать занятия с психологом и учебу, стараться; специалистами органов системы профилактики установлены контакты и достигнуты первичные договоренности с образовательными организациями по поводу обучения Глеба, если он успеет зачислиться до конца текущего учебного года; организована возможность получения матерью-опекуном психологической помощи на базе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних; родная мать планирует зарегистрироваться в центре занятости для трудоустройства после операции в декабре, обещала не пить и выплачивать алименты на счет Глеба в СУВУ.

В то же время некоторые вопросы остались нерешенными: родная мать отказалась лечиться от алкоголизма; мать-опекун пока отказалась от психологической помощи, но приняла к сведению информацию о такой возможности; окончательное решение вопроса о жилье Глеба требует его личного присутствия; доверие отца-опекуна к Глебу не восстановилось, остался скептицизм («придет – там посмотрим»).

Особенности проведения СК-1: на личное время семьи с согласия Глеба оставались члены сообщества (специалисты КДНиЗП и опеки), заинтересованные в судьбе Глеба, и принимали участие в выработке решения по вопросам, касающимся их компетенции; все участники СК-1 (кроме Глеба в СУВУ) остались на чай с пирожками и конфетами (пока распечатывались листы с текстом плана), заполнили анкету обратной свя-

зи, где дали положительную оценку проведенной восстановительной программе в целом (кроме отца-опекуна, который на все вопросы анкеты «затруднился сказать»).

В качестве трудностей в процессе подготовки и проведения восстановительной программы были отмечены: официальная информация иногда расходилась с реальностью; сильный скептицизм отца-опекуна, который не удалось преодолеть до конца; веб-трансляция прерывалась, требовалась перезагрузка скайпа.

Стоит отметить два интересных социально-психологических момента, выявленных в беседах с участниками программы (в нашем случае).

1. Статус опекаемого воспринимается самим несовершеннолетним, специалистами социальных служб и учреждений системы профилактики правонарушений как некая «индальгенция» подростку на снятие ответственности за его противоправное поведение и перекладывание ее полностью на опекунов. В нашем случае Глеб до самого конца не верил, что его могут наказать серьезно, решение суда о помещении его в СУВУ было для него шоком: «Как? Я же опекаемый!».
2. Политика социальных служб и системы образования в отношении опекаемого несовершеннолетнего состоит в том, что ему официально предписывается «в случае чего» жаловаться на опекунов как по телефону доверия, так и напрямую специалистам этих служб, что создает риски для авторитета родителей и целостности семьи: ребенок получает возможность манипулировать опекунами, открыто им угрожать, что «его заберут, а их накажут», а опекуны, в свою очередь, не ощущают себя «настоящими» родителями.

Вторую стадию СК планируется провести на месте проживания семьи сразу после выпуска Глеба из СУВУ с тем же составом участников, за исключением специалистов СУВУ. Сроки проведения – последняя декада мая 2018 года. Основным вопросом может быть такой: «Как помочь Глебу позитивно реинтегрироваться в социум?», а конкретными вопросами повестки (в дальнейшем они могут уточняться) следующие:

помощь Глебу в получении профессионального образования (варианты – железнодорожный техникум, кадетский корпус железнодорожников);

обеспечение с мая по сентябрь 2018 года занятости Глеба, подработка для получения им собственного дохода, а также занятий в спортивной секции, чтобы он удержался в рамках законопослушного поведения;

обеспечение систематического контроля со стороны семьи и сообщества за поведением Глеба;

формирование социально-психологических навыков противостояния соблазнам, ответственности за собственную жизнь;

решение вопроса о месте проживания Глеба сразу после СУВУ и по достижении возраста 18 лет.

Работа над восстановительной программой по ситуации Глеба позволила ведущему сделать следующие выводы.

1. Очень важно наличие на территории проживания семьи специалистов социальных служб и органов системы профилактики, заинтересованных в конструктивном разрешении ситуации несовершеннолетнего и готовых взять ответственность за организацию помощи в ресоциализации несовершеннолетнего, попавшего в СУВУ. Нужно быть готовым обсуждать их роль и поддерживать их ответственную позицию.
2. Важно, чтобы представитель местных официальных структур, обладающих административными полномочиями, взял на себя роль «куратора случая» и курировал подго-

товку программы и реализацию достигнутых и зафиксированных договоренностей.

3. Организуя СК, ведущему и «куратору случая» целесообразно учитывать наличие некоторого привычного формализма в деятельности социальных служб и других структур и быть готовыми к тому, что значимая для разрешения проблемы несовершеннолетнего информация, представленная в официальных отчетах и справках, может не отражать реальную ситуацию в семье, с жильем, учебой, работой и др.
4. Целесообразно, чтобы специалисты СУВУ и органов системы профилактики на территории проживания семьи были обучены восстановительному подходу и СК.
5. Важно, чтобы при СК по веб-трансляции в зоне доступа находился специалист по техническому обслуживанию компьютера.
6. Когда подросток совершает правонарушение, идея изъять его из семьи «несправившихся с воспитанием» родителей воспринимается естественно как официальными органами системы профилактики, так и самими опекунами (в отличие от аналогичной ситуации в биологической семье).

ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ СРЕДСТВАМИ СЕМЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Белова Елена Ивановна,

*специалист по социальной работе КГБУСО «КЦСОН Шипуновского района Алтайского края»,
kguso-ship@mail.ru*

Одной из важнейших задач современной социальной практики является работа по замене реабилитационного подхода в работе с семьями и подростками, попавшими в трудную жизненную ситуацию, на восстановительный подход к решению проблем, существующих в семьях.

Если ранее в работе с семьей реализовывалась реабилитационная программа, которая разрабатывалась различными ведомствами и учреждениями, занимающимися проблемами данной семьи, но семья почти всегда оставалась в стороне, то в восстановительном подходе приоритет в самостоятельном решении существующих проблем отдается семье.

Восстановительный подход – это системный подход к решению конфликтных ситуаций, предусматривающий восстановление нарушенных вследствие конфликта социально-психологического состояния связей и отношений в жизни его участников и их социального окружения; исправление причиненного конфликтом вреда. Восстановительные технологии в разрешении конфликтных ситуаций являются современной и достаточно эффективной альтернативной формой существующей практике работы и соответствуют требованиям Федерального закона № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В связи с вышесказанным специалист комплексного центра социального обслуживания населения Шипуновского района повысил квалификацию по программе «Профилактика и социальная реабилитация несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, и их семей средствами ювенальных и социально-педагогических технологий». В дальнейшем на

практике была применена одна из форм работы в рамках восстановительного подхода – семейная конференция. Она используется в случаях, когда в проблемную ситуацию включена семья ребенка. Это может быть совершенное ребенком правонарушение, кражи внутри семьи, конфликтные внутрисемейные отношения, негативно сказывающиеся на ребенке, угроза лишения родительских прав и другие проблемы.

Суть конференции заключается в передаче семье ответственности за разработку плана по ее выходу из проблемной ситуации. Программа устроена таким образом, чтобы создать условия для выработки семьей такого плана. На конференцию приглашается максимально широкий состав семьи: родители, бабушки, дедушки, дяди, тети, братья, сестры и другие родственники.

Важно, что план семья составляет самостоятельно, специалисты (психологи, представители полиции или КДНиЗП) в его составлении не участвуют. Они могут высказать озабоченность сложившейся ситуацией и рассказать, какую помощь готовы оказать. Составленный семьей план и его реализация обсуждается дальше с участием заинтересованных людей (педагогов, специалистов). Вероятность выполнения плана, составленного членами семьи для самих себя, значительно выше, чем если бы план (реабилитационную программу) составляли специалисты. Семья имеет право на безоговорочное одобрение плана со стороны специалистов, если он безопасен и не противоречит закону.

Остановимся на конкретном примере.

Для проведения семейной конференции была выбрана семья, состоящая на учете в КДНиЗП. Специалист, который курирует эту семью, обо-

значила проблему. Внутрисемейный конфликт зрел между родителями и несовершеннолетней девочкой, которая воспитывается мачехой и родным отцом. На протяжении долгого времени, несмотря на то, что с семьей велась активная работа (проводились беседы, назначалось время посещения психолога, давалось множество рекомендаций), проблемы только усугублялись. В семье семь человек: несовершеннолетняя девочка Аня¹, её отец, братья, сестры и жена отца (мачеха). Девочка учится хорошо, общительная, но очень эмоциональная, легко может создать конфликтную ситуацию. Ее воспитанию родители стараются уделять должное внимание, но в силу того, что отец находится на работе и подолгу отсутствует дома, воспитанием занимается мачеха. Девочка склонна ко лжи, иногда бывает раздражительной и неусидчивой. Авторитетом у нее является отец, девочка пытается манипулировать его любовью и настраивать против мачехи и детей. После обследования у врача-психиатра встал вопрос по лечению девочки. Последнее время классный руководитель Ани в школе и специалист по социальной работе отмечали, что успеваемость девочки снизилась, а поведение ухудшилось, взаимоотношения в семье остаются крайне напряженными.

Прежде всего, была проведена встреча с главой семейства, на которой было рассказано о возможности другого формата работы с семьей – возможность принятия членами семьи самостоятельного решения относительно существующей проблемы. На данном этапе у отца это вызвало отторжение и нежелание действовать именно таким образом, потому что семейный совет подразумевает возможность принятия решения выхода из тупика именно сообща, всем вместе, тогда как ранее все важные вопросы решал он сам, в редких случаях прислушиваясь к мнению жены. Мнение детей, как правило, не принималось всерьез. Здесь же необходимо прислушиваться ко всем членам семьи и находить компромисс. Это сделать гораздо сложнее и требует больших усилий. Также глава семейства высказал опасение, что в присутствии третьих лиц они с женой разругаются окончательно. Пришлось довольно долго объяснять ему принципы проведения семейной конференции, её основные и важные правила. Без особого желания и воодушевления отец дал согласие присутствовать на конференции, но высказал опасение, что другие члены семьи не примут и не поймут формат работы. Ему была оказана помощь в составлении вопросов, определении круга проблем и путей выхода из сложившейся ситуации, определено время и место проведения семейной конференции.

При предварительной встрече с матерью семейства особых проблем не возникло. Женщина доброжелательно отнеслась к предложенной форме работы, была удивлена, что её муж дал согласие. Несовершеннолетние дети, в том числе Аня, опасений никаких не высказывали, к предложению участвовать в семейной конференции отнеслись позитивно. Основная проблема возникла в формулировке вопросов, с которыми должны прийти на семейную конференцию все члены семьи. Ведущему специалисту пришлось каждому помочь правильно записать поставленный ими вопрос и обозначить главную тему обсуждения.

В назначенное время и место семья явилась в полном составе. В начале встречи чувствовались неловкость и напряжение. Первое слово для выступления было дано специалистам центра, работавшим с семьей. Они обозначили проблему, для решения которой все собрались. После того как слово было предоставлено родителям, беседа пошла в деструктивном русле: с их стороны начались взаимные обвинения. Пришлось приложить немало усилий и объяснить вновь каждому по отдельности, как необходимо себя вести и с какой целью все здесь собрались. Но все же, как показала практика, необходимо давать возможность членам семьи, в пределах существующей нормы поведения, высказывать накопившуюся гамму чувств, давать выход эмоциям. Это помогает разрядить напряжение от нестандартной ситуации, снять неловкость. Одна из сложностей заключалась ещё в том, что ведущему семейной конференции приходилось постоянно возвращать разговор в нужное русло и напоминать, с какой целью собрались члены семьи.

Вторая фаза семейной конференции длилась по времени недолго, но для специалистов, ожидавших за дверью, показалась «целой вечностью», так как каждый понимал, что это самая главная и важная часть проделанной работы, и от неё зависит результат конференции и дальнейшая жизнь семьи, прежде всего – несовершеннолетних детей. Опасений по поводу ссор и скандалов за закрытой дверью уже не было, потому что каждый понимал, что направление и цель семье уже заданы, каждый из них заинтересован в позитивном результате, а самое главное – в мире и благополучии их семьи.

В целом конференция прошла продуктивно. Семейей был составлен план, в котором были расписаны согласованные роли и обязанности всех членов семьи, участвовавших во встрече, а также действия, которые они должны осуществлять. Со стороны специалистов семье было предложено внести дополнение к плану в виде посещения ро-

дителями психолога центра. Предполагается, что родители какое-то время будут посещать занятия, что поможет им в дальнейшем также находить компромисс в воспитании детей и закрепить положительные установки, полученные после проведенной семейной конференции.

Подводя итог о проделанной работе, можно отметить следующее. Самым сложным в данной технологии для начинающего ведущего восстановительной программы является преодоление барьера и психологического сопротивления со стороны членов семьи. Необходимо найти нужные слова, чтобы презентовать новую технологию, раскрыть её плюсы и убедить всех членов семьи сделать ответные шаги. В работе с данной семьей очень хорошую помощь и поддержку оказали специалисты центра, курирующие ее, а именно психолог и специалист по социальной работе. Благодаря им сопротивление было быстро преодолено, так как специалисты центра заслужили определенный процент доверия со стороны членов семьи.

Взаимоотношения в семьях, где несовершеннолетние дети воспитываются не кровными родственниками, а замещающими их лицами, будь то мачеха или отчим, во все времена были непростыми. Члены семьи не всегда могут услышать друг друга, проявить терпение и любовь. Работа в направлении восстановления хорошего эмоционального фона семьи, дружелюбных отношений, понимание семьей своего единства, взаимозависимости является очень важной. Новая технология способствует этому самым лучшим образом.

После проведенной семейной конференции взаимоотношения в семье улучшились, несовершеннолетнюю сняли с учета в КДНиЗП, с семьей поддерживается связь, девочка продолжает посещать психолога и клуб для подростков в центре. Но все-таки дальнейшая судьба семьи будет полностью зависеть от каждого члена, проживающего в ней. Теперь главное, чтобы это оказалось им под силу.

Примечание

1 Имена участников изменены.

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ И ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДОВ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Бокарева Инна Эдуардовна,

*специалист по социальной работе КГБУСО «КЦСОН Локтевского района Алтайского края»,
lokt-zentr@mail.ru*

Рост числа самоубийств на протяжении последних десятилетий отмечается практически во всех странах мира. В большинстве стран Европы оно входит в число десяти наиболее распространенных причин смерти. Согласно данным Госкомстата Российской Федерации самоубийство как причина смерти граждан РФ находится приблизительно на пятом месте в ряду других причин смертности. В «Методических рекомендациях по организации региональной суицидологической службы» отмечается: «В последние годы число завершенных самоубийств в России составляет более 40 на 100 тыс. населения», что является ужасающим фактом, если учесть, что, по данным Всемирной организации здравоохранения, уровень самоубийств более 20 на 100 тыс. населения уже является критическим (Психология и психотерапия в России-2000: Справочное издание. СПб., 2000. – С. 251).

За последние годы по сведениям, предоставленным субъектами Российской Федерации, на фоне снижения на 10,9% числа суицидов среди взрослого населения доля совершенных суицидальных актов в среде учащейся молодежи и детей (в расчете от общего числа завершенных суицидов во всей популяции населения страны) возросла с 15% до 16,2% (интернет-источник: <https://psy.su/feed/2500/>).

К сожалению, в настоящее время отмечается высокий процент самоубийств среди студентов и учащейся молодежи, в 11 раз превышающий количество самоубийств среди соответствующей возрастной группы всего населения в целом и в 17 раз – среди лиц того же возраста, находящихся на военной службе (интернет-источник: <https://psy.su/feed/2500/>).

В работе со случаями попыток суицида несовершеннолетними эффективно зарекомендовал себя восстановительный подход. Восстановительная программа «Семейная конференция» на конкретном примере показала, что данный подход помог создать такие условия для личностно окрашенной коммуникации, которые позволили по-новому членам семьи увидеть друг друга. Специалисты помогли состояться ценным для семьи действиям: осознанию своих действий и поступков, принятию ответственности за себя и своих близких, планированию совместного будущего, налаживанию взаимоотношений, прощению.

03.11.2017 г. в КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Локтевского района» поступил сигнал от КГБУЗ «Центральная больница Локтевского района» о попытке суицида несовершеннолетней Веры¹. Первоначальной версией о причине попытки суицида было то, что девочка пыталась свести счеты с жизнью на фоне ссоры с молодым человеком, который был ее первой любовью. Поработав с несовершеннолетней, мы выяснили, что проблема кроется намного глубже.

Семья Веры состоит из четырех человек: Вера, мама Веры, бабушка, отец.

Вера – очень ранимая девочка, открыта к общению, доверчивая. Учится хорошо, положительно характеризуется работниками школы и соседями. Имеет художественные способности. Мечтает завести питомца, за которым будет ухаживать, но бабушка и мама не разрешают.

Отец с семьей не проживает: отбывает наказание. Выплачивает дочери алименты, которыми распоряжается сама Вера, иногда отец и дочь совзаниваются, в основном только по праздникам.

Мама Веры, София Михайловна, работает проводником вагона поезда. График работы ненормированный. В зависимости от рейса может отсутствовать дома вплоть до месяца. На данной почве между дочерью и матерью происходят регулярные конфликты, так как девочка просит уделять ей больше времени, чаще проводить досуг вместе. Родительские собрания София Михайловна посещает в зависимости от графика работы. Регулярно звонит классному руководителю, интересуется школьной жизнью дочери.

Дедушка Веры, Никита Иванович, пенсионер. Любит свою внучку. Готов взять на себя часть финансового обеспечения дочери и внучки, но не разрешает завести собаку, так как считает, что Вера за ней ухаживать не будет.

До лета 2017 года мать с дочерью проживали в г. Барнауле, где они снимали квартиру, и Вера посещала школу и художественную секцию. На время рейсов девочка проживала совместно с двоюродной сестрой Евгенией, у которой двое несовершеннолетних детей и гражданский муж. Со слов Веры, со стороны Евгении девочка неоднократно была подвержена жестокому обращению. В ходе телефонного разговора с Евгенией данный факт сестра отрицала. Сказала, что словесные ссоры имели место быть, но руку никогда на сестру не поднимала. Мать также отрицает факт избиения племянницей Веры.

После окончания 9 класса Вера попросила мать отправить ее до окончания школы жить к дедушке в с. Гилево Локтевского района. Мать пошла на уступки дочери, но считает, что дочери лучше проживать в г. Барнауле, так как обучение в городе качественнее. Мать также не хочет, чтобы дочь бросала художественную секцию. По желанию Веры София Михайловна оформила документы для зачисления дочери в МКОУ «Гилевская СОШ», но отношения между дочерью и мамой так и не наладились, так как София Михайловна отказалась менять свой рабочий график, аргументируя тем, что иначе будет зарабатывать намного меньше и не сможет достойно обеспечивать себя и дочь. Взамен Вера попросила завести себе собаку, за которой девочка будет ухаживать и которая будет ее другом, потому что друзей в селе еще завести Вера не успела кроме одного молодого человека. Дедушка отказал в данной просьбе внучке, так как считает, что собаку в доме держать негигиенично.

Во время вечерней прогулки у Веры, помимо конфликта с матерью, произошла ссора с молодым человеком, что повлекло за собой серьезную эмоциональную травму, вследствие чего она осуществила попытку свести с жизнью счеты.

Причинами выступили два из наиболее распространенных мотива: «неудачная любовь» (любовь выступает как мотив суицида чаще у молодых людей 15–20 лет) и «семейные конфликты».

Помимо оказания социально-психологических и социально-педагогических услуг специалистами центра было решено провести с семьей семейную конференцию, выделив данную программу как наиболее подходящий способ работы с семьей.

До проведения семейной конференции специалист центра вела постоянные телефонные переговоры с мамой и Верой, обсуждала вопросы, связанные с проведением семейной конференции. В ходе бесед была достигнута договоренность между матерью и ведущим семейной конференции, что конференция будет проходить на территории КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Локтевского района» и в перерыве между вахтами матери.

Предварительные встречи состоялись 13.11.2017, 20.11.2017, 21.11.2017 и 12.12.2017.

13.11.2017 г. была проведена предварительная встреча с Верой и матерью Софией Михайловной. Специалистом КГБУСО «КЦСОН Локтевского района» для разрешения внутрисемейного конфликта было предложено провести семейную конференцию. В ходе встречи было разъяснено, что такое семейная конференция, озвучены принципы семейной конференции, ход ее проведения. На данной встрече было выявлено, что мать очень переживает о сложившейся ситуации, но желает, чтобы дочь проживала в г. Барнауле и посещала художественную секцию. Если Вера не хочет на время рейса проживать с сестрой, то мать готова обеспечивать ей отдельное проживание и содержание, так как считает, что девочка взрослая и может самостоятельно пожить несколько дней, но контроль со стороны сестры Евгении обязателен. Вера же, напротив, хочет остаться у дедушки и учиться в сельской школе, так как уже завела здесь друзей, рядом будет дедушка, и желает посещать психолога именно КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Локтевского района», потому что у Веры со специалистом сложились доверительные отношения. Также на данной встрече девочка озвучила, что ей необходимо больше общения с матерью, Вера считает себя одинокой, и ей необходима организация совместного досуга. На данной предварительной встрече обсуждались вопросы рабочего графика матери, обеспечение совместного досуга матери и дочери, была намечена предварительная тема (основной вопрос) будущей семейной конференции: «Что необходимо сделать для предот-

вращения повторных попыток суицида и улучшения психологического состояния Веры?». Был составлен предварительный список участников, кого важно пригласить на семейную конференцию. После совещания мать с дочерью в списке обозначили себя, двоюродную сестру Евгению, племянницу Софии Михайловны, дедушку Никиту Ивановича. Мать была категорически против того, чтобы отец Веры участвовал в семейной конференции даже косвенно. София Михайловна отвергает любые виды помощи отца Веры, кроме материальной. Вера также высказалась о том, что не считает нужным связываться с отцом, так как в данной ситуации помочь он ей ничем не может.

20.11.2017 г. предварительная встреча состоялась с дедушкой Веры Никитой Ивановичем. На встрече с дедушкой было предложено провести семейную конференцию для разрешения сложившейся ситуации в семье. Специалист разъяснил, что такое семейная конференция, познакомил с принципами семейной конференции, ходом ее проведения. Также специалист сообщил дедушке, что Вера и ее мать уже согласились на проведение данного мероприятия. Никита Иванович охотно согласился, высказал свою обеспокоенность по данному поводу. Он очень боится повторных попыток и считает, что за внучкой необходим усиленный контроль и потому думает, что Вере лучше проживать с ним, под его контролем. Сам готов помогать и дочери и внучке финансово. По поводу предложения дочери о проживании дедушки в г. Барнауле пояснил, что не может бросить квартиру в связи с печным отоплением.

21.11.2017 г. состоялись две предварительные встречи: повторная встреча с Верой по ее просьбе и беседа с Евгенией, сестрой Веры.

На встрече Вера сказала, что хотела бы отдельным пунктом вынести вопрос о том, что желает завести питомца, но ни мать, ни дедушка ее в этом не поддерживают. Она считает это очень важным, так как ей необходимо о ком-то заботиться.

В ходе видеозвонка с сестрой Веры было выяснено, что она не имеет возможности посетить встречу лично, так как ей не с кем оставить детей, но готова общаться на встрече через скайп. Очень переживает по тому поводу, что Вера не хочет общаться и жить с ней на время рейсов матери. Утверждает, что кроме словесных ссор между ней и Верой ничего не было. Готова помогать девочке во всем, в том числе в организации досуговой занятости хотя бы на каникулярное время, раз девочка не желает проживать с ней на одной территории.

12.12.2017 г. состоялась итоговая предварительная встреча перед проведением семейной

конференции (далее – СК). На данной встрече присутствовали Вера, ее мама и дедушка. Было обговорено место проведения СК, время. Ведущим было предложено еще раз обсудить повестку СК и внести дополнения, если таковы имеются. Вера объявила о том, что желает, чтобы на СК присутствовал психолог, которого посещает девочка. После итоговой корректировки были утверждены пункты повестки СК:

1. Где будет проживать Вера: у дедушки или в Барнауле?
 2. Что готова сделать мать для нормализации отношений с дочерью и предотвращения повторных попыток суицида?
 3. Что готова сделать дочь для нормализации отношений с матерью?
 4. Как часто Вера будет посещать психолога?
 5. Как будет организован совместный досуг матери и дочери?
 6. Можно ли завести Вере питомца?
- Основные проблемы (ребенка, семьи), требующие решения, вынесенные на СК:
1. Место проживания Веры.
 2. Взаимоотношения Веры с матерью.
 3. График работы матери.
 4. Формирование жизнестойких качеств у Веры.

Также было решено пригласить на семейную конференцию классного руководителя Веры – Олесю Юрьевну.

В конце встречи договорились провести СК в КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Локтевского района» на следующий день, 13.12.2017 г., в 10:00.

Основной целью ведущего на предварительных встречах было делегирование членам семьи ответственности за решение их проблем.

Семейная конференция состоялась в обозначенное время в назначенный день.

После приветствия ведущий озвучил правила проведения СК:

- конфиденциальность;
- информация должна излагаться кратко, ясно, по существу (исходя из темы);
- основной фокус направлен на решение проблем ребенка;
- сохранять фокус на поиске решения (что можно сделать, а не говорить о том, что случилось в прошлом);
- у каждого есть шанс выступить;
- уважать мнение других.

Также была озвучена позиция нейтральности ведущего, основные принципы СК и главный вопрос конференции: «Что необходимо сделать для предотвращения повторных попыток суи-

цида и улучшения психологического состояния Веры?».

Для оглашения основных вопросов о проблемах и ресурсах семьи слово было предоставлено классному руководителю Веры. Было озвучено, что Вера в школе характеризуется весьма положительно, но в поведении девочки прослеживаются ранимость и обида на маму, о которой девочка не раз говорила. София Михайловна слова педагога восприняла остро, так как считает, что для своей дочери делает все по мере своих сил. Далее была зачитана психологическая характеристика девочки, где мама повторно услышала о психологическом состоянии своей дочери и ее желании, чтобы мама была рядом. Все члены семьи говорили о том, что они обеспокоены сложившейся ситуацией, хотят помочь Вере. Вера в свою очередь в слезах проговорила свои обиды в

адрес родственников. Затем семье еще раз была разъяснена необходимость принятия совместного решения в интересах Веры, после чего обстановка слегка смягчилась.

На ватмане ведущим были записаны основные вопросы, на которые членам семьи нужно ответить в ходе обсуждения. После того как ведущий убедился в том, что семья готова остаться наедине, все специалисты удалились.

Обсуждение и выработка плана семьей длились 1 час 20 минут. Был составлен план, но не до конца проработанный (в некоторых местах не были указаны сроки и не прописаны ответственные). В ходе третьей фазы проведения семейной конференции после итогового резюмирования ведущий, специалисты и члены семьи совместно доработали план, внесли некоторые дополнения и уточнения и подписали план.

План, составленный в ходе семейной конференции 13.12.2017 г.

Вопрос	Действия	Срок	Ответственный
Где будет проживать Вера: у бабушки или в Барнауле?	Вера до окончания школы будет проживать с бабушкой	До 2019 г.	Бабушка, мама, Вера
Что готова сделать мать для нормализации отношений с дочерью и предотвращения повторных попыток суицида?	Мать после последнего рейса нормирует свой график: семь дней рабочих/ семь дней отдыха. В каникулярное время мать и дочь посетят психолога для решения внутрисемейного конфликта, мать организует совместные вечера, выезды, вместе посетят сестру Евгению в Барнауле. Регулярно будет интересоваться жизнью дочери (беседы, тактильные контакты)	Декабрь 2017 г. – март 2018 г.	Мама
Что готова сделать дочь для нормализации отношений с матерью?	Вера один раз в неделю будет совместно с матерью посещать психолога, два раза в месяц после школы будет посещать кружок в г. Горняк, после окончания школы согласна на переезд в Барнаул	Полгода	Бабушка
Как часто Вера будет посещать психолога?	Посещать психолога Вера будет раз в неделю, сопровождение берет на себя бабушка	Полгода	Бабушка
Как будет организован совместный досуг матери и дочери?	Мать организует совместные вечера, выезды: посещение зоопарка, аквапарка, в каникулярное время поездка в бор; совместные поездки к родственникам	В течение года	Сестра Евгения, мама
Может ли завести Вера питомца?	Может при условии, если питомец будет небольшого размера, и Вера сама будет ухаживать за ним	На Новый год	Мама, Вера

Все вопросы, заявленные на конференцию, были решены. Следующую СК запланировали провести в марте 2018 года.

После проведения СК мать с дочерью регулярно посещали психолога, курс занятий. Наблюдалась положительная динамика: мать с дочерью научились слышать друг друга, уважать мнение друг друга. Новый год семья встретила у сестры Евгении. Вера в ходе телефонного звонка озвучила, что с Евгенией также наладились отношения. В подарок девочка получила долгожданного питомца. В январе 2018 года семья переехала обрат-

но в Барнаул. С семьей поддерживается контакт, известно, что мать с дочерью планируют дальнейшую работу с психологом. Семье также было рекомендовано обратиться в КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин».

Восстановительный подход при работе со случаем совершения попытки суицида несовершеннолетними – это эффективный метод налаживания взаимопонимания в семье, прощения, планирования совместного будущего, принятия ответственности за себя, свои действия и поступки.

Примечание

1 Имена основных участников изменены.

СЕМЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В РЕШЕНИИ КОНФЛИКТА, ВОЗНИКАЮЩЕГО ПРИ СОЗДАНИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Клюшниковая Анна Валерьевна,

специалист по социальной работе КГБУСО «КЦСОН Топчихинского района Алтайского края»,
csd_top_@mail.ru

Начну с того, что семья Ольги Валерьевны¹ числится на учете в нашем КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Топчихинского района» как неполная. Ольга Валерьевна наш центр посещает часто, в основном ходит к психологу на консультации по вопросам внутрисемейных отношений (вопросы воспитания и взаимоотношений со своими детьми). Объясняет это тем, что дети взрослеют и трудно их проконтролировать. Психолог нашего центра работала с этой семьей длительное время, вроде бы дети прислушивались к рекомендациям специалиста, но потом все делали по-своему.

Ольга Валерьевна в марте 2017 года вновь обратилась к нашему психологу с просьбой помочь наладить взаимоотношения с ее дочерью Мариной, которая практически год проживает со своим молодым человеком в другом городе и ждет от него ребенка. Психолог, консультируя семью, выясняет, что дочь и ее молодой человек любят друг друга и стремятся к созданию семьи. В свою очередь, Ольга Валерьевна негативно настроена к парню, так как считает, что во всей этой истории он виноват и в дальнейшем не сможет обеспечить её дочь с ребенком. Психолог, поговорив с молодыми людьми и мамой, увидела наличие межличностного конфликта и, взяв случай под свой контроль, направила пару и маму в службу примирения на базе центра.

В ходе подготовки к семейной конференции было проведено четыре предварительных встречи (08.11.2017, 29.11.2017, 06.12.2017, 11.12.2017) с основными участниками семейной конференции (далее – СК).

Участники СК:

1. Марина, 16 лет. Проживает в Алейске со своим парнем и с его родителями, воспитывает несовершеннолетнего ребенка.

2. Дан, парень Марины.

3. Руслан, брат Марины.

4. Нина, сестра Марины.

5. Ольга, мать Марины.

6. Иван, папа Дана.

7. Фатима, мама Дана.

На СК присутствовали:

1. Психолог КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Топчихинского района» Н.А. Аромбаева.

2. Специалист КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения Топчихинского района» по социальной работе А.В. Клюшниковая.

3. Специалист УСЗН по Топчихинскому району О.А. Сиротенко.

СК была проведена 18 декабря 2017 г.

Основные вопросы конференции, пункты повестки складывались из предварительных встреч, которые состоялись лично, и в дальнейшем проходили постоянные консультации по телефону. На предварительных встречах было выяснено следующее.

Встреча с Ольгой Валерьевной. Женщина рассказала, что вырастила свою дочь одна и вложила много сил в ее воспитание и благополучие. Марина была послушной дочерью, и матери обычно удавалось контролировать ее поведение, круг друзей и интересы. Но беспокойства начались, когда она узнала, что дочь познакомилась

с Даном, который оказывал на девушку особое влияние. Ольга Валерьевна разговаривала с Мариной по поводу их будущего и переживала, что они с Даном не представляют реальной ситуации, в которой им придется жить. Дан, по ее мнению, не сможет заработать достаточно, чтобы обеспечить себя, Марину и ребенка: во-первых, у него нет специального образования, поэтому вряд ли он сможет найти высокооплачиваемую работу, во-вторых, он уже несколько раз находил и терял работу из-за конфликтов с работодателями. Когда Ольга Валерьевна узнала, что Марина и Дан хотят с ней встретиться, ее это очень заинтересовало и она дала согласие (хотя была настроена против Дана) только ради дочери, чтобы наладить с ней отношения. Были обозначены основные вопросы, требующие разрешения.

Встреча с Мариной и Даном проходила также на базе нашего центра, и в дальнейшем осуществлялись консультации по телефону. Марина и Дан рассказали свое видение ситуации: они любят друг друга, планируют зарегистрировать брак, для чего необходимо согласие матери Марины, которая его не дает и в категоричной форме не хочет, чтобы Дан становился членом их семьи. Марина, избегая скандалов, ушла из дома. Дан проговорил, что Ольга Валерьевна неприязненно относилась к нему, у них сложились напряженные отношения, особенно после того как Марина забеременела. Между ними произошло несколько неприятных скандалов и ссор. Ведущий СК (Анна Валерьевна) задавала вопросы, касающиеся того, как поможет то или иное их предложение в разрешении конфликта, как оно повлияет на отношения Марины и Дана с ее матерью. В разговоре Дан часто возвращался в прошлое, пытаясь более понятно объяснить ведущему, как плохо ведет себя мать девушки. Видение парой своего будущего: молодые люди планировали проживать совместно с родителями Дана. Вопросы ведущего, направленные на проверку реалистичности жизненных планов, показали, что представления молодых людей о своем будущем очень размыты и оторваны от реальности (Марина погружена в эмоциональные переживания и влюблена, Дан надеется получить материальные блага от своих родителей и подрабатывать все-таки время от времени). Подведение итогов встречи с Мариной и Даном – пара согласилась встретиться с Ольгой Валерьевной и разобратся в сложившейся ситуации.

Встреча с Русланом и Ниной. Брат и сестра Марины были косвенными участниками процесса. Но в ходе выяснилось, что они тоже негативно настроены против Дана, так как считают, что их сестра Марина слишком молодая, ей нужно окон-

чить школу и получить образование, а в связи с произошедшей ситуацией на всем этом можно «поставить крест». Как выяснилось, они больше придерживаются позиции своей матери, но на общую встречу дали согласие.

Встреча с Фатимой и Иваном. Несмотря на сложившуюся ситуацию, родители Дана положительно отнеслись к выбору сына и не были против сложившейся ситуации, хотя осознавали всю ее сложность. И на вопрос «Как бы вы вели себя в такой ситуации?» также отвечали, что, скорее всего, были бы негативно настроены. Сказали, что вина сына была, возможно, в том, что вовремя не познакомился с матерью Марины (Ольгой Валерьевной), возможно, это и стало «ядерной бомбой». Фатима и Иван готовы принять Марину в свою семью и всячески помогать ей. Одобряют брак Дана и Марины. На проведение семейной конференции дали согласие, чтобы разрешить конфликт.

По результатам предварительных встреч был определен основной вопрос, требующий разрешения: «Налаживание взаимоотношений матери с дочерью и определение места ее проживания».

Выявлены проблемы, требующие разрешения:

1. Отношения Ольги Валерьевны с Мариной.
2. Отношения Ольги Валерьевны с Даном.
3. Проживание Марины.

Составлены основные вопросы участниками семейной конференции:

1. Что нужно сделать Ольге Валерьевне, чтобы нормализовать отношения со своей дочерью?
2. Как вы считаете, в чем причина такого поведения вашей дочери?
3. Что нужно сделать Дану, чтобы нормализовать отношения с матерью Марины?
4. Что нужно сделать в этой ситуации, чтобы разрешить сложившийся конфликт?

Таким образом, пунктами повестки СК послужили вопросы:

1. Как будет общаться Ольга Валерьевна с Мариной?
2. Где и с кем будет проживать Марина?
3. Что должен сделать Дан, чтобы наладить взаимоотношения с Ольгой Валерьевной?

Результаты СК

При подготовке к СК были пройдены все ее основные этапы. Были озвучены основные принципы, ресурсы семьи и основные вопросы, требующие разрешения. Все участники СК прибыли на нее. В ходе проведения вели себя корректно,

не возникло никаких ссор и проблемных ситуаций; обсудили все наиболее важные вопросы и нашли для себя самое оптимальное решение. Ольга Валерьевна убедилась, что Марина и Дан на нее не держат зла и готовы поддерживать с ней контакт.

Все участники, поговорив друг с другом, поняли друг друга и составили план, который был подписан всеми участниками СК (членами семей и специалистами). Все вопросы были решены.

План, составленный в ходе СК 18 декабря 2017 года

Вопрос	Действия	Сроки	Ответственный
Как будет общаться Ольга Валерьевна с Мариной?	Марина будет приезжать в гости к Ольге Валерьевне, а также мать и дочь будут поддерживать связь по телефону	Постоянно	Ольга Валерьевна, Марина
Где и с кем будет проживать Марина?	Марина будет проживать в г. Алейске с родителями Дана и с ним соответственно, так как они будут воспитывать совместного ребенка	С 18.12.2017	Дан, Марина, мама Дана, Фатима, и папа Дана, Иван
Что должен сделать Дан, чтобы наладить взаимоотношения с Ольгой Валерьевной?	Дан обсудил все вопросы с Ольгой Валерьевной и пообещал часто приезжать в гости с Мариной, чтобы избежать беспокойства Ольги Валерьевны	С 18.12.2017	Ольга Валерьевна, Дан

В ходе предварительных встреч создавался спокойный эмоциональный фон с помощью кофе-пауз для разрядки обстановки.

Самой сложной трудностью ведущего, пожалуй, в работе с молодой парой было удержание нейтральной позиции – не переходить в позицию психолога-педагога или специалиста УСЗН.

Другая трудность, также касающаяся удержания нейтральной позиции, – ситуация, в которой молодые люди, не имеющие жизненного опыта и находящиеся под влиянием эмоций (влюбленность, ощущение преодоления любых сложностей), планируют свое будущее, но не представляют возможных сложностей, с которыми им придется столкнуться. Таким образом, ведущий в момент работы со стороны не может создать условия, когда стороны реально смогут оценить свои возможности и желания, имеющиеся и требуемые ресурсы для разрешения ситуации, в которой они оказались.

Основной вывод, который можно сделать, исходя из итогов работы с этим случаем, – СК является весьма эффективным способом в решении сложных семейных ситуаций.

По поводу этой семейной конференции хочу выразить огромную благодарность всем специалистам, которые внесли большой вклад в конструктивное изменение ситуации и помогли достичь взаимопонимания между семьями.

После новогодних праздников в наш центр поступил звонок от Ольги Валерьевны с благодарностью за выполненную нами работу. В ходе телефонного разговора женщина сообщила, что новогодние праздники они провели в составе двух семей.

Для нашего центра это очень приятная новость, и в дальнейшем мы планируем чаще проводить такие семейные конференции.

Примечание

1 Имена основных участников изменены.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ В КОНТЕКСТЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Галкина Наталия Владимировна,

подполковник полиции,

заместитель начальника ЦВСНП ГУ МВД России по Пермскому краю,

natagala2010@yandex.ru

В последнее время в России хотя и наблюдается снижение уровня преступности и правонарушений несовершеннолетних, тем не менее, их количество остается значительным. По данным за 12 месяцев 2017 года, каждое 25-е преступление (4,1%) совершается несовершеннолетними или при их участии [17]. Это вызывает тревогу не только правоохранительных органов, но и всего общества в целом. Как выход из сложившейся ситуации определено проведение профилактической работы в деятельности органов внутренних дел. В Федеральном законе РФ от 07. 02. 2011 № 3-ФЗ «О полиции» в ст. 12 п. 1 подчеркивается обязанность сотрудников полиции участвовать в профилактике беспризорности и правонарушений несовершеннолетних [23]. Кроме того, Федеральный закон РФ от 24. 06. 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» рассматривает органы внутренних дел как один из ее субъектов [24].

Обращение к принципам восстановительного правосудия в качестве альтернативы традиционному подходу в профилактике правонарушений несовершеннолетних обусловлено недостаточной эффективностью действующей системы мер уголовно-правового воздействия, основной недостаток которой состоит в формальном, деперсонализированном наказании виновного.

Развитие восстановительного правосудия как правовой основы социальной политики в отношении несовершеннолетних является аспектом деятельности законодательных, исполнительных, судебных органов и различных институтов гражданского общества в Российской Федерации. Вплоть до 2012 года в законодательстве РФ не

были определены вопросы применения международных стандартов в области правосудия по делам несовершеннолетних и формирования адекватной практики использования восстановительной юстиции. Федеральный закон «Об основах системы ювенальной юстиции» так и остался проектом [11]. Впервые в России в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761, обозначены проблемы и пути их решения по созданию дружественного к ребенку правосудия. В рамках стратегии ставится задача по созданию «...эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей, системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных к ребенку» [21]. Приоритет отдается восстановительному подходу и мерам воспитательного воздействия. Кроме того предполагается обеспечение выполнения Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 года) [10], Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы 1990 года) [16], рекомендаций Комитета министров Совета Европы о европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, подвергаемых наказанию и мерам воздействия [4]. С учетом результатов реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы принято решение об объявлении десятилетия Детства (в период с 2018 по 2027 год), что было юридически закреплено Указом Президента № 240 от 29 мая 2017 года [22].

Вместе с тем опыт восстановительного правосудия и восстановительной юстиции других стран обнаруживает перекосы в области охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, происходит эмоциональное обсуждение и некорректная трактовка их принципов в средствах массовой информации и, как следствие, затрудняется осмысление, понимание и оценка их сущности в массовом сознании. В связи с этим возникает необходимость научного рассмотрения восстановительной юстиции, ее позитивных результатов в практике работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Конечно, восстановительная юстиция не может выступать панацеей в решении таких важных социальных проблем, как детская беспризорность, бродяжничество и совершение правонарушений, но может быть альтернативой традиционному подходу, потому как отвечает социальным потребностям несовершеннолетнего и способствует развитию его субъектности, пробуждает у подростков осознание вины и чувство личной ответственности за свои действия.

В отличие от традиционной юриспруденции, где человек может выступать только в качестве субъекта преступления (правонарушения), а при рассмотрении вопроса о его виновности он выступает лишь как объект уголовно-правового процесса, а значит, подразумевается его пассивность в этом процессе, личная ответственность несовершеннолетнего в рамках восстановительной юстиции означает активное участие подростка в уголовно-правовом процессе. Восстановительная юстиция, в противовес традиционной, где быть ответственным – это значит быть наказанным, предполагает создание условий, когда переживаемое чувство вины, осознание последствий причиненного вреда, принятие личной ответственности и обязательств по заглаживанию вреда способствуют реинтеграции несовершеннолетнего правонарушителя в обществе. Тем самым в рамках восстановительной юстиции главным действующим лицом выступает несовершеннолетний как субъект, то есть самостоятельная и ответственная личность.

Процесс становления системы восстановительной юстиции неизбежно актуализировал традиционные и относительно новые вопросы о сущности современного человека, в том числе как субъекта своей жизнедеятельности. Это находит свое отражение в социально-гуманитарных науках, в педагогической и правоприменительной практике. Человек признается высшей ценностью, а субъект-субъектное взаимодействие ста-

новится основной идеей и фактом восстановительной юстиции.

Основы субъектного подхода в психологии в рамках субъектно-деятельностного подхода были заложены С.Л. Рубинштейном в 30-е годы прошлого века. Он подчеркивал деятельностный, преобразующий характер взаимоотношений человека и мира. Личность, по его мнению, как субъект деятельности преобразует, творит, в том числе и самое себя, вступая в активные отношения к своему опыту, своим потенциальным мотивам, своему характеру, способностям и продуктам деятельности. С.Л. Рубинштейн утверждал, что изучение облика человека должно включать в себя поиск ответа на три основных вопроса «... чего он хочет..., что он может..., что он есть» [15, 514].

К. А. Абульханова-Славская, характеризует субъект способным осуществлять организацию своей жизни как целостный процесс, выделяет в качестве детерминанты субъектности противоречия между объективными условиями жизни и самой личностью. Разрешая эти противоречия, человек становится субъектом своей собственной жизни. **Важнейшим фактором, необходимым условием становления и развития субъектности человека является его общность с другими, которая позволяет проявить себя, а также актуализирует способность видеть, понимать и развивать себя через личность другого** [1].

Разрешение внутренних противоречий человека между его потребностями и желаниями и необходимостью ограничивать их реализацию в соответствии с законом поднимает человека на уровень субъекта правового сознания, а закон принимается человеком как необходимый к исполнению. В связи с этим отношения человека и права могут быть определены с позиций знания права (познавательная позиция), этического отношения к нему и соответствующего поведения (деятельностная позиция). С.Л. Рубинштейн полагал, что поступок может быть определен как форма осуществления субъектности [15]. Применительно к восстановительной юстиции этим поступком могут выступать признание и переживание вины перед потерпевшим и действия несовершеннолетнего по возмещению ущерба пострадавшему.

В контексте восстановительной юстиции переживание вины рассматривается нами в контексте отношений индивида и общества, где способность переживать вину (уровень субъектности) может служить одним из факторов, способствующих эффективности работы по профилактике по-

вторных правонарушений несовершеннолетних. Динамика формирования готовности подростка занять субъектную позицию по отношению к собственному виновному деянию является сложной и неоднозначной. В методическом пособии Лорейн Стутсман-Амстутс и Ховарда Зера показано, что, как правило, сначала правонарушитель проходит стадию отрицания. На второй стадии может испытывать некоторые признаки угрызения совести, но стремление вытеснить психотравмирующее событие и самооправдательная позиция не позволяют ему в полной мере принять себя в качестве «злодея». И, собственно, только на третьей стадии можно увидеть элементы пока еще не деятельностного, но все же раскаяния, когда правонарушитель начинает осознавать, какую боль причинил другому человеку. Требуется перейти к следующей, четвертой стадии, когда у несовершеннолетнего правонарушителя возникает желание попросить прощения у того, кому он причинил вред, без всяких оговорок. Неустойчивость, неопределенность ситуации, эмоциональный дискомфорт вынуждают несовершеннолетнего продолжать искать выход из сложившейся ситуации [19].

Восстановительный подход помогает не только осознать последствия причиненного вреда, но и принять обязательства по его заглаживанию и определить стратегию дальнейшей жизни, которая исключала бы криминальные способы решения проблем [9]. «Только если правонарушитель пройдет путь перемен, прошлое потеряет над ним власть», – полагают специалисты в области восстановительного правосудия Лорейн Стутсман-Амстутс и Ховард Зер [там же]. Выбор, который делает несовершеннолетний, совершивший правонарушение, в ходе восстановительных программ, и есть «следование личности по пути обретения авторства» своей собственной жизни [26].

Таким образом, психологическая насыщенность восстановительных программ предполагает не только (и не столько) учет возрастных особенностей подростков, вступивших в конфликт с законом, но и создание условий для формирования ответственного поведения. Все возможные варианты реализации восстановительного подхода (программа примирения жертв и правонарушителей, восстановительная медиация, семейная конференция, круг сообщества) имеют достаточно разработанную методическую базу, хотя вопросы психологического сопровождения данной работы еще нуждаются в дальнейшем осмыслении. В частности, требует критического осмысления принятие восстановительного подхода про-

фессиональным сообществом судей, сотрудников органов внутренних дел, социальных работников, деятельность которых связана с несовершеннолетними правонарушителями.

Нам важно понять, как несовершеннолетний может «проявить» себя в качестве субъекта данного взаимодействия. Не выплеснули ли мы (специалисты, родители, неравнодушные взрослые) в декларировании субъект-субъектного взаимодействия из купели самого главного персонажа – подростка? Насколько соответствуют парадигме этого взаимодействия наши педагогические и психологические приемы? На наш взгляд, восприятие несовершеннолетнего, совершившего правонарушение, глазами взрослых, его окружающих, далеко от признания его в качестве субъекта. Те понятия и действия, которые мы используем в своей профессиональной деятельности – воздействие, перевоспитание, исправление, коррекция – никоим образом не актуализируют субъектность несовершеннолетнего, а лишь ставят его в позицию объекта нашего влияния.

Концептуальным основанием для разработки программы развития субъектности несовершеннолетнего в парадигме восстановительной юстиции, на наш взгляд, может выступить специфика переживания вины несовершеннолетним и его способность принять на себя ответственность за проступок. Мы полагаем, что уровень развития субъектности несовершеннолетнего обуславливает специфику переживания им вины, а его способность принять на себя ответственность в данной ситуации способствует развитию (проявлению) его субъектности.

Поскольку вина выступает как в качестве внешнего морального регулятора для поддержания норм просоциального поведения, так и в качестве внутреннего регулятора участвует в формировании самоотношения, в ходе проведенного эмпирического исследования нам было важно выделить атрибуты субъектности, которые позволили бы описать специфику ее проявления у несовершеннолетних. Мы выделили:

- локус контроля;
- рефлексивность;
- самодетерминацию.

Выбор именно этих атрибутов субъектности связан с тем, что парадигма восстановительной юстиции актуализирует у несовершеннолетнего не только осознание причиненного его действиями ущерба, но и принятие им личной ответственности и обязательств по заглаживанию вреда.

Кроме того, нам было важно понять специфику переживания вины несовершеннолетним, а учитывая, что адаптивная вина, связанная с вы-

соким уровнем социальной адаптации, является внешним моральным регулятором поведения, интересна дезадаптивная (невротическая) вина, возникающая у ребенка, по мнению Е.П. Ильина [5], вследствие некорректного воспитания, когда «...человек вступает во взрослую жизнь, ощущая себя виноватым всегда и во всем». По мнению А. Кемпински, дезадаптивная (невротическая) вина служит причиной негативного отношения не только к себе, но и к окружающим [6].

Также нам важно было понять причины поведения несовершеннолетних, описанного Л.Н. Ростомовой [14]. В своём исследовании она выделила две группы несовершеннолетних, у которых переживание вины выступает в следующих формах: безосновательно (невротическая вина) и вина, детерминированная конкретными аморальными или противоправными действиями. Последние, в свою очередь, делятся на несовершеннолетних, которые переживают: а) вину за конкретные действия или бездействие; б) вину генерализованную, не связанную с конкретными событиями; в) вину перед конкретным человеком; г) вину перед широким кругом лиц. Кроме того, автор выделяет несовершеннолетних, у которых обоснованно отсутствует чувство вины, и тех, кто не ощущает вины, хотя основания для этого существуют. Переживание вины в этом случае замещается тревогой, гневом, страхом наказания. Среди подростков большинство переживают вину за конкретные действия, ощущение вины перед потерпевшим выражено менее всего. На наш взгляд, с учетом особенностей социальной ситуации несовершеннолетних правонарушителей причина кроется в деструктивных механизмах психологической защиты, когда ее механизмы, изначально предназначенные для адаптации, приводят к дезадаптации подростка.

Изучение психологических особенностей несовершеннолетних и социальных условий развития позволит не только выявить внешние и внутренние факторы, обусловившие правонарушения несовершеннолетним, но и оценить его способность признать вину и нести ответственность исходя из уровня его личностной зрелости, что позволит выявить внутренний «потенциал ресоциализации» и разработать стратегию и тактику реабилитации и реинтеграции несовершеннолетнего правонарушителя.

С учетом вышеизложенного мы определили следующие психологические методы для эмпирического исследования.

1. Многомерный опросник исследования самооотношения (МИС-методика исследования са-

моотношения). Авторы С.Р. Пантеев, В.В. Столин [18].

Данная методика была проведена с экспериментальной и контрольной группой дважды по истечении месяца. Поскольку с детьми экспериментальной группы была организована работа по психологическому сопровождению с учетом специфики переживания вины и работа по программе профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте восстановительной юстиции, нам важно было понять изменения в структуре самооотношения несовершеннолетних экспериментальной группы после проведенной работы.

2. Методика Life Style Index (LSI). Авторы Р. Плутчик, Х. Келлерман [13].

Данная методика также была предложена испытуемым контрольной и экспериментальной группы дважды по истечении месяца. Поскольку с детьми экспериментальной группы проводилась психокоррекционная работа, в том числе по снижению напряженности механизмов психологической защиты с использованием методов социально-психологического тренинга, арт-терапии и сказкотерапии, нам важно было понять изменения в специфике проявления механизмов психологической защиты несовершеннолетних экспериментальной группы после проведенной работы.

3. Опросник межличностной вины (IGQ). Авторы L.E. O'Connor, J.W. Berry, J. Weiss, M. Bush, H. Sampson [8].

Данный опросник позволил изучить наличие иррациональных дезадаптивных форм вины и был также предложен несовершеннолетним экспериментальной группы дважды, поскольку нам было важно определить эффективность психокоррекционной программы и программы профилактики правонарушений по снижению уровня этого вида вины.

Направление работы было определено исходя из исследований Е.Г. Самовичева [2], которые показали, что по результатам опросника Кеттелла наиболее выраженным фактором в группе убийц оказался такой фактор, как «склонность к чувству вины», и Ю.А. Антоняна, который утверждал, что «чувство вины может, с одной стороны, вести к бессознательному стремлению быть наказанным и совершению субъектом таких действий, которые влекут за собой наказание» [2, 254].

4. Тест фрустрационных реакций. Автор С. Розенцвейг [20].

Выбор данного теста был связан с положением автора, что ранняя фрустрация влияет на поведение индивида в дальнейшей жизни. С. Ро-

зенцвейг полагал, что у ребенка невозможно поддерживать нормальный уровень воспитания, если он в постепенном ходе развития не приобретает способности разрешить благоприятным способом проблемы, которые перед ним предстают: препятствия, ограничения, лишения, при этом необходимо развести нормальное сопротивление фрустрации и терпимость.

5. Опросник УСК (уровень субъективного контроля). Авторы Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд [12].

Выделение такой личностной характеристики как субъективный контроль позволит описать, в какой степени человек ощущает себя активным, интернальным субъектом собственной деятельности, а в какой – пассивным, экстернальным объектом воздействия других людей и внешних обстоятельств.

Экспериментальную группу исследования составили 60 подростков 12–16 лет, воспитанники центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по Пермскому краю. Контрольную группу составили 25 школьников муниципальной общеобразовательной школы г. Перми.

Как уже было отмечено ранее, результативность восстановительной программы психологического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей была определена проведением повторного психологического исследования 25 несовершеннолетних экспериментальной группы по истечении месяца, было проведено повторное психологическое исследование контрольной группы (25 человек) с интервалом в один месяц. Обе группы сопоставимы по гендерному и возрастному признаку.

Экспериментальные данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты математическому анализу. Обработка данных проводилась при помощи компьютерной программы SPSS20. Был проведен анализ индивидуально-психологических особенностей испытуемых экспериментальной и контрольной группы при помощи коэффициента корреляции по Пирсону, результаты которого отразили взаимосвязи психологических переменных, что позволило нам описать индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних экспериментальной и контрольной группы. Проведенная оценка достоверных различий несовершеннолетних экспериментальной и контрольной группы при помощи t-критерия для независимых выборок позволила выявить значимые различия (их отсутствие) у несовершеннолетних экспериментальной и контрольной группы. В результате факторного анализа главных компо-

нент (РСА) мы выделили факторы, включающие набор психологических переменных с высоким уровнем корреляции, что позволило обозначить психологические качества, характеризующие девиантное поведение, а также описать специфику осознания вины несовершеннолетними правонарушителями.

Полученные результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. В структуре личности несовершеннолетних экспериментальной группы выделяются два комплекса симптомов: дезадаптивная вина и деструктивные механизмы психологической защиты, которые «включены» в структуру личности несовершеннолетних правонарушителей, в частности, в структуру самоотношения. На наш взгляд, данные психологические особенности испытуемых экспериментальной группы накладывают отпечаток на специфику осознания вины, что проявляется в особенностях рефлексии по поводу совершенного проступка: отрицание вины, либо при ее осознании – перекалывание своей ответственности.
2. В структуре личности несовершеннолетних контрольной группы психологические переменные – дезадаптивная вина и механизмы психологической защиты, присутствуют в виде единичных симптомов, следовательно, значительного влияния на формирование самоотношения они не оказывают.
3. Факторизация психологических переменных испытуемых экспериментальной группы позволила нам выделить психологические особенности, которые, на наш взгляд, накладывают отпечаток на специфику осознания вины. Так, фактор, названный нами как «отчужденная субъектность», включает в себя психологические переменные, характеризующие механизмы психологической защиты, проявление дезадаптивной вины, некоторые личностные особенности. Мы полагаем, что данный фактор характеризует отчужденность субъекта, поскольку механизмы психологической защиты вкуче с показателями дезадаптивной вины отчуждают субъекта от себя самого и препятствуют не только адекватному восприятию, но и принятию себя, а также отчуждают субъекта от переживания

(осознания) вины за совершенный им проступок и от «жертвы» правонарушения.

4. Факторизация психологических переменных испытуемых контрольной группы позволила нам выделить фактор, названный нами «сила Я», который включает в себя такие психологические переменные, характеризующие силу Я, как самоуверенность и самооценку, что, наш взгляд, свидетельствует о проявлении в структуре личности школьников нормативной группы такого качества, как субъектность.

Таким образом, диагностика и оценка специфики переживания вины несовершеннолетним имеет принципиальное значение для определения психологических оснований реализации программ в контексте восстановительной юстиции, в частности программ психологической работы, с целью преодоления психологических барьеров, имеющих в своей основе дезадаптивную вину и деструктивные механизмы психологической защиты в поведении несовершеннолетних правонарушителей.

Кроме того, одной из проблем, связанной с внедрением принципов и подходов восстановительной юстиции в практику работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, является необходимость перехода от субъект-объектных отношений в рамках традиционного подхода репрессивной юстиции к принципам восстановительной юстиции, позволяющим несовершеннолетнему нести личную ответственность не только за совершенный поступок, но и, в конечном итоге, стать субъектом своей жизни.

Потребность в смене способа реагирования на правонарушения несовершеннолетних с репрессивного на гуманистический с целью предупреждения совершения ими повторных правонарушений и с учетом психологических особенностей и интересов личности ребенка послужила причиной изменения концептуальных основ в деятельности центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по Пермскому краю.

Большая часть несовершеннолетних от числа помещённых в ЦВСНП ГУ МВД России по Пермскому краю состоит на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних более года и помещаются в центр только после совершения повторных правонарушений. К сожалению, противоправное поведение у подростков к этому моменту достаточно устойчиво сформировано, ими накоплен не только большой социальный опыт в

этом отношении, но и опыт общения в группе с постоянно выраженным асоциальным или анти-социальным характером. Вследствие этого подросток начинает воспринимать своё поведение как нормальное, соответствующее его собственным ценностям и установкам, а также ценностям и установкам его социального окружения (по данным Ю.А. Клейберга [7], Д.И. Фельдштейна [25]). Существует возможность формирования законопослушного поведения, но благоприятный результат в целом затруднён следующими обстоятельствами:

произошло так называемое «наклеивание ярлыка» (стигматизация). И. Гофман [3], изучая данное явление, выделил в числе прочих так называемую характерологическую морально-правовую стигму, личность с данной стигмой можно охарактеризовать как однажды дискредитировавшую себя с нравственной и правовой стороны в глазах общественности. Стигма приводит к вторичной девиации как подтверждение (вольное или невольное) того ярлыка, которым общество отметило ранее имевшее место поведение;

неблагоприятная семейная атмосфера и жизненные условия укрепляют противоречивое отношение ребёнка к окружающему миру, что приводит к значительным отклонениям в формировании его личности, а деликты в поведении в процессе длительного и многократного повторения приобретают прочность, становятся привычными и преодолеваются с трудом. Большинство из таких детей и подростков становятся таковыми, потому что их нелегко понять и тяжело жить с ними рядом. Их особенности вызывают сначала непонимание, а затем неприятие со стороны взрослых. Родители и другие люди часто считают, что этих детей трудно любить именно потому, что дети таковы, а не потому, что им (взрослым) самим трудно любить, как следствие, ребенок растет в ситуации отчуждения с собственными родителями, а определяющим в его становлении является то самое мнение взрослых о его «трудности».

В связи с этим основу профилактической работы с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом, по нашему мнению, вместе с различными формами педагогической и психологической работы должны составлять специальные мероприятия, направленные:

во-первых, на создание условий для успешной социализации несовершеннолетних;

во-вторых, восстановление его социальных и семейных связей;

в-третьих, активизацию потенциала самого подростка как субъекта своей жизни.

Восстановительный подход выступает в качестве альтернативы карательному подходу как отвечающему глубинным человеческим потребностям, а смещение акцента с обозначения виновности и проявления негативного отношения к девиантным подросткам, определения наказания или мер воздействия на них к безоценочному восприятию их личностей способствует пробуждению у подростков личной ответственности за их действия, за принятие решений, за их будущее.

Нами были определены условия применения восстановительного подхода в условиях ЦВСНП:

- обязательный анализ ситуации, в которой рос и развивался несовершеннолетний;
- работа с несовершеннолетним и его семьёй (если таковая имеется) по подготовке к принятию сложившихся условий и осознанию наличия проблемной ситуации, совместный поиск путей её решения;
- помощь в адаптации к условиям жизни с помощью новых способов и навыков, которые позволят кардинально изменить жизненную ситуацию.

Данные принципы и условия могут применяться не только в условиях ЦВСНП, но и в других сферах правоохранительной деятельности, связанной с несовершеннолетними. Что касается непосредственно деятельности ЦВСНП, то с учетом изложенных принципов и условий применения восстановительного подхода **основными целями программы профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте восстановительной юстиции являются:**

- изменение отношения подростка к совершённом правонарушению и создание условий для принятия им ответственности за совершённый поступок;
- изменение отношения сотрудников полиции к несовершеннолетним, совершившим правонарушение, посредством смещения акцента с негативной фиксации факта виновности и проявления негативного отношения к девиантным подросткам на безоценочное восприятие их как личностей, а также преобразование акмесинергетической среды правоохранительной деятельности с учетом таких общечеловеческих ценностей, как гуманизм, умение прощать, терпимость;
- репозиционирование центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в качестве субъекта системы восстановительной юстиции.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. – М., 1980. 335 с.
2. *Антоян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. – М., 2004. 448 с.
3. *Гофман И.* Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью//e-reading.link/book. [официальный сайт]. URL: <http://www.php?book=145155> (дата обращения 06.02. 2015).
4. Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений URL: [ttp://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Prisons_recommendations_ru.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Prisons_recommendations_ru.pdf) (дата обращения 05. 04. 2013).
5. *Ильин Е.П.* Психология совести: вина, стыд, раскаяние. – СПб., 2017. 176 с.
6. *Кемпински А.* Психопатология неврозов. URL: http://www.nervno.ru/Part_N89 (дата обращения 25.04. 2015).
7. *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения: Учеб. пособие для вузов. – М., 2001. 160 с.
8. *Короткова Е.В.* Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому: дисс. канд. ... психол. наук: 19.00.05./ Короткова Елена Валерьевна. Ростов-на-Дону, 2002. 226 с.
9. *Максудов Р.Р.* Проведение программ восстановительного правосудия для несовершеннолетних: Методическое пособие. – М., 2009. 92 с.
10. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения 05. 04. 2013).
11. Проект федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции»URL:<http://www.juvenilejustice.ru/documents/d/przak/fzproekt> (дата обращения 28. 03. 2013).
12. *Реан А.А.* Практическая психодиагностика личности: Учебное пособие. – СПб., Изд-во СПб.ГУ, 2001. 224 с.
13. *Романова Е.С., Гребенников Л.Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. – Мытищи, 1996. 144 с.

14. *Ростомова Л.Н.* Актуализация конструктивного переживания вины несовершеннолетними правонарушителями // Психология и право. 2011, № 2. С. 99–110.
15. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб., 2000. 720 с.
16. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения 05. 04. 2013).
17. Состояние преступности январь–декабрь 2017 года URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения 05.02.2018).
18. *Столин В.В., Пантлеев С.Р.* Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М., 1988. С. 123–130.
19. *Стутсман-Амстутс Л., Зер Х.* Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенальной юстиции Пенсильвании. URL: http://ru.belbsi.by/rights/library/library_list/?lid=2165 (дата обращения 02.12.2013).
20. *Тарабрина П.В.* Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: Методические рекомендации. – Л., 1984. 24 с.
21. Указ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (дата обращения 05. 02. 2018).
22. Указ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения 05.02.2018).
23. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.12. 2012) «О полиции» URL: <http://www.consultant.ru/popular/police> (дата обращения 05. 04. 2013).
24. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения 15. 02. 2018).
25. *Фельдштейн Д.И.* Проблемы возрастной и педагогической психологии: избранные психологические труды. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. 368 с.
26. *Шаранов Ю.А.* Авторство как атрибут субъектно ориентированного образовательного процесса // Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет» //Актуальные психолого-педагогические проблемы профессиональной подготовки // материалы IX международной научно-практической конференции» ФГБОУ ВПО БГУ. Стерлитамак, 2013. С. 222–226.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРОВЕДЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Максудов Рустем Рамзиевич,

*президент МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»,
председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации,
makcrane@mail.ru*

Ситуации детского неблагополучия и проблема вмешательства в семью. Рассматривая семью как один из важнейших институтов воспитания подрастающего поколения, важно отметить, что кризисные ситуации в семье происходят в течение всего периода взросления ребенка. Если случается долговременный конфликт, развод, смерть близкого человека, родителям не всегда удается справиться с ситуацией. В это время ребенок может выпасть из сферы родительского контроля, в результате чего по большей части проводит время на улице с возможным вовлечением в криминальные ситуации.

В прошлом именно близкие, которые обычно жили рядом, помогали справиться с проблемой. Их присутствие, помощь и поддержка, взятие на себя заботы о ребенке помогали и до сих пор помогают многим семьям преодолеть трудности и травмы. Но сегодня для многих молодых семей ценностью является жизнь, отдельная от родителей, а также отстаивание принципа невмешательства родителей в их дела. В такой сепарации есть свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, постоянные советы родителей, попытки контролировать жизнь молодых, принятие ими стороны своего ребенка в конфликтной ситуации нередко осложняют жизнь молодой семьи и могут привести к отчуждению повзрослевших детей, что обычно фиксируется как «конфликт поколений». С другой стороны, сепарация молодых от родителей позволяет им почувствовать себя взрослыми, самостоятельными и ответственными за свою жизнь и за жизнь своих детей.

Если рассматривать конфликт поколений не столько в мировоззренческом аспекте, сколько в плане воспитания, то, на мой взгляд, одной

из главных проблем родителей и детей является разрушение каналов передачи опыта от старших к младшим. Если 100–150 лет назад основным каналом передачи опыта, и тем самым воспитания, была забота о детях со стороны бабушек, дедушек и близких родственников (пока родители занимались делами своего сословия), то XX век внес коррективы в этот процесс. Сейчас члены молодых семей, имеющие детей, совмещают работу и воспитание и в сложных жизненных ситуациях, часто не прибегая к помощи родственников. В условиях занятости родителей и отчуждения родственников друг от друга «воспитательную» роль берут на себя масс-медиа, в основном культивирующие насилие и как словесную, так и физическую агрессию, и социальные сети, где также распространено психологическое насилие (троллинг).

Молодые родители, столкнувшись с той или иной личной или семейной проблемой, не имея установок на помощь от родственников, а также финансовых средств на услуги специалистов (особенно в небольших городах и сельских поселениях), часто выходят из травматического состояния с помощью алкоголя или наркотиков. В этом случае их дети могут остаться без родительского попечения. Помощь обычно оказывают родственники (бабушки, дедушки, тети, дяди). Но если родственников нет или они не помогают, дети, особенно подростки, могут добывать средства к существованию криминальным способом, к тому же часто усваивая паттерн выхода из проблемной ситуации с помощью алкоголя и наркотиков.

Когда родственники предпочитают не вмешиваться, вся ответственность за ребенка неглас-

но возлагается на мать или отца. В ситуации алкогольной или наркозависимости большую роль может играть также чувство стыда. Супружеская пара или одинокая мать испытывают стыд за свою зависимость и одновременно, оказавшись в изоляции, ощущают клеймящее воздействие со стороны представителей различных органов и организаций. Они еще больше погружаются в депрессивное состояние и тем самым укрепляют свою зависимость.

Проблемы интервенции в семью. Когда мы рассматриваем нормальную семью в рамках деятельности КДНиЗП, органов опеки и попечительства, инспекции по делам несовершеннолетних, специалистов образовательных организаций, главным критерием «нормальности» является отсутствие сигналов из основных институтов, осуществляющих контроль за детьми: медицинских учреждений, детского сада и школы. В ситуации выпадения ребенка из-под родительского надзора ребенок большую часть времени проводит в компании сверстников на улице, а также в интернет-сетях с риском вовлечения в криминальные ситуации в качестве жертвы или правонарушителя. В этом случае органы опеки и попечительства, инспекции по делам несовершеннолетних и КДНиЗП реагируют, прежде всего, составлением протоколов на семью и ребенка.

На основании положений закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», если семья признана находящейся в социально опасном положении, по отношению к ребенку и его семье должна выстраиваться программа индивидуальной профилактической работы. Но на практике, как показывают исследования¹, вмешательство в ситуации семейного неблагополучия с участием представителей различных органов и учреждений часто происходит в режиме быстротечной административно окрашенной интервенции. Такая работа не всегда приводит к восстановлению утраченных в результате затяжного конфликта или криминальной ситуации жизненных и семейных ценностей, так как родители и их дети часто являются безответственными объектами воздействия социальных служб и не могут принимать самостоятельных решений.

При решении проблем семейного неблагополучия, профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних органами и учреждениями исполнительной власти и местного самоуправления применяются, как правило, такие формы и методы работы с семьями, как оказание материальной помощи, рекомендации посетить разного рода специалистов и предложение

организации досуга несовершеннолетнего. Если несовершеннолетний правонарушитель попадает в орбиту деятельности учреждения по работе с несовершеннолетними, он часто превращается в объект манипуляций специалистов по исправлению его поведения, поскольку отсутствует установка на восприятие семей и подростков как потенциально ответственных субъектов собственных действий. Вместо позитивного включения подростка в жизнь местного сообщества и укрепления его связей с родственным кругом он в ходе «исправительных» мероприятий чаще всего подвергается клеймению с угрозой лишения свободы, а семьям угрожают лишением родительских прав.

В то же время сегодня в регионах существуют устойчивые отношения КДНиЗП и различного рода организаций, оказывающих социально-психологическую помощь детям и семьям. Одним из важнейших компонентов этой работы является осознание родителями сложившейся ситуации и сотрудничество членов семей со специалистами. Если это происходит, то, как правило, приносит свои плоды. Родители и дети включаются в работу с психологами, посещают тренинговые занятия, что способствует уменьшению удельного веса клеймящего и непродуктивного воздействия на детей и семьи при использовании репрессивных санкций лишь в случаях, когда не удалось вовлечь в деятельность социально-психологических центров.

Семейные конференции и укрепление института семьи. Сегодня, как и в прошлом, именно близкие, не только родственники, но и друзья, соседи, поддерживают в трудной ситуации. Восстановительная технология «Семейные конференции» («Семейный совет» или «Семейная встреча») поддерживает эту практику и используется в случаях, когда семья не справляется с воспитанием ребенка и находится в социально опасном положении. Данная программа проводится с участием специалистов организаций помощи несовершеннолетним и их семьям. Один из специалистов берет на себя роль нейтрального ведущего. Работа базируется на принципе сохранения ребенка в кровной семье и привлечения не только родителей, но и всех родственников к решению проблем ребенка. Обращаясь к традициям коллективного принятия решений, ведущий собирает членов семьи и родственников. Важной составляющей семейной конференции является активизация потенциала семьи и ближайшего социального окружения для выработки самостоятельного решения по поводу кризисной ситуации в семье. В программах могут участвовать также

представители органов и учреждений системы профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних. Решения принимаются в результате обсуждений и при достижении консенсуса. Ведущий семейной конференции способствует созданию условий для совместного решения проблем ребенка самими родственниками.

В России существует успешный опыт проведения восстановительной технологии «Семейная конференция». В результате проведенных семейных встреч² родственникам при поддержке специалистов удается изменить ситуацию, восстановить родственные связи и контроль за воспитанием ребенка и, тем самым, не допустить изъятия его из семьи. Семейные конференции часто достигают того, чего не удалось достичь специалистам органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

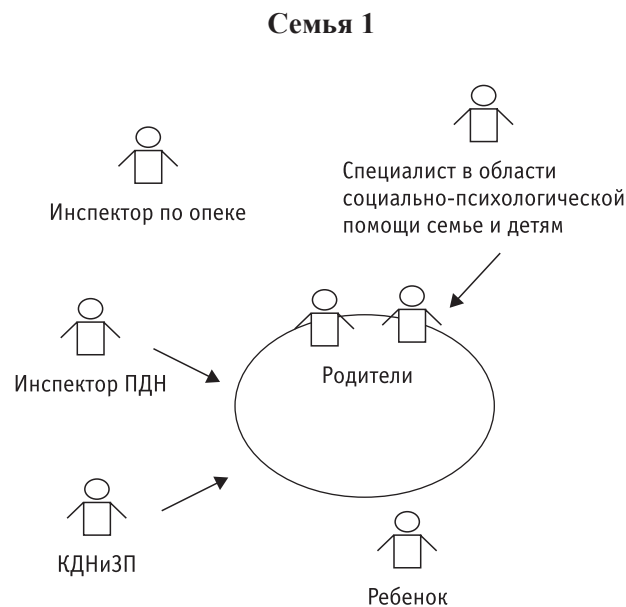
Почему семейные конференции достигают того, чего не удалось достичь специалистам? Почему на такой встрече важно оставлять родственников одних для составления плана по исправлению ситуации? Эти важные вопросы возникают при обучении специалистов проведению семейных конференций.

При проведении семейной конференции специалисты ориентируют участников на будущее, на конкретные шаги по оказанию помощи ребенку. Это также дает возможность конструктивно преодолеть зависимость родителей от чувства стыда. Например, если мать ребенка страдает алкоголизмом, на конференции не обсуждается ее личная ситуация, ее не пытаются «воспитывать». Решается вопрос, что может сделать семья и родственники, чтобы восстановить нормальные условия для жизни и развития ребенка (детей). Цель специалистов на семейной конференции не изменение людей, а восстановление отношений между ними с помощью постановки основного вопроса – принять решение в интересах ребенка. Здесь важно не столько юридически-правовое благополучие детей, сколько восстановление нормальных взаимоотношений родственников для помощи ребенку. Например, формальное восстановление прав несовершеннолетнего на жилплощадь после выхода из закрытого воспитательного учреждения без контроля и поддержки со стороны взрослых может привести к использованию квартиры в качестве притона для наркоманов или пункта сбора криминальной группировки.

Функция специалистов при подготовке семейной конференции заключается в том, чтобы собрать людей (родственников), подходящих для лично-окрашенной коммуникации. Специ-

алисты помогают осуществлению ценных для сообщества восстановительных действий: осознанию, раскаянию, прощению, заглаживанию вреда, планированию будущего, восстановлению отношений и принятию опеки над детьми. В силу определенных обстоятельств (например, травмы, обиды или болезни) люди без посторонней помощи порой сделать это не в состоянии. Поэтому важно участие нейтральных ведущих, навыки которых позволяют помочь людям принять решение в интересах сохранения ребенка в кровной семье или под опекой родственников.

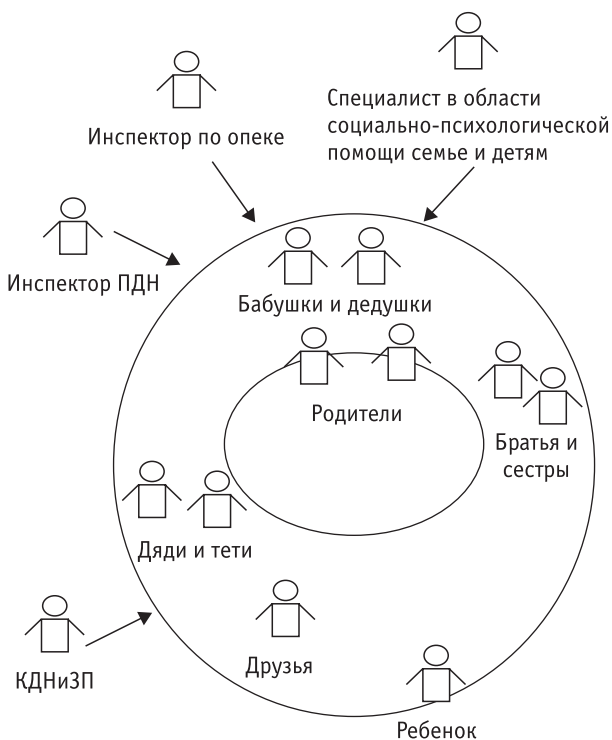
Подготовка семей и ближайшего социального окружения к участию в семейной конференции требует от специалистов знания определенных понятий. Прежде всего, о семье как субъекте принятия решений, семье как круге, включающем в себя не только родителей и детей, но и родственников (расширенная семья). В такой круг могут входить также близкие друзья. Какие привычные представления мешают освоению данной процедуры? Прежде всего, в рамках деятельности органов и учреждений системы профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних под семьей часто понимается нуклеарная семья, то есть мама, папа и ребенок. Назовем ее «семья 1».

В связи со сложившимися обстоятельствами ребенок попадает в социально опасное положение и выпадает из «семьи 1». К этой ситуации выстраивается отношение представителей органов, организаций и учреждений: специалист КДНиЗП, инспектор ПДН, инспектор по опеке, представители социальных служб. От их работы начинает зависеть судьба ребенка (детей).

В каких случаях эти специалисты могут изменить ситуацию, базирываясь на ценности сохранения ребенка в семье? Как мы отмечали ранее, одним из важнейших компонентов этой работы является осознание родителями сложившейся ситуации и сотрудничество членов семьи со специалистами. Но зачастую родитель (родители) и подросток не способны осознать ситуацию и принять помощь. Тогда специалисты, не являясь авторитетными фигурами для супружеской пары или ребенка, не могут изменить ситуацию³. Когда пара имеет родственников и способна принять от них помощь, важную роль для изменения ситуации в целях сохранения родственной опеки над ребенком, профилактики социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних и играет проведение семейной конференции. Таким образом, мы приходим к понятию «семья 2», когда под семьей понимается не только супружеская пара и ребенок, а круг родственников и близких людей, способных помочь изменить ситуацию, в которой оказался ребенок.

Семья 2

При подготовке семейной конференции специалисты формируют список участников, а также предлагают родственникам и близким к семье людям вопросы, решение которых поможет изменить ситуацию с ребенком. В семейной конференции роль специалистов принципиально другая, чем в обычной практике деятельности со-

циально-психологических служб. Они являются инициаторами и помогают провести семейную конференцию, но все решения принимаются родственниками. На заключительном этапе происходит согласование плана, принятого расширенной семьей, со специалистами. Ведущий семейной конференции работает на восстановление понимания семьей значимости проблем ребенка, что помогает преодолеть прежние ссоры и обиды. Поскольку принятые решения – это ответственность семьи, семейные конференции способствуют укреплению института семьи.

В странах, где практикуется проведение семейных конференций, роль ведущих выполняют специалисты, работающие в организациях, отделенных от социальных служб. Ими могут быть и добровольцы (например, в Норвегии), которые привлекаются социальными службами. Важно, чтобы роль ведущего была отделена от роли специалиста по социальному сопровождению (социального работника). В России деятельность по проведению семейных конференций не институционализирована, и роль ведущего часто исполняет специалист, оказывающий социальную или психологическую помощь. В ходе и после обучения специалисты учатся отделять роль специалиста по социальному сопровождению от роли ведущего семейных конференций, и это требует выстраивания определенного рода кооперации в организациях, оказывающих помощь детям и семьям.

Здесь очень важно отметить, что родственников нельзя заставить что-либо делать в интересах ребенка, поскольку по закону за него отвечают родители или законные представители. Но можно предложить им собраться и вместе обсудить, как помочь своим близким и сообща преодолеть трудную жизненную ситуацию. Подготовка семей и значимого окружения к участию в семейной конференции предполагает предварительные личные встречи ведущего с участниками. На встречах обсуждается основная тема семейной конференции, касающаяся благополучия ребенка, а также вопросы, которые предлагается решить на конференции. Список вопросов предварительно согласовывается со всеми участниками семейной конференции.

Подготовка и проведение семейной конференции. Проведение семейной конференции предполагает четыре этапа.

Этап 1. Направление на семейную конференцию. На данном этапе происходит обсуждение потенциального ведущего и специалистов, определение возможных участников. Проясняются вопросы, которые необходимо решить. Формулируется предварительное (рабочее) название темы

(основного вопроса), по поводу которого собирается члены семьи (окончательная формулировка будет уточняться по итогам предварительных встреч), и предварительный список вопросов, предлагаемых семье. Составляется предварительный список приглашенных на встречу (список будет уточняться в ходе предварительных встреч). Разрабатывается план предварительных встреч. Для совещания ведущего и специалистов можно использовать следующую таблицу.

Ресурсы семьи для проведения семейной встречи	Возможности специалистов в поддержке семьи
Проблемы и вопросы, направленные на решение проблем ребенка	То, что необходимо учесть при проведении семейной встречи

Этап 2. Подготовка участников к встрече. На этом этапе происходят встречи с потенциальными участниками семейной конференции и уточняются вопросы, выносимые на семейную конференцию. Одним из самых важных элементов подготовки является встреча с ребенком. Очень важно, чтобы ребенок не исключался из процесса подготовки и проведения семейной конференции и мог озвучить свои чувства и пожелания для близких, которые могут быть основой для формирования повестки дня встречи родственников.

Этап 3. Встреча участников. Проведение этапа встречи включает три фазы:

1. Информирование специалистами членов семьи о проблемах ребенка, ресурсах семьи, вопросах, которые важно решить родственникам, и обмен мнениями. Информировать могут представители социальных служб, КДНиЗП или представители правоохранительных органов. Далее идет обмен мнениями;
2. Составление расширенной семьей плана: родственники остаются одни, без специалистов, и составляют план с указанием конкретных проблем, ответственных за их решение людей и сроков выполнения;
3. Утверждение плана. Специалисты возвращаются и вместе с родственниками обсуждают план. Он должен быть принят единогласно – если кто-то не согласен, процесс обсуждения продолжается, пока не будет достигнуто согласие всех участников.

Семейные конференции могут проводиться как по случаям правонарушений, так и по ситуациям, когда ребенок находится в опасности, ког-

да есть угроза лишения родителей родительских прав. Результат встречи зависит от того, насколько на предварительном этапе специалистам удалось донести основной вопрос до участников. Также важно, чтобы на встрече присутствовал человек, которому подросток доверяет. Необходимость поддержки ребенка может являться мощным фактором изменения качества взаимоотношений и объединения людей. При принятии решений важно, особенно если ребенок достиг подросткового возраста, обсудить и его ответственность, что сам подросток готов сделать для улучшения ситуации, например, повысить успеваемость. На предварительных встречах с ребенком ведущий формирует у него чувство ответственности за происходящее, предлагая ему самому сформулировать важные для него вопросы и принять участие в решениях семьи.

Этап 4. Поддержка выполнения плана. По завершении семейной конференции специалисты контактируют с семьей в целях контроля и поддержки выполнения плана. При необходимости важно запланировать повторную встречу с семьей. На повторной встрече обсуждается выполнение плана: что удалось, что не удалось и почему, что нужно сделать в случае неудачи.

Рассмотрим подробнее фазы общей встречи на семейной конференции.

Фаза 1. Обсуждение вопросов, актуальных для семьи. Участники: специалисты, родственники, ведущий. Ведущий открывает встречу и передает слово специалистам. Специалисты высказываются о проблемах и ресурсах семьи и формулируют основной вопрос семейной встречи. Информировать могут представители социальных служб, КДНиЗП или представители правоохранительных органов. Участники встречи могут задавать вопросы и комментировать сказанное. Ведущий записывает значимые высказывания на ватман и следит за соблюдением правил. По окончании высказываний ведущий резюмирует сказанное участниками.

Комментарий к первой фазе. Для проведения встречи необходимо, чтобы участники располагали достаточным временем (не менее трех часов) для участия. Помещение должно быть не проходным, иметь свободно расположенные стулья и (или) овальный стол. Желательно, чтобы перед общей встречей на столе были чай, кофе и сладости. Важно в начале встречи ведущему представить участников, объяснить и подтвердить их согласие соблюдать правила встречи.

Правила встречи:

- не перебивать;
- не оскорблять;

- конфиденциальность;
- добровольность;
- ответственность семьи при принятии решений.

Далее специалисты озвучивают вопросы, которые необходимо решить семье в связи с возникшими проблемами. Ключевой вопрос формулируется исходя из ситуации конкретного ребенка. Если проблемы имеют многосторонний характер, то ключевой вопрос (тема), ради которого собираются родственники, может иметь обобщенный характер, связанный в целом с благополучием ребенка, и далее конкретизируется рядом вопросов, затрагивающих те или иные аспекты жизни ребенка, например, условия для проживания, как нормализовать отношения с матерью и т.д. Вопросы формулируются открытые и не имеющие прямого адреса, например, не «кто будет водить ребенка в школу», а как будет обеспечена успеваемость ребенка в школе, не «с кем будет ребенок жить», а каким образом будут обеспечены нормальные условия для проживания ребенка и т.д. Далее обсуждаются ресурсы семьи.

Здесь важна последовательность обсуждения. Обсуждение ресурсов идет после обсуждения вопросов. Это важно потому, что выявленные ресурсы дают понять родственникам, что в их силах наметить пути решения проблем. В обсуждении может возникнуть ситуация, когда родственники, задавая вопросы и комментируя сказанное, могут начать обвинять друг друга и специалистов, таким образом, снимая с себя ответственность. В этом случае важно вернуться к основному вопросу семейной встречи и акцентировать необходимость обсуждать будущее, а не прошлое. Далее ведущий переходит к фазе, когда семья остается одна и разрабатывает план. Ведущему желательно сказать напутственное слово, чтобы создать позитивный настрой у членов семьи и сформировать доверие к процедуре семейной конференции. Он может предложить семье обсуждать вопросы так, чтобы в дискуссии сохранялась основная направленность семейной встречи – помощь ребенку. Также важно, чтобы в процессе обсуждения был услышан голос ребенка и все члены семьи могли высказаться.

Фаза 2. Личное время семьи. Участники: семья, родственники и близкие люди. Остаются супружеская пара, родственники и другие близкие, которых члены семьи выбрали в качестве членов «расширенной семьи» на предварительных встречах. Специалисты и ведущий уходят и ждут в соседнем помещении. Перед тем как уйти, ведущий может предложить участникам семейной встречи в случае необходимости обращаться за помощью.

На этом этапе члены семьи обсуждают ситуацию и разрабатывают план по решению проблем, связанных с ребенком. План можно записывать в виде следующей таблицы.

Вопросы, направленные на решение проблем ребенка	Действия	Ответственный (ые)	Сроки выполнения

Как правило, помощь ведущих на данной фазе востребуется редко, поскольку даже в случае возникновения конфликта роль ведущего берет на себя самый уважаемый член семьи и возвращает участников к теме семейной встречи.

Фаза 3. Представление, обсуждение и принятие плана. Когда план семьи готов, специалисты возвращаются и вместе с родственниками обсуждают его. Он должен быть принят единогласно – если кто-то не согласен, процесс обсуждения продолжается, до полного согласия всех участников. Ведущий и специалисты знакомятся с планом, если есть замечания – высказываются. План принимается в ходе обсуждения и достижения консенсуса. Обычно специалисты принимают участие в корректировке плана, если родственники недостаточно конкретно указали сроки, действия или ответственных. Также может обсуждаться ситуация, когда требуется специальная помощь ребенку (например, лечение от зависимости).

Анализ проведенных восстановительных работ с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, позволил выделить три типа семейных конференций в зависимости от ситуаций, с которыми работает ведущий и которые можно также отнести к другим видам восстановительных программ:

- 1. Разово-иницирующая** проводится в ситуациях заинтересованности родственников и близких в помощи семье и ребенку. Ведущие и специалисты дают импульс встрече, и довольно часто, уже после предварительных встреч, родственники собираются и сами решают проблему. Такая семейная конференция становится ядром индивидуально-профилактической работы и требует минимального сопровождения.
- 2. Кооперативная.** В этой ситуации требуется помощь и поддержка определенных специалистов. И семейная конференция создает условия для принятия того или иного варианта

кооперации. Заинтересованность близких присутствует, но ее недостаточно, требуется дальнейшее сопровождение родителей и ребенка. Такая ситуация возникает, например, когда существует долговременный конфликт родителей и детей, но при этом родственные связи не разрушены. Семейная конференция может дать импульс дальнейшей работе по социально-психологическому сопровождению или проведению других видов восстановительных программ (восстановительная медиация). Здесь необходимо кураторство работы со случаем в рамках программы индивидуально-профилактической работы. Такой куратор может быть представителем некоммерческой организации или государственного (муниципального) социально-

психологического центра, специализирующегося на помощи семье и детям.

3. **Усиливающе-сопровождаящая** – самый сложный тип семейных конференций, требующий слаженной и долговременной работы специалистов и родственников и направленный на усиление влияния близких на ситуацию и поддержку ребенка. Эта ситуация может возникнуть, когда подросток, например, с детства употребляет наркотики, и требуется как долговременное лечение, так и усиление влияния и поддержки родственников. Здесь, видимо, необходимо кураторство со стороны органа власти субъекта Российской Федерации. Речь идет о состыковке работы разного рода специалистов и проведения восстановительных и реабилитационных программ⁴.

Примечания

- 1 См., например: *М.С. Астоянц*. Профилактика безнадзорности: по-прежнему в режиме «скорой помощи»? (на материалах Ростовской области) // Журнал исследований социальной политики. Т. 7. № 2 (2009): Социальная политика и мир детства - <https://jsps.hse.ru/article/view/3595>.
- 2 Наибольшее количество семейных конференций в настоящее время проводится в Алтайском крае. Хотя, конечно, существуют случаи, когда долгая и кропотливая работа специалиста с родителями и ребенком приносит свои результаты. Такое кураторство в рамках проекта «Восстановительные практики в работе с воспитанниками специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа и их семьями: восстановление социальных связей и профилактика повторных правонарушений» было отработано в Алтайском крае с помощью комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края. Курировала работу начальник отдела по вопросам семьи, материнства и детства управления по льготам, демографической и семейной политике Министерства труда и социальной защиты Алтайского края Юлия Анатольевна Ковалева. По сложной ситуации срыва подростка, выпускника СУВУ, на протяжении семи месяцев велась работа в режиме семейных конференций, консилиумов, встреч, обсуждений по скайпу и телефонных переговоров.

МОНИТОРИНГ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ ЗА 2017 ГОД, ПРОВЕДЕННЫЙ В РАМКАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ¹

Карнозова Людмила Михайловна,

*доцент кафедры судебной власти НИУ «Высшая школа экономики»,
руководитель направления «Программы восстановительного правосудия по уголовным делам»
МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»,
karnozova@yandex.ru*

Предварительные замечания

Краткая характеристика мониторинга

В настоящем обзоре представлен анализ данных мониторинга, который проводится Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации. В рамках мониторинга собирается информация о деятельности служб примирения, сотрудники которых являются членами ассоциации либо сотрудничают с ней и добровольно предоставляют данные в соответствии со специально разработанными формами². Основная функция таких служб состоит в проведении восстановительных программ, и *настоящий мониторинг касается именно этой стороны деятельности служб, т.е. проведения восстановительных программ*, а также организационных условий (в том числе в масштабах региона), обеспечивающих эту работу. Это означает, что в количественных таблицах мониторинга *указаны только те службы, где в 2017 г. проведены восстановительные программы*.

В соответствии с двумя видами служб информация о территориальных (ТСП) и школьных (ШСП) службах примирения собирается отдельно. Для ТСП и ШСП организаторами мониторинга установлены разные критерии определения «действующих» служб. Если для ШСП действующей признается служба, в которой проведено не менее четырех восстановительных программ в год, то для ТСП – как минимум одна программа. Это объясняется различием условий, необходимых для создания и организации функционирования служб, в частности более жесткого нормативно-правового регулирования взаимодействия ТСП с источниками поступления заявок на проведение восстановительных программ.

Сегодня в России медиативные практики в работе с несовершеннолетними, а также процедуры медиации по уголовным делам в целом (т.е. и по взрослым обвиняемым) используются и за пределами структур и специалистов, относящихся к Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. Вопрос об отнесении этого более широкого массива проведенных процедур к восстановительной парадигме без специального анализа не имеет ответа. Особенность мониторинга Всероссийской ассоциации восстановительной медиации состоит в том, что он не ограничивается сбором только количественных данных, а включает в себя анализ проведенных программ с точки зрения их соответствия характеристикам восстановительного подхода. Показателем развития восстановительных практик не является и наличие разного рода официальных документов, именуемых «концепция развития служб примирения/медиации», «программа» и т.п., поскольку задача мониторинга – это фиксация практики реализации. Настоящий мониторинг включает *два раздела: количественный и качественный*. Ключевое место в рамках второго раздела занимает описание самих восстановительных программ по конкретным случаям, что и позволяет относить анализируемые программы к восстановительной парадигме.

Тем не менее, наш мониторинг не предназначен для оценки работы служб (с точки зрения «хорошо-плохо»), его данные – повод для более глубокого осмысления ситуации и формирования на этой основе направлений работ по развитию практики. Параметры, заданные в количественных таблицах и формах качественного анализа, указывают на конкретные аспекты сферы реали-

зации восстановительного подхода, которые требуют специального разбора, – как в плане организационно-правовых условий, так и методического оснащения деятельности специалистов, проводящих восстановительные программы.

В данном обзоре речь пойдет о территориальных службах примирения.

Количественный мониторинг дает возможность представить характеристики деятельности служб примирения по проведению восстановительных программ (источники направления случаев на программы, категории случаев, виды программ) и соответствующие количественные данные, а также сведения о количестве служб, численности медиаторов, количестве заявок, полученных службами примирения на проведение программ из тех или иных источников, начатых и завершенных программ, числе участников.

Качественный мониторинг включает в себя три блока:

- 1) организационные условия деятельности служб примирения в регионе/на территории;
- 2) качественный анализ проведенных восстановительных программ;
- 3) обратная связь от участников восстановительных программ.

Основные понятия, используемые для целей настоящего мониторинга³

Восстановительная программа – восстановительная медиация, Семейная конференция, Круг сообщества и, возможно, иные формы работы с участниками криминальных, конфликтных и проблемных ситуаций, где реализуются базовые ценности и принципы восстановительного правосудия. В таблицах количественного и формах качественного мониторинга для обозначения восстановительной программы используется термин «программа».

Одна восстановительная программа – работа ведущего восстановительных программ (медиатора) по разрешению конкретной криминальной или конфликтной/проблемной ситуации. Одна программа определяется кругом основных участников, целью, повесткой дня (т.е. списком обсуждаемых тем и вопросов) и заканчивается общей встречей участников, на которой вырабатывается соглашение между ними и/или принимается письменный итоговый документ: примирительный договор либо протокол о результатах встречи.

Начатая программа – программа считается начатой, если проведена хотя бы одна предварительная встреча.

Количество начатых программ может не совпадать с количеством поступивших заявок/обращений. К примеру, случай может не подойти под восстановительную программу в силу принятых в службе критериев отбора, либо выясняется, что стороны уже уладили отношения и вред заглажен, либо участники находятся вне досягаемости, возможны еще какие-то причины, по которым программа не начинается. Но возможна и ситуация, когда по одному случаю (к примеру, заявка поступила по ситуации совершения преступления) может быть проведено несколько восстановительных программ: программа по заглаживанию вреда между правонарушителем и жертвой, программа примирения в семье, семейная конференция, круг в классе; или, например, по одной проблемной ситуации в школе организуется несколько кругов с разными участниками и пр. То есть начатых программ может оказаться и больше, чем поступивших заявок/обращений.

Завершенная программа – программа считается завершенной, если стороны урегулировали ситуацию (заключен примирительный договор или составлен план по урегулированию ситуации) и при этом были реализованы принципы восстановительного подхода.

Незавершенная программа – программа считается незавершенной, если проведена хотя бы одна предварительная встреча, а затем одна из сторон отказалась от встречи либо сторонам не удалось достичь соглашения на примирительной встрече.

Виды таблиц по количественному мониторингу ТСП

В настоящем материале используется *два вида обозначения таблиц*:

- 1) таблицы, которые являются формами количественного мониторинга деятельности территориальных служб примирения, где представлены сведения из регионов, обозначаются ТСП-1, ТСП-2 и т.д. (до ТСП-8);
- 2) аналитические таблицы с фиксацией показателей, вычисленных или выделенных нами на основании исходных данных, в тексте обозначаются «таблица 1», «таблица 2» и пр. и соответствующими сокращениями – таб. 1, таб. 2 и т.д.

В таблице ТСП-1 зафиксированы обобщенные данные, характеризующие службы примирения, а также количество проведенных программ с дифференциацией по **категориям случаев**, более детальные характеристики которых содержатся в

отдельных таблицах. В настоящее время в территориальных службах примирения проводятся программы по пяти категориям случаев:

- 1) преступления несовершеннолетних (ТСП-2);
- 2) общественно опасные деяния (ООД) несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности (ТСП-3);
- 3) иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда, если они рассматриваются в КДНиЗП (административные правонарушения, приведшие к причинению вреда, а также аналогичные деяния, совершенные детьми, не достигшими возраста административной ответственности – ТСП-4);
- 4) семейные конфликты/проблемные ситуации (ТСП-5);
- 5) конфликтные/проблемные ситуации в образовательных организациях, если эти случаи не входят в предыдущие пункты настоящего списка (ТСП-6).

Помимо перечисленных категорий случаев в отдельной таблице (ТСП-8) приводятся сведения о программах, проведенных территориальными службами примирения по преступлениям, а также административным правонарушениям *взрослых* (по ст. 6.1.1 КоАП) (в том числе, по деяниям, связанным с жестоким обращением с детьми в семье). Данные из этой таблицы НЕ включаются в таблицу ТСП-1.

Таблица ТСП-1 является сводной для ТСП-2 по ТСП-6. Таблица ТСП-7, где содержатся данные о восстановительных программах с воспитанниками/выпускниками закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей (воспитательных колоний, специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, центров временного содержания органов внутренних дел) является *самостоятельной*, она введена для аналитических целей, однако, в отличие от ТСП-8, ее данные *переносятся* в таблицы ТСП-2, ТСП-3, ТСП-5 и ТСП-6 (в зависимости от категории случаев) и таким образом учитываются в суммарных показателях таблицы ТСП-1.

Данные мониторинга предоставили:

1. Алтайский край – Лариса Сергеевна Раченкова, директор АНО «Методический Центр Развития Социальных Практик»;
2. Архангельская область – Елена Алексеевна Дунаева, председатель Ассоциации медиаторов Архангельской области;
3. Волгоградская область – Ирина Сергеевна Маловичко, координатор по Волгоградской об-

- ласти Всероссийской ассоциации восстановительной медиации;
4. Кемеровская область – Елена Валентиновна Белоногова, председатель Кузбасской ассоциации медиации и восстановительных практик, зав. отделом медиации и социальных практик ГОО «Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», г. Кемерово;
5. Костромская область – Лариса Александровна Кузичкина, старший преподаватель кафедры воспитания и психологического сопровождения Костромского областного института развития образования;
6. Липецкая область – Ермакова Татьяна Вениаминовна, медиатор АНО «Служба медиации», психолог ОБУ «Центр социальной защиты населения по городу Липецку»;
7. Москва – Вера Владимировна Ивлева, школа «Шанс», специалист по социальной работе Государственного бюджетного специального учебно-воспитательного учреждения для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением города Москвы профессиональная образовательная школа «Шанс»;
Антон Юрьевич Коновалов, руководитель направления «Школьные службы примирения» МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа», председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы;
8. Новосибирская область – Татьяна Александровна Стукачева, председатель межрегиональной общественной организации «Социальное партнерство»;
9. Пермский край – Анна Львовна Хавкина, председатель Пермской краевой общественной организации «Ассоциация медиаторов Пермского края»;
10. Республика Татарстан – Лейсан Рифкатовна Енькова, педагог-психолог МБУ МП «КЦСО «Доверие», г. Казань;
11. Свердловская область – Ольга Павловна Махнева, директор АНО «Уральский центр медиации»;
12. Смоленская область – Елена Анатольевна Корытова, заместитель директора по воспитательной и реабилитационной работе областного государственного бюджетного учреждения «Смоленский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Феникс»;
13. Томская область – Юлия Александровна Пучкина, руководитель Автономной некоммерческой организации Ресурсный центр «Согласие», Томская область;
14. Тульская область – Елена Аркадьевна Сафронова, консультант отдела по обеспечению жилыми помещениями и организации деятельности комиссии по делам несовершеннолетних департамента социальной политики министерства труда и социальной защиты Тульской области;
15. Тюменская область – Татьяна Сергеевна Микулина, главный специалист по работе с молодежью, руководитель службы примирения МАУ ДО Центра внешкольной работы «Дзержинец» города Тюмени.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ МОНИТОРИНГ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

Таблица ТСП-1. Программы, проведенные территориальными службами примирения: общие

№ п/п	Регион	Количество служб примирения	Число медиаторов (ведущих восстановительных программ) в службах примирения	Получено заявок (обращений),												ВСЕГО
				в том числе из следующих источников:												
				Суда	КДНиЗП	Органы предварительного расследования	ОДН / ПДН	Образовательные организации и органы управления образованием	УИИ УФСИН России	Органы опеки и попечительства, учреждения	Учреждения социальной защиты/ социальные службы	Закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП)	Уполномоченный по правам ребенка/по правам человека	Обращения граждан	Иное	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
	ИТОГО	121	311	894	889	506	346	699	0	46	15	35	3	234	152	3819
1	Алтайский край	20	35	1	96	1	0	9	0	1	8	0	0	26	12	154
2	Архангельская область	13	41	76	75	325	96	4	0	0	0	10	0	2	20	608
3	Волгоградская область	4	8	0	2	0	0	0	0	1	0	15	0	9	0	27
4	Кемеровская область	12	75	0	13	0	0	190	0	5	0	4	0	31	2	245
5	Костромская область	2	3	0	4	0	0	8	0	1	1	0	0	2	0	16
6	Липецкая область	1	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	4
7	Москва	2	13	1	3	0	0	361	0	0	0	2	0	3	1	371
8	Новосибирская область	1	3	0	1	0	0	3	0	3	0	0	0	6	0	13
9	Пермский край	49	84	688	586	180	248	42	0	12	1	0	0	39	0	1796
10	Республика Татарстан	1	7	64	63	0	2	5	0	21	0	0	0	1	96	252
11	Свердловская область	1	4	63	11	0	0	3	0	0	2	4	3	10	0	96
12	Смоленская область	8	14	0	1	0	0	3	0	0	0	0	0	83	7	94
13	Томская область	1	4	0	0	0	0	13	0	0	0	0	0	12	3	28
14	Тульская область	5	15	0	32	0	0	55	0	1	0	0	0	1	9	98
15	Тюменская область	1	2	0	2	0	0	3	0	1	3	0	0	6	2	17

ПРИМИРЕНИЯ, 2017

показатели

Количество программ													Общее число участников завершённых программ
ВСЕГО		По категориям случаев											
начато	завершено	Преступления несовершеннолетних	ООД несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности		Иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда, рассматриваемые в КДНиЗП		Семейные конфликты/ проблемные ситуации		Конфликтные/ проблемные ситуации в образовательных организациях				
			начато	завершено	начато	завершено	начато	завершено	начато	завершено	начато	завершено	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	
3407	2252	1194	633	697	347	209	123	617	496	690	653	15 223	
117	108	44	37	25	25	5	5	39	39	4	2	400	
414	235	297	159	53	36	49	25	11	11	4	4	779	
27	24	0	0	9	7	0	0	8	5	10	12	89	
248	223	7	5	1	1	6	6	48	40	186	171	884	
16	16	0	0	1	1	2	3	7	7	6	5	107	
4	4	0	0	0	0	0	0	4	4	0	0	8	
371	366	7	4	0	0	0	0	2	1	362	361	8682	
14	13	0	0	0	0	0	0	12	11	2	2	66	
1634	766	731	339	563	247	102	44	197	109	41	27	2400	
201	162	42	28	27	15	5	3	122	111	5	5	465	
136	133	50	47	0	0	14	14	72	72	0	0	471	
94	94	0	0	0	0	1	1	56	56	37	37	195	
27	25	0	0	4	3	3	2	3	3	17	17	378	
87	76	15	13	13	11	22	20	24	22	13	10	281	
17	7	1	1	1	1	0	0	12	5	3	0	18	

**Пояснения по заполнению табл. ТСП-1
(цифра означает № столбца)**

1. Регион, в котором действуют службы примирения ассоциации восстановительной медиации.
2. Количество служб примирения в территориальном образовании.
3. Число медиаторов в службах примирения, проводящих программы восстановительные программы.
4. Количество заявок, полученных службой из суда.
5. Количество заявок, полученных из комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.
6. Количество заявок, полученных из органов предварительного расследования (от следователей Следственного комитета РФ, от следователей органов внутренних дел РФ, дознавателей). Если находящиеся на стадии предварительного расследования уголовные дела в отношении несовершеннолетних получены службой примирения из КДНиЗП, то эти случаи следует указать в столбце 5.
7. Количество заявок, полученных из ОДН/ ПДН (отделений или подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел).
8. Количество заявок, полученных из образовательных организаций (школ, колледжей, вузов, детских домов и пр.) и органов управления образованием – суммарное количество запросов на работу по разрешению конфликтов и по проведению профилактических программ по проблемным ситуациям.
9. Количество заявок, полученных из уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) УФСИН России.
10. Количество заявок, полученных из органов и учреждений опеки и попечительства.
11. Количество заявок, полученных из социальных служб.
12. Количество заявок, полученных ТСП из закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП) или полученных сотрудниками самих учреждений для проведения восстановительных программ.
13. Количество заявок, полученных от Уполномоченных по правам ребенка/по правам человека
14. Количество самостоятельных обращений граждан.
15. Количество заявок/обращений из источников, не вошедших в предыдущие пункты.
16. Сумма столбцов 4–15.
17. Количество начатых программ. Начатой считается программа, где проведена хотя бы одна предварительная встреча.
18. Количество завершенных программ. Завершенной считается программа, где стороны/участники урегулировали ситуацию (или составили план по урегулированию ситуации). Сроком окончания программы за анализируемый период может быть январь 2018 года.
19. «Преступления несовершеннолетних» – здесь указывается количество начатых программ по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности (т.е. несовершеннолетний является обвиняемым/подозреваемым, подсудимым или осужденным). Такие программы могут проводиться на любой стадии уголовного процесса (досудебной, судебной) либо после вынесения судебного решения (например, с условно осужденными, с теми, кому назначены принудительные меры воспитательного воздействия, в том числе с помещением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также с осужденными, отбывающими наказание в ВК).
20. Количество завершенных программ по случаям, указанным в столбце 19.
21. «Общественно опасные деяния (ООД) несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности» – здесь указывается количество начатых программ по деяниям несовершеннолетних, в отношении которых принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении дела за отсутствием состава преступления (если речь идет о не достижении возраста уголовной ответственности).
22. Количество завершенных программ по случаям, указанным в столбце 21.
23. «Иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда, рассматриваемые в КДНиЗП» – здесь указывается количество начатых программ по административным правонарушениям несовершеннолетних (побои, мелкие хищения, повреждения имущества и т.п.), а также по аналогичным деяниям, совершенным детьми, не достигшими возраста административной ответственности.
24. Количество завершенных программ по случаям, указанным в столбце 23.
25. Количество начатых программ по конфликтам между детьми и родителями, супругами, где затрагиваются права и интересы несовершеннолетних, а также по проблемным семейным ситуациям, в том числе касающимся воспитанников закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП).
26. Количество завершенных программ по случаям, указанным в столбце 25.
27. «Конфликтные/проблемные ситуации в образовательных организациях» – указывается количество начатых программ по конфликтам или проблемным ситуациям, переданным из образовательных организаций и органов управления образованием в территориальную службу примирения.
28. Количество завершенных программ по случаям, указанным в столбце 27.
29. Общее число участников завершенных программ.

**Пояснения по заполнению табл. ТСП-2
(цифра означает № столбца)**

1. Регион, в котором действуют службы примирения, где проводятся восстановительные программы по преступлениям несовершеннолетних.
2. Количество служб, которые проводят программы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних на любой стадии уголовного процесса или после вынесения судебного решения.
3. Количество судов, откуда получены заявки.
4. Количество КДНиЗП, откуда получены заявки.
5. Количество органов предварительного расследования, откуда получены заявки.
6. Количество УИИ УФСИН России, откуда получены заявки.
7. Количество закрытых учреждений для несовершеннолетних (ВК, СУВУ, ЦВНСП), откуда получены заявки или где сотрудники проводят восстановительные программы.
8. Число уполномоченных по правам ребенка/по правам человека, от которых поступали заявки.
9. Количество иных источников поступления заявок на проведение программ по уголовным делам. Если в службу поступают обращения граждан, то это обозначается в данной графе как один источник, а количество самих обращений указывается в столбце 16. Под таблицей указать сами источники.
10. Количество заявок, полученных из суда.
11. Количество заявок, полученных из КДНиЗП. Если есть информация, в сноске под таблицей желательно указать количество заявок, переданных из КДН и ЗП на стадии предварительного расследования.
12. Количество заявок, полученных из органов предварительного расследования.
13. Количество заявок, полученных ТСП из закрытых учреждений для несовершеннолетних (СУВУ, ВК, ЦВНСП) или полученных сотрудниками самих учреждений для проведения восстановительных программ.
14. Количество заявок, полученных из Уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) УФСИН России.
15. Количество заявок, полученных от Уполномоченных по правам ребенка/по правам человека
16. Количество самостоятельных обращений граждан.
17. Количество заявок, полученных из иных источников, не указанных в столбцах 10–16.
18. Общее количество полученных заявок и обращений (сумма столбцов 10–17).
19. Количество начатых программ. Начатой считается программа, где проведена хотя бы одна предварительная встреча.
20. Количество завершенных медиаций (прямая медиация) между правонарушителем и жертвой. Завершенная программа – где стороны урегулировали ситуацию (или составили план по урегулированию ситуации) и при этом были реализованы принципы восстановительного правосудия (восстановительной медиации).
21. Количество медиаций между правонарушителем и жертвой, завершенных в форме письма второй стороне/челночной медиации.
22. Количество завершенных семейных конференций.
23. Количество завершенных кругов сообщества.
24. Количество иных завершенных восстановительных программ. В сноске под таблицей указать, какие это программы.
25. Общее количество завершенных программ по преступлениям несовершеннолетних (сумма столбцов 20–24).
26. Число правонарушителей, принявших участие в завершенных программах.
27. Число жертв/потерпевших, принявших участие в завершенных программах.
28. Число родителей/ законных представителей, принявших участие в завершенных программах.
29. Общее число участников завершенных программ (цифра в этом столбце может быть больше, чем сумма столбцов 26–28, поскольку в программах могут участвовать и другие лица: педагоги, друзья и другие).

Таблица ТСП-2. Программы восстановительного правосудия по преступлениям несовершеннолетних

№ п/п	Регион	Количество служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)							Количество заявок (обращений),				
			Суды	КДНизП	Органы предварительного расследования	УИИ УФСИН России	Закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП)	Уполномоченный по правам ребенка/по правам человека	Иное	Суда	КДНизП	Органов предварительного расследования	Закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП)	УИИ УФСИН России
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>
ИТОГО		77	66	34	64	0	4	0	19	756	72	506	13	0
1	Алтайский край	12	1	16	1	0	0	0	6	1	50	1	0	0
2	Архангельская область	12	9	2	43	0	2	0	0	76	0	325	10	0
3	Кемеровская область	2	0	2	0	0	0	0	1	0	6	0	0	0
4	Москва	1	1	3	0	0	1	0	1	1	3	0	2	0
5	Пермский край	45	45	0	20	0	0	0	0	602	0	180	0	0
6	Республика Татарстан	1	6	0	0	0	0	0	0	55	0	0	0	0
7	Свердловская область	1	4	2	0	0	1	0	1	21	4	0	1	0
8	Тюльская область	2	0	9	0	0	0	0	9	0	9	0	0	0
9	Тюменская область	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0

(расшифровка столбцов 19 и 20 таблицы ТСП-1)

полученных из:				Начато программ	Количество завершенных программ						Число участников завершенных программ			
Уполномоченный по правам ребенка/по правам человека	Обращения граждан	Иное	ВСЕГО		Медиация		Семейная конференция	Круг сообщества	Иное	ВСЕГО	Правонарушители	Жертвы	Родители / зак. представ.	ВСЕГО
					Прямая	Письмо, челночная медиация								
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
0	8	17	1372	1194	523	81	28	0	1	633	605	657	720	1990
0	5	6	63	44	33	0	4	0	0	37	35	34	50	121
0	0	0	411	297	86	73	0	0	0	159	159	155	139	453
0	1	0	7	7	4	0	0	0	1	5	4	4	8	16
0	0	1	7	7	4	0	0	0	0	4	4	3	4	11
0	0	0	782	731	330	7	2	0	0	339	315	360	416	1091
0	0	0	55	42	27	1	0	0	0	28	40	59	28	127
0	2	0	28	50	25	0	22	0	0	47	34	28	54	122
0	0	9	18	15	13	0	0	0	0	13	13	13	19	45
0	0	1	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	2	4

Таблица ТСП-3. Программы восстановительного правосудия по общественно опасным деяниям и 22 таблицы ТСП-1)

№ п/п	Регион	Количество служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)						Количество заявок (обращений),				
			КУДиЭП	ПДН/ОДН	Образовательные учреждения	Закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (СУВУ, ЦВНСП)	Уполномоченный по правам ребенка /по правам человека	Иное	КУДиЭП	ОДН / ПДН	Образовательные учреждения	Закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (СУВУ, ЦВНСП)	Уполномоченный по правам ребенка /по правам человека
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>
ИТОГО		64	65	36	10	2	0	9	517	248	10	9	0
1	Алтайский край	8	12	0	0	0	0	5	20	0	0	0	0
2	Архангельская область	10	8	8	0	0	0	1	36	31	0	0	0
3	Волгоградская область	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	9	0
4	Кемеровская область	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
5	Костромская область	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
6	Пермский край	37	32	26	0	0	0	0	410	215	0	0	0
7	Республика Татарстан	1	3	2	0	0	0	0	41	2	0	0	0
8	Томская область	1	0	0	1	0	0	3	0	0	1	0	0
9	Тульская область	2	7	0	9	0	0	0	7	0	9	0	0
10	Тюменская область	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0

Пояснение по заполнению табл. ТСП-3: заполняется аналогично табл. ТСП-2.

несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности (расшифровка столбцов 21

полученных из:			Начато программ	Количество завершенных программ						Число участников завершенных программ			
Обращения граждан	Иное	ВСЕГО		Медиация		Семейная конференция	Круг сообщества	Иное	ВСЕГО	Правонарушители	Жертвы	Родители / законные представители	ВСЕГО
				Прямая	Челночная медиация, письмо								
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
8	20	812	697	305	38	2	2	0	347	340	335	455	1142
7	6	33	25	23	0	2	0	0	25	28	23	37	100
0	12	79	53	7	29	0	0	0	36	38	31	55	124
0	0	9	9	1	6	0	0	0	7	7	7	7	21
0	0	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	2	4
0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	8	1	9	18
0	0	625	563	244	3	0	0	0	247	227	240	312	779
0	0	43	27	15	0	0	0	0	15	16	16	13	45
1	2	4	4	2	0	0	1	0	3	3	4	2	9
0	0	16	13	11	0	0	0	0	11	11	11	15	37
0	0	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	3	5

Таблица ТСП-4. Программы восстановительного правосудия по иным деяниям несовершеннолетних, цы ТСП-1)

№ п/п	Регион	Количество служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)					Количество заявок (обращений),			
			КДНиЗП	ЦДН/ОДН	Образовательные учреждения	Уполномоченный по правам ребенка/ по правам человека	Иное	КДНиЗП	ОДН / ЦДН	Образовательные учреждения	Уполномоченный по правам ребенка/ по правам человека
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
ИТОГО		41	65	21	21	0	2	162	98	28	0
1	Алтайский край	4	8	0	0	0	0	9	0	0	0
2	Архангельская область	8	22	18	0	0	0	38	65	0	0
3	Кемеровская область	3	4	0	2	0	0	4	0	2	0
4	Костромская область	1	1	0	0	0	1	1	0	0	0
5	Пермский край	17	15	3	2	0	0	88	33	9	0
6	Республика Татарстан	1	3	0	0	0	0	5	0	0	0
7	Свердловская область	1	2	0	0	0	0	7	0	0	0
8	Смоленская область	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0
9	Томская область	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0
10	Тульская область	4	9	0	17	0	0	9	0	17	0

Пояснение по заполнению табл. ТСП-4: заполняется аналогично предыдущим таблицам.

приведшим к причинению вреда, рассматриваемым в КДНиЗП (расшифровка столбцов 23 и 24 табли-

полученных из:			Начато программ	Количество завершенных программ						Число участников завершенных программ			
Обращения граждан	Иное	ВСЕГО		Медиация		Семейная конференция	Круг сообществ	Иное	ВСЕГО	Правонарушители	Жертвы	Родители / законные представители	ВСЕГО
				Прямая	Челночная медиация, письмо								
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
4	0	292	209	103	10	8	2	0	123	114	108	155	387
0	0	9	5	4	0	1	0	0	5	5	5	8	22
0	0	103	49	17	8	0	0	0	25	25	23	47	95
0	0	6	6	5	0	0	1	0	6	10	8	13	37
1	0	2	2	1	1	0	1	0	3	1	1	5	7
0	0	130	102	44	0	0	0	0	44	39	40	41	120
0	0	5	5	3	0	0	0	0	3	4	0	7	11
0	0	7	14	7	0	7	0	0	14	7	7	11	25
0	0	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	2	4
3	0	3	3	1	1	0	0	0	2	2	2	4	8
0	0	26	22	20	0	0	0	0	20	20	21	17	58

Таблица ТСП-5. Восстановительные программы по семейным конфликтам/проблемным ситуациям

№ п/п	Регион	Количество служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)									Количество		
			КДНвЗП	Суд гражданский	Образовательные учреждения	УИИ ФСИН России	Учреждения социальной защиты /социальные службы	Органы опеки и попечительства	Закрывтые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП)	Уполномоченный по правам ребенка/ по правам человека	Иное	КДНвЗП	Суд (гражданский)	Образовательные учреждения
	<i>I</i>	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
ИТОГО		80	44	22	54	0	10	13	3	1	47	138	138	41
1	Алтайский край	14	13	0	2	0	6	1	0	0	8	17	0	5
2	Архангельская область	2	1	0	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0
3	Волгоградская область	1	1	0	0	0	0	1	0	0	1	2	0	0
4	Кемеровская область	10	2	0	24	0	0	3	2	0	7	2	0	6
5	Костромская область	2	2	0	2	0	1	1	0	0	1	2	0	2
6	Липецкая область	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0
7	Москва	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
8	Новосибирская область	1	1	0	1	0	0	1	0	0	1	1	0	2
9	Пермский край	32	14	13	0	0	1	3	0	0	12	88	86	0
10	Республика Татарстан	1	3	1	0	0	0	1	0	0	2	17	9	0
11	Свердловская область	1	0	7	3	0	1	0	1	1	1	0	42	3
12	Смоленская область	7	0	0	0	0	0	0	0	0	7	0	0	0
13	Томская область	1	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	2
14	Тульская область	5	6	0	18	0	0	1	0	0	1	7	0	18
15	Тюменская область	1	1	0	3	0	1	1	0	0	1	1	0	3

Пояснения по заполнению табл. ТСП-5: заполняется аналогично предыдущим таблицам со следующими уточнениями:

- ... 24. Количество завершенных медиаций (прямая медиация) между конфликтующими сторонами.
- 25. Количество медиаций между конфликтующими сторонами, завершенных в форме письма второй стороне/челночной медиации.

(расшифровка столбцов 25 и 26 таблицы ТСП-1)

заявок (обращений), полученных из:								Начато программ	Количество завершенных программ					ВСЕГО участников завершённых программ	
Органы опеки и попечительства	УИИ ФСИН России	Учреждения социальной защиты /социальные службы	Закрывае учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (ВК, СУВУ, ЦВНСП)	Уполномоченный по правам ребенка /по правам человека	Обращения граждан	Иное	ВСЕГО		Медиация		Семейная конференция	Круг сообщества	Иное		ВСЕГО
									Прямая	Письмо, челночная медиация					
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
46	0	15	7	3	162	106	656	617	376	53	24	6	37	496	1368
1	0	8	0	0	14	0	45	39	29	0	10	0	0	39	139
0	0	0	0	0	2	8	11	11	9	2	0	0	0	11	21
1	0	0	0	0	5	0	8	8	1	4	0	0	0	5	17
5	0	0	4	0	29	2	48	48	29	2	5	4	0	40	162
1	0	1	0	0	1	0	7	7	3	1	1	2	0	7	24
0	0	0	0	0	3	0	4	4	4	0	0	0	0	4	8
0	0	0	0	0	2	0	2	2	1	0	0	0	0	1	3
3	0	0	0	0	6	0	12	12	11	0	0	0	0	11	23
12	0	1	0	0	28	0	215	197	106	0	3	0	0	109	270
21	0	0	0	0	1	96	144	122	73	8	0	0	30	111	181
0	0	2	3	3	8	0	61	72	32	36	4	0	0	72	324
0	0	0	0	0	56	0	56	56	55	0	1	0	0	56	118
0	0	0	0	0	2	0	4	3	3	0	0	0	0	3	8
1	0	0	0	0	1	0	27	24	15	0	0	0	7	22	61
1	0	3	0	0	4	0	12	12	5	0	0	0	0	5	9

Таблица ТСП-6. Восстановительные программы по разрешению школьных конфликтов/проблемных

№ п/п	Регион	Количество территориальных служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)							Количество заявок полученных				
			Школа (образовательный комплекс)	Детский сад	Колледж, вуз	Детский дом, интернат	Орган управления образованием	Уполномоченный по правам ребенка	Иное	Школа	Детский сад	Колледж, вуз	Детский дом, интернат	Орган управления образованием
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>
ИТОГО		49	321	3	4	2	5	0	15	606	3	5	2	4
1	Алтайский край	4	4	0	0	0	0	0	0	4	0	0	0	0
2	Архангельская область	1	3	0	1	0	0	0	0	3	0	1	0	0
3	Волгоградская область	3	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
4	Кемеровская область	10	89	3	1	2	4	0	0	173	3	1	2	3
5	Костромская область	2	6	0	0	0	0	0	0	6	0	0	0	0
6	Москва	1	182	0	1	0	0	0	1	359	0	2	0	0
7	Новосибирская область	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
8	Пермский край	17	13	0	1	0	0	0	4	32	0	1	0	0
9	Республика Татарстан	1	5	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0
10	Смоленская область	5	2	0	0	0	0	0	3	3	0	0	0	0
11	Томская область	1	6	0	0	0	0	0	2	10	0	0	0	0
12	Тульская область	2	10	0	0	0	1	0	0	10	0	0	0	1
13	Тюменская область	1	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0

ситуаций территориальными службами примирения (расшифровка столбцов 27 и 28 таблицы ТСП-1)

(обращений), из:				НАЧАТО ПРОГРАММ	Количество завершенных программ								Число участников завершенных про- грамм		
Уполномоченный по правам ребенка	Обращения граждан	Иное	ВСЕГО		Медиация	Школьная конференция	Семейная конференция	Круг сообщества по разрешению конфликтных ситуаций	Профилактические «круги» по потенциально конфликтным ситуациям	Школьно-родительский совет	Иное	ВСЕГО	Взрослые (педагоги, родители)	Учащиеся	ВСЕГО
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
0	52	15	687	690	347	2	1	146	142	13	2	653	3844	6492	10 336
0	0	0	4	4	1	0	1	0	0	0	0	2	13	5	18
0	0	0	4	4	0	0	0	4	0	0	0	4	73	13	86
0	4	6	10	10	10	0	0	0	0	0	2	12	30	21	51
0	1	0	183	186	158	0	0	7	6	0	0	171	364	301	665
0	0	0	6	6	1	1	0	3	0	0	0	5	18	40	58
0	1	0	362	362	104	0	0	121	128	8	0	361	3135	5533	8668
0	0	0	1	2	0	0	0	2	0	0	0	2	13	30	43
0	11	0	44	41	25	1	0	1	0	0	0	27	23	117	140
0	0	0	5	5	0	0	0	0	0	5	0	5	75	26	101
0	27	7	37	37	36	0	0	1	0	0	0	37	5	68	73
0	6	1	17	17	3	0	0	6	8	0	0	17	57	296	353
0	0	0	11	13	9	0	0	1	0	0	0	10	38	42	80
0	2	1	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

**Пояснения по заполнению табл. ТСП- 6
(цифра означает № столбца)**

1. Регион, в котором действуют службы примирения, где проводятся восстановительные программы по данной категории случаев.
2. Количество территориальных служб примирения, которые проводят программы по конфликтным/проблемным ситуациям в образовательных учреждениях.
3. Количество школ (образовательных комплексов), откуда получены заявки.
4. Количество дошкольных образовательных учреждений, откуда получены заявки.
5. Количество профессиональных и высших образовательных учреждений, откуда получены заявки.
6. Количество специальных учреждений (школ 8 вида, детских домов, интернатов и т.п.), откуда получены заявки.
7. Количество органов управления образованием (департаментов образования, министерство образования региона и т.п.), откуда получены заявки.
8. Число уполномоченных по правам ребенка города (региона) и его помощников, от которых поступают заявки.
9. Количество иных источников поступления заявок. Если в службу поступают обращения граждан, это обозначается в данной графе как один источник, а количество обращений указывается в столбце 16. Под таблицей указать источники.
10. Количество заявок, полученных из школ и образовательных комплексов.
11. Количество заявок, полученных из дошкольных образовательных учреждений.
12. Количество заявок, полученных из профессиональных и высших образовательных учреждений.
13. Количество заявок, полученных из специальных учреждений (школ 8 вида, детских домов, интернатов и т.п.).
14. Количество заявок, полученных из органов управления образованием (департаментов образования, министерства образования региона и т.п.), откуда получены заявки.
15. Количество заявок, полученных от уполномоченных по правам ребенка города (региона) и его помощников.
16. Количество самостоятельных обращений граждан по поводу конфликтов/проблемных ситуаций в образовательных учреждениях.
17. Количество заявок, полученных из иных источников.
18. Общее количество полученных заявок и обращений (сумма столбцов 10–17).
19. Количество начатых программ.
20. Количество завершенных восстановительных медиаций.
21. Количество завершенных программ «Школьная восстановительная конференция».
22. Количество завершенных семейных конференций.
23. Количество завершенных программ «Круг сообщества» по случаям конфликта.
24. Количество завершенных «Кругов сообщества» по проблемным/потенциально конфликтным ситуациям (приход новичка в класс, формирование нового класса, слияние классов, межэтническая напряженность и т.п.).
25. Количество завершенных программ «Школьно-родительский совет».
26. Количество иных восстановительных программ (в сноске указать, каких).
27. Общее количество завершенных программ (сумма столбцов 20–26).
28. Число взрослых участников программ (родители, педагоги, опекуны и т.д.).
29. Число учащихся – участников программ.
30. Общее число участников программ (сумма столбцов 28–29).

**Пояснения по заполнению табл. ТСП- 7
(цифра означает № столбца)**

1. Регион, в котором действуют службы примирения, где проводятся восстановительные программы по данной категории случаев. Если восстановительные программы проводятся сотрудниками самого закрытого учреждения без официального оформления службы, это в рамках настоящего мониторинга тоже определяется как «служба».
2. Количество территориальных служб примирения, которые работают с закрытыми учреждениями для несовершеннолетних (воспитательными колониями ФСИН, специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа, центрами временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел – ЦВСНП) или служб внутри самих учреждений.
3. Количество воспитательных колоний, откуда получены заявки (или где проводятся восстановительные программы сотрудниками ВК).
4. Количество специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, откуда получены заявки (или где проводятся восстановительные программы сотрудниками СУВУ).
5. Количество ЦВСНП, откуда получены заявки (или где проводятся восстановительные программы сотрудниками ЦВНСП).
6. Количество иных источников поступления заявок. Если в службу поступают обращения граждан, это нужно обозначить в данной графе как один источник, а количество обращений указывается в столбце 10.
7. Количество заявок, полученных ТСП из воспитательных колоний (ВК) или сотрудниками ВК для проведения восстановительных программ.
8. Количество заявок, полученных ТСП из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа или сотрудниками СУВУ для проведения восстановительных программ.
9. Количество заявок, полученных из ЦВСНП или сотрудниками ЦВНСП для проведения восстановительных программ.
10. Количество самостоятельных обращений граждан.
11. Количество заявок, полученных из иных источников.
12. Общее количество полученных заявок и обращений (сумма столбцов 7–11).
13. Количество начатых программ.
14. Количество завершенных восстановительных медиаций с участием воспитанников.
15. Количество программ, завершенных в форме письма второй стороне/челночной медиации.
16. Количество завершенных семейных конференций.
17. Количество завершенных «Кругов сообщества».
18. Количество завершенных иных восстановительных программ.
19. Общее количество завершенных программ (сумма столбцов 14–18).
20. Число воспитанников воспитательных колоний, принявших участие в восстановительных программах.
21. Число воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, принявших участие в восстановительных программах.
22. Число несовершеннолетних, находившихся в ЦВСНП, принявших участие в восстановительных программах.
23. Число пострадавших от правонарушений несовершеннолетних.
24. Число родителей/родственников, принявших участие в восстановительных программах.
25. Число сотрудников воспитательных колоний, специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, ЦВНСП, принявших участие в восстановительных программах.
26. Общее число участников программ (сумма столбцов 20–25).

Таблица ТСП-7. Восстановительные программы с несовершеннолетними, находящимися в закрытых закрытого типа, центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов

№ п/п	Регион	Количество территориальных служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)				Количество заявок (обращений), полученных из:					ВСЕГО
			Воспитательные колонии	Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа	ЦВСНП	Иное	Воспитательные колонии	Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа	ЦВСНП	Обращение граждан	Иное	
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>
ИТОГО		8	2	5	1	0	13	15	7	0	0	35
1	Архангельская область	1	1	0	0	0	10	0	0	0	0	10
2	Волгоградская область	3	1	1	1	0	3	5	7	0	0	15
3	Кемеровская область	2	0	2	0	0	0	4	0	0	0	4
4	Москва	1	0	1	0	0	0	2	0	0	0	2
5	Свердловская область	1	0	1	0	0	0	4	0	0	0	4

учреждениях (в воспитательных колониях, специальных учебно-воспитательных учреждениях внутренних дел)

НАЧАТО ПРОГРАММ	Количество завершенных программ						Число участников завершенных программ						
	Медиация		Семейная конференция	Круг сообществ	Иное	ВСЕГО	Воспитанники ВК	Воспитанники специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа	Число несовершеннолетних, находившихся в ЦВСНП	Жертвы	Родственники	Специалисты и персонал	ВСЕГО
	Прямая	Письмо/челночная											
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
35	6	12	7	3	0	28	12	16	5	14	37	42	126
10	0	6	0	0	0	6	6	0	0	6	0	0	12
15	4	6	0	3	0	13	6	8	5	7	7	17	50
5	1	0	4	0	0	5	0	4	0	0	17	18	39
2	1	0	0	0	0	1	0	1	0	1	2	0	4
3	0	0	3	0	0	3	0	3	0	0	11	7	21

ТСП-8. Восстановительные программы по делам о преступлениях и административных правонарушениях

№ п/п	Регион	Количество территориальных служб примирения	Количество источников, откуда получены заявки (обращения)				Количество заявок (обращений), полученных из:								
			Суды	Органы предварительного расследования	Органы опеки и попечительства	Иное	Суда	Органов предварительного расследования	Органы опеки и попечительства	Обращения граждан	Иное	ВСЕГО	из них:		
													по уголовным делам о преступлениях, связанным с жестоким обращением с детьми в семье	по административным правонарушениям – побоям, совершенным членами семьи в отношении несовершеннолетних	
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	
ИТОГО		4	2	1	0	3	2	7	0	1	2	12	9	3	
1	Алтайский край	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	1	0	1	
2	Архангельская область	2	2	1	0	0	2	7	0	0	0	9	9	0	
3	Тульская область	1	0	0	0	2	0	0	0	0	2	2	0	2	

Данные этой таблицы НЕ включаются в табл. ТСП-1.

Пояснения по заполнению табл. ТСП-8 (цифра означает № столбца): заполняется аналогично предыдущим таблицам со следующими уточнениями:

- ...
- 13. Количество полученных заявок/обращений на проведение восстановительных программ (из общего количества поступивших заявок – столбец 12) по преступлениям взрослых обвиняемых, которые касаются деяний, связанных с жестоким обращением с детьми в семье (например, родителей/опекунов).
 - 14. Количество полученных заявок/обращений на проведение восстановительных программ (из общего количества поступивших заявок – столбец 12) по административным правонарушениям взрослых, предусмотренным ст. 6.1.1. КоАП РФ, в связи с нанесением побоев в отношении несовершеннолетних членов семьи.
- ...
- 22. Количество завершенных восстановительных программ по преступлениям взрослых обвиняемых (из общего количества завершенных программ – столбец 21), которые касаются деяний, связанных с жестоким обращением с детьми в семье.
 - 23. Количество завершенных восстановительных программ по административным правонарушениям взрослых (ст. 6.1.1 КоАП РФ) – побоям, совершенным членами семьи в отношении несовершеннолетних.

ниях взрослых (по ст. 6.1.1. КоАП РФ)

НАЧАТО ПРОГРАММ	Количество завершенных программ								Число участников завершенных программ		
	Медиация		Семейная конференция	Круг сообществ	Иное	ВСЕГО	из них:		Обвиняемые/ правонарушители	Жертвы	ВСЕГО
	Прямая	Письмо/челночная					по уголовным делам о преступлениях, связанным с жестоким обращением с детьми в семье	по административным правонарушениям – побоям, совершенным членами семьи в отношении несовершеннолетних			
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
9	9	0	0	0	0	9	6	3	9	9	18
1	1	0	0	0	0	1	0	1	1	1	2
6	6	0	0	0	0	6	6	0	6	6	12
2	2	0	0	0	0	2	0	2	2	2	4

Часть 1. Основные характеристики деятельности территориальных служб примирения по проведению восстановительных программ в 2016 году

1.1. Территориальная служба примирения: определение понятия и организационные условия

Территориальная служба примирения (ТСП) – условное обозначение структуры, которая занимается проведением восстановительных программ на территории. «Службой» может быть:

- структурное подразделение внутри учреждения/организации (например, психологического или иного центра в системе образования, соцзащиты, комитета по делам молодежи и др.), в функции которого входит проведение восстановительных программ;
- сотрудник учреждения/организации со специфическим функционалом;
- отдельная служба примирения;
- учреждение/подразделение, которое занимается работой с несовершеннолетними правонарушителями, где восстановительные программы являются частью более широкого функционала.

Разновидностью территориальных служб являются муниципальные службы примирения (МСП). Возможны и иные варианты.

В ряде регионов разделены понятия «территориальная служба примирения» и «условная территориальная служба примирения», к примеру в Алтайском крае, где «условной службой» именуется учреждения, которые занимаются работой с несовершеннолетними правонарушителями, где восстановительные программы являются частью более широкого функционала, в то время как службами примирения как таковыми именуется структурные подразделения внутри учреждений социального обслуживания населения, в функции которого входит проведение восстановительных программ.

К условным территориальным службам в рамках настоящего мониторинга мы также относим деятельность по проведению восстановительных программ, которая осуществляется сотрудниками *закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей* (табл. ТСП-7; данные этой таблицы включены в таблицы ТСП-2, ТСП-3, ТСП-5 и ТСП-6 в зависимости от категории случаев).

В городском округе г. Шарья Костромской области служба получила наименование «Муниципальная служба восстановительных практик» на базе муниципального казенного учреждения «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи».

В таблицах мониторинга учитываются все эти службы.

Охват региона территориальными службами примирения различен. В Пермском крае службы примирения созданы почти во всех муниципалитетах (54), но в 2017 г. ряд служб не действовал, в частности из-за увольнения сотрудников; в таблицах мониторинга зафиксированы только действующие. В других регионах, к примеру, одна служба, которая, как правило, работает не на весь регион, а на определенную территорию; в ряде регионов постепенно количество служб растет, охватывая все больше территорий. В некоторых регионах службы разделены не по территориям, а функционально – по категориям случаев; так до недавнего времени было, например, в Москве: одна служба – по уголовным делам, другая – по школьным ситуациям.

В таблице 1 по регионам отмечены территории, где действуют ТСП, в скобках графы 2 показаны изменения количества ТСП (прирост либо снижение) в сравнении с 2016 г. Значительный рост в сравнении с 2016 г. мы видим в Алтайском крае, существенно выросло количество служб в Кемеровской области. Но при этом отметим, что в нынешних условиях отсутствия правового регулирования этого процесса на федеральном уровне *появление каждой* новой территориальной службы примирения имеет огромное значение. Служба примирения становится центром кристаллизации новой практики, демонстрирующей действенность восстановительного подхода.

Сегодня создание территориальных служб примирения, а также усилия по укреплению их положения и развитию остается делом энтузиастов. На основании информации, собранной в ходе мониторинга, для помощи тем, кто занимается этой работой, в рамках ассоциации формируются сборники, где представлены региональные/территориальные нормативные и организационные документы, реально обеспечивающие деятельность служб примирения, и методические пособия. Такие сборники из серии «Восстановительные практики в России» («лучшие практики») размещаются на сайте центра «Судебно-правовая реформа».

Территориальные образования, ТСП (МСП) которых приняли участие в мониторинге за 2017 г.

№	Регионы	Количество ТСП /МСП	Административные образования и учреждения, где функционируют территориальные службы примирения
	1	2	3
1	Алтайский край	20 (+18)	г. Барнаул; г. Бийск; г. Алейск; г. Рубцовск; г. Заринск; г. Новоалтайск; г. Славгород; Тальменский р-н; Благовещенский р-н; Каменский р-н; Краснощекровский р-н; Локтевский р-н; Мамонтовский р-н; Михайловский р-н; Немецкий национальный р-н; Павловский р-н; Смоленский р-н; Советский р-н; Топчихинский р-н; Троицкий р-н
2	Архангельская область	14 (+2)	г. Архангельск – 4 службы: ГБУ АО «Центр «Надежда»; ГБУСУ «Архангельский СРЦН»; Администрация г. Архангельска; ГБУ АО АЦСПСиД – для проведения восстановительных программ по делам об административных правонарушениях и уголовным делам о применении насилия взрослыми в отношении детей в семьях*; г. Северодвинск; Вельский район; г. Котлас, Котласский район; муниципальное образование «Приводинское» Котласского района; Каргопольский район; Коношский район; г. Коряжма; г. Новодвинск; Устьянский район; ФКУ Архангельская ВК УФСИН России по Архангельской области. * отражено в табл. ТСП-8, в табл. ТСП-1 эта служба не включена.
3	Волгоградская область	4 (+1)	г. Волгоград, Фонд «Планета детства»; г. Волгоград, ЦВНСП; Камышинская ВК УФСИН; Октябрьская закрытая спецшкола
4	Кемеровская область	12 (+4)	г. Кемерово; Анжеро-Судженск; Калтан; Калтанское СУВУ закрытого типа; Прокопьевск; Берёзовский; Гурьевск; Новокузнецк; Осинники; Тайга; Белово; Ленинск-Кузнецкий р-н
5	Костромская область	2 (+1)	г. Нерехта и Нерехтский район; городской округ город Шарья Костромской области
6	Липецкая область	1	г. Липецк, АНО «Служба медиации»
7	Москва	2	Москва (2 городские службы, которые работают по разным категориям случаев): на базе СУВУ «Шанс» (по уголовным делам); на базе городского психолого-педагогического центра – по школьным ситуациям
8	Новосибирская область	1 (-2)	г. Новосибирск, кафедра социальной работы ФБОУ ВО НГТУ
9	Пермский край	49 (-2)	г. Пермь (7 районов: Кировский, Орджоникидзевский, Дзержинский, Индустриальный, Свердловский, Ленинский, Мотовилихинский), Кунгур, Березники, Соликамск, Кудымкар; <i>районы (муниц. образования):</i> Пермский, Кунгурский, Куединский, Верещагинский, Добрянский, Бардымский, Нытвенский, Октябрьский, Краснокамский, Кудымкарский, Карагайский, Красновишерский, Гайнский, Горнозаводской, Осинский, Ильинский, Очерский, Сивинский, Чернушинский, Чусовской, Уинский, Чердынский, Юрлинский, Лысьвенский, Оханский, Чайковский, Кочевский, Березовский, Еловский, Кишертский, Усольский, Гремячинский, Соликамский, Губахинский, Суксунский, Частинский, Кизеловский, Звездный
10	Республика Татарстан	1	г. Казань (на базе муниципального бюджетного учреждения молодежной политики г. Казани)
11	Свердловская область	1	г. Екатеринбург, Уральский центр медиации
12	Смоленская область	8 (+1)	г. Рославль; г. Десногорск; Гагаринский район, пос. Карманово; г. Сычевка; Демидовский район, дер. Титовщина; г. Смоленск; г. Вязьма; Дорогобужский район, п. Верхнеднепровский
13	Томская область	1	г. Томск
14	Тульская область	5 (-1)	г. Тула; г. Новомосковск; г. Донской; Плавский р-н; Щекинский р-н
15	Тюменская область	1	г. Тюмень

1.2. Масштаб мониторинга и продолжение обсуждения организационных условий деятельности ТСП

По данным табл. ТСП-1, где суммируется информация таблиц ТСП-2 по ТСП-6, по 2017 году собрана информация о деятельности **121** служб (в 2016 – 105⁴) из **15** субъектов РФ (в 2016 – 19). Общее число ведущих восстановительных программ (медиаторов) в ТСП – **311** (в 2016 – 286). Количество завершенных программ – **2252** (в 2016 г. – 1921). Общее число участников всех завершенных программ (детей и взрослых) – 15 223 человек (2016 г. – 11 163).

Если по показателям прежних лет мы не могли на основании суммарных показателей судить об общей динамике изменений (что было связано, в первую очередь, с отсутствием до 2016 г. в рамках нашего мониторинга полных сведений о деятельности территориальных (муниципальных) служб примирения в Пермском крае), то теперь сопоставление данных 2016 и 2017 гг. является

вполне корректным. В последние два года формы мониторинга этого крупнейшего в плане использования восстановительных практик региона приведены в соответствие с формами Всероссийской ассоциации восстановительных практик.

Стоит, однако, оговориться, что нестабильность организационных условий работы по сбору данных мониторинга в ряде регионов приводит к тому, что в нашем распоряжении не всегда оказываются сведения о деятельности всех действующих служб примирения, так что порой «скачки», демонстрирующие рост количества служб (либо, напротив, отсутствие данных о каком-то регионе) могут оказаться следствием такого рода организационных обстоятельств. Тем не менее, следует подчеркнуть, что речь идет об общественном мониторинге (в рамках деятельности Всероссийской ассоциации восстановительной медиации) и данные добровольно предаются членами ассоциации. С учетом этих уточнений можно говорить о динамике показателей в рамках Ассоциации.

Таблица 2

Действующие территориальные службы примирения (2016–2017 гг.)

№	Регион	2016				2017			
		Количество				Количество			
		служб	ведущих (медиаторов)	заявок/ обращений	завершенных программ	служб	ведущих (медиаторов)	заявок/ обращений	завершенных программ
1	Алтайский край	2	4	9	9	20	35	154	108
2	Архангельская область	12	41	411	122	14*	41	608	235
3	Волгоградская область	3	3	15	15	4	8	27	24
4	Кемеровская область	8	60	129	123	12	75	245	223
5	Костромская область	1	2	8	5	2 (+1)	3	16	16
6	Липецкая область	1	3	14	14	1	3	4	4
7	Москва	2	16	448	447	2	13	371	366
8	Новосибирская область	3	10	43	32	1 (-2)	3	13	13
9	Пермский край	51	85	1757	821	49 (-2)	84	1796	766
10	Республика Татарстан	1	5	150	67	1	7	252	162
11	Свердловская область	1	4	94	115	1	4	96	133
12	Смоленская область	7	21	45	42	8 (+1)	14	94	94
13	Томская область	1	3	18	14	1	4	28	25
14	Тульская область	6	14	39	30	5 (-1)	15	98	76
15	Тюменская область	1	2	24	21	1	2	17	7
16	Вологодская область	1	6	68	27				
17	Ростовская область	1	3	4	3				
18	ХМАО-Югра	1	3	1	1				
19	Чувашская Республика	2	4	36	11				
	ИТОГО	105	289	3315	1921	121	311	3819	2252

* В Архангельской области в 2017 г. действовало 14 служб, однако одна из них проводила программы только по делам о преступлениях и административных правонарушениях взрослых, данные о которых фиксируются в табл. ТСП-8, но не включены в табл. ТСП-1.

В сравнении с 2016 г. в 2017 г. мы видим *общее увеличение* количества территориальных служб примирения, числа ведущих восстановительных программ, количества заявок и завершенных программ и, соответственно, существенное увеличение числа участников, что явно свидетельствует о росте восстановительных практик.

Обратим внимание, что рост и укрепление позиций служб примирения является результатом систематической работы. К примеру, в Архангельской области создана двухуровневая система территориальных служб: ТСП в территориях и областная служба примирения, которая помимо проведения восстановительных программ, осуществляет методическое сопровождение и координацию деятельности служб, ежеквартальный мониторинг и анализ практики, выявление проблем, а также систематическое взаимодействие с КДНиЗП при правительстве области, координационные совещания с субъектами профилактики правонарушений, судами и правоохранительными органами. Рост количества служб обеспечивается подготовкой медиаторов по программам дополнительного профессионального образования и расширением категорий случаев для проведения программ примирения. «Расширение категорий случаев» означает *разработку и официальное утверждение на региональном уровне специальных организационно-правовых регламентов*: о взаимодействии субъектов программы примирения по проведению восстановительных программ по делам об уголовных преступлениях несовершеннолетних; об общественно опасных деяниях несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности; об административных правонарушениях несовершеннолетних⁵; об административных правонарушениях и уголовных делах о применении насилия взрослыми в отношении детей в семьях, а также разработан проект регламента, регулирующего проведение программ восстановительного правосудия в воспитательной колонии.

Наличие твердой организационной платформы позволяет не только принимать «глобальные» решения, но и осуществлять оперативное управление, регулировать повседневную работу и на основе систематического мониторинга корректировать ситуации.

«В начале 2017 года в ТСП Каргопольского района не поступали заявки от правоохранительных органов на проведение процедур примирения по уголовным делам. В связи с этим, 15.05.2017г. территориальной КДНиЗП был организован круглый стол по вопросам проведения

программы примирения обвиняемого с потерпевшим по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В ходе встречи с представителями отдела полиции, Няндомского МРСО СУ СК России по АО и НАО обсуждена необходимость направления заявок на проведение процедуры примирения. По итогам 2017 г. в ТСП поступило 11 заявок на проведение программы примирения обвиняемого с потерпевшим по уголовным делам»⁶.

Существенное расширение масштаба восстановительных практик в 2017 г. произошло в Алтайском крае, где первая ТСП была создана в 2014 г. В регионе территориальные службы организованы на базе учреждений социального обслуживания населения и именуются «социальные службы примирения» (ССП). В 2017 году принят Порядок межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных районов, городских округов Алтайского края, районов города Барнаул и служб примирения Алтайского края по реализации восстановительного правосудия в отношении детей (постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Алтайского края от 22.06.2017 № 9).

Но если обсуждать общие условия, позволяющие не только создавать, но и закреплять восстановительные практики в регионе, важно понимать, что принятие региональных нормативных и административных документов является необходимым, но не достаточным условием. На вопрос, что повлияло на увеличение количества служб примирения и масштаб восстановительных практик в Алтайском крае, координатором отмечены следующие моменты: организационно-методическая поддержка деятельности специалистов (выставки, конкурсы, условия для сетевого повышения квалификации), создание Региональной общественной организации «Ассоциация специалистов Алтайского края – ведущих восстановительных программ»; разнообразные учебно-методические формы (курсы, семинары, вебинары, супервизии, консультирование, стажировки); информационно-аналитическое обеспечение (мониторинг, информация на портале «Новый день», с января 2018 г. – работа группы в контакте «Ассоциация ведущих восстановительных программ»); научно-методическая работа⁷.

Как показано в табл. 2, в одних регионах количество служб и проведенных программ возросло, в других ТСП прекратили деятельность по проведению программ (либо не передали информацию). Причинами прекращения деятельности служб нередко является уход специалистов –

ведущих восстановительных программ, однако за этим обстоятельством могут стоять *принципиально разные основания*, такие, к примеру, как глубоко личные причины, или же организационные пертурбации и изменение объективных условий вплоть до ликвидации служб. Некоторые службы «ликвидируются» с уходом энтузиастов, на которых они и держались. Или случаются такие ситуации: служба функционировала, и в нашем мониторинге это отражено как «действующая служба», но в определенный момент в силу организационных изменений (в том же 2017 г.) работа по проведению программ прекращается (например, в Москве).

В прошлогоднем обзоре данных мониторинга за 2016 г. мы зафиксировали такую *проблему как маргинальное положение ТСП* в большинстве территорий. Это значит, что проведение восстановительных программ приходится «маскировать» под известные виды деятельности, такие как психологические консультации, социально-педагогическая работа, оказание социальных услуг и пр. И это даже в тех случаях, когда утверждались положения о службе и прочие официальные документы. Ситуация осталась прежней. В каких-то случаях для «ликвидации» службы не нужно даже специальных решений с такой формулировкой: просто административная корректировка функционала учреждения (где базировалась «служба») автоматически приводит к ее фактической ликвидации.

Пример ТСП в городском психолого-педагогическом центре, успешно работавшей по конфликтным/проблемным ситуациям, которые передавались из школ:

«Службе запретили выезжать в школы для работы с конфликтными ситуациями, поскольку считается, что школы должны уметь решать ситуации сами, а задача Центра – обучать, сопровождать, супервизировать, консультировать»⁸.

Обратим внимание, речь идет о задаче психолого-педагогического центра, а вовсе не о задаче ТСП – служба примирения «растворилась», ее как бы и не было. А сотрудники, проводившие восстановительные программы, и прежде формально позиционировались как «сотрудники центра», а не службы примирения. Мы здесь не оцениваем данную конкретную ситуацию, возможно, для психолого-педагогического центра поставлена правильная задача, а с точки зрения управления образованием важно, чтобы школы были компетентны в работе с конфликтными/проблемными ситуациями. Но вопрос о территориальной службе примирения не решен, он «исчез».

Приведенный случай – это лишь иллюстрация общей ситуации. А в общем виде вопрос стоит *о модусах существования ТСП и перспективах этих служб. Можно ли считать нормальным маргинальное положение ТСП? Каковы механизмы их закрепления и региональные варианты, обеспечивающие устойчивость деятельности? Либо вообще вопрос нужно ставить иначе? Организационная форма реализации восстановительных практик до сих пор виделась в службах примирения, но, возможно, стоит подумать и о других способах их обустройства?* Ответ на этот вопрос не такой простой с точки зрения нашего видения перспектив: либо закрепление восстановительных практик как одного из (наряду с другими) инструментов в работе специалистов, либо как парадигмы, т.е. целостного подхода, который оказывает влияние и, в некоторой степени, перестраивает прежние инструменты. Сегодня службы примирения (при всех сложностях) являются центрами кристаллизации восстановительной парадигмы. Если же использование восстановительных программ «растворить» в существующей деятельности органов и учреждений, вряд ли восстановительная парадигма сможет закрепиться.

Анализ показывает отсутствие надежных механизмов, обеспечивающих устойчивость, даже в регионе с наиболее развитой системой восстановительных практик – Пермском крае. На этом примере можно зафиксировать еще один аспект проблемной ситуации – *управленческую технологию*, где доминирующей оказывается *проектная форма*, которая адекватна для организации работ по созданию *нового «продукта»* (услуги, технологии и пр.) и предусматривает определенный временной отрезок. Но *после того, как «продукт» получен, нужна другая управленческая технология*, которая должна обеспечивать поддержку и воспроизводство деятельности, сформированной в результате проекта/серии проектов, а также развитие этой новой деятельности, обучение и повышение квалификации специалистов. В Пермском крае с завершением включенных в краевые целевые программы проектов, предусматривавших формирование восстановительных технологий в работе с несовершеннолетними, прекратилось финансирование и курирование деятельности МСП со стороны Министерства социального развития. Курирование передано краевой КДНиЗП, но без специального финансирования. Поскольку МСП действуют в соответствии с муниципальным заданием тех учреждений, на базе которых они созданы, стабильность их положения оказывается под угрозой. У учреждений меняются государственные (муниципальные) за-

казы, какие-то из них закрываются, реорганизируются – в результате не всегда удается сохранить МСП, поскольку не всякому уставу организаций соответствует работа по проведению восстановительных программ⁹.

Как и в прошлые годы, многие региональные координаторы и ведущие восстановительных программ считают актуальным создание *служб примирения как таковых* с их специфическим функционалом, формами отчетности, финансированием, обучением специалистов и пр. В частности, встречаются предложения создавать подобные службы не внутри ведомств, а на межведомственном уровне. Специфика восстановительных практик *не может быть адекватно учтена в ведомственных формах, предназначенных для совсем другой деятельности* (психологического консультирования, оказания социальных услуг, юридических консультаций и т.п.). Общим местом является такая фиксация:

«Муниципальное учреждение, на базе которого находится ТСП, имеет муниципальное задание по количеству обслуженных психологом и юристом людей в год – проведенные восстановительные программы учитываются как психологические и юридические консультации».

Новых регионов в перечне тех, где действуют ТСП, в 2017 г. не появилось, за одним исключением – Волгоградской области. В 2016 году этот регион был включен в мониторинг ТСП в связи с тем, что здесь проводились восстановительные программы в закрытых учреждениях (мы считали это условно территориальными службами примирения), других ТСП не было. В 2017 году учреждена общественная территориальная служба примирения при благотворительном фонде «Планета Детства» для замещающих семей. Службой проведено 9 восстановительных программ (по семейным и школьным ситуациям).

1.3. Источники направления заявок/обращений

Общее количество заявок/обращений, поступивших в территориальные службы примирения, в 2017 г. составило **3819** (в 2016 г. – **3315** с учетом программ, которые проводились в закрытых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей). Этот показатель свидетельствует о востребованности восстановительных практик, а региональное значение показателя «количество заявок» – о степени охваченности региона деятельностью территориальных служб примирения. Наибольшее количество поступивших

заявок мы видим в Пермском крае – 1796, далее следует Архангельская область (608).

Перечень источников направления заявок свидетельствует о разветвленной системе взаимодействий ТСП с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, органами предварительного следствия, судами. В соответствии с обобщенными данными наибольшее количество заявок поступило в ТСП из судов – 894, примерно такое количество из КДНиЗП – 889, далее следуют образовательные организации – 699, органы предварительного расследования 506 и ОДН/ПДН – 346. Важным показателем является и обращение граждан (234 обращения), что свидетельствует об определенной степени информированности населения о службах примирения.

Доля заявок по источникам направления составила (%):

- 1) суды – 23,4
- 2) КДНиЗП – 23,3
- 3) образовательные учреждения – 18,3
- 4) органы предварительного расследования – 13,2
- 5) ОДН/ПДН – 9
- 6) обращения граждан – 6,1
- 7) «иное» – 4
- 8) органы опеки и попечительства – 1,2
- 9) закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей – 0,9
- 10) учреждения социальной защиты/социальные службы – 0,4
- 11) уполномоченный по правам ребенка – 0,08.

Наибольшее количество заявок, полученных из «иных» источников, составляют заявки из ЗАГСов, с которым сотрудничает ТСП в Казани, куда передаются заявки на проведение восстановительных программ по урегулированию семейных конфликтов.

Обращает на себя внимание, что восстановительные программы проводятся и с несовершеннолетними, находящимися в закрытых учреждениях для правонарушителей, однако совсем не налажено взаимодействие с уголовно-исполнительными инспекциями (заявок нет), где на учете состоят подростки, которым назначено уголовное наказание, не связанное с лишением свободы. По работе с такими подростками могут приходиться заявки и из КДНиЗП, но комментарий по этому поводу в отчетах не содержится.

Приведенные по Ассоциации цифры свидетельствуют об общем увеличении масштаба

практики, и это очень важная тенденция. При этом очевидна неравномерность ее развития по регионам, поэтому из обобщенных или усредненных показателей трудно сделать содержательные выводы. Анализировать практику нужно дифференцированно:

- 1) по регионам;
- 2) по категориям случаев.

Различие и динамика региональных показателей указывает на несхожесть организационных условий и «движущих сил» развития восстановительных практик. Первостепенное значение для развития восстановительных практик в регионах является *внутрирегиональный мониторинг*. Анализ показателей мониторинга позволяет региональным управленческим структурам и сообществам восстановительных практик формировать свою политику развития и выстраивать реализационные механизмы с учетом собственных идей и местных ресурсов. Благодаря Всероссийской ассоциации достижения того или иного региона формируют образцы для деятельности остальных.

В следующем разделе мы рассмотрим общие данные по категориям случаев. Однако следует иметь в виду, что на итоговое по ассоциации значение показателей наибольшее влияние оказывают данные регионов с наибольшим количеством служб и программ, в то время как в регионах с менее масштабной практикой могут быть другие тенденции. С этой точки зрения гораздо большее значение для схватывания процессов и механизмов распространения восстановительных практик имеет динамика показателей внутри регио-

нов, в то время как общие данные по категориям случаев позволяют понять специфические условия и проблемы по каждой из этих групп.

1.4. Восстановительные программы по категориям случаев (таблицы ТСП-2 – ТСП-7)

Каждая категория случаев требует для проведения восстановительных программ соответствующих правовых и организационных условий, регламентов взаимодействия с источниками направления на программы, методического инструментария, учета специфических нюансов в мотивации потенциальных участников программ и пр.

В таблице 3 представлена динамика долей заявок по категориям случаев за 5 лет.

В 2015 году было зафиксировано существенное снижение доли заявок/обращений на проведение восстановительных программ *по уголовным делам* в общей структуре заявок. В 2016 году было некоторое увеличение, а в 2017 г. мы видим снижение в сравнении с предыдущим годом, однако этот показатель несколько выше, чем в 2015 г. Есть некоторое снижение по сравнению с 2016 г. доли заявок *по общественно опасным деяниям несовершеннолетних*, не достигших возраста уголовной ответственности. Вырос в сравнении с 2016 г. удельный вес заявок по административным правонарушениям и материалам по аналогичным деяниям лиц, не достигших возраста административной ответственности (по этим категориям случаев восстановительные программы начали проводиться с 2015 г.), а также по семейным конфликтам/проблемным ситуациям. Несколько снизилась доля заявок, поступивших из школ.

Таблица 3

Доля заявок/обращений, направленных в ТСП, по категориям случаев (% от общего количества заявок за год)

Категории случаев	Годы	2013	2014	2015	2016	2017
	Преступления несовершеннолетних		46	41	33	39,4
ООД лиц, не достигших возраста уголовной ответственности		19	21	24,8	25,7	21,3
Иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда (из КДН)		–	–	3	1,7	7,7
Семейные конфликты/проблемные ситуации		16	16	19,7	11,9	17,2
Школьные конфликты/проблемные ситуации		19	22	19,5	21,3	18
ВСЕГО		100	100	100	100	100

Количество начатых программ, как правило, меньше, чем полученных заявок, что отражено в таблицах ТСП-1 – ТСП-7. Общие причины в разных регионах примерно одни и те же. «Как правило, все обоснованно поступающие заявки принимаются в работу медиаторами. Исключение составили заявки, по которым обвиняемый был взят под стражу либо лицо не достигло 10-летнего возраста, и случай мог быть рассмотрен школьной службой примирения. Другими причинами, по которым программа примирения не проводилась, являлись:

- отказ законных представителей либо потерпевших участвовать в программе вследствие занятости;

- невозможность связаться со стороной по телефону и пригласить на встречу, наиболее часто не выходят на связь потерпевшие – представители торговых сетей;
- самостоятельное примирение сторон»¹⁰.

Но бывает и наоборот: в некоторых службах по полученной заявке сразу планируется проведение нескольких программ (к примеру, в Екатеринбурге проведение программы по уголовным делам исходно предполагает проведение программы по заглаживанию вреда с потерпевшим и семейной конференции с семьей несовершеннолетнего обвиняемого).

На диаграмме 1 представлены доли начатых программ по категориям случаев в общем массиве начатых восстановительных программ.

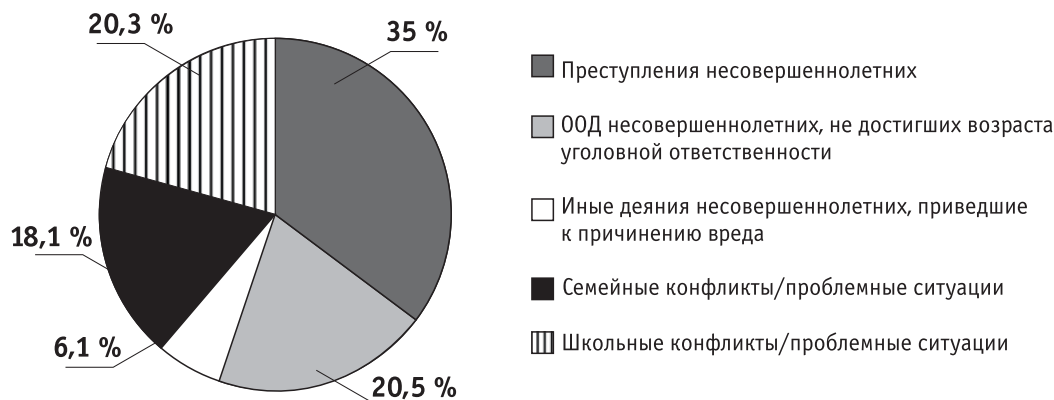

Диаграмма 1. Начатые восстановительные программы, 2017 г.
(% по отношению к общему количеству начатых программ по категориям случаев)

Различие показателей количества начатых и завершенных программ тоже имеет два принципиально разных основания:

- 1) завершенных программ меньше, чем начатых (а начатой считается программа, если проведена хотя бы одна предварительная встреча с одной из сторон) из-за:
 - отказа одной или обеих сторон;
 - организационных обстоятельств (к примеру, дальности расстояния места жительства сторон);
 - из-за того, что сторонам не удалось урегулировать ситуацию;
- 2) завершенных программ больше, чем начатых, если по одному и тому же случаю

проводится несколько программ (к примеру, по уголовному делу: прежде чем провести программу по заглаживанию вреда потерпевшему, возникает необходимость в проведении семейной медиации или семейной конференции по урегулированию отношений в семье несовершеннолетнего; или в случае криминальной/квазикриминальной ситуации нужно помимо программы по заглаживанию вреда провести общий круг с классом и пр.).

Однако суммарные показатели свидетельствуют о преобладании первой тенденции (табл. 4).

Доля завершенных программ по отношению к начатым (%) – по категориям случаев

Категории случаев	Годы	2013	2014	2015	2016	2017
Преступления несовершеннолетних		54,8	43,6	53,3	49,5	53
ООД лиц, не достигших возраста уголовной ответственности		66,2	43	49,2	61	50
Иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда (из КДНиЗП)		–	–	97	70,5	59
Семейные конфликты/проблемные ситуации		72,8	76	72,5	73,5	80,4
Школьные конфликты/проблемные ситуации		99	92	96	98	95

С учетом того, что по категориям случаев традиционно фиксируются существенные различия в удельном весе завершенных программ (как правило, в программах по урегулированию конфликтных/проблемных ситуаций процент за-

вершенных программ выше, чем в программах по криминальным/квазикриминальным ситуациям), итоговые доли проведенных, т.е. завершенных программ по категориям случаев, показаны на диаграмме 2.

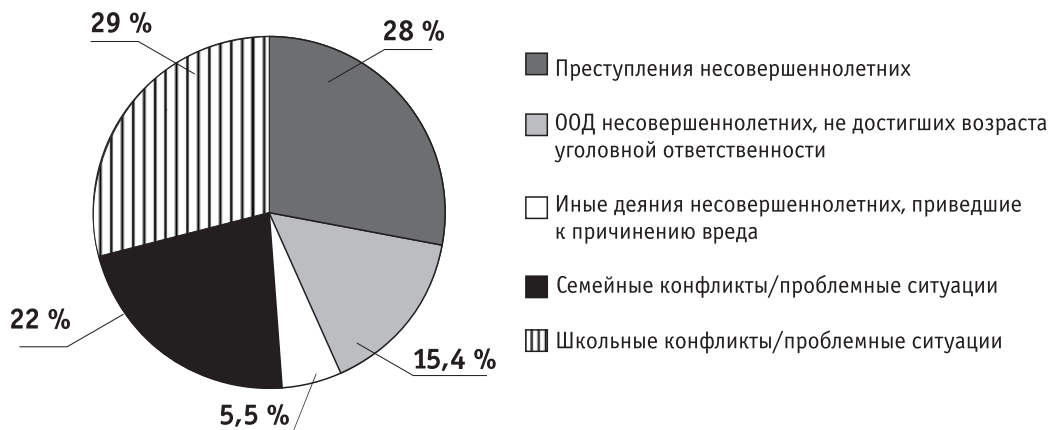

Диаграмма 2. Проведенные восстановительные программы, 2017 (% завершенных программ по отношению к общему количеству завершенных программ по категориям случаев)

Как видно из диаграммы 2, наибольшее количество программ проведено по школьным ситуациям (29%), далее следуют программы по делам о преступлениях несовершеннолетних (28%), семейным конфликтам (22%), ООД несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности (15,4%), иным деяниям несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда (5,5%).

Программы восстановительного правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних (табл. ТСП-2) проводились в 77 службах (из них 45 – в Пермском крае) в 9 регионах (так же, как в 2016 г.) из 15, в которых действуют ТСП). По этой категории случаев в службы примирения

направлено **1372** заявки, что составило 35,9% от общего количества заявок в 2017 г. (таб. 3). При том, что в общей структуре доля заявок по этой категории случаев уменьшилась по сравнению с 2016 г., в абсолютном выражении количество заявок увеличилось – в 2016 г. их было **1300**.

Лидерами в развитии восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних являются Пермский край (где муниципальные службы примирения стали создаваться с 2006 г.) и Архангельская область (с 2012 г.): из общего количества заявок по ассоциации по этой категории случаев на долю этих двух регионов суммарно приходится **87%** заявок, так что *основной массив программ по этой категории случаев приходится на два*

региона, где наиболее детально прописаны нормативные документы и на систематической основе обустроена организационная структура служб примирения и их взаимодействия с судами, органами предварительного расследования и органами системы профилактики. Так что следует иметь в виду, что рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации львиная доля программ по уголовным делам приходится на два региона. Однако в 2016 г. удельный вес программ по уголовным делам в этих двух регионах был больше и составлял 92 %, что свидетельствует о росте в 2017 г. количества (и доли) заявок/обращений по этой категории случаев в других регионах. В первую очередь здесь следует отметить существенный рост заявок в Алтайском крае (63 заявки, в 2016 г. – не было ни одной!) и Тульской области – 18 (в 2016 г. – 3).

В Пермском крае заявки по уголовным делам составили 43,5 % (в 2016 – 50 %) от всех заявок по региону, в Архангельской области – 68% (в 2016 – 77%), так что мы видим некоторое снижение внутри этих регионов доли заявок по этой категории случаев в общем массиве заявок.

Основные источники поступления заявок – суды и органы предварительного расследования. Очень важно, чтобы программа восстановительного правосудия начиналась как можно ближе к моменту совершения преступления, в противном случае в ходе длительного срока расследования противостояние сторон усугубляется либо родители несовершеннолетнего обвиняемого улаживают отношения с потерпевшей стороной отнюдь не восстановительным способом, либо по прошествии времени люди не хотят вспоминать травмирующую ситуацию и пр. Поэтому взаимодействие с органами предварительного расследования для передачи заявок является механизмом, обеспечивающим своевременность и эффективность восстановительных программ. Этот механизм работает в Архангельской области (79% заявок по этой категории случаев передается в ТСП из органов предварительного расследования) и в Пермском крае (23%); с судами налажено взаимодействие в Архангельской области, Пермском крае, Республике Татарстан и Свердловской области. В остальных регионах, где проводятся программы по этой категории случаев, заявки передаются из КДНиЗП – это еще один вариант, который дает хорошие результаты.

Обратим внимание, что в перечень источников направления заявок в 2017 г. включены закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (13 заявок по преступлениям несовершеннолетних). Подробнее мы рассмо-

трим этот класс случаев при анализе таблицы ТСП-7. Пока же отметим, что если в мониторинге за 2016 г. такого рода программы мы рассматривали как «пробные» и не включали в суммарные показатели, то продолжение начатой работы в 2017 г. дает основание предполагать, что это направление будет развиваться, и соответствующие программы включены в общие показатели.

Из уголовно-исполнительных инспекций заявок не поступало.

Начато программ по преступлениям несовершеннолетних – 1194, завершено с достижением соглашения между сторонами 633. Доля завершенных программ по отношению к начатым составила 53 % (табл. 4), что выше аналогичного показателя 2016 г., который составлял 49,5 %.

В целом по ассоциации доля программ, начатых по этой категории случаев, в общей сумме начатых программ составила 35% (см. диаграмму 1), что несколько ниже, чем в 2016 г. (39,5%).

Основной вид программ – непосредственная медиация между несовершеннолетним правонарушителем и потерпевшим – 82,6% от всех проведенных программ по преступлениям несовершеннолетних; челночная медиация с помощью писем – 12,8%; семейные конференции – 4,4 %; иные программы – 1 программа (медиация между родственниками правонарушителя и потерпевшего). Основное количество семейных конференций по этой категории случаев проведено в Екатеринбурге (22 из 28 семейных конференций по Ассоциации в целом по этой категории случаев). Здесь, повторим, почти по всем ситуациям преступлений несовершеннолетних проводится помимо восстановительной медиации между правонарушителем и жертвой еще и семейная конференция с семьей несовершеннолетнего правонарушителя.

Значительно выросло по сравнению с предыдущим годом число участников завершенных программ. Общая численность – 1990 человек (в 2016 г. – 1716), потерпевших – 657 (в 2016 г. – 500), несовершеннолетних правонарушителей – 605 (в 2016 г. – 511).

Программы восстановительного правосудия по общественно опасным деяниям несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности (табл. ТСП-3), в 2017 г. проводились в 10 регионах (в 2016 г. в 8) в 64 службах (из них 37 – в Пермском крае, 10 – в Архангельской области). По этой категории случаев в 2017 г. направлено 812 заявок, что составило 21,3% от всех поступивших заявок (табл. 3). В 2017 году этот показатель оказал-

ся ниже, чем в 2016 (848); уменьшение связано, прежде всего, со снижением количества заявок в Пермском крае.

Основным источником заявок являются КДНиЗП (64 % поступивших по данной категории случаев), другой значительный источник – ОДН/ПДН (30,5%). Доля дел, направленных на восстановительные программы из ОДН/ПДН, в 2017 г. значительно превысила аналогичный показатель прошлого года, где он составлял 5,2 %, что свидетельствует об улучшении взаимодействия служб примирения с органом, который непосредственно занимается общественно опасными деяниями несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. Такое взаимодействие есть в Пермском крае и Архангельской области.

Важным и перспективным источником заявок являются закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (9 заявок – Волгоградская область, ЦВНСП).

По анализируемой категории случаев начато 697 программ (20,5% в общей структуре начатых программ по Ассоциации, см. диаграмму 1), завершено с достижением соглашения между сторонами 347. Доля завершенных программ по отношению к начатым – 50% (табл. 4), что ниже показателя 2016 г. (63 %). Ситуация существенно различается по регионам. К примеру, в Алтайском крае 100% начатых программ завершены успешно, в Пермском крае – только половина, но и в этом случае значительны различия этого показателя по конкретным службам *внутри региона*. По комментариям А.Л. Хавкиной, координатора по Пермскому краю, в небольших поселениях, где люди друг друга знают, показатель завершенных программ намного выше, чем в больших территориальных образованиях.

Основной вид программ – непосредственная медиация между правонарушителем и пострадавшим – 88 % (305 из 347). Челночная медиация и написание писем – 11%; семейная конференция и круги – по 2 программы.

Общее число участников завершенных программ – 1142, пострадавших – 335 (в 2016 г. – 388), несовершеннолетних правонарушителей – 340 (в 2016 г. – 346).

Программы восстановительного правосудия по иным деяниям несовершеннолетних, приведшим к причинению вреда (табл. ТСП-4). К данной категории случаев относятся административные правонарушения, приведшие к причинению вреда, которые являются предметом рассмотрения в КДНиЗП (мелкие хищения, повреждение имущества, побои), а также аналогич-

ные деяния, совершенные детьми, не достигшими возраста административной ответственности. Возраст административной ответственности наступает в 16 лет. Мы предположили, что по этой категории случаев количество заявок будет расти (в том числе в связи с увеличением размера стоимости имущества, относящегося к мелкому хищению, до 2,5 тысяч рублей, декриминализацией побоев в июле 2016 г.). За период с 2015 г., когда мы только начали собирать сведения по этой категории случаев, общее количество заявок по этой категории увеличилось: 2015 г. – 33, 2016 г. – 55, 2017 г. – 292, что составило 7,7% от всего количества заявок. В 2017 году по этой категории случаев восстановительные программы проведены в 10 регионах в 41 службе.

Основным источником заявок являются КДНиЗП (55,5 % от всех заявок, поступивших по этой категории случаев), другой значительный источник – ОДН/ПДН (33,6%). Поступали заявки и из образовательных учреждений (9,6%). Доля программ, начатых по этой категории, составила 6,1 % от всех начатых программ (см. диаграмму 1), доля завершенных программ по отношению к начатым – 59%.

Основной вид завершенных программ – прямая медиация между правонарушителем и жертвой (84 %). Челночная медиация проведена в 8% случаев. Семейная конференция – 6,5%. Кроме того проведены два круга.

Общее число участников завершенных программ – 387, пострадавших – 108, несовершеннолетних правонарушителей – 114.

Восстановительные программы по разрешению семейных конфликтов/проблемных ситуаций (табл. ТСП-5) проводятся во всех 15 регионах, которые приняли участие в мониторинге. Восстановительными программами с семьями занимаются 80 ТСП.

К этой группе относятся программы по детско-родительским конфликтам, а также по гражданским делам, связанным с разводом родителей и определением места проживания ребенка и касающихся других интересов несовершеннолетних, по урегулированию супружеских отношений в семьях, ожидающих ребенка, по сложным ситуациям с затяжным характером конфликта между бывшими супругами по поводу участия обоих родителей в жизни ребенка, по конфликтам в приемных и опекунских семьях. Новая группа ситуаций, которая появилась в 2017 г., – проведение семейных конференций с семьями воспитанников и выпускников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

По анализируемой категории случаев в 2017 г. направлено 656 заявок, что составило 17,2% от всех поступивших заявок (табл. 3), что превышает аналогичный показатель 2016 (11,9%).

Самый большой процент обращений поступило от граждан – 25 % от поступивших по этой категории случаев. Остальные источники заявок: КДНиЗП – 21%; суды, рассматривающие семейные споры, – 21%; большая доля заявок относится к источнику, помеченному как «иное», – 16,2%, где основная часть приходится на ЗАГС г. Казани (Татарстан). Источниками направления заявок являются также органы опеки и попечительства (7%) и образовательные учреждения (6%).

Лидерами в проведении программ по этой категории случаев являются Пермский край и Республика Татарстан (в Пермском крае этим занимались 32 службы, которые получили 215 заявок и провели 109 программ, в Казани – 1 служба, которая получила 144 заявки и провела 111 программ). Активно этой категорией случаев занимаются Свердловская, Смоленская, Кемеровская, Тульская области, Алтайский край.

Важным начинанием 2017 г. является проведение семейных конференций в закрытых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. В 2017 году из таких учреждений получено 7 заявок, но само это начинание знаменует принципиально новый этап в развитии восстановительных практик в России (подробнее см. в комментарии к табл. ТСП-7).

Еще одним перспективным направлением, которое реализуется некоторыми службами уже несколько лет, является работа с опекунскими и замещающими семьями. В 2017 году для работы с такими семьями в Волгоградской области создана общественная служба примирения при благотворительном фонде «Планета Детства».

По семейным конфликтам/проблемным ситуациям начато 617 программ (18,1% в общей структуре начатых программ по Ассоциации, см. диаграмму 1), завершено с достижением соглашения между сторонами 496. Доля завершенных программ по отношению к начатым – 80,4%, что превышает аналогичный показатель 2016 г. (73,5%) (см. табл. 4).

Основной вид программ – непосредственная медиация между сторонами (75,8% от все проведенных программ во этой категории случаев). Челночная медиация – 10,7%; семейные конференции – 4,8%. Проведено 6 кругов, а также 37 программ, отнесенных к категории «Иные программы». Из них 7 – в Тульской области и 30 в Казани, но описания этого вида программ не представлено.

Общее число участников завершенных программ – 1368 (в 2016 г. – 713).

Восстановительные программы по урегулированию конфликтных/проблемных ситуаций в образовательных организациях (табл. ТСП-6) в 2017 г. проводились в 13 регионах (в 2016 – в 19). Соответственно, количество заявок по сравнению с 2016 г. несколько *снизилось*: в 2017 г. в ТСП поступило 687 заявок, в 2016 г. – 702. По-видимому, это можно объяснить отчасти активизацией деятельности ШСП, отчасти – прекращением деятельности нескольких служб, которые в 2016 г. принимали участие в мониторинге.

С большим отрывом лидером здесь является Москва (53% от всех заявок, полученных по этой категории в рамках ассоциации), затем следует Кемеровская область (26,6%).

В рамках работы со школьными ситуациями проводятся восстановительные программы не только по случаям конфликтов, но и по сложным ситуациям, в которых есть риск возникновения или эскалации конфликта. По таким ситуациям проводятся восстановительные профилактические программы, как правило, в форме круга, где реализуются восстановительные принципы и участники берут на себя ответственность за улучшение отношений и предотвращение конфликтных ситуаций. Начал складываться и новый вид программ – «Школьно-родительский совет», которые были проведены в Москве (8 программ) и Казани (5 программ)¹¹.

В общей структуре заявки на проведение программ по рассматриваемой категории случаев составили в 2017 г. – 18%, в 2016 г. – 21,3% (см. табл. 3). Доля программ, начатых по этой категории случаев, составила 20,3% от всех начатых (см. диаграмму 1), в 2016 г. – 24,8%. По школьным конфликтам/проблемным ситуациям традиционно фиксируется наибольший процент завершенных программ по отношению к начатым – 95% (табл. 4).

Основным источником заявок являются школы – 88%. Обращения граждан составили 7,6%. Небольшое количество заявок поступило из органов управления образованием и иных учреждений образования, а также от педагогов социально-реабилитационных центров (графа «Иное»).

Если в прошлом году большая часть программ по данной категории случаев проведена в форме кругов (68%), то в 2017 г. приоритет отдавался прямой медиации (53% проведенных программ), а круги составили 44%, причем из 288 программ в форме круга 249 проведены в Москве (86,5%) (в этот показатель входят как круги

сообщества по разрешению конфликтных ситуаций, так и профилактические круги). Кроме того проведены 2 челночные медиации, одна семейная конференция и 13 программ «Школьно-родительский совет» (табл. 5).

В этих программах приняли участие 6492 учащихся, 3844 взрослых (педагоги, родители, администрация образовательных учреждений).

Восстановительные программы с несовершеннолетними правонарушителями, находящимися в закрытых учреждениях (табл. ТСП-7). Эта группа несовершеннолетних и проведенных с ними восстановительных программ выделена нами по иному основанию, нежели категории случаев из предыдущих таблиц (ТСП-2 – ТСП-6). Там речь шла о типах ситуаций, требующих урегулирования. В данном же случае речь идет о специфике условий, в которых находятся несовершеннолетние. Это закрытые учреждения: воспитательные колонии (ВК), специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (СУВУ), центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ЦВНСП). При различии режимов содержания и тяжести совершенных деяний именно это обстоятельство позволяет выделить программы с воспитанниками этих учреждений в особую группу.

Программы с такими воспитанниками точно так же дифференцируются по перечисленным выше категориям случаев: преступления, общественно-опасные деяния, совершенные детьми, не достигшими возраста уголовной ответственности, семейные конфликты/проблемные ситуации, школьные конфликты (или приравненные к ним конфликты между воспитанниками в учреждении). По видам восстановительных программ наиболее адекватными с учетом специфических условий являются челночная медиация с потерпевшим/пострадавшим от деяний несовершеннолетнего, семейная конференция (для урегулирования сложных отношений воспитанника с родственниками и формирования позитивных семейных условий для его ресоциализации), прямая медиация для урегулирования конфликтов между воспитанниками внутри учреждения.

Для проведения программ в условиях закрытых учреждений требуются *специальные методические разработки*. В этом плане настоящий прорыв был осуществлен в трех направлениях: Волгоградская область – челночная медиация между воспитанником и жертвой¹²; Архангельская область – проект регламента, регулирующего процедуру восстановительной медиации с воспи-

танниками воспитательной колонии (находится на согласовании), но уже проведены первые программы; проект Минобрнауки России «Восстановление связей воспитанников с их ближайшим окружением для профилактики повторных правонарушений на основе восстановительного правосудия»¹³ – разработка пособия по подготовке и проведению семейных конференций с воспитанниками и их семьями¹⁴. Общность характеристик закрытых условий содержания позволяет использовать указанный методический инструментарий для всех перечисленных учреждений: ВК, СУВУ, ЦВНСП.

Данные о проведенных программах с воспитанниками и выпускниками (или освобожденными) закрытых учреждений помимо табл. ТСП-7 фиксируются также в зависимости от категории случаев в таблицах ТСП-2, ТСП-3 и ТСП-5. Соответственно, в этих таблицах в числе источников есть графа «Закрытые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей» (в табл. ТСП-6 для фиксации проведенных программ по урегулированию конфликтов между воспитанниками внутри учреждений такие заявки включены в графу «Иное»). В суммарную таблицу ТСП-1 данные об этих программах переносятся из соответствующих таблиц, а табл. ТСП-7 введена как аналитическая для более детального анализа программ, проведенных в закрытых учреждениях.

Восстановительные программы с воспитанниками закрытых учреждений проводятся либо территориальными службами примирения, либо сотрудниками самих закрытых учреждений. Для целей данного мониторинга последние приравниваются к ТСП. Такого рода программы в 2017 г. проведены в 5 регионах: Архангельская, Волгоградская, Кемеровская, Свердловская области, Москва. Начато 35 программ, завершено 28.

В Архангельской области в 2016 г. началась работа по организации условий для проведения восстановительных программ в воспитательной колонии (ФКУ Архангельская ВК УФСИН России по Архангельской области). В 2016 году силами ТСП в центре «Надежда» была проведена одна программа – медиация воспитанника и пострадавшего. В 2017 году программы восстановительного правосудия проведены обученными сотрудниками самой воспитательной колонии. Десятью воспитанниками были написаны письма потерпевшим. При отсутствии адреса потерпевшего письма отправлялись в суды с целью последующей отправки по месту назначения. Было получено 6 положительных ответов от потерпевших.

Письма принесли положительные результаты для решения вопроса об условно-досрочном

освобождении (УДО). Эта программа проводилась в том числе и с осужденными за особо тяжкое преступление¹⁵. Из краткого описания программ сложилось впечатление, что специальной работы с потерпевшими по месту их проживания не проводилось, однако факт получения от них ответных писем свидетельствует о положительном результате и для потерпевших.

Медиаторы отмечают и трудности, специфические для условий колонии, в частности, отсутствие информации о потерпевшем и каналов ее получения. Кроме того, с точки зрения сотрудников, которые проводили программы в Архангельской ВК, в силу того что осужденные не знакомы с потерпевшими, «челночная медиация не дает такого эффекта как встреча за одним столом»¹⁶. Понятно, что это первый опыт, работа с воспитанниками закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей имеет огромное значение для становления восстановительного правосудия и нуждается в осмыслении, соответствующем методическом и организационно-правовом инструментарии. Методические разработки по челночной медиации Волгоградской области и проекта «Восстановление связей воспитанников с их ближайшим окружением для профилактики повторных правонарушений на основе восстановительного правосудия», где прописаны элементы сложных восстановительных программ, состоящих из нескольких элементов и этапов, указывают направление развития этого начинания. В частности, речь идет о формировании реальных содержательных связей закрытого учреждения с системой профилактики в местах проживания воспитанников и установлении контакта с потерпевшими.

Пока что программа заглаживания вреда потерпевшему в форме написания писем не доведена до уровня челночной медиации, поскольку последняя предполагает и специальную работу с потерпевшим. В ВК она привязана к условно-досрочному освобождению, которое, как отмечают ведущие этих программ, является основным мотиватором участия воспитанников, но ее проведение возможно и по личному запросу несовершеннолетнего безотносительно к срокам УДО.

В Волгоградской области восстановительные программы в 2017 г. проводились в ЦВНСП, ВК и закрытой спецшколе. В ЦВНСП проведено 5 программ: 4 челночные и 1 прямая медиация с пострадавшими (по случаям кражи, побоев, порчи имущества и прочих деяний, из-за которых дети были направлены в закрытое учреждение); в Октябрьской школе закрытого типа – 3 прямые медиации по урегулированию конфликта между

воспитанниками и 2 программы челночной медиации по заглаживанию вреда пострадавшему; в Камышинской ВК УФСИН России по Волгоградской области – 3 восстановительных круга, которые дали положительный эффект в части снижения конфликтности среди воспитанников.

В Москве в закрытой спецшколе «Шанс» из двух начатых проведена одна программа по заглаживанию вреда с потерпевшим – прямая медиация (что стало возможным благодаря проживанию потерпевшего в Москве).

В Кемеровской области проведено 5 восстановительных программ в рамках упомянутого проекта «Восстановление связей воспитанников с их ближайшим окружением для профилактики повторных правонарушений на основе восстановительного правосудия». Из них 3 семейных конференции проведено специалистами Калтанского СУВУ с выпускниками СУВУ (первые этапы программ проводились в период нахождения их в СУВУ), 2 программы с одним воспитанником – ТСП г. Кемерово. В ходе этой работы была сконструирована форма *двухстадийной семейной конференции*: 1-я стадия проводится, пока воспитанник находится в СУВУ (возможно по скайпу), вторая – по его прибытии домой. В данном конкретном случае воспитанник еще находится в учреждении; была проведена примирительная встреча с мамой-опекуном (по скайпу) и 1-я стадия семейной конференции с широким кругом участников¹⁷.

Программы, проведенные ТСП Свердловской области с тремя выпускниками Калтанского СУВУ, также относятся к реализации проекта Минобраз. По одному случаю была также начата программа по заглаживанию вреда потерпевшему, однако найти потерпевшего не удалось¹⁸.

Во всех этих программах приняли участие 33 воспитанника закрытых учреждений, 14 жертв и 37 родственников воспитанников.

Восстановительные программы по делам о преступлениях и административных правонарушениях взрослых (по ст. 6.1.1. КоАП РФ) (табл. ТСП-8). Сведения по этой категории случаев не включены в итоговую таблицу ТСП-1, они касаются проведения программ со взрослыми обвиняемыми/правонарушителями. Это направление реализации восстановительных программ достаточно новое и перспективное; количество таких программ пока невелико, хотя несколько выше, чем в 2016 г. Количество заявок – 12 (в 2016 г. – 11), начато программ 9 (в 2016 г. – 8), завершено 9 (в 2016 – 6). В этой категории особый интерес представляют дела о насилии в семье по

отношению к несовершеннолетним, поэтому в табл. ТСП-8 объединены сведения о программах как по уголовным делам взрослых (это могут быть любые преступления, но уголовные дела о преступлениях, связанных с жестоким обращением с детьми, выделены в отдельную графу), так и по административным правонарушениям – только по ст. 6.1.1. КоАП РФ «Побои» по случаям, если побоям подвергались дети в семьях. Работу ведущего с ситуациями по насилию в семье мы относим к особой категории программ по случаям *со сложной природой конфликта*, в которых одновременно присутствуют черты и программы по заглаживанию вреда и программы по разрешению семейных конфликтов.

Программы проведены в 3 регионах: Архангельской области (уголовные дела о преступлениях, связанных с жестоким обращением с детьми в семье), в Алтайском крае и Тульской области – по ст. 6.1.1. КоАП РФ. Во всех случаях использована прямая медиация.

Мы неоднократно подчеркивали важность правовой основы для проведения восстановительных программ, в особенности, если речь идет о юридически значимых ситуациях. В Архангельской области в 2015 г. был разработан специальный Порядок взаимодействия субъектов программы примирения потерпевшего с обвиняемым (подозреваемым), подсудимым по уголовным делам о преступлениях, связанных с жестоким обращением с детьми, совершённых в семье¹⁹. Однако в связи с тем, что «Побои» были декриминализованы и соответствующее деяние стало административным правонарушением, документ в 2017 г. изменен, и сегодня в области действует Порядок взаимодействия субъектов программы примирения по делам об административных правонарушениях и уголовным делам о применении насилия взрослыми в отношении детей в семьях.

В Архангельской области в 2017 г. создана *специальная служба примирения* для проведения восстановительных программ по делам об административных правонарушениях и уголовным делам о применении насилия взрослыми в отношении детей в семьях. Служба создана в ГБКУ АО «Архангельский центр социальной помощи семье и детям», в которой медиации и семейным конференциям обучались специалисты отделения защиты детей от насилия. Однако в 2017 г. этой службой проведена только 1 программа, остальные программы по этой категории проведены Архангельским социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних.

Часть 2. Проведение восстановительных программ

2.1. Виды и типы восстановительных программ

В рамках восстановительного подхода используются следующие основные виды программ:

- 1) восстановительная медиация: прямая и челночная (чаще всего с помощью писем);
- 2) семейная конференция (СК);
- 3) круги сообщества;
- 4) школьная конференция;
- 5) школьно-родительский совет (с 2016 г.)

Мы также оставили возможность указать в таблицах и на другие восстановительные программы, поскольку не исключаем новых разработок.

Наиболее часто используемой программой по всем категориям случаев является восстановительная медиация (прямая – 73,5, челночная – 8,2% от всех проведенных программ), далее следуют круги (13,2%), которые используются больше всего для работы со школьными ситуациями (табл. 5)

Таблица 6 демонстрирует, что в 2017 г. доля медиаций (прямых и челночных) в сравнении с 2016 г. заметно возросла, увеличилась и доля семейных конференций, снизилась доля кругов. Последнее обстоятельство можно объяснить общим снижением в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доли заявок и проведенных в ТСП программ по школьным ситуациям. Кроме того, в работе со школьными ситуациями изменилось соотношение кругов и медиаций: в 2016 г. приоритет отдавался кругам (68 % от проведенных по этой категории случаев программ), в то время как в 2017 эта цифра снизилась до 44 %, а большая часть программ прошла в форме прямой медиации (53%). При этом большая часть кругов сообщества проведена в Москве (86,5% от всех кругов по ассоциации).

Особенности проведения программ одного и того же вида связаны с категорией случаев. К примеру, проведение восстановительной медиации между правонарушителем и жертвой и между родителем и ребенком имеют отличия в силу различия природы ситуаций, а соответственно, типа отношений между сторонами и целей программы. Или круги проводятся как для урегулирования конфликтных ситуаций в сообществе, так и по ситуациям, имеющим риск развития (эскалации) конфликта, в рамках которой участники берут на себя ответственность за их предотвращение и/или улучшение отношений и реализу-

Количество завершенных программ по видам, 2017 г.

Категории случаев	Виды программ						ВСЕГО завершенных программ
	Медиация прямая	Письмо/ челночная медиация	СК	Круги	Школьно- родительский совет	Иное (включая школьные конференции)	
Преступления несовершеннолетних	523	81	28	0	0	1	633
ООД лиц, не достигших возраста уголовной ответственности	305	38	2	2	0	0	347
Иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда (из КДНиЗП)	103	10	8	2	0	0	123
Семейные конфликты/ проблемные ситуации	376	53	24	6	0	37	496
Школьные конфликты/проблемные ситуации	347	2	1	288	13	2	653
ИТОГО программ каждого вида	1654	184	63	298	13	40	2252
Доля программ каждого вида (%)	73,5	8,2	2,8	13,2	0,58	1,8	100

Таблица 6

Динамика использования программ (по видам)

Годы	Доля программ каждого вида (%) в общем количестве завершенных программ						ВСЕГО завершенных программ
	Медиация прямая	Письмо/челночная медиация	СК	Круги	Школьно- родительский совет	Иное (включая школьные конференции)	
2016	68,7	4,4	0,9	24,4	–	1,6	100%
2017	73,5	8,2	2,8	13,2	0,58	1,8	100%

ются принципы восстановительного правосудия (восстановительной медиации – в соответствии со стандартами восстановительной медиации). Вторую разновидность кругов мы называем профилактическими.

Таким образом, *помимо вида программ важно также учитывать типы восстановительных программ*, которые определяют их специфику соответственно категориям случаев и указывают на основную цель программы:

- 1) программа по заглаживанию вреда – по ситуациям деяний, приведших к причинению вреда;
- 2) разрешение конфликтной/проблемной ситуации;
- 3) профилактические программы.

Первый тип объединяет программы, которые проводятся *по деяниям, приведшим к причинению вреда конкретному пострадавшему*. К таким деяниям относятся три категории случаев:

- преступления;
- общественно опасные деяния, совершенные детьми, не достигшими возраста уголовной ответственности;
- иные деяния несовершеннолетних, приведшие к причинению вреда.

Если преступления – это в точном смысле «криминальные» деяния, то вторую и третью группу указанных деяний мы называем «квазикриминальными», поскольку в юридическом смысле они не подлежат уголовным санкциям.

Но три перечисленные категории случаев *объединены* тем, что несовершеннолетний своим деянием причиняет вред другому человеку (группе) *независимо от юридической квалификации совершенного поступка*. Отсюда специфические ориентиры программы состоят в ответственности нарушителя перед жертвой, что в восстановительном правосудии определяется как заглаживание вреда, а также в исцелении (удовлетворенности результатом) жертвы.

Для *других типов ситуаций*, с которыми работают службы: конфликты детей и родителей, работа с семьей в социально опасном положении, споры родителей, затрагивающие интересы детей, школьные конфликты, проблемные ситуации, чреватые конфликтами, решение вопросов, связанных с ресоциализацией несовершеннолетнего после совершения им правонарушения, и иных ситуаций, где нет однозначного выделения ролей «обидчика» и «жертвы», специфика восстановительных программ состоит в осознании и принятии на себя ответственности за урегулирование ситуации *всеми участниками*.

Указанные ориентиры программ сохраняют независимость от вида программы.

2.2. Зачем проводить качественный анализ восстановительных программ

Качественный анализ программ осуществляется как организованная по особой форме рефлексия ведущих, которая позволяет соотнести процесс и результаты проведенной работы с базовыми ценностями, принципами и практическими ориентирами восстановительного подхода. Одновременно такой метод анализа дает возможность получить массив описаний и специфических феноменов. Такого рода анализ нужен самим ведущим, организаторам служб примирения и восстановительному сообществу в целом для углубления понимания и совершенствования собственной практики.

Для разных участников мониторинга смысл такого анализа различен. Для ведущих программ – в том, чтобы при сильной загруженности найти время для рефлексивной остановки, в развитии «восстановительной чувствительности» на материале своей конкретной работы, в формировании собственного ощущения специфики восстановительного подхода и его отличия от других, в выработке индивидуальных техник, фиксации трудностей и достижений, обозначении вопросов, требующих супервизии и обсуждения с коллегами. Одним словом, смысл – в профессиональном

развитии и формировании адекватной коммуникативной среды.

Для координаторов – в определении качества практики и формировании направлений развития, формулировании тем для обсуждений с ведущими, руководителями служб и учреждений, где базируются службы, а также с субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, судьями, правоохранительными органами для решения конкретных вопросов по организации условий, способствующих проведению программ, для создания или совершенствования организационных и правовых регламентов; в выявлении проблем и тем для программ обучения и повышения квалификации; для методических разработок, и пр. Качество проведения программ определяется не только искусством и знаниями ведущего, но и организационным обустройством деятельности служб.

Для ассоциации в целом – для понимания того, что реально представляет собой содержание восстановительных практик, которое стоит за количеством проведенных программ; для адекватной рефлексии, соответствуют провозглашаемые нами принципы реальной практике; для выявления образцов, которые нужно распространять в сообществе, и «узких мест», по поводу которых нужно вырабатывать новые направления и способы деятельности; для разработки методик и программ повышения квалификации, формирования новых проектов.

Перечисленное не исчерпывает возможных смысловых рамок анализа программ, *но если ведущий программ/координатор не видит смысла, такая работа либо вообще не делается, либо делается формально*. Но осознавая, зачем нужен качественный анализ, важно, во-первых, его проводить и, во-вторых, оставить его в руках восстановительного сообщества и не передавать административным структурам. Другое дело, что результаты качественного анализа позволяют восстановительным сообществам совместно с региональной администрацией принимать решения по продвижению и развитию восстановительных практик в регионе.

Разработанные в рамках мониторинга формы для анализа программ предельно просты: в них фиксируется объективная сторона кейса, восстановительные процессы и результаты (как это понимается ведущим) и остается место для свободного размышления. Ниже приведена форма для описания и анализа программ, по которым прошли примирительные встречи правонарушителя (обидчика) и жертвы:

1. Фабула дела.
2. Если заведено уголовное дело – статья УК РФ, по которой предъявлено обвинение.
3. Источник, передавший случай на программу.
4. Участники программы (для несовершеннолетних участников и молодых обвиняемых обязательно указать возраст).
5. Удалось ли сторонам достичь соглашения (если не удалось – причины).
6. Как реализованы базовые ценности и принципы восстановительного правосудия:

Базовые ценности и принципы восстановительного правосудия*	Реализация (в чем проявилось)
6.1. Ответственность нарушителя перед жертвой	
6.2. Исцеление жертвы	
6.3. Участие социального окружения	
6.4. Восстановление способностей людей понимать друг друга	
6.5. Что сделано для того, чтобы подобное не повторилось	
6.6. Иное	

** Если результаты проведенной программы не укладываются в пункты таблицы, они могут быть описаны в п. 6.б. или в п. 8 предложенной формы.*

7. Официальное решение по делу (приговор суда, постановление о прекращении уголовного дела, решение КДН, иное) _____

8. Примечания: особенности случая (находки; трудности; проблемы; идеи, возникшие в результате работы) _____

9. Выводы по кейсу, сделанные медиатором: _____

По конфликтным/проблемным ситуациям, т.е. когда нет позиций «правонарушителя» и «пострадавшего» в формальном смысле, уточняется пункт 6 приведенной формы:

Базовые ценности и принципы восстановительного подхода при урегулировании конфликтной/проблемной ситуации	Реализация (в чем и как проявилось)
6.1. Принятие участниками ответственности по урегулированию ситуации	
6.2. Восстановление способности людей понимать друг друга	
6.3. Участие социального окружения (родных, друзей, заинтересованных педагогов и др.)	
6.4. Что сделано для того, чтобы подобное не повторилось	
6.5. Иное	

Полные описания, стенограммы обсуждений, выступления на семинарах по анализу кейсов тоже входят в массив материала для качественного анализа.

2.3. Обсуждение проведенных программ²⁰

В рамках мониторинга за 2017 г. материалы по качественному анализу программ получены из 11 регионов. Медиаторами и координаторами этих регионов прodelьвается очень важная работа, которая только и позволяет видеть содержание за многочисленными таблицами с цифрами.

Некоторые координаторы отмечают, что описание программ еще не везде вошло в культуру работы ведущих. Нередко описываются несколько программ, когда наступает срок сдачи материалов по мониторингу, «предоставленные описания делались по личной просьбе координатора».

Полное отсутствие материалов по качественному анализу программ *тоже является информацией*: если бы такая работа велась на систематической основе, материалы были бы присланы вместе с количественными таблицами. При этом службы примирения, как правило, пишут отчеты о проведенной работе в направляющие организации. Отличие от нашей формы состоит, по-видимому, в том, что официальные структуры не интересуются вопросами соблюдения восстановительных принципов, у них свои (прагматические и не менее важные) задачи, связанные с их собственным функционалом.

В иных регионах качественный анализ программ с точки зрения реализации восстановительных принципов осуществляется *по всем случаям, в том числе по незавершенным программам* (к примеру, в Архангельской области), и тем самым становится органической частью аналитической работы ведущего и службы в целом, входит в культуру работы. Анализируя описания программ, координаторы делают выводы о качестве их проведения, о трудностях, с которыми сталкиваются ведущие; в некоторых отчетах отмечено, что в ряде случаев ведущие отступают от принципов восстановительного подхода. Анализ позволяет определять темы для более глубокой проработки на практических семинарах, интервью и супервизиях.

Формы качественного анализа программ являются одновременно и «краткой конструкцией» устройства самой программы.

Программы по заглаживанию вреда

Ключевой момент этих программ состоит в реализации *принципа ответственности пра-*

вонарушителя. Как правило, реализуется этот принцип в форме принесения извинений пострадавшей стороне. В ряде случаев украденная подростком вещь возвращается потерпевшему, и потерпевший, увидев искреннее сожаление подростка, приняв извинения и узнав на встрече о его позитивных планах на будущее, начинает испытывать доверие к нему и удовлетворяется результатами восстановительной медиации без дополнительного материального возмещения (к примеру, морального вреда).

В случае причинения материального ущерба нередко родители берут на себя расходы, но кроме того принимается решение, как несовершеннолетний будет возмещать родителям понесенные затраты (устройство на работу, помощь в домашних делах).

Кража велосипеда

Для возмещения материального вреда перед отцом Л. устроился на работу и частями возвращает отцу денежные средства. Он поступил в коммерческий колледж на направление «коммерция», после окончания которого планирует организовывать «свое дело».

В ряде случаев при отсутствии доходов молодой человек своим трудом возмещает вред пострадавшей стороне.

Несовершеннолетний Т. (17 лет) сорвал замок и незаконно проник в шкаф для хранения вещей своих соседей, откуда тайно похитил имущество, причинив своими действиями материальный ущерб потерпевшей в размере 4000 руб.

Т. не имеет поддержки социального окружения, его мама лишена родительских прав. На медиации законным представителем Т. был сотрудник органа опеки и попечительства, сопровождением данного ребенка не занимающийся. Потерпевшая, соседка обвиняемого Т. по коммунальной квартире, с пониманием отнеслась к трудной жизненной ситуации подростка, говорила доброжелательно, часто напоминала о добрососедских отношениях, царивших в их коммунальной квартире, как ей важно их сохранить. Т. почувствовал поддержку от потерпевшей.

Для возмещения материального ущерба Т. не имел материальной возможности. Но в ходе встречи стороны нашли решение: юноша починит системный блок компьютера потерпевшей.

Подписан примирительный договор, дело прекращено за примирением сторон.

Соответственно, исцеление жертвы в рамках восстановительного правосудия находится в прямой зависимости от того, загладил ли вред правонарушитель.

По результатам восстановительной медиации правонарушителя и потерпевшего, если позволяет юридическая квалификация преступления, в случае примирения сторон и заглаживания вреда уголовные дела, как правило, прекращаются. Однако следует отметить, что не во всех представленных описаниях ведущие указывали официальное решение по делу. Это значит, что взаимодействие служб примирения с судами или органами предварительного расследования недостаточно налажено либо службы безразличны к итоговому решению по делам, с которыми они работают.

По материалам, которые рассматриваются в КДНиЗП (по ООД несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, а также по административным правонарушениям или материалам о причинении вреда при недостижении возраста административной ответственности) в ряде случаев после успешной восстановительной программы несовершеннолетний правонарушитель не ставится на учет в КДНиЗП, хотя чаще всего остается на учете в ПДН/ОДН. Медиаторы неоднократно ставили вопрос о том, что после прохождения программы и заглаживания вреда пострадавшей стороне несовершеннолетних правонарушителей не нужно ставить на учет (либо нужно снимать с учета, если их уже поставили), поскольку теряется юридический смысл и ощущение справедливости восстановительных программ, а стигматизирующий пункт о «постановке на учет» надолго остается в характеристике подростка.

Уроки несостоявшейся встречи с потерпевшим

Кража велосипеда

Со слов обвиняемого М. (16 лет), он захотел покататься, так как пошел гулять без велосипеда. Тот факт, что потерпевший не захотел примириться и отказался от встречи, очень расстроил обвиняемого, так как он не думал, что может быть такое. Считал, что все будет просто, отдали деньги – и все.

Поначалу М. считал, что только потерпевший пострадал, но когда осознал, что пострадали родители и в первую очередь он сам, задумался. В итоге М. понял всю важность процедуры примирения, возможность объяснить случившееся, а самое главное, быть услышанным, понятым и прощенным.

Обвиняемые считают, что все просто, родители заплатили, и все. На самом деле оказалось не так. Несовершеннолетнего эта ситуация очень напугала, но в то же время помогла осознать всю серьезность преступления, чем может все закончиться и как важно думать о последствиях²¹.

Еще в 2000-е годы в нашем сообществе было введено понятие «редуцированные восстановительные программы». Имеется в виду работа ведущего со стороной в случае отказа другой стороны от участия в совместной встрече. При правильной работе ведущего такая работа тоже может привести к восстановительным результатам, в частности, к осознанию случившегося и принятию того факта, что имеет значение не только то, что тебе «хочется», но и права другого. В восстановительной программе это знание обретается несовершеннолетним не в результате «морализаторства», а в обсуждении смысла восстановительной программы. Здесь важно помнить, что пострадавшая сторона не служит «средством» для смягчения наказания правонарушителю.

Некоторые ведущие фиксируют, что несмотря на подписание примирительного договора, «принятия ответственности за правонарушение у несовершеннолетнего в полной мере не наблюдалось». Наблюдение интересное, однако, к сожалению анализа такого рода сомнений не изложено. Но это показывает, что даже «правильное» заполнение формы качественного анализа еще не является свидетельством «успешно проведенной программы», что заставляет вновь задуматься о том, как следует анализировать проведенную работу.

Что дает восстановительное правосудие

Помимо сформулированных ценностей и принципов восстановительного подхода описания конкретных случаев позволяют увидеть ряд феноменов, предъявление которых позволяет, во-первых, повысить чувствительность к тому, что происходит в ходе программ, и к их результатам, а во-вторых, расширить наши представления о значении восстановительного подхода как в общесоциальном плане, так и в индивидуальной жизни людей.

Остановимся на нескольких описаниях, демонстрирующих важность восстановительного правосудия, в том числе для «мелких» преступлений/ правонарушений. В мировой литературе по восстановительному правосудию эта значимость оспаривается; считается, что такого рода деяния и без того влекут за собой мягкие санкции, поэтому восстановительное правосудие нужно использовать в первую очередь для работы с серьезными преступлениями²². Однако при всей важности работы с тяжкими преступлениями следует понимать, что восстановительное правосудие служит не только цели смягчения санкции. Восстановительный подход (в целом, т.е. для любых ситуаций) указывает на другое (в сравнении с домини-

рующим) измерение в человеческих отношениях и в урегулировании сложных ситуаций. То, что с юридической точки зрения считается «простой задачей» назначения санкции, для участников оказывается важным событием жизни.

Раскаяние, прощение и новые перспективы

Фабула. На скамье подсудимых молодая девушка 17 лет, цыганка, обвиняется по ст. 158 УК РФ (кража). Потерпевшая тоже молодая девушка 18 лет, студентка медицинского колледжа, проживающая в общежитии. Обвиняемая украла у потерпевшей сотовый телефон.

Работа ведущих. На первом этапе ведущие отдельно разговаривают с каждым из участников ситуации. Здесь основная задача ведущего понять, что подтолкнуло правонарушителя на кражу и чем эта потеря тяжела для пострадавшей.

Вот две истории.

Правонарушительница Люба. Она старшая дочь в семье, кроме нее в семье еще пять детей. Люба не учится. Хотя очень завидует сверстникам и особенно сверстницам, которые ходят в школу, могут свободно гулять. И еще очень хотела свой телефон. В семье телефоны есть у матери, отца и старшего сына. Любе обидно, что ее брату купили телефон, хотя он и младше ее. Вот и соблазнилась чужим телефоном, который девушка оставила на прилавке. Надеялась, что никто не видел, как она его взяла. Люба даже воспользоваться телефоном не могла, тихонько его доставала, пока никто не видел, и пыталась в нем разобраться. Сейчас очень жалеет, что так сделала, что подвела своих родителей. Ей очень стыдно, но она не знает как загладить вину.

Медиатор спросила: «Люба, а ты подумала о той девушке, которая осталась без телефона? Что она чувствовала? Зачем ей вообще нужен телефон?» «Нет, – сказала Люба, я не думала и мне никто таких вопросов, как вы, не задавал». «Наверное, ей было обидно и она злится на меня!» На предложение встретиться с потерпевшей сначала ответила отказом, сказав, что ей стыдно. На вопрос: «А готова перед ней извиниться?» – Люба, подумав, ответила положительно.

История вторая: потерпевшая Елена.

Девушка из маленького провинциального городка, мама ее растит одна. Лена очень хочет стать врачом, но чтобы маме было полегче, решила не заканчивать среднюю школу, а после 9 класса поступить в колледж, а потом уже поработав пойти в институт. Учится хорошо, ей нравится, даже стипендию получает. Телефон Лене подарила мама, купила дорогой телефон, чтобы дочка была не хуже других в большом городе. Лена очень зла на воровку. Считает, что е-

надо наказать. Чтобы в будущем неповадно было. Считает, что цыгане все воры. На предложение встретиться с Любой сказала: «Если вам надо, я готова с ней встретиться, но я ее не прошу, пусть по заслугам получит! Моей маме деньги с неба не падают и я никому не дам маму в обиду!»

Совместная встреча девушек. Люба была с мамой, так как она несовершеннолетняя, Елена была одна. Медиатор попросила девушек рассказать еще раз то, что они рассказывали нам. Не обвиняя, не угрожая и не оскорбляя друг друга.

Первая говорила Лена. Она старалась держать себя в руках, но все равно обвинения в ее словах звучали слишком явно. Чем больше говорила Елена, тем ниже опускала голову Люба. Мама тоже стала обвинять дочь, стыдить ее. Пришлось медиатору вмешаться в ситуацию и попросить маму не перебивать Елену, пока она полностью не высказается. Второй попросили Любу рассказать свою историю. Люба отказалась. Медиатор попросила разрешения у Любы рассказать Елене, то, что Люба рассказала медиатору на индивидуальной встрече. Люба сказала, что ей все равно. Когда ведущая программы, пересказывая историю Любы, дошла до того, что Люба очень хочет учиться, но эта мечта не исполнима, Елена перебила медиатора и с огромным удивлением спросила у Любы: «Ты совсем-совсем не ходила в школу?» «Совсем», – тихо ответила Люба. Лена уже обращаясь к матери Любы спросила: «Почему? Ведь так же нельзя!» Пришлось медиатору пояснить Лене, что так иногда бывает, что Любина мама одна с детьми и хозяйством не справится. Про кражу телефона Лена уже слушала Любу более внимательно.

Медиатор спросила: «Люба, ты готова извиниться перед Леной?» – «Да, конечно! Лен, ты извини меня, хотя, наверное, меня нельзя извинить. Я в тот момент не думала ни о тебе, ни о твоей маме. Я только телефон хотела. Мне очень стыдно!» Лена в ответ на извинения сказала: «Я тебя понимаю и зла не держу. Я сама помню, как мне хотелось такую же куклу, как у моей одноклассницы, и я ее взяла, а мама вечером меня сначала ругала и заставила куклу отнести, а потом вечером плакала! Мне телефон в полиции вернули, и я уже не хочу, чтобы тебя судили».

Медиатор спросил у мамы Любы, которая сидела молча и вытирала слезы, хочет ли она что-то добавить. Мама неожиданно для нас всех сказала: «Спасибо тебе, девочка, что не губишь мою дочь. А тебя, Люба, если ты так хочешь учиться, я отдам в вечернюю школу, дети уже подросли и сами без тебя справятся несколько вечеров». Здесь заплакала Люба. А Лена ей сказала: «Не плачь, не бойся, я готова тебе помочь с уроками».

В результате было подписано примирительное соглашение, судья прекратила дело за примирением сторон²³.

Зачем нужен медиатор (что может случиться, если стороны сами пытаются урегулировать ситуацию)

Фабула. В вечернее время, на берегу реки Т. (16 лет) беспричинно, из хулиганских побуждений, выстрелил из пневматического пистолета в ногу несовершеннолетнему К. (12 лет), от которого последний испытал физическую боль. Обвинение предъявлено по ст. 116 УК РФ (побои из хулиганских побуждений).

Попытка правонарушителя урегулировать ситуацию и восстановительная программа. На следующий день после произошедшей ситуации Т. сделал звонок матери К. с принесением своих извинений и просьбой забрать заявление, однако больше (по словам мамы) это походило на шантаж. Т. сказал ей, что он тоже много знает про К. и может сообщить об этом в полицию. На предварительной встрече мама потерпевшего была сильно возмущена таким поведением Т. «Он приходил как-то еще раз, но я не стала его выслушивать», – пояснила она на вопрос о заглаживании причиненного вреда силами самого нарушителя. Т. на второй предварительной встрече признался, что был в отчаянии от произошедшего, испытывал сильное чувство страха от того, что его могут осудить за преступление, он никогда не сможет работать по профессии, которую получает («машинист подвижного состава»). Отсутствие рядом матери, сильное эмоциональное напряжение, ужас возможных последствий своих действий, – все это повлекло за собой такое необдуманное и опрометчивое поведение. «Я не думал о жертве на следующий день, меня реально заботило то, что будет со мной, если мама К. напишет заявление. Поэтому в ходе телефонного разговора растерялся, начал искать защиту для себя любым способом. Наверно, могло показаться, будто я «шантажист». Глупо поступил, теперь понимаю. Осознание того, что я действительно причинил сильный вред парню гораздо младше себя, причем, не только физический, но и моральный, пришло гораздо позже. Мне стало жаль его. Я почувствовал, что испытываю желание принести свои искренние извинения не только за совершенное, но и за звонок, и, по возможности, предложить им какие-то материальные средства. Но, видимо, было уже поздно что-то исправить, я все испортил своим телефонным разговором. Я пришел к ним домой, но мама К. не стала меня выслушивать».

Состояние жертвы преступления на момент предварительной встречи можно было оценить как тревожное, стрессовое. Помимо перенесенной физической боли, мальчик испытывал страх от произошедшего события. О случившемся несовершеннолетний говорить отказался. Со слов матери, К. после перенесенной травмы боится выходить на улицу, плохо спит, вздрагивает по ночам.

Он перестал общаться с друзьями, сидит дома, в школу его сопровождают взрослые члены семьи.

Мама обещала подумать и поговорить с сыном о встрече с обидчиком, но о возможном примирении речи не было. По согласованию с обеими сторонами, медиаторами было назначено время и место встречи сторон.

В ходе самой встречи Т. искренне извинился перед К. и его матерью за причиненный физический и моральный вред. К. ответил на обращение к нему улыбкой и утвердительным кивком головы. В ходе общения он был достаточно раскрепощенным, много улыбался и даже смеялся, что в первую очередь могло свидетельствовать о снятии напряжения и избавлении от страха.

Очень важным для К. было услышать (об этом он признался в конце встречи), что его больше никто не тронет и сам Т. теперь встанет на защиту мальчика и его друзей, если кто-то посмеет оскорбить их или применить силу.

Мама К. услышала объяснение от Т., почему он позвонил и так сказал, подросток признал свой страх, не побоялся признать и свою неправоту на тот момент. Для неё он «вернул облик ребенка», который сбился с пути и совершил необдуманный поступок. В её высказываниях постепенно уходила обида и злость, появлялись добрые наставления в адрес Т. и его будущего»²⁴.

Программы по конфликтным и проблемным ситуациям

В эту рубрику входят программы по школьным и семейным конфликтам/проблемным ситуациям.

Что касается *школьных ситуаций*, то с учетом широкого распространения ШСП в регионах, где действуют территориальные службы, в ТСП попадают заявки, касающиеся урегулирования *наиболее сложных конфликтов с большим кругом участников*, которые мы относим к категории «сложные ситуации и сложные программы» (об этом ниже). Но есть и ситуации, не требующие усложнения конструкции программ. Интересно заметить, что восстановительные программы между сторонами конфликтных ситуаций, как правило, приводят к прояснению ситуации и *взаимным извинениям*: каждый осознает свою ответственность за случившееся и берет обязательства за то, чтобы подобное не повторилось.

По восстановительным программам с *семьями* можно выделить целый ряд ситуаций:

- детско-родительские конфликты;
- детско-родительские конфликты в приемных и опекунских семьях (как особый класс ситуаций);
- конфликты между опекунами и кровными родителями, в том числе в рамках од-

- ной семьи (к примеру, между бабушкой-опекуном и матерью ребенка);
- конфликты между разводящимися/ разведенными супругами, связанные с определением места проживания ребенка и обеспечением защиты других интересов несовершеннолетних;
- ссоры между супругами, в том числе ожидающими ребенка;
- урегулирование отношений воспитанников закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей с родственниками и формирование позитивных семейных условий для его ресоциализации;
- и др.

Каждая из перечисленных групп имеет свою специфику. Но, как правило, для таких программ, по-видимому, *ключевое значение имеет «восстановление способности людей понимать друг друга»*. То, что для одного члена семьи осознается как проявление заботы, для другого – унижение чувства собственного достоинства, для одного – любовь, беспокойство и стремление сделать лучше, для другого – ущемление свободы. И пр. И порой близкие люди только с помощью медиатора «с удивлением обнаруживают такие несовпадения» (из описания программы). Это обеспечивается, прежде всего, атмосферой восстановительной программы, самой задачей (такой простой, но в обыденной жизни зачастую нереальной): говорить без оскорблений, слушать и слышать. Как отметил в анкете обратной связи один подросток в ответе на вопрос, зачем нужны такие программы:

«Другой человек [медиатор] помогает найти слова, чтобы сказать то, что думаешь, и тебя родители услышат».

Именно достижение взаимопонимания становится механизмом восстановления доверия друг к другу и отправной точкой для принятия решений по конкретным вопросам.

Однако в ряде случаев ведущие отмечают, что примирение, достигнутое в результате программы, нестабильно, для некоторых семей требуется дальнейшее сопровождение; в случаях, когда ранее все договоренности между членами семьи срывались, заключение письменного соглашения позволяет им более серьезно отнестись к принятым на программе решениям.

Сложные ситуации и сложные программы

По мере распространения восстановительных практик службы примирения сталкиваются со все более сложными ситуациями. На основании анализа программ 2016 г. мы условно выделили здесь две категории: «многосоставные конфликты» и «ситуации со сложной природой конфликта»; теперь добавим сюда еще одну – «ситуации, разрешение которых требует включения официальных институтов и специалистов».

К «многосоставным конфликтам» мы относим, в первую очередь, школьные ситуации с несколькими враждебно настроенными по отношению друг к другу группами. Такие группы возникают по разным поводам: гиперактивность ребенка в классе, травля, недовольство коллектива стилем управления новой администрации и пр.

Как правило, работа с такими ситуациями предполагает:

- встречи со всеми значимыми участниками ситуации;
- анализ ситуации и ее «разложение» на составляющие с определением типа восстановительной работы в каждом блоке;
- проведение локальных восстановительных программ;
- осмысление результатов «локальных» программ и «сборку»: проведение итоговых встреч для принятия решений и выработки механизмов реализации.

Как правило, если участники устали от конфликта и настроены на его урегулирование, ситуация разрешается.

Однако не всегда по результатам работы со школьными конфликтами/проблемными ситуациями удается достичь содержательных результатов. Как отмечает в отчете по работе с московскими школами А.Ю. Коновалов, результатом восстановительных программ является снижение эмоционального напряжения, однако сама проблема порой остается, к примеру, что делать, если в классе гиперактивный ребенок. Нужны новые механизмы выработки решений, а кроме того, следует выстраивать более четкие механизмы исполнения принятых решений, поскольку на деле принятые решения не всегда исполняются

К «ситуациям со сложной природой конфликта» мы относим, в первую очередь, преступления, совершенные в семье. В отличие от «многосоставных» конфликтов главной чертой данной категории случаев является не множество участников и групп интересов, а *включенность одних и тех же людей в противоречивые отношения*: как

в отношении «преступник-жертва», так и в близкие родственные связи. Примером подобных случаев являются кражи, мелкие хищения и угоны автомобилей, совершенные подростком в семье. Здесь в качестве потерпевшего выступает кто-то из родителей, подобные ситуации по данным за 2017 г. встречались и в опекунских семьях. Родитель (в том числе приемный), являясь потерпевшим/пострадавшим, в то же время несет ответственность за воспитание ребенка; заявление в полицию о совершенном преступлении является для него отчаянным способом повлиять на исправление ребенка (как правило, это оказывается не первым случаем воровства), и в то же время он хочет защитить подростка от нависшей угрозы уголовного наказания. В подобных семьях, как правило, сложные отношения, утеря родительского контроля, случаются уходы несовершеннолетнего из дома, прогулы в школе, нередко и наркотическая или алкогольная зависимость. Но иногда случившееся оказывается для родителя полной неожиданностью.

В таблице ТСП-8 мы ввели еще одну группу ситуаций, относящихся к этой категории, – домашнее насилие со стороны взрослых по отношению к несовершеннолетним. Здесь снова речь идет о семейных отношениях, но теперь уже несовершеннолетний оказывается потерпевшим (пострадавшим).

Работа с указанными типами ситуаций предполагает увязывание *в одной программе* основ медиации правонарушителя и жертвы и восстановительных программ по семейным конфликтам.

К категории случаев со сложной природой конфликта следует отнести и школьные конфликты между детьми, где обнаруживается и причина вреда (преступление либо квазикриминальная ситуация), либо, напротив, за совершенным несовершеннолетним преступлением стоят прежние обиды, нанесенные ему жертвой, или травля одноклассников, недоброжелательное отношение педагогов. В работе с такого рода ситуациями *уровень сложности повышается*, поскольку произошедшее событие, к примеру преступление, касается не только непосредственно потерпевшего, оно затрагивает все школьное (классное) сообщества, здесь речь идет не только о непосредственных действующих лицах, но и о тех, кто был свидетелем или косвенным участником произошедшего, родителях, педагогах, а также тех, на кого оказало воздействие произошедшее событие. Возникает ощущение неблагоприятной ситуации, незащищенности, тревожность. И, следовательно, здесь речь идет не об одной, а о комплексе восстановительных программ с разными участниками.

И, наконец, говоря о третьей группе («ситуации, разрешение которых требует включения официальных институтов и специалистов»), мы имеем в виду не столько конфликты/правонарушения, сколько более объемные ситуации социального неблагополучия несовершеннолетнего, зачастую связанные со сложными семейными обстоятельствами. Нередко такие семьи состоят на учете как «социально неблагополучные». С такими случаями проводятся семейные конференции. Здесь субъектом принятия решений становится семья, во главу угла ставится поиск ресурсов – это принципиальное отличие от других форм социальной работы, где подобные семьи, как правило, стигматизированы как «проблемные».

В 2017 году в структуре программ по семейным конфликтам/проблемным ситуациям доля семейных конференций составила 4,8%, так что потенциал таких программ еще только предстоит реализовать. Но семейных конференций стало проводиться больше, и в результате проясняются более детальные характеристики этих восстановительных программ²⁵. Опыт проведения семейных конференций показал, что здесь важна не только сама процедура проведения, но и серьезная подготовка всех участников: несовершеннолетнего, членов семьи и других родственников, а также специалистов (представителей КДНиЗП, ОДН/ПДН, при необходимости – психологов, сотрудников наркологических центров и пр.). Кроме того, неотъемлемой составляющей программы является механизм контроля выполнения выработанного семьей плана и помощи в его осуществлении со стороны структур системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. То есть проведение таких программ поставило на повестку дня вопрос о «социальном кураторе», обеспечивающем такую помощь и контроль. На сегодняшний день, несмотря на наличие большого числа органов и учреждений системы профилактики, такой институциональный механизм отсутствует. Семейная конференция – в полном смысле комплексная программа.

Наибольшее количество семейных конференций проведено в 2017 г. с выпускниками Калтанского СУВУ, а также в Алтайском крае с семьями, которые стоят на учете в органах социальной защиты населения. В этом регионе по инициативе отдела по вопросам семьи, материнства и детства краевого Министерства труда и социальной защиты стал формироваться новый подход в деятельности системы профилактики правонарушений. Специалисты системы социальной защиты обучены восстановительным технологиям, выработана схема взаимодействия ведущего восстано-

вительных программ с другими специалистами. В законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ есть ст. 29, согласно которой можно проводить *сложную и длительную работу*, что позволяет преодолеть ограничения, связанные с понятием «социальная услуга». Ориентация на комплексную работу со сложными случаями, в фокусе которой оказывается не только несовершеннолетний, но и его семья (а семьи в подобных случаях нередко сами оказываются нуждающимися в поиске ресурсов для восстановления), привела к складыванию такой формы работы в структуре социальной защиты региона, которая включает семейные конференции. Но, как поясняют представители региона, для закрепления новой схемы работы необходимо совершенствовать качество межведомственного взаимодействия субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также обучать восстановительному подходу не только будущих ведущих восстановительных программ, но и других специалистов учреждений системы профилактики и управленцев²⁶.

Анализ показывает, что в «сложных ситуациях» восстановительные практики в работе с несовершеннолетними и их семьями не могут быть локализованы только как программы по проведению восстановительных встреч (медиации, круги, семейные конференции), но требуют дальнейшего сопровождения, «кураторства случая». Следовательно, появляются специальные задачи организационного характера по административному обустройству такой работы, а также встает вопрос, *где очерчивать границу восстановительной программы и что считать завершением работы со случаем*.

Незавершенные программы

Задача повышения доли завершенных программ остается актуальной, в особенности это касается криминальных и квазикриминальных ситуаций (см. табл. 4). Причины незавершенности программ из года в год примерно одни и те же: чаще всего они связаны с отказом сторон от участия в программе, значительно реже – с тем, что встреча проведена, но сторонам не удалось договориться. Описано несколько случаев, когда потерпевший требовал в качестве возмещения материального ущерба сумму, значительно превышающую причиненный вред. Но такие ситуации единичны, наибольший процент связан с отказом сторон от участия в программе. Так что задача мотивирования сторон на участие в про-

граммах остается серьезной. Принцип добровольности участия, естественно, остается ключевым для восстановительных практик, однако смысл предварительных встреч со сторонами состоит в том, чтобы в случае отказа человек осознанно принял такое решение.

Изучение качественных описаний программ подтверждает нашу версию о том, что согласие на участие и установка на урегулирование ситуации в большей степени присуща людям, находящимся в одном сообществе (школа, двор, поселение, соседи и пр.) или находившимся в дружеских или семейных отношениях. Решение об отказе от участия в программе по случаям криминальных/ квазикриминальных ситуаций нередко принимают родители несовершеннолетнего правонарушителя или пострадавшего, но это не всегда оказывается справедливым по отношению к самому ребенку.

На соотношение завершенных и начатых программ оказывают влияние и различия в функционировании служб примирения в больших городах и малых территориях, и это совпадает с предположением о роли близости/отчужденности. Различия касаются типов конфликтов, количества заявок, межведомственных связей, возможностей проведения еще какой-то работы помимо реализации восстановительных программ. А.Л. Хавкина замечает:

«В Пермском крае есть небольшие территории, где в муниципальную службу примирения поступает, к примеру, пять заявок на год, а в городах число заявок составляет более 100 или 200. В таких случаях нагрузка на ведущих значительно больше, и отмечается более формальный подход к работе. В небольших территориях выше процент программ, завершенных примирением сторон, потому что люди лучше знают друг друга. Например в г. Перми, если ведущий не может дозвониться до стороны, он не пойдет к ней домой, а в небольшом поселении это вполне может быть, поскольку все ближе друг к другу, все на виду. В малых территориях специалисты знают друг друга в лицо и меняются не так часто - есть возможность решить что-то быстрее, без направления документов».

Кроме перечисленного следует указать на организационные причины, препятствующие либо затрудняющие проведение программ:

- отсутствие в заявке контактных данных, по которым реально можно связаться с той или иной стороной (чаще это относится к отсутствию контактов потерпевшего);

- стороны находятся вне досягаемости (к примеру, обидчик в ЦВНСП или проходит курс лечения от наркотической зависимости или находится под стражей);
- несоблюдение структурой, направляющей заявки, установленного критерия отбора дел (сторонам менее 10 лет, несовершеннолетний употребляет длительное время психоактивные вещества, имеет психиатрический диагноз);
- прошел большой срок после случившегося (в подобных случаях стороны зачастую отказываются от участия в программе);
- большая протяженность обслуживаемой территории сельских муниципальных образований создает препятствия для проведения медиаций, когда потерпевший и правонарушитель проживают в разных населенных пунктах.

Эти моменты важно учитывать для улучшения деятельности служб.

Есть также обстоятельства, которые нельзя обозначить как негативные: к примеру, программа по сложным ситуациям требует много времени, и некоторые программы к завершению отчетного периода (январь 2018 года) продолжают оставаться в работе.

Часть 3. Обратная связь от участников восстановительных программ

Этот блок мониторинга направлен на получение и анализ представлений о том, как воспринимают восстановительные программы сами ее участники. Для этого участникам, которые прошли восстановительную программу, предлагалось заполнить короткую анкету.

Анкета участникам

1. Если бы Ваш друг/подруга (знакомый/знакомая) попал в аналогичную ситуацию (конфликтную, проблемную, правонарушения – выбрать), посоветовали ли бы Вы ему принять участие в такой программе? Подчеркните один из вариантов ответа:

ДА /НЕТ

2. Если ДА, то почему? Как бы Вы кратко объяснили, зачем стоит попробовать принять участие в такой программе _____

3. Если НЕТ, то почему? _____

4. Что, с Вашей точки зрения, стоило бы изменить, чтобы улучшить программу? _____

Ответы дифференцированы по категориям участников: несовершеннолетние правонарушители, пострадавшие несовершеннолетние, пострадавшие взрослые, родители правонарушителей, родители жертв, иные участники.

По проведенным (завершенным) восстановительным программам 2017 г. данные обратной связи представлены из 5 регионов:

- Архангельская область – 262 анкеты, из них: положительных ответов – 260, отрицательных ответов – 2;
- Алтайский край – 22 анкеты, из них: положительных ответов – 12, отрицательных ответов – 10;
- Липецкая область (только по семейным программам) – 7 анкет, из них: положительных ответов – 7, отрицательных ответов – 0;
- Новосибирская область (программы по семейным и школьным ситуациям; форма таблицы несколько модифицирована,

итоги представлены в процентах): порекомендуют медиацию – 90% участников, не порекомендуют 9%, затруднились с ответом – 1%.

- Пермский край – 12 анкет, из них: положительных ответов – 12, отрицательных ответов – 0.

Таким образом, подавляющее большинство участников оценивает программы положительно.

Выводы координаторов, сделанные на основании таблиц обратной связи

Архангельская область. Несовершеннолетние правонарушители и их законные представители отмечают, что программа помогает разобраться в проблемной ситуации, учесть мнение обеих сторон, оказывает влияние на осознание совершенного поступка и позволяет принять конструктивное решение.

Категория пострадавшие (несовершеннолетние) и пострадавшие (взрослые) выделяют, что в

процессе проведения программы участники могут выговориться, услышать извинения со стороны несовершеннолетнего правонарушителя.

Законные представители пострадавших несовершеннолетних рассматривают программу как способ профилактики проблемной ситуации, отмечают ее эффективность и готовы рекомендовать друзьям и знакомым.

Алтайский край. Не все программы проведены качественно, возможно, были нарушены принципы медиации.

Новосибирская область. Из положительных откликов участников выделяются следующие высказывания: *помогли уладить ссору, улучшились отношения; помогли договориться, узнали имена друг друга, смогли поговорить нормально.*

Из отрицательных: *никто ничего не делает и не может помочь, могли бы сами решить, трудно и долго.*

Липецкая область. Данные обратной связи дают понимание ведущему ВП, какие изменения произошли у участников и что улучшилось во взаимоотношениях, как изменилась ситуация для них, какой опыт приобрели после проведения программ. По данной таблице видно, что с программы люди уходят с желанием работать над

собой, т.е. действовать для улучшения качества своей жизни

Пермский край. Люди, прошедшие через полные программы, в целом положительно их оценивают.

Язык восстановительных практик словами участников

Помимо обобщенных выводов интерес представляют высказывания самих участников. В приведенных ниже таблицах представлена попытка условно разделить полученные ответы на три кластера: процесс, результат, общий смысл программы. В кластерах «процесс» и «результат» ответы разделены по категориям, хотя это ориентировочное разделение, некоторые высказывания могут быть отнесены одновременно к нескольким. В соответствии с этой структурой приведены примеры положительных высказываний участников программ по заглаживанию вреда (т.е. ответы на вопрос: почему/зачем стоит попробовать принять участие в такой программе?) Этот материал нельзя оценивать количественно, просто высказывания демонстрируют спектр восприятия, показывают, что именно важно для разных групп участников.

Процесс

Участники Характеристики процесса	Несовершеннолетние правонарушители	Пострадавшие (несовершеннолетние)	Пострадавшие (взрослые)	Родители правонарушителей	Родители жертв
Право голоса, ощущение собственной значимости	<i>Дают высказаться Меня услышали Я говорил про себя Меня слушали все Можно высказаться, объяснить</i>	<i>Рассказать свою историю</i>	<i>Удалось в спокойной обстановке пообщаться с подозреваемым, объяснить свои переживания Высказать свои переживания Предложить решения ситуации</i>		
Атмосфера поддержки	<i>Тут не ругают Никого не ругают, если даже совершил правонарушение, всё объясняют</i>			<i>Очень удобно общаться на нейтральной территории Доброжелательное отношение специалистов, комфортная атмосфера. Нет критики в сторону ребенка</i>	

Участники Характеристики процесса	Несовершеннолетние правонарушители	Пострадавшие (несовершеннолетние)	Пострадавшие (взрослые)	Родители правонарушителей	Родители жертв
Возможность переосмыслить случившееся, разобраться в ситуации	<i>Помогает разобраться в конфликте и быть услышанным</i> <i>«Раскрывает глаза» на происходящее.</i>	<i>Поможет разобраться в ситуации</i> <i>Поможет разобраться в проблеме</i> <i>Взглянуть на ситуацию по-другому</i> <i>Чтобы узнать, зачем он так поступил</i>	<i>Совершенно меняются взгляды на происходящее</i> <i>Смог понять причину совершения преступления</i>	<i>Программа помогает подросткам осознавать свои поступки</i>	<i>Есть возможность до конца понять, что же произошло</i>
Диалог, взаимопонимание			<i>Понять друг друга, обменяться мнениями и прийти к обоюдному решению проблемы</i>	<i>Чтобы стороны услышали друг друга</i> <i>Легче найти общий язык, наладить отношения, понять друг друга</i> <i>Программа помогает услышать и понять противоположную сторону и выйти из конфликта без злобы в душе</i>	<i>Хоть что-то мы услышали, за что благодарны</i> <i>Увидеть обидчика</i>

Результат

Участники Характеристики результата	Несовершеннолетние правонарушители	Пострадавшие (несовершеннолетние)	Пострадавшие (взрослые)	Родители правонарушителей	Родители жертв
Восстановление отношений	<i>Программа помогает помириться с подругой, я сама бы не смогла подойти первой, хоть и была виновата</i> <i>Чтобы помочь друг другу и загладить вину и примириться без дальнейших конфликтов</i>				
Разрешение ситуации	<i>Возможность самому извиниться</i> <i>Потому что в этой программе вам помогут решить эту ситуацию лучшим путем</i>	<i>Потому что обидчик пообещал больше никого не обижать и все осознать</i> <i>Услышать извинения</i>		<i>Видим выход из тупика</i> <i>Найти справедливое решение, которое бы удовлетворило две стороны, и прийти к этому решению мирным путем</i>	<i>Получить извинения и возместить ущерб</i>

Участники Характеристики результата	Несовершеннолетние правонарушители	Пострадавшие (несовершеннолетние)	Пострадавшие (взрослые)	Родители правонарушителей	Родители жертв
Преодоление страха, чувства стыда, злости, напряжения	<p>Становится легче на душе</p> <p>Легче стало жить, не боюсь смотреть в глаза людям</p> <p>Смог посмотреть в глаза бабушке, не так стало стыдно</p> <p>Чтоб на душе стало легче</p>	<p>Я понял, что (обидчик) против меня ничего не имеет и могу не бояться</p> <p>Чтобы его (правонарушителя) не бояться</p>	<p>Разговор по душам, да, потому что разъясняют всю ситуацию</p> <p>Прошла злость к обвиняемому</p>	<p>Стало легче</p>	<p>Она (программа) помогает понять и простить</p> <p>Программа дает облегчение детям</p>
Извлеченные уроки	<p>В дальнейшем не делать таких действий</p> <p>Я увидел много чего нового в этой программе и «намотал себе на ус»</p>				<p>Моему ребенку это тоже было необходимо пройти</p>

Общий смысл программы по заглаживанию вреда

Несовершеннолетние правонарушители	Пострадавшие (несовершеннолетние)	Пострадавшие (взрослые)	Родители правонарушителей	Родители жертв
<p>С моей стороны это случай для будущего и дальнейшего. Я очень рада, что есть такая программа</p> <p>Эта программа помогает разобраться и выяснить причину конфликта и примириться участникам</p> <p>Примирение нужно для того чтобы ни у кого не осталось обид.</p> <p>Помогают примириться с другими людьми</p>	<p>Потому что решать подобную ситуацию можно мирно</p> <p>Это нужно для того, чтобы все высказать, понять и примириться</p> <p>Ну, потому что решать подобную ситуацию можно мирно.</p> <p>Суда может и не быть, если встретиться и поговорить.</p>	<p>Совершенно другой подход к правонарушениям</p> <p>Дети начинают понимать, что они натворили, есть возможность посмотреть им в глаза</p> <p>Если закон не действует, то хоть кто-то задумается о совести</p> <p>Я не очень-то верю, что он (обидчик) что-то понял, но хотя бы его родителям безразлично</p> <p>Считаю, что данная программа примирения нужна для решения вопросов до суда, тем самым не лишая возможности несовершеннолетних искупить свою вину, быть полезным обществу и социуму в рамках морали</p> <p>Данная программа помогает не только несовершеннолетним, но и пострадавшим понять мотивы и простить</p>	<p>Мы не одни</p> <p>Дочь задумалась о своем поведении</p> <p>Проблемная ситуация может быть решена более мирным путем</p> <p>Прекратить развитие конфликтной ситуации</p> <p>Эта программа интересна и полезна для детей и родителей. Она помогает научиться находить выход из положения</p> <p>Чтоб в дальнейшем не остаться враждующими людьми</p> <p>Для того, чтобы вновь не было подобных ситуаций. Программа дает людям понять свои ошибки</p> <p>Открыть глаза подросткам</p> <p>Программа помогает понять, что натворили</p>	<p>Примирение нужно для того, чтобы дети и родители в будущем могли нормально общаться.</p> <p>Она помогает понять и простить.</p> <p>Получить хороший совет, помощь</p>

Разумеется, большой интерес представляют и основания отрицательного отношения к программам. В присланных материалах это содержится в анкетах по Алтайскому краю, но исходя из материала анкет возникает ощущение, что среди опрошенных оказались и те, кто отказался от участия, хотя анкета предназначена для тех, кто прошел программу полностью.

Участники	Обоснования отрицательной оценки
Несовершеннолетние правонарушители	– что толку? – я сам решу свои проблемы
Пострадавшие (несовершеннолетние)	– все равно он виноват – пусть попробует еще раз так сделать
Пострадавшие (взрослые)	_____
Родители правонарушителей	– спасибо, но это не поможет – мы испробовали все
Родители жертв	– все без толку – как он делал, так и будет продолжать
Родственники	– помощь наша все равно не нужна – не понимаем друг друга

Выводы

1. С точки зрения условий создания и поддержки территориальных служб примирения можно зафиксировать *две противоположные тенденции*: с одной стороны, – *распространение восстановительных практик*, т.е. учреждение служб на базе разных ведомств, расширение категорий случаев, по которым проводятся программы, общий рост количества программ, создание региональных документов и организационных механизмов, обеспечивающих деятельность ТСП; с другой – *неустойчивость* функционирования служб.
2. Вторая тенденция объясняется изменением условий, в рамках которых были созданы территориальные службы примирения: завершением ряда региональных программ и, соответственно, сворачиванием финансирования; в некоторых регионах деятельность служб прекращена в связи с реорганизаци-

ей учреждений, куда встроены ТСП, или корректировкой их функционала. С самого начала положение территориальных служб примирения было маргинальным – в большинстве случаев они встраивались в учреждения «на птичьих правах», т.е. исходно не были самостоятельными. В начале пути это было единственным шансом учредить такие службы и сыграло ключевую роль в том, чтобы такие службы вообще появились. Но последующее развитие практики по проведению восстановительных программ не привело к ее вычленению и организационно-правовой автономизации, поставив *саму возможность существования восстановительных практик в зависимость от политики ведомств и конкретных учреждений*.

3. Сосуществование двух противоположных тенденций связано с тем, что развитие восстановительных практик является делом регионов: для одних регионов характерна первая тенденция, для других – вторая, хотя исходя из уменьшения количества включенных в мониторинг регионов следует вывод, что и в этом плане стабильности нет. Важно обратить внимание, что создание и – что не менее важно – *закрепление и обеспечение устойчивости и развития* восстановительных практик происходит там, где за это берутся структуры региональной власти и соответствующих органов управления системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Они формируют организационные и правовые условия. Одновременно складываются сообщества специалистов по восстановительным практикам (территориальных и школьных служб примирения), и именно такого рода *альянс становится движущей силой развития восстановительных практик*.
4. Мы обозначили две тенденции, имея в виду регионы, где функционируют (или прежде функционировали) ТСП. Но в масштабе Российской Федерации таких регионов меньшинство. Иными словами, можно обозначить и *третью тенденцию*, которая состоит в игнорировании восстановительных практик.
5. Такого рода игнорирование определено институциональными рамками. Восстановительные практики начинались с программ восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолет-

- них, и основополагающая концепция касается именно формирования альтернативы карательной парадигме в правосудии по уголовным делам. И хотя в российском уголовном законодательстве закреплён институт примирения, упоминания о направлении на медиацию (на программы восстановительного правосудия) отсутствуют. А системы правосудия и правоохранительных органов, как правило, ориентируются на букву, а не на дух закона. Видимо, по этой причине из общего количества регионов, где есть ТСП, только около двух третей работают по такой категории случаев как уголовные дела. И другие регионы не спешат присоединиться.
6. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы в части, касающейся формирования дружественного к ребёнку правосудия, придала становлению восстановительного правосудия в сфере детства приоритетное значение. Это способствовало тому, что мы обозначили в качестве первой тенденции, т.е. официальной поддержке формирования восстановительных практик и созданию служб примирения. Межведомственный план мероприятий по реализации Концепции развития до 2017 г. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия, утверждённый Правительством РФ 8 мая 2015 г., предусматривал подготовку к 2017 г. проектов законодательных актов, предусматривающих возможности проведения медиации по определённым категориям уголовных дел, по административным правонарушениям, по включению сети служб медиации в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и пр. Разработанные в 2017 г. законопроекты не соответствовали сути восстановительного подхода и, к счастью, приняты не были, так что Министерство юстиции с задачей не справилось, надежды на появление федерального законодательства не оправдались. Это было бы важно, особенно в части использования восстановительных программ по уголовным делам. Так что по-прежнему развитие восстановительных практик остаётся делом регионов; в этом есть определённые ограничения, но и положительные стороны. Всё-таки рост количественных показателей свидетельствует о том, что на уровне региона многие задачи можно успешно решить.
 7. На федеральном уровне активную роль в продвижении восстановительных практик в сфере детства играет Министерство образования и науки России. Следует отметить, что речь идет не только о рекомендациях по созданию служб примирения/медиации в школах, но и о проектах по более широкому кругу тем, которые фокусируются на проблемах социализации и развития молодых людей. В рамках этой проблематики большое значение придается восстановительным практикам. В этом плане знаковым событием являются Методические рекомендации по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций (от 26.12.2017 г.), разработанные Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки Российской Федерации
 8. Активность Министерства образования в создании школьных служб медиации/примирения привела к их широкому распространению, так что сегодня регионов, где действуют ШСП, больше, чем тех, где существуют территориальные службы. В ШСП тоже немало проблем, в частности, обусловленных тем, что школьные службы учреждались в регионах нередко «по приказу» и потому не все из них являются реально действующими или соотносящимися с восстановительными принципами. Но важно обратить внимание на то, что благодаря более широкому распространению школьных служб примирения растёт число специалистов, которые занимаются восстановительными практиками в регионах, где пока нет ТСП, и укрепляется потенциал восстановительного сообщества. Усложнение категорий случаев, с которыми приходится сталкиваться медиаторам в школах, приводит к поиску новых форм крепления восстановительных практик, в том числе к созданию территориальных служб. А в сельских поселениях ШСП фактически выступает и в функции территориальной службы примирения.
 9. При наличии региональных различий в организационных и правовых условиях деятельности служб примирения предложения региональных координаторов о том, что нужно сделать для улучшения деятельности ТСП, схожи:

- создание территориальных служб примирения с отдельным функционалом и финансированием и/или обеспечение организационной стабильности, независимо от того, на какой базе (в каком учреждении) они работают;
 - улучшение межведомственного взаимодействия структур системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, судов, правоохранительных органов и служб примирения для развития восстановительного правосудия;
 - организация бесплатной (для слушателей) подготовки специалистов в области восстановительных практик для ТСП и ШСП;
 - обучение восстановительному подходу не только ведущих восстановительных программ, но и специалистов учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
 - распространение информации о деятельности служб примирения среди жителей;
 - профессиональная поддержка сообщества медиаторов, обмен опытом, укрепление сообщества специалистов по восстановительному правосудию.
10. Анализ показывает, что во многих регионах, вошедших в мониторинг, отсутствуют надежные механизмы, обеспечивающие устойчивость территориальных служб. Принимая во внимание эту проблему и ориентируясь на предложения региональных координаторов, важно зафиксировать основные вопросы, которые должны стоять на повестке дня. Главный из них – о статусе территориальных служб примирения. Можно ли считать нормальным маргинальное положение ТСП, когда деятельность по проведению восстановительных программ «маскируется» под психологические или юридические консультации, социальные услуги и пр.? Каковы механизмы закрепления ТСП и региональные варианты, обеспечивающие устойчивость их деятельности? Вопрос можно поставить и иначе: коль скоро «территориальная служб примирения» – это условное обозначение разных форм организации деятельности по проведению восстановительных программ, может быть стоит подумать и о других способах обустройства такой деятельности?
11. Здесь имеет смысл сравнить восстановительные практики на территориях и в школах. Относительно школ все более настойчиво звучит мысль о том, что восстановительные практики должны реализовываться не только за счет функционирования ШСП, но и в деятельности классного руководителя, администрации, школьного психолога, социального педагога в их повседневной работе, а не только в экстремальных случаях совершившего правонарушения или вспыхнувшего конфликта. Именно тогда можно говорить о складывании «восстановительной культуры школы». В этом плане роль ШСП состоит не только в том, чтобы работать с конкретными ситуациями, которые всегда будут происходить, но, скорее, в том, чтобы быть структурой, удерживающей восстановительную парадигму. Но если опираться на этот образец, то следует искать аналогию и в работе на территории и сказать, что реализация восстановительных практик должна осуществляться в виде дополнительного инструмента в деятельности специалистов в сфере работы с несовершеннолетними и их семьями. Именно так и происходит сегодня, и само по себе это значительный прогресс с точки зрения общего развития (гуманизации) социальных практик. Но важно помнить, что службы примирения (при всех сложностях их положения) являются центрами кристаллизации восстановительной парадигмы. Если же использование восстановительных программ добавить как еще один «инструмент» в набор средств специалистов в рамках существующей деятельности органов и учреждений, вряд ли восстановительная парадигма сможет закрепиться. Скорее она «растворится», будет поглощена старыми и потому более прочными структурами деятельности.
12. Это означает, что нужно развивать оба направления, но не подменять одно другим и четко осознавать различие этих двух форм. В этой связи существование территориальной службы примирения как таковой требует более четких организационных и правовых способов закрепления. А качественный анализ восстановительных программ является инструментом осознания самим специалистом, можно ли отнести проделанную им работу к восстановительному подходу.

13. Анализ проведенных восстановительных программ указывает на расширение спектра категорий случаев и усложнение ситуаций, с которыми работают ведущие. Этот процесс сопровождается соответствующими методическими разработками и демонстрирует потенциал восстановительного подхода, который позволяет осваивать новые социальные пространства. Сегодня наряду с программами по криминальным и квазикриминальным ситуациям появилось методическая основа для работы с воспитанниками закрытых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, для работы со сложными семейными ситуациями, со сложными и запутанными ситуациями в школах. Но реализация этих методических разработок, равно как и реализация восстановительных программ в области уголовного правосудия требует адекватных управленческих технологий.
14. Обратная связь от участников восстановительных программ дает представление о том, насколько значимы эти программы. Аргументы, которые люди приводят для обоснования ценности этих программ, указывают на принципиальные отличия восстановительных программ от привычных практик. Именно это служит самым главным показателем эффективности деятельности служб примирения и источником энергии для продолжения этой работы.

Примечания

- 1 Формы для сбора информации разработаны Л.М. Карнозовой и А.Ю. Коноваловым; электронная форма таблиц по сбору данных разработана Г. Г. Ушаковой.
- 2 Руководство по проведению мониторинга см. на сайте Общественного центра «Судебно-правовая реформа»: Карнозова Л.М., Коновалов А.Ю. Руководство по мониторингу деятельности служб примирения по проведению восстановительных программ. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2018 (дополненная версия). www.sprc.ru.
- 3 Полный список используемых в мониторинге понятий см. в Руководстве по мониторингу. www.sprc.ru.
- 4 Для сопоставимости данных последних двух лет здесь в показатели 2016 г. мы включили помимо 102 служб из табл. ТСП-1 еще 3 службы из ТСП-7, которые в 2016 г. не включались в общую сумму (а в мониторинге за 2017 г. этот показатель вошел в ТСП-1); соответственно, в данных 2016 г. мы учитываем и количество программ, проведенных в закрытых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей.
- 5 Соответствующие документы размещены в электронных сборниках: Создание и поддержка служб примирения в регионах (сборник материалов) / Сост. Л.М. Карнозова, А.Ю. Коновалов. Часть 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2016; «Создание и поддержка служб примирения в регионах (сборник материалов). Часть 2 / Сост. Л.М. Карнозова, А.Ю. Коновалов. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2018. <http://sprc.ru>
- 6 Дунаева Е.А. Организационные условия деятельности территориальных служб примирения в регионе. Материалы мониторинга за 2017 г. Архангельская область.
- 7 Раченкова Л. С. Организационные условия деятельности территориальных служб примирения в регионе. Материалы мониторинга за 2017 г. Алтайский край.
- 8 Коновалов А.Ю. Из материалов анализа организационных условий деятельности ТСП в Москве, 2017.
- 9 Хавкина А.Л. Из материалов анализа организационных условий деятельности ТСП (МСП) в Пермском крае, 2017.
- 10 Дунаева Е.А. Организационные условия деятельности территориальных служб примирения в регионе. Материалы мониторинга за 2017 г. Архангельская область.

- 11 Описание основных элементов такой программы под названием «Школьно-семейный совет» см. в статье: *Коновалов А.Ю.* Городская служба примирения в системе образования города Москвы // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 14, 2017. С. 71–73.
- 12 *Маловичко И.С., Голустьянц О.А., Шефатова Л.П.* Методика проведения программ челночной восстановительной медиации между несовершеннолетними правонарушителями и пострадавшими от их действий в закрытых учреждениях «Письмо обидчика пострадавшему о заглаживании вреда» // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 14, 2017. С. 181–189.
- 13 Проект реализован в 2017 г. Калтанским СУВУ (Кемеровская область) совместно с Центром «Судебно-правовая реформа» и с привлечением членов Всероссийской ассоциации восстановительной медиации из Кемеровской, Волгоградской и Свердловской областей.
- 14 Модельное описание программы «Семейная конференция» для специальных учебно-воспитательных учреждений: Методическое пособие / Под ред. А.Ю. Коновалова, Е.В. Белоноговой. – М.: МОО Общественный центр «Судебно-правовая реформа», Калтан: Калтанское СУВУ, 2017.
- 15 *Дунаева Е.А.* Качественный анализ восстановительных программ. Архангельская область.
- 16 Там же.
- 17 См. в настоящем выпуске Вестника: *Белоногова Е.В.* Опыт проведения семейной конференции по ситуации воспитанника СУВУ: описание кейса.
- 18 Все кейсы по проведенным программам в рамках данного проекта описаны в: Модельное описание программы «Семейная конференция» для специальных учебно-воспитательных учреждений: Методическое пособие / Под ред. А.Ю. Коновалова, Е.В. Белоноговой. – М.: МОО Общественный центр «Судебно-правовая реформа», Калтан: Калтанское СУВУ, 2017.
- 19 См.: Создание и поддержка служб примирения в регионах (сборник материалов). Ч. 1 / Сост. Л.М. Карнозова, А.Ю. Коновалов. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2016. С. 66–90.
- 20 При описании конкретных программ имена участников изменены.
- 21 Из отчета ведущего // *Дунаева Е.А.* Качественный анализ восстановительных программ, 2017.
- 22 См. в настоящем выпуске: Вуд У. Р., Сузуки М. Четыре вызова будущему восстановительного правосудия.
- 23 *Махнева О.П.* Качественный анализ восстановительных программ. Свердловская область, 2017.
- 24 Из отчета ведущего // *Дунаева Е.А.* Качественный анализ восстановительных программ, 2017.
- 25 См.: Модельное описание программы «Семейная конференция» для специальных учебно-воспитательных учреждений: Методическое пособие / Под ред. А.Ю. Коновалова, Е.В. Белоноговой. – М.: МОО Общественный центр «Судебно-правовая реформа», Калтан: Калтанское СУВУ, 2017; а также: *Максудов Р.Р.* Проведение семейных конференций в контексте укрепления института семьи // в настоящем выпуске.
- 26 Из выступления Ю.А. Ковалевой, начальника отдела по вопросам семьи, материнства и детства Министерства труда и социальной защиты Алтайского края, на межрегиональном семинаре Общественного центра «Судебно-правовая реформа» по анализу восстановительных программ в контексте работы с несовершеннолетними и их семьями 23 марта 2018 г.

МОНИТОРИНГ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ ЗА 2017 ГОД, ПРОВЕДЕННЫЙ В РАМКАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ

Коновалов Антон Юрьевич,

руководитель направления «Школьные службы примирения»

МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа»,

KonovAlov-A@yandex.ru

www.школьные-службы-примирения.рф

1. Введение: смысл данного мониторинга

Мониторинг школьных служб примирения собирается с 2009 года.

Все данные по предыдущим годам можно посмотреть тут: www.8-926-145-87-01.ru/метод/мониторинг-и-исследования

Цели мониторинга:

1. Отобразить, что происходит в реальности с практикой школьных служб примирения, как формой реализации восстановительных принципов и программ. Это помогает лучше осмысливать нашу деятельность и выстраивать стратегию ее развития.
2. Дать возможность службам примирения и их объединениям (региональным ассоциациям) увидеть, насколько их деятельность соотносится с практикой других регионов и восстановительным подходом в целом.
3. Способствовать повышению качества работы специалистов служб примирения, и при этом допускать разнообразие форм работы и проявление инноваций.

Многие регионы утвердили различные документы, предусматривающие стратегию развития служб примирения, межведомственное взаимодействие для реализации восстановительного подхода, методические рекомендации и т.д. Мы считаем, что региональным координаторам Всероссийской ассоциации восстановительной медиации (ВАВМ) нужны данные мониторинга, в том числе для возможности анализа и оценки,

насколько реализуется стратегия развития служб примирения в регионе.

Для процедуры оценки необходимо иметь представление о конечном результате (модели), на соответствие с которым производится оценка полученного на практике результата (для этого многие территории разрабатывали Региональные стратегии развития ВП), а также иметь разработанные методы оценки. Однако и сама модель ШСП тоже развивается, и требует подтверждения своей эффективности на практике. Поэтому, например, в количественном мониторинге фиксируется соотношение числа завершенных программ к числу переданных обращений – по скольким обращениям удалось достичь результата. Оценка нужна тому, кто осуществляет те или иные изменения и управляет этими изменениями, внося инновации для решения той или иной проблемы, и на данный момент это – региональные координаторы в рамках ВАВМ. Сейчас система оценки находится в стадии разработки¹, но некоторые ее элементы реализованы в представленном мониторинге.

На данный момент в рамках мониторинга оценка производится²:

1. На соответствие проведенных программ примирения принципам восстановительного подхода, указанным в «Стандартах восстановительной медиации»³ и в «Методических рекомендациях по созданию и развитию служб примирения в образовательных организациях»⁴, «Порядке работы медиатора»⁵. Без реализации восстановительных принципов деятельность специалиста службы примирения

теряет смысл: если в восстановительной программе не реализовались принципы (если в результате восстановительной программы обидчик не загладил причиненный вред, или жертва осталась обиженной, вражда продолжилась или за участников всё решила администрация и т.п.), то такую программу нельзя считать успешной. Результат фиксируется в форме отчета ведущего⁶, где в таблице указаны основные принципы, а ведущий указывает, как они были реализованы в ходе программы (примеры см. ниже).

2. На соответствие деятельности службы примирения критериям, указанным в типологии, разработанной И.С. Маловичко «Типология служб примирения». В частности, фиксируются такие показатели, как наличие реальной практики (не менее 4 ВП в год), сложность ситуаций, с которыми работает служба и т.д. Основанием для этих показателей служат *Стандарты восстановительной медиации и Методические рекомендации по организации и развитию служб примирения (письмо Минобрнауки РФ №07-4317 от 18.12.2015)*.
3. На соответствие созданных в регионе условий минимальному списку индикаторов устойчивости, включающему такие вопросы, как:
 - наличие утвержденных региональных документов,
 - наличие программ повышения квалификации, в которых преподают практикующие специалисты ВП,
 - наличие взаимодействия и поддержки школьных и территориальных служб примирения
 и т.д.

Некоторые описания проведенных программ издаются отдельными сборниками (см. www.8-926-145-87-01.ru/метод/практика-служб-примирения).

Также во многих регионах ассоциациями разработаны и приняты региональные концепции и/или рекомендации по развитию служб примирения, в соответствии с которыми осуществляется деятельность. Примеры можно посмотреть тут: www.8-926-145-87-01.ru/регионам/региональные-документы

В рамках мониторинга применяются три способа оценки:

- А) Самооценка со стороны ведущих (в том числе школьников-волонтеров службы примирения): ведущий ВП и/или куратор ШСП сам заполняет форму.
- Б) Информация от региональных координаторов.
- В) Обратная связь от внешних агентов: участников конфликтной ситуации, родителей, директоров школ.

Вне рамок мониторинга есть исследования эффективности российской практики ШСП и ВП, но их количество пока очень незначительное. Их можно посмотреть по ссылке: www.8-926-145-87-01.ru/метод/мониторинг-и-исследования. Развитие качественных исследований деятельности служб примирения и их влияния на социум, в том числе поможет повысить эффективность описываемой практики.

Фиксация оценки служб примирения на соответствие разработанным критериям и документам происходит в форме ежегодного межрегионального мониторинга деятельности служб примирения (методическая разработка и реализация общественного центра «Судебно-правовая реформа»⁷).

Отметим, что в настоящее время деятельность по оценке не выделена как отдельная (только в рамках мониторинга), не прописана процедурно. Ее более полное оформление является актуальной задачей. Также отметим, что сама модель службы примирения развивается, становится более вариативной (например, для колледжей, детских садов, детских домов, интернатов, закрытых спецшкол – СУВУ и т.д.), что потребует вариативности форм и, возможно, разработки разных методов оценки.

Мы рассчитываем, что, с одной стороны, в результате полученных в рамках мониторинга данных, и, с другой стороны, повышения квалификации специалистов, мы будем улучшать доказанную эффективность нашей практики⁸.

Форма данного мониторинга направлена на рефлексию своей деятельности медиаторами, кураторами/руководителями школьных служб примирения и региональными координаторами, позволяя им критично относиться к своей работе, анализировать и разрабатывать дальнейшие шаги по развитию служб примирения на своих территориях.

Как и в прошлые годы, наш мониторинг не ставит цель проанализировать все службы примирения в России. Он собирается регионально-

ми координаторами Всероссийской ассоциации восстановительной медиации на территориях, где есть заинтересованные и взаимодействующие с Ассоциацией команды. Школы предоставляют данные добровольно, поэтому, безусловно, есть активно и качественно работающие службы примирения, данные о которых по тем или иным причинам не вошли в данный мониторинг. Также (выше мы об этом уже упоминали) мы включаем в мониторинг только действующие службы примирения, то есть проводящие не менее 4 восстановительных программ в год, а значит малоактивные службы примирения не отражены в табл. ШСП-1, но соотношение количества разных служб примирения представлены в табл. ШСП-3.

В этом году мы перевели таблицы количественных данных в электронную форму (программа Excel), чтобы исключить арифметические ошибки на стадии сбора данных. Кроме того, мы разработали первичную форму (анкету) для образовательных организаций, упрощающую сбор количественных данных. Однако остается вопрос оперативной первичной фиксации проведенных программ (в форме предложенного журнала, в электронной форме или в иной), который ведется далеко не во всех школьных службах примирения. В результате нередко к концу года к моменту сбора мониторинга информация теряется или искажается. Особенно это относится к качественному мониторингу. В некоторых регионах информацию собирают раз в квартал или в полгода, что позволяет более оперативно отслеживать работу службы, но добавляет работу координаторам.

Описание мониторинга разделено на четыре раздела.

1. Анализ деятельности ведущих восстановительных программ (и волонтеров служб примирения) с конкретными ситуациями (анализ проведенных программ и обратная связь)
 - Качественный мониторинг за 2017 год по материалам присланных кейсов
 - Пример восстановительной программы
 - Обратная связь от региональных координаторов по проведенным программам
 - Обратная связь от сторон конфликта и их родителей
2. Анализ деятельности служб примирения
 - Количественный мониторинг деятельности школьных служб примирения – 2017 г.

- Диаграммы изменения основных показателей школьных служб примирения с 2009 года.
 - Обратная связь от директоров, кураторов, школьников-волонтеров ШСП.
 - Распределение школьных служб примирения по типам
3. Анализ региональной практики развития сети служб примирения
 - Информация от региональных координаторов
 4. Анализ деятельности в рамках межрегионального движения служб примирения (Всероссийской ассоциации восстановительной медиации)
 - Контексты 2017 года
 - В чем ожидается поддержка региональной ассоциации и Всероссийской ассоциации восстановительной медиации
 - Информация о людях, предоставивших данные мониторинга.

Для целей настоящего мониторинга используются следующие понятия:

Школьная служба примирения (ШСП) – утвержденная приказом директора детско-взрослая команда, которая в рамках образовательной организации проводит восстановительные программы по случаям конфликтов и правонарушений несовершеннолетних. Возможно, что в составе службы примирения работают только взрослые специалисты. Название может варьироваться («детская служба примирения», «служба школьной медиации» и пр.), но важна ориентация на восстановительные принципы (принципы восстановительного правосудия). Действующей считается служба, которая проводит не менее 4-х восстановительных программ в год, либо которая создалась меньше года назад, но уже провела восстановительные программы. В таблице ШСП-1 количественного мониторинга ШСП указывается число **действующих** школьных служб примирения, работающих в соответствии с моделью школьных служб примирения (см. сайты www.srgc.ru и www.школьные-службы-примирения.рф).

Восстановительная программа – восстановительная медиация, семейная конференция, круг сообщества и другие, в которых реализуются базовые ценности и принципы восстановительного правосудия. В таблицах количественного и формах качественного мониторинга для обозначения восстановительной программы используется термин «программа».

Одна восстановительная программа – работа ведущего восстановительных программ (медиатора) по разрешению конкретной криминальной или конфликтной/проблемной ситуации. Одна программа определяется кругом основных участников, целью, повесткой дня (т.е. списком обсуждаемых тем и вопросов) и заканчивается общей встречей участников, на которой вырабатывается соглашение между ними и/или принимается письменный итоговый документ: примирительный договор либо протокол о результатах встречи. Количество начатых программ может не совпадать с количеством поступивших заявок. К примеру, когда по одному случаю может быть проведено несколько восстановительных программ: программа по заглаживанию вреда между правонарушителем и жертвой, программа примирения в семье какой-то из сторон, круг в классе; или по одной проблемной ситуации организуется несколько кругов с разными участниками и пр. То есть начатых программ может оказаться и больше, чем поступивших заявок/обращений.

Начатая программа – программа считается начатой, если проведена хотя бы одна предварительная встреча.

Завершенная программа – программа считается завершенной, если стороны урегулировали ситуацию: заключен примирительный договор или составлен согласованный план по урегулированию ситуации, согласованы вклады людей в решение проблемной ситуации и т.д., и при этом были реализованы принципы восстановительного правосудия (восстановительной медиации).

Восстановительная профилактическая программа – программа по ситуациям, имеющим риск развития (эскалации) конфликта или совершения правонарушения, в рамках которой **участники берут на себя ответственность** за их предотвращение и/или улучшение отношений и реализуются принципы восстановительного правосудия (восстановительной медиации – в соответствии со «Стандартами восстановительной медиации»).

Заглаживание вреда – действия, осуществляемые лицом, совершившим правонарушение либо иное действие, приведшее к причинению вреда, и направленные на устранение или нейтрализацию вреда, причиненного пострадавшему. Заглаживание вреда может осуществляться не только в форме возмещения имущественного вреда и денежной/материальной компенсации морального вреда, но и иными действиями правонарушителя (обидчика), если таковые **принимаются пострадавшей стороной как действия по заглаживанию вреда**. К таким действиям могут быть отнесены и извинения, если они приняты

пострадавшим. В программах ВП заглаживание вреда осуществляется собственными силами и средствами правонарушителя – максимально насколько это возможно, а при невозможности – его родителями.

Жертва – обозначение лица, которому причинен вред (в том числе обида) в результате деяния правонарушителя/обидчика. Синонимом является термин «пострадавший».

Правонарушитель (обидчик) – человек, действием которого причинен вред другому человеку/группе людей.

1. Анализ деятельности ведущих восстановительных программ (и волонтеров служб примирения) с конкретными ситуациями (анализ проведенных программ и обратная связь)

Качественный мониторинг за 2017 год по материалам присланных кейсов

Мониторинг помогает приводить в соответствие деятельность специалиста школьных служб примирения принципам восстановительного подхода (восстановительного правосудия) – как условие качественной работы службы примирения. Одним из итогов работы специалиста ВП со случаем является заключение примирительного договора/составление согласованного плана по урегулированию ситуации/согласованные вклады людей в решение проблемной ситуации в рамках принципов восстановительного правосудия (восстановительной медиации). Специалист ВП не отвечает за выполнение данного договора/плана, это ответственность самих участников. Однако по отношению к школьным ситуациям с участием несовершеннолетних важным является принцип предупреждения подобного в будущем и прекращения вражды. Объем вынуждает нас расставить акценты, если в прошлогоднем мониторинге мы старались полнее раскрыть принцип участия уважаемых (значимых) взрослых, в этом мы подробнее остановимся на недопущении подобного в будущем.

Действительно, выполняемость договора является важным элементом восстановительной программы. У медиатора нет и не может быть рычагов воздействия на стороны в случае невыполнения договора сторонами (например, если несмотря на договор, школьник-обидчик продолжает травить, портить вещи, бить и унижать жертву). Если школа отказалась от административного воздействия и наказания, значит вос-

становительная программа должна использовать иные механизмы, которые низят риск повторения и эскалации конфликта и/или правонарушения. На наш взгляд, эти механизмы исходят из восстановительных принципов.

1. Принцип понимания своей ситуации (и ситуации других участников) запускает механизм рефлексии (переосмысления и анализа) в противоположность механизму самооправдания с самозащиты, часто наблюдаемых при угрозе наказания. Порой вне восстановительных программ участники конфликта даже не обсуждают, что именно произошло, а сразу переходят к «боевым действиям»: угрозам, давлению, манипуляции, шантажу... Без рефлексии участникам сложно взглянуть на ситуацию с разных сторон, увидеть в ней новое, чего они раньше не замечали.

Но именно «взгляд под новым углом» способствует нахождению решения, которое до этого стороны конфликта не замечали.

Здесь и далее, читая проведенные примеры из отчетов нужно помнить, что мы обращаемся только к тексту отчета. В реальности программа могла проходить иначе. И нужно помнить, что не все, кто хорошо проводят программы могут написать ясны отчет, и наоборот, возможно в части отчетов не зафиксированы какие-либо проблемные моменты. Поэтому с глубоким уважением ко всем практикующим специалистам ВП и только в качестве примера приводим цитаты из отчетов. Итак:

Примеры из отчетов и «обратной связи» участников

Спорное описание

Света девочка эгоистичная, любит, когда ей уделяют внимание, дарят подарки, сама ничего взамен не предлагает. (Из отчета ведущего).

Стояла задача восстановить общение между участниками конфликта, научить разрешать конфликт мирным путем. (У кого стояла такая задача? Это скорее педагогическая позиция. Как это относится к пониманию переживаний, состояний, последствий другой стороны конфликта?).

Классный руководитель дал оценку произошедшего и краткую характеристику каждого подростка во время сбора информации о ситуации. (А в чем ее понимание? Именно рефлексивное понимание, а не диагностика и оценка...).

Описание, проясняющее реализацию принципа

Пострадавшая девочка в ходе встречи поняла, что приняла действия одноклассника как глупую игру, в результате которой она по-

страдала. Оля и её папа поверили Ване, что он не подозревал, что жидкость, которую можно употреблять в пищу, может поранить глаза, а значит мальчик не предвидел, что такая забава может причинить вред здоровью человека.

2. Осознание обидчиком последствий своих действий для конкретного человека (пострадавшего в ситуации) и заглаживание им причиненного жертве вреда. Обычно обидчик не сталкивается с последствиями своих действий по отношению к пострадавшему человеку, а обидчику говорят о нарушении нормы, которую он нарушил (устав школы, закон, правила поведения и пр.), при этом он оправдывается и думает, как обойти ограничение. По отчетам ведущих ВП видно, что часто именно на восстановительной программе обидчик неожиданно для себя узнает, что казавшиеся ему шуткой и развлечением действия принесли жертве реальные травмы, обиды и другие нехорошие последствия. Именно из понимания конкретного вреда человеку и признания несправедливости этих последствий рождается готовность заглаживать причиненный жертве вред. При этом обратите внимание, мы говорим не про вину (ее устанавливают правоохранительные органы), а про вред, который люди определяют между собой.

И еще: педагоги часто говорят: «поставь себя на его место» и начинают рассказывать, как плохо было жертве и как плохо было бы обидчику, если бы с ним сделали то же самое. Но без рассказа самого пострадавшего человека – все это остается фантазиями специалиста, поскольку только сама жертва может искренне рассказать, как ей было на самом деле. Поэтому ведущий ВП в ходе встречи поддерживает «насыщенный» рассказ жертвы, чтобы обидчику стало понятно, как его действия отразились на другом человеке, и создает условия, чтобы обидчик принял на себя ответственность по заглаживанию вреда (а в какой форме и каком объеме – договариваются сами стороны).

Причем, вопрос не только в том, чтобы вернуть обратно взятую и испорченную вещь (это произойдет и в административной процедуре), а и в том, чтобы ребенок по возможности сам исправил весь

причиненный вред. Например, если над жертвой стали смеяться в классе – приложил усилия, чтобы добиться прекращения насмешек.

Примеры из отчетов и «обратной связи» участников (заглаживание вреда)

Спорное описание

Классный руководитель, Тоня и ее мама согласились участвовать в медиации (автор описания в согласии встретиться увидел ответственность перед жертвой, но в чем было заглаживание вреда из данного описания, непонятно).

Описание, проясняющее реализацию принципа

Обидчики согласились оплатить стоимость туфель в размере 1000 рублей. Мальчики так же извинились за свое поведение перед девочкой. Поскольку оплата за туфли была произведена законными представителями мальчиков, ребята обещали выполнять определенные обязанности по дому (в течение месяца производить уборку дома, ходить в магазин и не получать ни одной тройки), тем самым возмещая затраченную родителями сумму посильной помощью.

3. «Дать голос жертвам». Типичные реакции на жертву: обесценивание (да успокойся, с кем не бывает), обвинение (сама спровоцировала), формальное выслушивание («да-да, я тебя понимаю, но хватит уже об этом»). Типичный педагогический взгляд: в конфликте оба виноваты, и потому пострадавших нет.

Примеры из отчетов и «обратной связи» участников (исцеление жертвы)

Спорное описание

Необходимо обратить внимание на Леру, так как в большинстве конфликтов и перестроении дружеских пар инициатором была именно она (из отчета медиатора про жертву).

Жертва своим поведением, отношением к девушкам-участницам спровоцировала данный конфликт.

Описание, проясняющее реализацию принципа

Жертва приобрела спокойное настроение после решения конфликтной ситуации с ущербом (из отчета медиатора про жертву)

Аврора была очень расстроена произошедшим, переживала за испорченный телефон, поскольку это был подарок родителей. Она не понимала, почему именно ее портфель схватил Раиль, зачем бегал с ним по классу и в конечном итоге бросил его

Преодоление страха перед личностью бабушки, восстановление доверия, признание несправедливости.

4. Что будет удерживать обидчика от повторения ситуации? Криминолог Джон Брейтуэйт⁹ указывается еще на один фактор: воссоединяющий стыд. В отличие от клеймящего стыжения чужих людей, которые связывают деструктивный поступок с личностью человека, его прошлым, будущим, окружением («ты хулиган, всегда им был, им останешься, и дружки у тебя такие же»), в воссоединяющем стыжении значимый и уважаемый ребёнком человек различает человека и его негативный поступок, доносит недопустимость поступка, и обсуждает путь исправления ситуации. Еще раз подчеркну: стыжение принимается и будет услышано, только если тот, кого стыдят, глубоко уважает стыдящего, а иначе даже самые правильные слова превратятся в морализаторство. Ведущий ВП не может воспитывать чужого ребенка, но он может пригласить на встречу родителей, друзей и других людей, которых уважает ребенок, и со стороны которых он будет готов услышать и принять воспитательное влияние. Поэтому ведущему надо найти людей, которых уважает ребенок (кстати, самое простое – спросить у самого ребенка).
Что мы видим в отчетах?

Примеры из отчетов и «обратной связи» участников

Спорное описание

Социальный педагог школы. (В отчете больше пояснений нет: зачем социальный педагог, пригласил ли его ребенок, уважает ли он его, в чем вклад соц.педагога в решение ситуацию – неизвестно).

Классный руководитель написала заявку в ШСП (В этом его вклад?)

Описание, проясняющее реализацию принципа

Обещания даны в присутствии родителей, поэтому родители тоже контролируют поведение детей.

Родители сумели оказать поддержку своим детям, тем самым помогли им разобраться со сложившейся ситуацией.

5. Прекращение вражды. Формирование образа врага подробно описывается в статье «Особенности работы медиатора в

восстановительном подходе» www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/06/Особенности_работы_специалиста_по_восстановительным_практикам1.pdf

Примеры из отчетов и «обратной связи» участников

Описание, проясняющее реализацию принципа

Взаимное рукопожатие отцов и детей с отцами и друг с другом.

6. Обсуждение действий, что кто и что конкретно будет делать, чтобы подобное не повторилось. Остановимся подробнее. Обычно этот пункт выражается в обещании больше так не делать.

Из отчета. *Выводы по кейсу, сделанные медиатором: «Медиация решила конкретную конфликтную ситуацию, на определенный момент времени. Конфликтные ситуации между данными учащимися продолжаются».*

Начиная со средней школы, достаточно ли слов обидчика «я больше так не буду» или нет? Не станет ли это формальным ответом? Должны ли ведущие спросить, какие у человека есть **основания так говорить**, и что именно он сделал, чтобы повтор не случился? Обратите внимание, что акцент не на слова, а на действия: уже сделанные либо запланированные к определённому сроку и с конкретным результатом. Приведем пример:

- А) *Отец укравшего ребенка: «Я уже все обсудил с сыном, этого больше не повторится!»*

Ведущий: «А разве вы раньше не говорили ему, что нельзя красть? Чем именно этот ваш разговор отличался от всех предыдущих, которые как вы видите, не помогли предотвратить случившееся? Что дает основание вашей уверенности?»

- Б) *Классный руководитель на Круге по конфликту: «Ну а я, как и всегда, буду воспитывать и помогать».*

Ведущий. «Если вы будете делать тоже самое, что делали всегда, вы скоро придете к тому же результату, который есть сейчас, а это конфликт. Поэтому уточните пожалуйста: сейчас вы услышали всех в Круге, так что именно из

того, что вы еще до этого не делали. Вы теперь будете делать?»

Еще один момент: педагоги часто «сглаживают» этот вопрос, порой даже подсказывая ответ: «Мы так поняли, что ты же больше так не будешь, верно?». В то время как важно прояснить, в чем именно противоречие, которое требует решения, и на которое нет простого ответа. Например, после драки:

Обидчик: «Я его ударил, потому что он много раз лез ко мне и обзывался, я много раз говорил, чтобы он отстал, все даже смеялись, потом ударил, но я больше так не буду».

Есть ли это ответ на вопрос, ведь обидчик сказал, что «не будет»? Вряд ли. Если к нему опять «будут лезть», что он должен сделать? Отступить? Сказать словами? А что это за слова, чтобы они **возымели действие**? Похоже, что тут еще нет даже самого вопроса. Вопрос для них обоих, например, мог бы быть таким: «*А как ты можешь реагировать на оскорбления и рукоприкладство, чтобы, с одной стороны, это сработало, и к тебе перестали лезть и твой статус не упал в глазах одноклассников, а с другой стороны, не применяя силу, не причиняя ответный вред – тем более что это запрещено? Есть у тебя ответ на этот вопрос?»*. Многие школьники говорили, что нет, но потому и надо обсуждать вместе, чтобы найти. И возможно этот вопрос не столько к школьным специалистам, сколько к родителям: обсуждают ли они с детьми, как детям в конфликте отстаивать себя и достигать успеха (а не постоянно уступать) своих целей, но не причинять вред окружающим? По нашим наблюдениям, порой и родителей подобные вопросы ставят в тупик, но без ответа на них нет уверенности, что в другой раз ситуация будет решена мирно. Найденные ответы включаются в договор или план, а ведущий следит, чтобы формулировки были понятными и однозначными, и при необходимости просит участников уточнить смысл сказанного.

Примеры из отчетов и «обратной связи» участников

Спорное описание

Заклучили примирительный договор (и что в договоре обеспечит его выполнение?).

В следующий раз стороны попытаются найти конструктивное решение (а почему сейчас, в спокойной обстановке, не нашли?)

Описание, проясняющее реализацию принципа

Договорились в подобных ситуациях сначала выяснять причину случившегося, до этого не предпринимая агрессивных действий.

Пострадавшая девочка донесла до одноклассника мысль о том, что ему не следует вестись на отрицательные поступки других ребят, думать перед тем, как что-то делает, в том числе на переменах в играх.

Аня сказала о том, что ей надо очень внимательно следить за своими вещами и не забывать их. Мальчики решили, что если найдут ещё раз обувь или другие вещи, то обязательно принесут их дежурному учителю или своему классному руководителю.

Пример восстановительной программы

Восстановительная программа юных волонтеров службы примирения.

Шмойлова Алина – волонтер школьной службы примирения
ГБОУ СОШ № 9 г. Кинель Самарской области

Описание случая

В марте 2017 года возник конфликт между двумя учащимися 8-го класса: девочкой Машей и мальчиком Сашей. Хочется отметить, что конфликт был затяжной, но именно в марте этого года Маша резко отреагировала на то, что Саша столкнул ее учебники с парты на пол. Маша расплакалась, отпросилась домой и на следующий день не пришла в школу. Мама Маши начала звонить классному руководителю, что ее дочь не хочет идти в школу, потому что над ней издеваются, особенно Саша (подговаривает некоторых мальчиков обзывать ее; говорит мальчикам в классе: кто до ее вещей и или до нее самой дотронется, тот «лох» и др.). Мама Маши требовала встречи с родителями Саши в кабинете директора. Классный руководитель предложила обоим родителям, чтобы их дети попробовали сами разобраться в своем конфликте с помощью волонтеров-медиаторов из ШСП. Родители дали согласие на участие детей в примирительной программе. Хочется отметить некоторые характеристики этих детей: Маша спокойная, опрятная, исполнительная девочка, учится средне, имеет небольшой круг постоянных подруг. Саша активный, общительный, в основном неконфликтный, творчески развитый, стремится к лидерству.

Участники программы

Примирительную программу провели волонтеры ШСП Гришунин Андрей и Шмойлова Алина. Обидчик – ученик 8-го класса Саша, 14 лет. Жертва – ученица 8-го класса Маша, 14 лет.

Предварительные встречи состоялись на третий день после конфликта.

Предварительную встречу с обидчиком провел Гришунин Андрей. На встрече с Сашей выяснилось, что он не особенно переживает чувство вины и не понимает, из-за чего на него обиделась Маша. Считает, что это была шутка, но он готов прийти на примирительную встречу и поговорить с Машей в присутствии медиаторов.

Предварительную встречу с жертвой провела Шмойлова Алина. На встрече с Машей выяснилось, что она переживает обиду, чувствует себя униженной и считает, что такое отношение к ней несправедливо. Маша тоже согласилась прийти на примирительную встречу и поговорить с Сашей в присутствии медиаторов о сути конфликта.

Примирительная встреча состоялась в этот же день на 6-м уроке.

Первый этап встречи – создание условий

На примирительной встрече участники и 2 медиатора находились в кругу, Саша и Маша сидели напротив друг друга. Были объяснены правила проведения встречи: добровольность участия, каждый может закончить встречу в любой момент, говорить по очереди, без оскорблений, соблюдается конфиденциальность.

Второй этап встречи: рассказы о случившемся и его последствиях

На встрече медиаторы поочередно давали слово каждой из сторон. Андреем был задан вопрос: «Что произошло в день конфликта и что каждый при этом чувствовал?» Маша, обычно молчаливая, стала активно высказываться, припоминая все свои прежние обиды. Ей очень неприятны оскорбления, тем более, что они не заслужены. Это её унижает, и она чувствует себя незащищенно. Саша, наоборот, обычно многословный, больше слушал. Он подтвердил, что столкнул учебники и подговаривал некоторых мальчишек не касаться ее вещей, но считал это игрой. В тот день никакого чувства вины он не ощущал, но сейчас понял, что сделал больно своей однокласснице.

Алина задала вопрос: «К чему могут привести отношения, если в них ничего не менять?» Женя ответила, что если она раньше старалась не реагировать на такие выходки, то сейчас ей все труднее себя сдерживать. И самое главное, она не захочет идти в школу, а значит, будет хуже учиться. Саша ответил, что он согласен с тем, что отношения ухудшатся. Потому что если, она будет так резко реагировать, то и он не сможет скорее всего сдержаться. Возможно, что эта, с его точки зрения, просто игра перерастет в настоящий конфликт. Родители скорее всего тоже будут вы-

сказывать претензии друг к другу, они будут испытывать стыд и обиду за своих детей.

Андрей предложил следующий вопрос: «Что каждый из вас готов сделать, чтобы подобные конфликты не повторялись?» Саша ответил, что он понял, насколько больно Маше от его выходок, и готов принести свои извинения. Он постарается останавливать мальчишек, если они продолжат над ней издеваться. Маша ответила, что она постарается быть сдержанной и не держать зла на Сашу, но будет теперь говорить о своих чувствах, а не молчать как раньше.

Третий этап встречи: Принесение извинений

После того как ситуация прояснилась и чувства были высказаны, Саша попросил прощения у Маши и высказал сожаление о случившемся.

Маша приняла извинения.

Четвертый этап встречи. Что способствовало развитию конфликта

Маша сказала, что она слишком близко к сердцу принимает все мальчишеские замечания, часто чувствует себя неуверенно, не умеет и не хочет отвечать им такими же фразами. Маша также заметила, что в классе мальчики практически не дружат с девочками. Саша сказал, что хотелось выглядеть важным, сильным, с интересным чувством юмора, немного агрессивным. Другие девочки, как правило, грубили или отвечали с юмором, общаясь с ним и его друзьями. Маша казалась слабой и над ней легко было шутить.

Пятый этап встречи – завершение

Алина предложила участникам высказаться о том, что дала им эта встреча. Оба участника сказали, что смогли понять друг друга, причины своего поведения и поведения каждой из сторон. Маша также сказала, что чувствовала себя смелой в этом разговоре.

Результатом встречи стал примирительный договор. Участники пришли к выводу, что важно, принимая решения, с пониманием относиться к другим, видеть в других прежде всего людей, имеющих право быть такими, какие они есть, учитывать их интересы. После примирительной встречи медиаторы еще несколько раз встречались с Машей и Сашей на переменах, чтобы убедиться, что договор соблюдается, помогали им понять изменения в чувствах и переживаниях.

Тип проведенной программы – восстановительная медиация.

Характер конфликта некриминальный. В основе обида, недопонимание, желание самоутвердиться, применяя элементы буллинга.

Считаю, что программа имела положительный эффект, так как был предотвращен более тяжелый конфликт и личные нарушения у пострадавшей. С жертвой впоследствии были проведены педагогом-психологом беседы об особенностях характера и общения со сверстниками. В классе был проведен классный час на тему «Два полюса, два материка» о взаимоотношениях мальчиков и девочек.

Принципы восстановительного подхода	Реализация (в чем и как проявилась)
Восстановление взаимопонимания у участников.	Созданы условия для того, чтобы каждый мог высказаться и быть услышанным другими
Принятие участниками конфликта на себя ответственности по его урегулированию	Ребята согласились на встречу, пришли добровольно, желали разобраться и наладить отношения. Они проявляли интерес к поиску решения по исправлению ситуации, которое устраивало каждого из них
Ответственность обидчика перед жертвой	Согласие на обсуждение ситуации, то есть на предварительную и примирительную встречи. Понимание чувств жертвы. Принесение ей извинений
Исцеление жертвы	Понимание ситуации глазами обидчика. Принятие от него извинений. Повышение уверенности в себе
Как стороны ответили на вопрос «Что важно сделать для того, чтобы подобное не повторилось?»	Саша ответил, что он понял, насколько больно Маше от его выходок, и готов принести свои извинения. Он постарается останавливать и других мальчишек из класса, если они продолжат над ней издеваться. Маша ответила, что она постарается быть сдержанной и не держать зла на Сашу, но будет теперь говорить о своих чувствах, а не молчать как раньше. Ребята осознали ситуацию, ещё раз прожили её и сделали выводы для дальнейшего более конструктивного общения и взаимодействия
Помощь родных, друзей, заинтересованных педагогов	Одобрение, моральная поддержка классного руководителя, родителей, психолога

Обратная связь от региональных координаторов по проведенным программам

Региональные координаторы организуют супервизии, консультации (личные и по интернету), проводят круглые столы и вебинары, общаются непосредственно с кураторами и руководителями служб примирения, а также с администрацией школ, управлений образования, уполномоченными по правам ребенка, сотрудниками КДНиЗП и т.д., и потому имеют достаточно полную картину о происходящем в регионе. Их успехи видны по росту количества практикующих служб, по более сложным кейсам, принимаемым в работу. Но здесь мы приведем несколько цитат из отчетов координаторов о зафиксированных сложностях (без указаний конкретных регионов).

- Основная сложность состоит в том, что специалисты ШСП в ряде случаев не до конца понимают требования недавно принятого Порядка по взаимодействию субъектов программ примирения по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних, что вызывает беспокойство сотрудников школ, не имеющих соответствующей правовой подготовки.
- Взрослые медиаторы не обладают достаточным практическим опытом для передачи знаний, навыков, умений обучающимся для самостоятельного проведения программ.
- Высокая загруженность обучающихся в образовательном процессе, в том числе и дополнительными занятиями.
- В сельских школах области большой процент детей находится на подвозе (ежедневно школьный автобус собирает детей по населенным пунктам, привозит в школу и сразу по окончании уроков отвозит домой).
- При личном общении, как правило, кураторы ШСП в ОО обозначают реальные трудности – отсутствие времени для работы в ШСП, отсутствие поддержки со стороны администрации, иногда куратору сложно самостоятельно построить план действий в направлении создания ШСП.
- Ещё одна трудность, которую мы заметили: личностные факторы обученного или назначенного куратора ШСП в ОО – неумение донести информацию о восстановительных практиках педагогическому коллективу.
- При сборе мониторинга всегда всплывают нестандартные ситуации в школах: например, отстраненность куратора от ШСП и 73 медиации, проведенные самими подростка-

ми среди начального и среднего звена. То ли высокая степень самоорганизации подростков, то ли халатное отношение куратора и администрации.

- Обученные педагоги создают и ШСП в ОО, несмотря на отсутствие явной поддержки со стороны администрации, но профессиональное влияние педагогического опыта не всегда позволяет сохранять позицию нейтральности при работе с восстановительными программами. Не проводится рефлексии и глубокого анализа по работе со случаем.
- Основное достижение – созданные в 2016 году ШСП начали проводить восстановительные программы (до этого робели). Основные сложности – не всегда удерживается позиция ведущего ВП, процедура, иногда происходит примешивание психологического содержания. Нужны адресный анализ проведенных программ и супервизионное сопровождение процесса проведения программы по сложным случаям.
- Большой упор в работе делается на профилактическую, презентационную работу (проведение занятий, акций и пр.) при сравнительно небольшой доле проведения ВП.

Обратная связь от сторон конфликта и их родителей

Участникам восстановительных программ (обычно через 2–3 недели) давалась краткая анкета. Такая форма анкеты в форме косвенного вопроса позволяет выяснить, что наиболее важным оказалось для человека, участвовавшего в восстановительной программе.

1. Если бы Ваш друг/подруга (знакомый/знакомая) попал в аналогичную ситуацию (конфликтную, проблемную, правонарушения – выбрать), посоветовали ли бы Вы ему принять участия в такой программе? Подчеркните один из вариантов ответа:

ДА – НЕТ

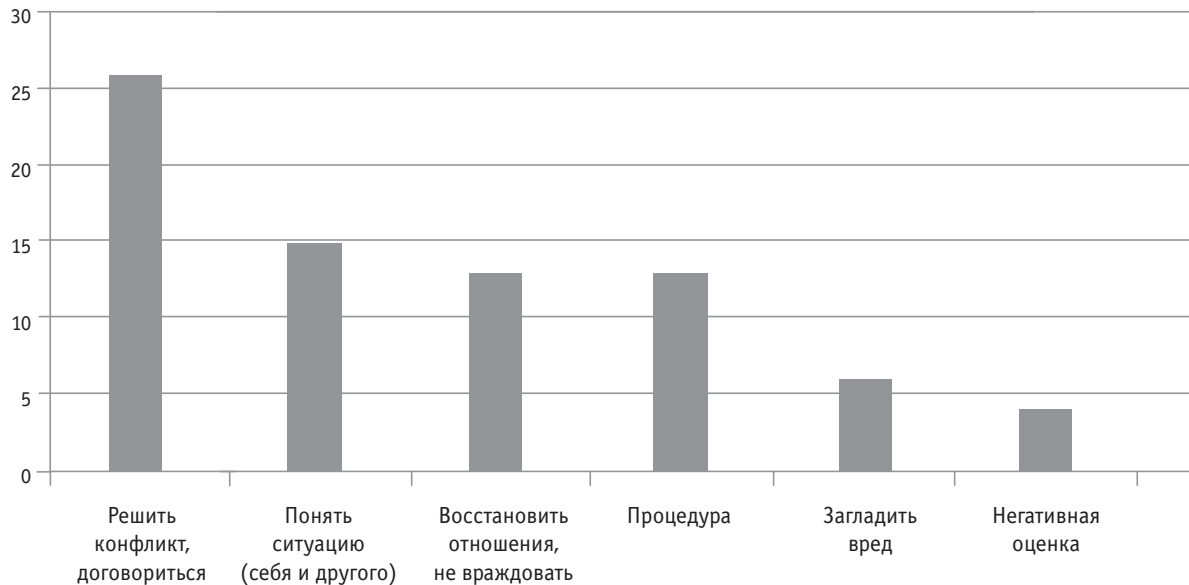
2. Если ДА, то почему? Как бы Вы кратко объяснили, зачем стоит попробовать принять участие в такой программе?

3. Если НЕТ, то почему?

4. Что, с Вашей точки зрения, стоило бы изменить, чтобы улучшить программу?

По результатам обработки выявились следующие типичные ответы.

Что важно обидчикам?

Что важно обидчикам?

Наибольшее число ответов – «решить конфликт и договориться» – трудно отнести к тому или иному способу, поэтому они приведены для сравнения. Три других фактора оказались примерно равными по значению: понимание (себя и другого), возможность прекратить вражду и восстановить отношения а также сам процесс примирительной встречи (ее процедура). То есть, довольно значительному числу обидчиков была важна процедура и атмосфера самой встречи (безопасно, выслушают, были внимательны, дали высказаться и т.д.). Интересно, что жертвы практически не отмечали этот момент как значимый (возможно, не осознавали его, считая это нормой) – см. ниже. Для кого-то из обидчиков было важным загладить причиненный вред. И хотя этот фактор ниже других, мы считаем его значимым, тем более, что он был выделен самими обидчиками.

Негативные оценки (ответ «Нет»):

- Иногда трудно разобраться, кто обидчик, а кто жертва
- Не всегда другая сторона идет на примирение
- Не смог высказаться, не получилось
- Можно доверять, но мне это почти невозможно сделать
- Из-за шума у меня заболела голова, трудно было подобрать слова

По присланным данным, число негативных оценок со стороны обидчиков и жертв примерно одинаковое.

Что важно жертвам (пострадавшим)?

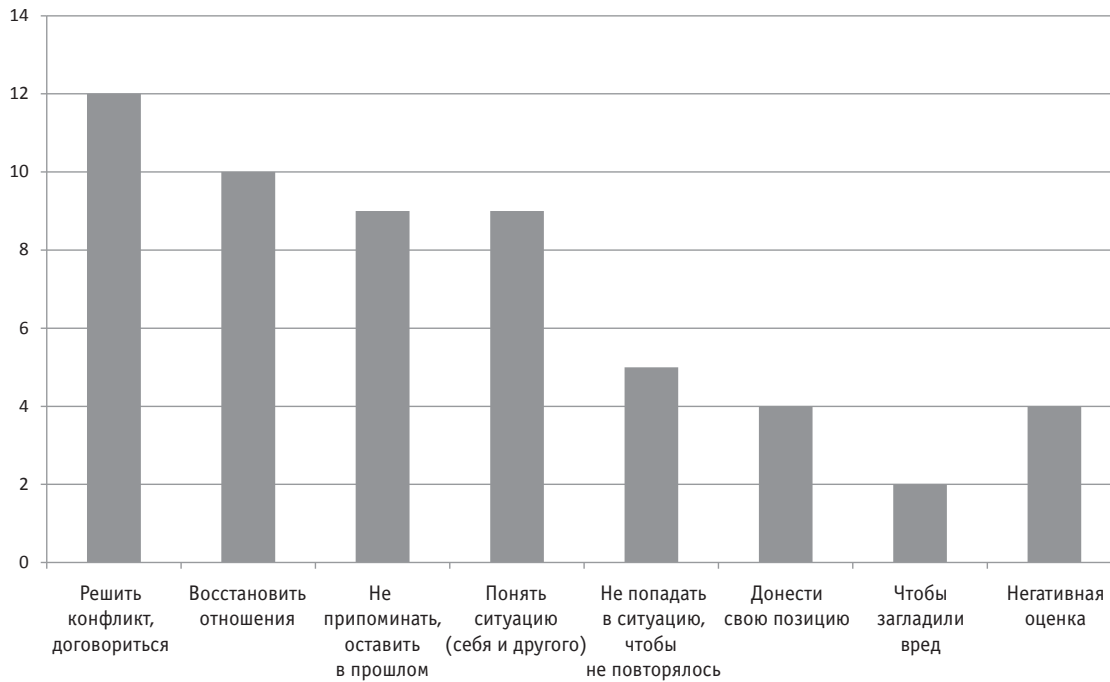
Наибольшее число ответов было: «решить конфликт, договориться», однако не указано, как и за счет чего решить конфликт. А остальные ответы дают нам представление о том, насколько люди сами признали важность результатов восстановительной программы.

Самыми важными оказались «восстановление отношений», «не припоминать, оставить в прошлом» (перестать чувствовать себя жертвой) и «понять ситуацию себя и другого». Несколько менее значимым оказалось «чтобы не попадать в подобные ситуации, чтобы она не повторилась», и «иметь возможность донести свою позицию». Менее всего отметили «чтобы заладили вред», но поскольку речь идет о школьных ситуациях, то мы полагаем, что ситуации именно с причинением материального вреда не такие уж частые (чем например, в уголовных делах).

Негативные оценки (ответ «Нет»):

- Трудно идти на примирение с обидчиком
- Не верится, что человек больше не обидит, не повторит поступка
- Зря посадили второго медиатора
- Я не знаю, что говорить, слезы душат
- Новые ощущения были, не понятные

Что важно жертвам (пострадавшим)?

Обратная связь от родителей

По присланным данным 2017 года **90%** – **позитивные оценки родителей** (ответ в анкете: ДА, порекомендовали). Приведем примеры.

Положительная оценка

- Чтобы мой ребёнок понял свои ошибки.
- Чтобы помогли воспитывать.
- Я всегда говорю, он не всегда слышит.
- Возможность узнать новое о своем ребенке, того, чего раньше не замечала в его поведении.
- Не поставили ребенка на учет в комиссию по делам несовершеннолетних.
- Больше узнала о своём ребёнке, о его хороших качествах
- Чтобы ребёнок ответил за своё поведение.
- Чувство удовлетворения за принесенные извинения.
- Развитие у ребенка чувства личной значимости.
- Глядя друг другу в глаза, легче понять, что происходит, что думает противоположная сторона о возникшей ситуации.

- Стыдно за сына, что подрался.
- Спасибо за сына, он хоть разговаривать стал с другом.

Отрицательная оценка

- Виноваты оба, не хочется возмещать материальный ущерб полностью.
- Обида все-таки остается.
- Все равно остается неприязнь к обидчику.
- Не верится, что конфликт не повторится.
- Договор написали короткий.
- Лучше я к директору пойду.
- Раньше сами всё решали, а сейчас лишь ты – ШСП!
- Ладно, пусть попробуют, но я сама без них буду действовать.

К сожалению, из анкет не всегда понятно, этот ответ дали родители, которые приняли участие в восстановительной программе или которые после предварительной встречи от программы отказались.

2. Анализ деятельности служб примирения

Количественный мониторинг деятельности школьных служб примирения – 2017

Таблица ШСП - 1

№	Территория	Количество действующих служб примирения			Число членов служб примирения			Количество организаций, где создана служба или работает медиатор, из них:					Количество	
					проводящих восстановительные программы	Участников службы примирения	школьников (учащихся)						взрослых	сотрудников обр. организации
ВСЕГО	в которых восстановительные программы проводят только взрослые	в которых восстановительные программы проводят взрослые и учащиеся	Среднего общего образования	Высшего и профессионального образования				Дошкольного образования	Специального образования	Иных (уточнить после таблицы)				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Архангельская область	5	41	46	90	33	71	44	0	0	0	2	187	38
2	Волгоградская область	168	0	168	343	905	462	168	0	0	0	0	643	38
3	Вологодская обл.	0	2	2	3	0	3	2	0	0	0	0	14	0
4	Калининградская обл.	1	0	1	4	8	4	1	0	0	0	0	3	0
5	Кемеровская обл.	17	15	32	61	72	154	30	0	1	1	0	130	2
6	Кировская обл.	49	76	125	262	191	442	118	1	1	0	8	246	8
7	Костромская обл.	33	66	99	130	229	536	99	3	0	0	0	196	5
8	Липецкая область	11	1	12	23	61	115	11	0	0	1	0	39	0
9	Москва	4	10	14	150	85	79	14	0	0	0	0	166	0
10	Новосибирская область	2	1	3	9	11	8	2	1	0	0	0	14	0
11	Пермский край	184	121	305	438	824	1093	302	1	0	2	0	447	79
12	Республика Марий Эл	5	1	6	8	21	6	6	0	0	0	0	36	0
13	Республика Татарстан	19	2	21	37	136	173	21	0	0	0	0	70	3
14	Самарская обл.	46	1	47	51	204	117	46	0	0	0	1	149	0
15	Сахалинская обл.	41	24	65	150	99	254	49	1	0	0	0	53	0
16	Свердловская область	4	0	4	12	35	47	4	0	0	0	0	10	0
17	Ставропольский край	240	109	349	960	806	2164	296	4	31	1	2	450	10
18	Томская область	14	8	22	49	73	67	20	2	0	0	0	66	0
19	Тульская область	56	24	80	240	266	353	75	2	1	0	4	131	9
20	Удмуртская Республика	2	2	4	5	6	17	3	0	0	0	0	4	0
21	Чувашская Республика	30	8	38	59	82	154	38	0	0	0	0	68	1
ВСЕГО		931	512	1443	3084	4147	6319	1349	15	34	5	17	3122	193

заявок (обращений)				Прекращение уголовного дела после медиации по статье 25 УПК (76 УК) и 427.427 УПК (90,91 УК)	Количество завершённых программ						Количество случаев, рассматриваемых с участием специалистов из территориальных служб применения (ТСП)	Общее число участников программ (в том числе законных представителей, участников круга и т.д., кроме ведущих/ медиаторов)		
полученных от:			ВСЕГО		из них:							взрослых	детей / подростков	ВСЕГО
КДН ^и ЗП	самых участников ситуации	других			Медиаций или примирительных программ	Школьных конференций	Кругов сообщества по конфликтным ситуациям	Восстановительных профилактических программ	Других (что именно, указать после таблицы)	ВСЕГО				
16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
34	82	8	349	0	188	9	70	32	3	302	2	409	1655	2064
41	704	123	1549	0	1156	67	140	216	31	1610	0	1574	4274	5848
0	9	4	27	1	27	0	0	0	0	27	0	24	67	91
0	0	0	3	0	3	0	1	1	0	5	0	13	42	55
0	125	3	260	0	206	22	20	55	4	307	32	356	570	926
25	69	3	351	0	280	17	19	24	34	374	0	497	855	1352
15	268	43	527	0	341	11	91	83	5	531	19	538	1002	1540
0	22	0	61	1	50	0	0	6	0	56	0	129	164	293
0	88	0	254	0	152	0	52	54	2	260	26	613	1398	2011
0	17	0	31	0	18	0	4	4	0	26	2	18	176	194
77	722	827	2152	0	1720	0	121	0	24	1865	38	497	5528	6025
0	11	0	47	0	37	0	2	0	0	39	0	31	98	129
3	82	21	179	0	137	7	12	27	5	188	2	200	647	847
0	178	22	349	0	270	0	55	12	0	337	0	99	1392	1491
13	76	17	159	3	89	4	11	13	0	120	1	200	270	470
0	3	0	13	0	13	0	0	0	0	13	0	15	40	55
30	369	57	916	2	609	62	77	135	20	903	22	1204	1661	2865
0	55	4	125	0	98	0	18	12	0	128	1	191	426	617
14	155	5	314	0	179	25	18	67	1	290	1	262	475	737
0	32	0	36	0	27	0	7	0	0	34	0	2	46	48
2	58	2	131	1	85	0	3	38	0	126	1	87	518	605
254	3125	139	7833	8	5685	224	721	779	129	7541	147	6959	21 304	28 263

Пояснения

1. Порядковый номер.
2. «Территория» – регион, в котором действуют школьные службы примирения в рамках ассоциации восстановительной медиации.
3. Общее количество действующих служб примирения на территории, кураторы и/или медиаторы которых входят в ассоциацию восстановительной медиации или взаимодействуют с ней. Действующей считается служба примирения, которая проводит не менее 4 восстановительных программ в год, либо которая создавалась меньше года назад, но уже провела восстановительные программы.
4. Аналогично предыдущему пункту, но службы примирения, членами которых являются только взрослые (специалисты, педагоги и т.п.),
5. Всего служб примирения. (Сумма столбцов 3–4).
6. Общее число взрослых медиаторов/ведущих восстановительных программ. Медиатором/ведущим восстановительных программ является человек, прошедший подготовку по восстановительной медиации и проводящий программы (как минимум, одну).
7. Общее число обученных и проводящих восстановительные программы школьников-волонтеров службы примирения (в т.ч. «медиаторов-ровесников», «юных медиаторов»). Медиатором является человек, прошедший подготовку по восстановительной медиации и проводящий восстановительные программы (как минимум, одну).
8. Участники службы примирения – взрослые и несовершеннолетние образовательной организации, которые входят в службу примирения и поддерживают ее деятельность, но медиации либо другие восстановительные программы не проводят.
9. Учреждение (организация), в котором действует служба примирения. В этом столбце указывается число служб примирения, действующих в общеобразовательной организации, то есть осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования.
10. Аналогично пункту 9, количество служб на территории, действующих в профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования (колледж, вуз и пр.).
11. Аналогично пункту 9, количество служб на территории, действующих в дошкольных образовательных организациях.
12. Аналогично пункту 9, количество служб на территории, действующих в специальных образовательных организациях для детей с особыми образовательными потребностями (детских домах, интернатах, специализированных школах).
13. Иное – если учреждение не относится к пунктам 9–12, в том числе в организациях дополнительного образования – клубах, кружках и т.д.
14. Количество заявок/обращений, полученных от сотрудников образовательной организации (администрации, педагогов, специалистов).
15. Количество заявок/обращений, полученных из подразделения (отделения) по делам несовершеннолетних (полиции).
16. Количество заявок/обращений, полученных из комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.
17. Количество поступивших в школьную службу примирения обращений непосредственно от участников ситуации (в том числе детей, их родителей, друзей и одноклассников).
18. Количество заявок/обращений, полученных из других источников.
19. Общее число заявок/обращений, полученных школьной службой примирения (сумма столбцов 13–16).
20. По скольким делам было прекращены уголовные дела за примирением сторон после проведенной медиации по статье 25 УПК (76 УК) и 427.427 УПК (90, 91 УК).
21. Количество завершенных программ. Завершенной считается программа, в которой стороны урегулировали ситуацию (или стороны составили план по урегулированию ситуации) и при этом были реализованы принципы восстановительного правосудия (восстановительной медиации). В данном столбике – количество завершенных восстановительных медиаций.
22. Аналогично предыдущему пункту, количество завершенных школьных восстановительных конференций.
23. Аналогично предыдущему пункту, количество завершенных кругов сообщества.
24. Аналогично предыдущему пункту, количество завершенных восстановительных профилактических программ по потенциально конфликтным ситуациям, когда явного конфликта нет, но есть потенциальный риск его возникновения (формирование нового класса, приход новичка в класс, межэтническая напряженность и т.п.).
25. Аналогично предыдущему пункту, другие варианты, не указанные в столбцах 19–22.
26. Общее количество завершенных программ по столбцам 19–23.
27. Количество программ, проведенных совместно школьной службой примирения с участием специалистов из территориальных служб примирения.
28. Число участников программ (медиаций, кругов сообщества, и пр.). В данном столбце число взрослых участников (родители, педагоги, специалисты и т.д.).
29. Число участников программ (медиаций, кругов сообщества, и пр.) не включая медиаторов. В данном столбце число несовершеннолетних участников (учащиеся, их друзья и т.д.).
30. Всего (общее число участников) – сумма столбцов 26 и 27.

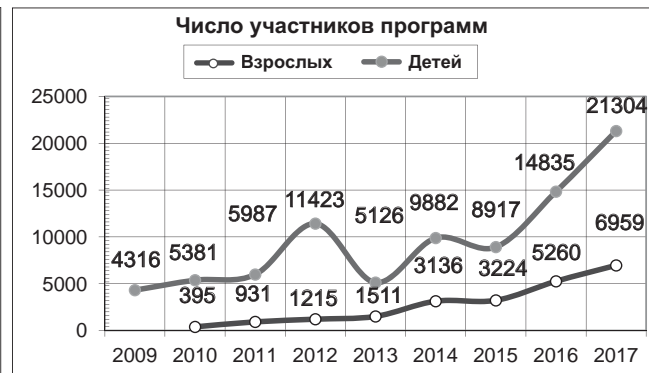
Выводы по таблице мониторинга школьных служб примирения

Отметим некоторые средние показатели.

1. В мониторинге 2017 года принял участие 21 регион.
2. Службы примирения созданы в основном в организациях среднего общего образования (94%). В высших увеличилось с 8 служб до 15, в дошкольных на порядок (с 3 служб до 34)
3. 65% школьных служб примирения с участием детей-волонтеров (медиаторов-ровесников). (Для сравнения: в 2016 – 75%).
4. 35% ШСП с участием только взрослых.
5. В службах, где есть школьники, в среднем по 4–5 волонтеров (юных медиаторов) ШСП, и по 6–7 школьников, помогающих ШСП.
6. В год в среднем одна школьная служба примирения проводит 5 восстановительных программ. 75% из них составляют программы медиации. На втором месте идут восстановительные профилактические программы, проводимые либо после медиации участников, либо по сложным ситуациям в классе,
7. В 147 случаях к работе подключалась территориальная служба примирения – 2,9% от общего числа случаев.
8. Отношение числа принятых заявок к числу проведенных программ составляет 96% (в 2016 – 94,5%).
9. Взрослых участников конфликта, прошедших через программы в службах примирения, – 26%, несовершеннолетних участников 74%.
10. Больше всего заявок поступает от самих участников ситуации 3188 (40%), что говорит о доверии к службам примирения, на втором месте – переданные от работников образовательной организации (36%).
11. 206 случаев передано из полиции, 293 – из КДНиЗП, что примерно на треть больше, чем в 2016 году. Это говорит о взаимодействии с правоохранительными органами. По 28 случаям школы заявили, что дело по статье было прекращено за примирением сторон.

Диаграммы изменения основных показателей школьных служб примирения с 2009 года.

В 2013 году в графиках спад, поскольку с 2013 года стали учитывать только действующие ШСП, проводящие от 4 программ в год

Выводы

Продолжается рост служб примирения. Мы полагаем, что это связано с несколькими факторами. Во-первых, накапливается опыт у специалистов, что позволяет им качественно транслировать содержание восстановительного подхода, разрабатывать методики. Во-вторых, в 2017 году в связи с окончанием Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы подводили ее итог и собирали отчеты, что вызвало волну проверок наличия служб примирения/медиации, в том числе со стороны прокуратуры и органов образования. Мы не исключаем, что это также способствовало росту служб примирения. Интересно, что количество территориальных служб примирения осталось на прежнем уровне.

Число взрослых ведущих восстановительных программ в службах примирения увеличилось примерно в два раза. Примерно половина связана с ростом количества служб примирения – соответственно увеличилось число ведущих ВП. Однако рост числа ведущих в два раза больше роста количества ШСП, значит появляются новые ведущие в действующих ШСП. Полагаем, это связано с тем, что службы примирения работают с более сложными ситуациями (круги сообщества, сложные конфликты), требующими участия нескольких ведущих.

Соотношение переданных случаев и проведенных по ним программ составляет 96% (в прошлом мониторинге – 94%). Подчеркнем, что речь идет про школьные конфликты, где всех участников легко найти, и школа в любом случае должна реагировать на происшествие. Тем не менее, это хороший показатель, особенно с учетом принципа добровольности участия в ВП.

Число детей-участников программ превышает число взрослых примерно в три раза. Мы связываем это, во-первых, со стремлением школы решать конфликты, не привлекая родителей, а во-вторых, с тем, что многим родителям проще не участвовать в ВП в связи с занятостью и пр. Также примерно на 40% по сравнению с прошлым годом выросло количество проведенных кругов (конфликтных и профилактических), в которых

участвует обычно весь класс, что также отражается на числе участников.

Как служба примирения влияет на атмосферу в школе и школьное сообщество? Какими они должны быть с точки зрения восстановительного подхода? Обсуждение этого вопроса ведется уже несколько лет, в частности в книге «Школьные службы примирения и восстановительная культура школы». Обсуждение проводилось на собраниях ассоциаций медиаторов и различных семинарах и конференциях. Одним из итогов стал разработанный документ – «Методические рекомендации по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций», который 26 декабря 2017 был утвержден Минобрнауки РФ. Данные рекомендации можно учитывать при оценке влияния службы примирения на образовательную организацию, но эта тема требует дальнейшей разработки. Ниже представлена типология служб примирения и как служба примирения влияет на школу (с позиции директора, педагогов, волонтеров службы примирения и т.д.)

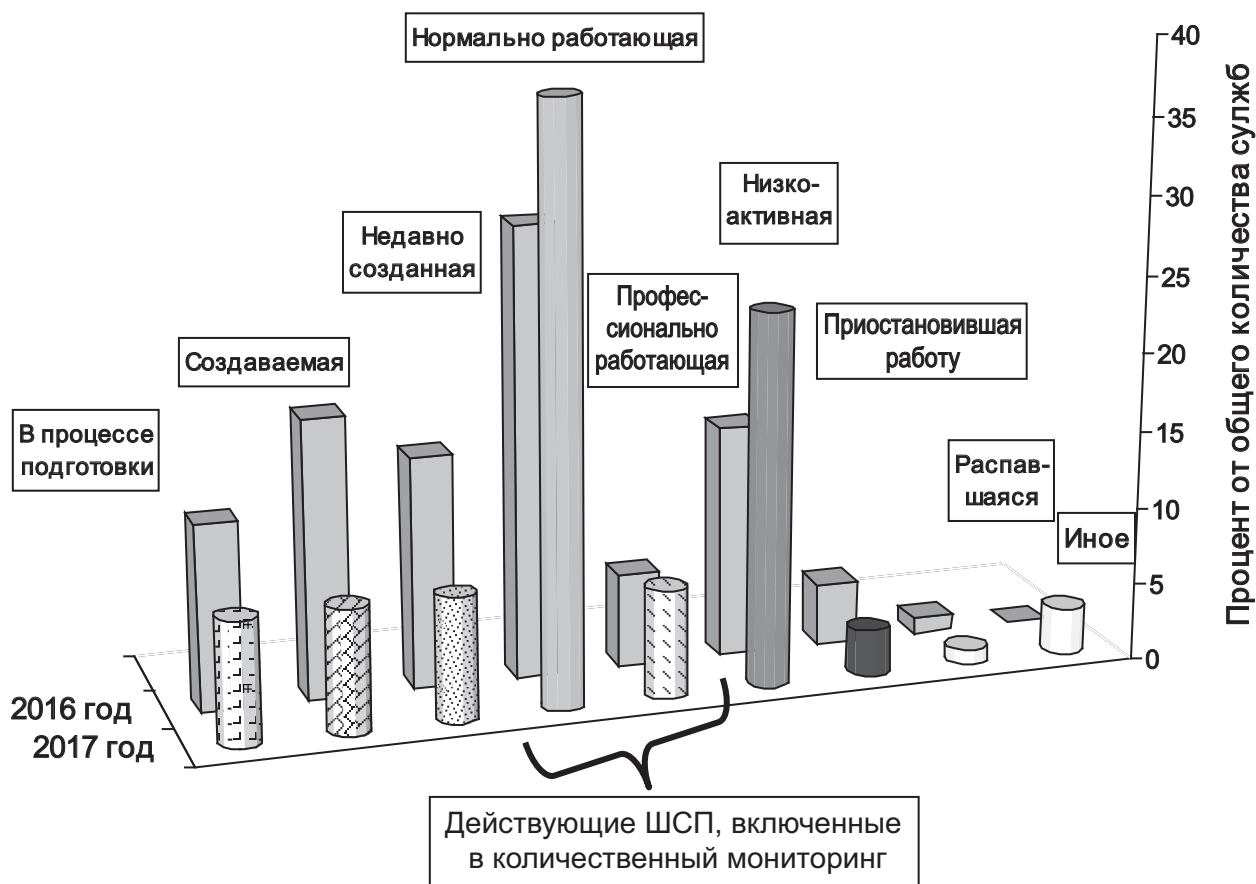
Распределение школьных служб примирения по типам в регионах проведения мониторинга

Созданные службы примирения могут находиться на различных фазах своего существования. Это может быть связано с уровнем подготовки куратора, с созданными ему организационными условиями и уровнем поддержки администрации, продолжительностью работы службы. Некоторые службы приостанавливают свою работу в связи с уходом куратора ШСП с должности и т.д. Поэтому регионы присылают общее количество служб – обычно по количеству ОО, где есть приказ директора о создании службы. Но мы анализируем только действующие ШСП, то есть проводящие 4 и более программ в год. Ниже даны таблица и диаграмма, как соотносятся эти службы с типами ШСП.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ	
НЕ отражается в таблице количественного мониторинга ШСП - 1	ШСП в процессе подготовки к созданию (длительность периода неопределенная, может быть, по нашему опыту, от недели до нескольких лет). Директор школы принял решение о создании ШСП. Идет процесс изучения вопроса, подготовки документов, определения куратора. Детей-волонтеров нет. Программы примирения (медиации и др.) не проводятся.
	Создаваемая ШСП (примерная длительность периода от 1 до 6 месяцев). Директор школы принял решение о ее создании. Утверждено положение о ШСП, издан приказ о создании, определен куратор, который находится в процессе обучения (самообучение, обучение на курсах и тренингах). Команда детей-волонтеров находится в процессе формирования и обучения. Сведения о конфликтах поступают в ШСП. Программы примирения (медиации и др.) проводятся в игровом обучающем режиме. Реальные программы примирения не проводятся .
	Недавно созданная ШСП (примерная длительность периода от 1 до 6 месяцев). Все необходимые документы о ШСП в наличии. Все участники образовательного процесса (педагоги, дети, родители) проинформированы о ее работе. Куратор обучен. Команда детей-волонтеров сформирована и обучена (хотя бы минимально). Сведения о конфликтах поступают в ШСП. Проведены первые программы примирения (медиации и др.) – от 1 до 4 (вероятно, по легким случаям). Опыт работы задокументирован. Запланирована или проведена супервизия первых программ примирения (менее 4 программ в год).
ВКЛЮЧАЕТСЯ в таблицу количественного мониторинга ШСП	Нормально работающая (активная) ШСП (длительность периода неопределенная, в среднем 3 и более лет, максимальный период на практике более 10 лет). Все необходимые документы о ШСП в наличии. Все участники образовательного процесса (педагоги, дети, родители) проинформированы о ее работе. Куратор обучен и прошел несколько супервизий, семинаров/тренингов по повышению квалификации и обмену опытом. Сведения о конфликтах поступают в ШСП. Команда детей-волонтеров сформирована и обучена. Куратор и команда детей-волонтеров организуют и принимают участие в мероприятиях информационно-просветительского характера (фестивалях, конференциях, форумах и др.). Налажен процесс обновления команды детей-волонтеров. Опыт работы систематически документируется. Куратор и дети-волонтеры анализируют работу ШСП, составляют отчеты, участвуют в мониторинге, передают опыт, они включены в сетевое взаимодействие сообщества специалистов и волонтеров восстановительных практик. Программы примирения (медиации и др.) проводятся систематически (как по легким, так и более сложным случаям) в количестве, соответствующем стандартам сообщества (более 4 программ в год)
ВКЛЮЧАЕТСЯ в таблицу ШСП - 1	Профессионально работающая ШСП. То же, что в п. 4, а также: куратор (один или с участием детей-волонтеров) проводит программы примирения (медиации и др.) по сложным случаям, включая конфликты с участием взрослых (семейных, учительских и др.), по уголовным делам (отказным материалам и реальным). Куратор включен в работу совета профилактики, взаимодействует с КДН и ПДН, судами и другими органами системы профилактики правонарушений несовершеннолетних; организует после программ примирения дальнейшую помощь жертвам и правонарушителям; обобщает и передает свой опыт коллегам, помогает кураторам вновь создаваемых ШСП, он включен в сетевое взаимодействие сообщества специалистов восстановительных практик, как правило, как координатор, супервизор, преподаватель и эксперт. (проводит более 4 программ в год)
НЕ отражается в таблице количественного мониторинга ШСП - 1	Низкоактивная ШСП (длительность периода неопределенная). Все необходимые документы о ШСП в наличии. Все участники образовательного процесса (педагоги, дети, родители) проинформированы о ее работе. Куратор обучен и прошел несколько супервизий, семинаров/тренингов по повышению квалификации и обмену опытом. Сведения о конфликтах поступают в ШСП. Команда детей-волонтеров сформирована и обучена. Куратор и команда детей-волонтеров организуют и принимают участие в мероприятиях информационно-просветительского характера (фестивалях, конференциях, форумах и др.). Налажен процесс обновления команды детей-волонтеров. Опыт работы систематически документируется. Куратор и дети-волонтеры анализируют работу ШСП, составляют отчеты, участвуют в мониторинге, передают опыт, они включены в сетевое взаимодействие сообщества специалистов и волонтеров восстановительных практик. Программы примирения (медиации и др.) проводятся систематически (как по легким, так и по более сложным случаям), однако количество программ недостаточное (по стандартам сообщества) , чтобы ШСП была учтена как нормально действующая (менее 4 программ в год).

НЕ отражается в таблице количественного мониторинга ШСП - 1)	<p>ШСП приостановившая свою работу в процессе обновления, переформирования, стагнации или холостого хода (длительность периода неопределенная). Все необходимые документы в наличии. Все участники образовательного процесса (педагоги, дети, родители) проинформированы о ее работе. Сведения о конфликтах поступают в ШСП. Куратор обучен и, возможно, прошел несколько супервизий, семинаров/тренингов по повышению квалификации и обмену опытом. Команда детей-волонтеров сформирована и обучена. Есть положительный опыт нормальной работы не менее 1 года. Куратор и команда детей-волонтеров организуют и принимают участие в мероприятиях информационно-просветительского характера (фестивалях, конференциях, форумах и др.). Однако программы примирения (медиации и др.) по различным причинам (неверные установки руководства, профессиональное выгорание куратора, противодействие окружения и др.) не проводятся</p>
	<p>Распавшаяся ШСП (длительность неопределенная). Все необходимые документы о ШСП в наличии. Директор школы не считает целесообразным продолжение ее работы (например, директор сменился, руководство его не поддерживает или по другим причинам). Или директор школы по-прежнему заинтересован в продолжении работы ШСП, но должность куратора остается вакантной (куратор длительно болеет, уволился и др.). Команда детей-волонтеров распущена и вновь не сформирована. Программы примирения (медиации и др.) не проводятся</p>

Распределение ШСП по типам на территориях деятельности Всероссийской ассоциации восстановительной медиации

Вывод. В регионах, где работает Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, количество действующих школьных служб примирения (данные которых попадают в наш мониторинг) составляет **45%** от общего числа. Это больше, чем в 2016 году, но при этом даже в лучших на данный момент условиях меньше полови-

ны школ создают реальную ШСП. Полагаем, что в других регионах их количество еще меньше¹⁰. За год число действующих служб примирения вырастает примерно **на 5%**.

Основное перераспределение процентов от создаваемых и недавно созданных перешло к низкоактивным (то есть проводящим менее 4 про-

грамм в год) и нормально работающим. Полагаем, что это связано в том числе с требованиями создавать службу, и часть ранее созданных начала нормально работать (и это положительный момент), а другая так и осталась в почти бездеятельном состоянии.

Также отметим небольшой рост профессиональных служб примирения.

Добавим, что в некоторых территориях, где нет обязательного требования о создании служб примирения, часть специалистов осваивают и проводят восстановительные программы, но не оформляют школьную службу примирения, поскольку опасаются увеличения отчетности и формальных требований. Это упрощает их работу, однако затрудняет мониторинг, анализ качества работы и укоренение службы примирения в образовательной организации.

Обратная связь от служб примирения

От директоров школ

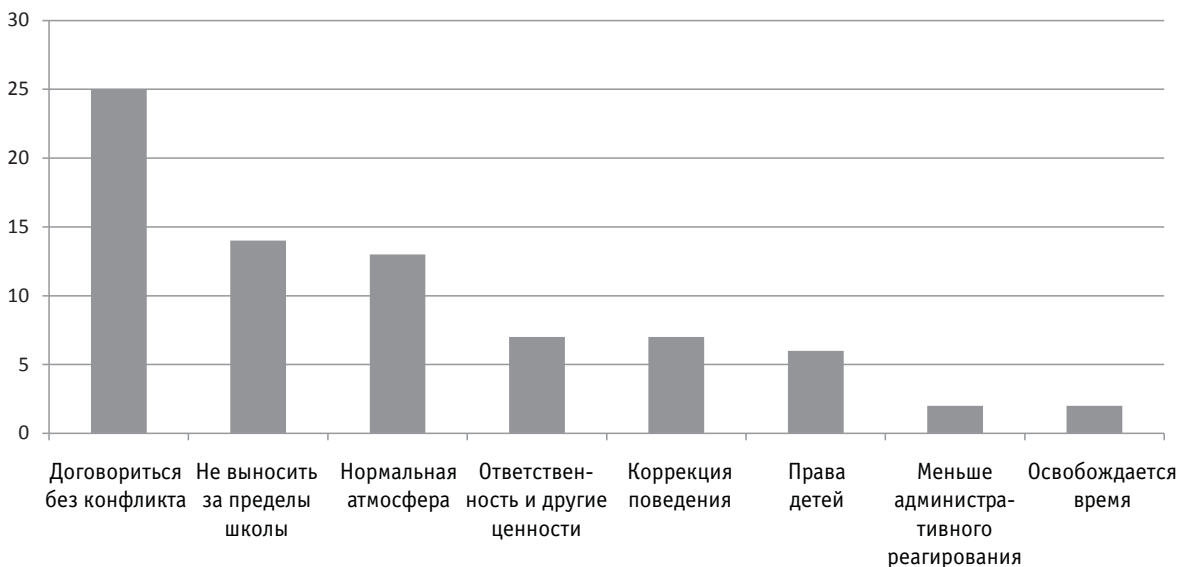
Для решения стоящих перед школьной службой примирения задач куратору (руководителю) ШСП важно наладить сотрудничество с администрацией школы. При этом приходится учитывать, что у администрации своя управленческая «картина мира», которая обычно формулируется на своем языке (а не языке психолога, медиатора и так далее). Поэтому мы приведем собранные из

«обратной связи» слова директоров ОО, в которых они характеризуют созданную у них службу примирения.

Наибольшее количество ответов «договориться без конфликта» – очевидно (понятно, что конфликтовать никто не хочет), но не уточняется, как именно. На втором месте – интерес в том, чтобы «не выносить за пределы школы» и чтобы «была нормальная атмосфера». Обратите внимание, что речь не про результат для отдельных детей, а для школы в целом (это объяснимо, поскольку директор находится в управленческой позиции и ему важно происходящее в школе в целом). На третьем месте – «ответственность обидчика и другие ценности ВП» (важно, что директора тоже это понимают), коррекция поведения (то есть позиция ближе к воспитательной: чтобы исправился и больше так не делал), защита прав детей (в смысле, что ученик может обратиться в службу, где его выслушают и помогут реализовать свои права). Меньше всего ответов было связано с «освобождением рабочего времени» и «снижением административного реагирования».

Нам казалось, что директора будут в первую очередь думать про такие свои интересы, как освобождение времени и невынесение проблем за пределы школы, однако «картинка» получается более сложная, и многие директора разделяют ценности восстановительного подхода. Хотя полагаем, что преимущественно это директора тех школ, где служба примирения действует достаточно давно и успешно.

Порекомендовали бы Вы директору другой школы района/города создать ШСП, и если ДА, то почему?

Кураторы ШСП о влиянии на школу

Пример из самоанализа Архангельской области

В чем выражается влияние школьной службы примирения на психологическую атмосферу школы?

- 21,42% – улучшение психологического климата в образовательной организации.
- 12,5% – развивается культура общения у несовершеннолетних.
- 10,71% – снижение количества конфликтов в школе.
- 8,9% – дает чувство защищенности.

В чем, на ваш взгляд, выражается влияние службы примирения на педагогов?

- 39,28% – педагоги обращаются в ШСП за помощью, доверяют разрешению конфликтов службе.
- 23,2% – эффективный способ решения конфликтов.
- 21,42% отмечают высокий воспитательный эффект.

В чем, на ваш взгляд, выражается влияние службы примирения на администрацию?

- 25,45% – принимает восстановительный подход и принимает его эффективность. 21,81% – администрация тратит меньше времени на разрешение конфликтов административным способом.
- 18,18% – улучшается атмосфера в школе.
- 14,5% – многие конфликты решаются на месте, эффективный способ профилактики правонарушений.

В чем, на ваш взгляд, выражается влияние школьной службы примирения на психологическую атмосферу школы? (информация регионов)

- Декриминализировать подрастающую среду, содействовать устранению причин противоправного поведения школьников;
- Дети чувствуют себя внутренне более уверенно, так как знают, что их выслушают и помогут разобраться в конфликтной ситуации.
- Дети чувствуют защищенность, так как понимают, что есть люди, не равнодушные к их проблемам.
- Сплочение коллектива, решение коммуникативных задач и проблем.
- Помогает строить процесс воспитания на основе коммуникации и взаимопонимания, обращаться к таким ценностям, как справедливость и ответственность.

- Дети чувствуют себя в безопасности, становятся ближе друг другу, больше доверяют.
- Дети начинают задумываться о том, что конфликт можно решить и без драк, порчи имущества, оскорблений, мирным путем. Снижается уровень тревожности и агрессивности у участников образовательной деятельности.
- ШСП учит школьников конструктивно общаться со сверстниками и взрослыми, убеждать других словами, а не силой, участвовать в интересной общественно-полезной (волонтерской) деятельности.
- Участие в деятельности службы является способом позитивной самореализации подростков.
- Не возникает крупных конфликтов за счёт решения мелких.
- Создается сообщество.
- Оценить влияние ШСП достаточно сложно, так как за год проведено 4 программы, я думаю, что это недостаточно для влияния на атмосферу школы.
- Для ровесников-медиаторов некая проба профессии «человек-человек», некоторое самоуправление (как сделать так, чтоб не было конфликтов?)
- В школе появился дополнительный орган самоуправления, где ребята могут проявить свою активность и реализовать себя.
- Попавшие ребята на разбор конфликтной ситуации в редких случаях хотят попасть на нее вновь. Проводимые классные часы медиаторами в младших классах на улучшение дружеской обстановки способствуют укреплению отношений в классе.
- Детям интереснее быть в школе, чувствуется поддержка и взаимопомощь среди учащихся, ответственность.
- В школе создается пространство доверия.
- Если ребенка обижают, он не всегда знает, куда можно обратиться, где он может получить поддержку. ШСП за счет принципа конфиденциальности обеспечивает ребенку защищенность.
- Наблюдается некое чувство «оглядки» у ребенка на свои поступки и действия.
- Отношение друг к другу стало дружелюбнее.
- Пока влияет очень незначительно.
- Учащиеся знают, что они не одиноки в своем конфликте и могут обратиться за помощью.
- Учащиеся, особенно начальной школы, стали терпимее относиться друг к другу. При возникновении конфликтов некоторые стараются сами договориться, не применяя силу,

или привлекать для разрешения конфликтов медиаторов из ШСП.

В чем, на ваш взгляд, выражается влияние службы примирения на педагогов? (информация регионов)

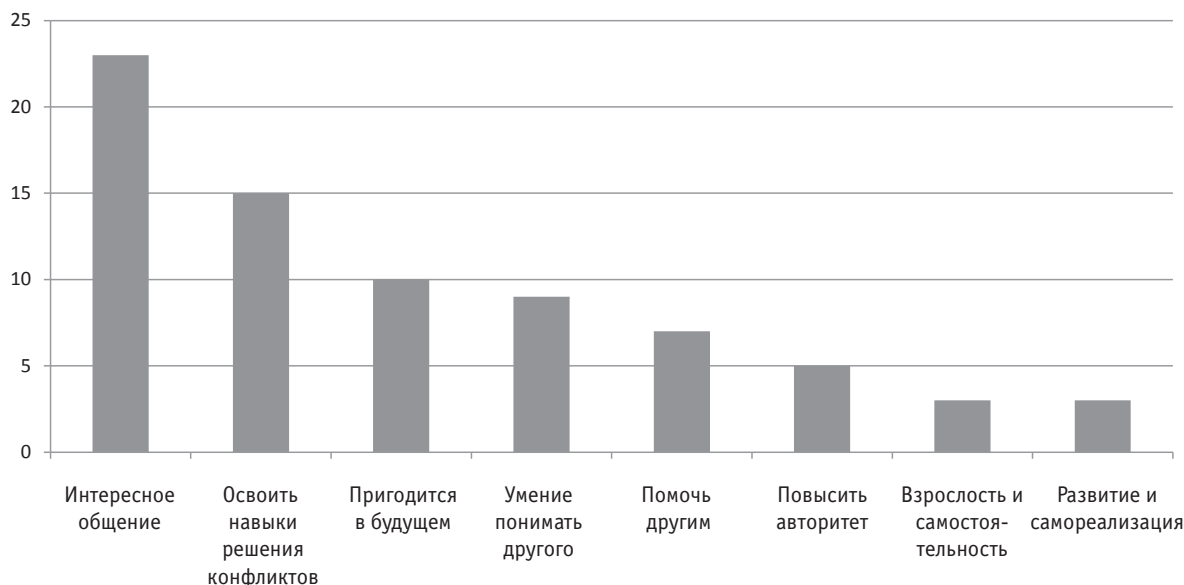
- В элементе новизны: новое время диктует новые технологии. Педагоги меняют методы разрешения конфликтов на интерактивные и восстановительные.
- Улучшается взаимопонимание между педагогом и современным учеником.
- Расширение круга взаимодействия с различными сторонами и участниками образовательного процесса, ценность профилактики, научные познания и практическая ценность применения восстановительных программ.
- Приобретаются новые знания и практические навыки в области примирения.
- В школе нет психолога, служба примирения помогает учителям в решении детских конфликтов.
- Оформлению педагогической позиции, ориентирующейся на достижения соглашений со студентами и родителями.
- У педагогов повышается квалификация в решении конфликтных ситуаций, что позволяет улучшить взаимоотношения внутри школы.
- Учителя перестали испытывать тревогу и неуверенность при разрешении межличностных конфликтов среди учащихся и с родителями – знают, что могут обратиться в ШСП, более уверенно используют расстановку приоритетов при общении с родителями.
- Возможность использовать конфликты как воспитательную ситуацию.
- Возможность обретения новых знаний и практических навыков в выстраивании межличностных взаимоотношений в детской и взрослой среде.
- Освоение технологий для разрешения трудных ситуаций и конфликтов при проведении уроков.
- Овладение ненасильственными подходами и приемами для поддержания дисциплины на уроке.
- Умение работать в группах.
- В том что конфликт будет рассматриваться другими педагогами и ребятами, поэтому педагог, зная о том, что обучающийся может обратиться в службу, более терпимо и более лояльно старается относиться к каким-либо неприятным ситуациям и не доводит дело до конфликта.
- У педагогов появляется возможность разрешения или предотвращения конфликтных ситуаций без административных наказаний.
- Влияния не наблюдается, пока педагоги не совсем готовы принять медиативный подход.
- Педагоги стали больше обращаться к куратору оказать помощь во взаимодействии с трудными учениками.
- Восстановительный подход нашел свое отражение в деятельности классных руководителей. Учителя перестали испытывать тревогу и неуверенность при разрешении межличностных конфликтов среди учащихся, более уверенно используют расстановку приоритетов при общении с родителями.
- Педагоги стали прислушиваться к ребятам. Возможность разрешения конфликтов без применения административных мер воздействия. Педагоги могут рассчитывать на помощь в случае возникновения конфликтной ситуации.
- Дети не замечают, как их действия влияют на окружающих, в том числе на педагогов и учебный процесс.
- Проведение кругов с педагогами помогло сплотить их, организовать полноценное педагогическое сообщество. Педагоги стали чаще прислушиваться к детям, признавать, что ученики тоже имеют право на свое мнение и точку зрения.
- Сокращение использования манипулятивно-морализаторских методов.
- Помогает в работе педагога с родителями.
- Знают куда обращаться, меньше раздражаются, если что-то не получается в отношениях с учениками. Если видят результат, начинают доверять службе, сотрудничать (сами направляют детей или приходят с заявками, а не идут к администрации или социальному педагогу).

Обратите внимание, что это отклик кураторов ШСП, как они видят влияние работы службы на педагогов. Но при этом кураторы – это тоже педагоги или специалисты: психологи, социальные педагоги (которые порой заменяют уроки или тоже ведут занятия), общаются с другими педагогами в неформальной обстановке и потому могут «изнутри» чувствовать и понимать влияние ШСП на педагогов.

Что важно юным волонтерам ШСП в их деятельности

Привлечение школьников в качестве волонтеров службы примирения и работа с этой волонтер-

Что дает вам ваша работа?

ской командой – отдельная непростая задача. На сайте школьных служб примирения есть отдельный раздел, посвященный работе с волонтерами ШСП, включая методические пособия, описания проведенных ими программ, творческие идеи и пр.

Почему юные волонтеры ШСП участвуют в работе службы примирения и проводят восстановительные программы? Ниже приводится анализ ответов школьников – юных волонтеров службы примирения на вопрос: «*Что дает вам ваша работа?*»

Наиболее важным фактором, как и следовало ожидать, является интересное общение в службе примирения. Поэтому служба примирения с участием детей строится иначе, чем та, в которой участвуют только взрослые. Детям важно, чтобы вокруг них «кипела жизнь», происходили события и приключения, были интересные люди и дела.

На втором месте по значимости – «освоение новых методов разрешения конфликтов». То есть умение разрешать конфликты очень важно и самим юным медиаторам, поскольку, скорее всего, они и сами испытывают в этом трудности. Подтверждается давно высказанное предположение, что в службу примирения скорее будут стремиться не «бесконфликтные дети» (для них эта тема не актуальна), а, наоборот, конфликтные.

На третьем месте примерно равные по значимости: «умение понимать другого», «помощь другим» и «пригодится в будущем». То есть возможность использовать полученные в ШСП знания и навыки в дальнейшей жизни у школьников

откликается. Важность взаимопонимания, видимо, связана с их ведущей деятельностью – межличностным общением. Внутренняя мотивация на оказание помощи другим – ключевая в любой волонтерской деятельности. Еще раз подчеркнем, что при наборе волонтеров ШСП их мотивация помощи окружающим является, на наш взгляд, более важной, чем, например, идея обучения их навыкам или перевоспитания.

И наконец, на четвертом месте: повысить свой авторитет, проявить взрослые и самостоятельные поступки, собственное развитие и самореализация. Возможно, эти факторы оказались в конце не из-за их низкой значимости, а потому что их осознание требует достаточного уровня рефлексии, что формируется ближе к старшей школе.

Анализ региональной практики развития сети служб примирения

Информация от региональных координаторов

На данный момент в мониторинг входит анкета, в которую включены основные пункты, способствующие укоренению служб примирения в регионе. Это открытый перечень, но региональный координатор может соотносить с ним свою ситуацию в регионе.

1) Как осуществляется взаимодействие ТСП и ШСП?

В большинстве случаев это супервизия, совместная работа по трудным случаям, общие ме-

роприятия, в некоторых регионах взаимодействие зафиксировано в документах.

Говорит Пермский край:

В функционал специалистов МСП (закрепленный в документах) входит методическое сопровождение школьных служб примирения (обучение специалистов и учащихся – участников ШСП, сбор мониторинга, проведение мероприятий, совещаний, семинаров и пр.).

Говорит Архангельская область:

Методические рекомендации по взаимодействию школьных служб примирения с подразделениями по делам несовершеннолетних ОВД, территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав утверждены постановлением областной комиссии от 29 сентября 2017 года № 9.

2) Налажено ли взаимодействие служб примирения с другими подразделениями/учреждениями/организациями, которые осуществляют индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними?

В регионах приняты документы, например:

Говорит Костромская область:

Школьные службы примирения (далее – ШСП) созданы в соответствии с Соглашением между Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в рамках реализации мероприятий региональной Программы по профилактике жестокого обращения с детьми и реабилитации детей, ставших жертвами насилия и преступных посягательств «Детство под защитой» на 2013–2015 годы» (распоряжение администрации Костромской области от 02.07.2013 г. № 153-ра).

– Приказ Департамента образования и науки Костромской области № 2434 от 30 октября 2017 года «О создании областной службы примирения»

Говорит Архангельская область:

Распоряжение Министерства образования и науки Архангельской области от 07 июня 2017 года № 999 «Об организации деятельности школьных служб примирения в образовательных организациях на территории Архангельской области»; информационно-методическое сопровождение ШСП возложено на ГБУ АО «Центр «Надежда».

Распоряжение Министерства образования и науки Архангельской области от 15 апреля 2016 г. № 751 «Об утверждении перечня региональных

инновационных площадок в Архангельской области в 2016 г. по организации ШСП».

Порядок по взаимодействию субъектов программ примирения по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних». Методические рекомендации по взаимодействию школьных служб примирения с подразделениями по делам несовершеннолетних ОВД, территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, утвержденные постановлением областной комиссии от 29 сентября 2017 г. № 9.

Говорит Волгоградская область:

Порядок межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных районов, городских округов Волгоградской области, районов Волгограда и служб школьной медиации (примирения) Волгоградской области по реализации восстановительного правосудия в отношении детей.

3) Существуют ли постоянные собрания сообщества медиаторов, существует ли общая рассылка или другие формы коммуникации (форум, рассылка и пр.).

В большинстве регионов, включенных в мониторинг, есть региональная ассоциация, и она осуществляет коммуникацию и взаимодействие между службами, проходят постоянные собрания и рассылается информация (в том числе присланная центром «Судебно-правовая реформа»).

Говорит Республика Татарстан:

Помимо официальных сообщений через электронную почту, перешли на неформальное общение через соцсети и Whats app. Проводятся ежемесячные супервизии и встречи с медиаторами. Для медиаторов организовано свободное досуговое пространство в стенах Центра, проводится 2 раза в неделю кино клуб, ежегодно проводится профильная смена.

4) Проводятся ли супервизии/интервью? Как еще отслеживается качество работы служб примирения?

В большинстве регионов проводятся.

Говорит Пермский край:

В территориях проводятся супервизии. Отслеживание качества работы проводится через ежеквартальный сбор мониторинга, проведение конкурсов профессионального мастерства, проверка деятельности служб, отчетов о работе.

Но многие указывают, что нерегулярно и недостаточно.

5) Есть ли в вашем регионе образовательные программы, готовящие специалистов служб примирения в рамках восстановительной медиации? Входят ли в число преподавателей практикующие специалисты служб примирения?

В большинстве регионов есть, почти везде часть занятий ведут практикующие специалисты ТСП и ШСП. В некоторых регионах несколько организаций предлагают свои услуги по подготовке медиаторов и кураторов служб примирения, и результат работы обучившихся у них также различный.

Говорит Москва:

Образовательные программы 72 часа и краткосрочные курсы от 12 до 24 часов – по оферте в рамках городского психолого-педагогического центра Департамента образования Москвы. Все ведущие – практикующие специалисты городской службы примирения. Также в Высшей школе экономики проводится программа по восстановительному правосудию для магистров.

6) Есть ли программы подготовки медиаторов-ровесников (волонтеров)?

В большинстве регионов в формате детского лагеря (профильной смены).

Говорит Пермский край:

– «Воздушный змей», автор Ю.В. Яровка (2004 г.)

– «Медиация ровесников», автор О.Ю. Ткачева (2008 г.)

В территориях есть и свои программы.

В весенние каникулы на базе МБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» осуществляем подготовку подростков-медиаторов для работы в школьных службах примирения (обучение восстановительным технологиям). Имеется дополнительная образовательная программа «Подготовка подростков-медиаторов. Учимся разрешать конфликты». Для проведения занятий привлекаем психолога и опытных руководителей служб примирения. По окончанию занятий волонтеры получают удостоверение.

7) Включена ли тематика служб примирения в региональные грантовые программы или конкурсы?

Почти нигде тематика служб примирения и восстановительного подхода или медиации в приоритеты региональных грантодающих организаций не включена. Заявки подаются на общие программы, тема ШСП и ВП в отдельную не выделена.

Говорит Новосибирская область:

Программа «Развитие системы социальной поддержки населения и улучшения социального положения семей с детьми в Новосибирской области на 2014–2019 гг. (п. 7 Организация службы конфликтологического консультирования и семейной медиации по вопросам, затрагивающим психосоциальное благополучие ребенка).

Стратегии, положения, алгоритмы и другие правовые материалы регионов размещаются в ежегодных сборниках по территориальным службам примирения, поскольку объем Вестника восстановительной юстиции не позволяет напечатать все документы и разработки. Ознакомиться со сборниками можно на сайте МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа» www.sprc.ru и в разделе сайта Школьных служб примирения www.8-926-145-87-01.ru/регионам/территориальные-службы-примирения

Анализ деятельности в рамках межрегионального движения служб примирения (Всероссийской ассоциации восстановительной медиации)

Контексты 2017 года

1. Начиная с весны-лета 2017 года, Генеральная прокуратура РФ запросила в регионах сведения о реализации «Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ», в том числе о создании служб медиации. К сожалению, из некоторых территорий приходят сведения, что региональные прокуратуры начали высылать школам предписания (а порой и с привлечением директоров к ответственности) за несоответствие Положения службы законодательству. Наиболее частыми были требования о недопустимости привлекать школьников в роли медиаторов (ссылаясь на 193-ФЗ) и требования переименовать службу примирения

в службу медиации. Нами было составлено Положение о ШСП, исключая любое ссылки на закон о медиации и слово «медиация», но сохраняющее участие детей в роли волонтеров службы примирения. Положение прошло проверку прокуратуры в Москве и не вызвало нареканий. Текст Положения и комментарии размещены на главной странице сайта www.школьные-службы-примирения.рф. В результате проверки прокуратуры в нескольких регионах службы примирения переименовали в службы медиации и убрали школьников из службы.

2. «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы» и «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия...» соответственно прекратили свое действие. 29 мая 2017 года подписан Указ Президента Российской Федерации № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», но план действий по нему на настоящий момент не принят. Первым из последствий, о которых говорили некоторые координаторы в регионах, стало снижение административных требований по повсеместному созданию служб примирения, и службы стали создаваться спокойнее и без нажима.
3. 26 декабря 2017 Минобрнауки РФ утвердило «Методические рекомендации по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций». Рекомендации основаны на концепции восстановительного подхода. В них используется термин «службы примирения/медиации», что как компромиссный вариант, с одной стороны, сглаживает различия между моделями ШСП и СШМ, а с другой, вызывает вопросы у специалистов, которые «в теме», о какой же модели идет речь. Как уже говорилось, если служба примирения направлена на изменение климата в школе и способов взаимодействия внутри школьного сообщества, то при анализе ее работы было бы логично соотноситься с реализацией данных Методических рекомендаций.
4. Принятое 22.03.2017 распоряжение Правительства РФ за № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовер-

шеннолетних на период до 2020 года» указывает, что «*Развитие единой образовательной (воспитывающей) среды предполагает (...) обеспечение организационно-методической поддержки развития служб медиации в образовательных организациях*». Одна из задач Концепции – «*Совершенствование имеющихся и внедрение новых технологий и методов профилактической работы с несовершеннолетними, в том числе расширение практики применения технологий восстановительного подхода с учетом эффективной практики субъектов Российской Федерации*». Данный документ имеет значение особенно при взаимодействии служб примирения с полицией и КДНиЗП. К сожалению, ПДН и КДНиЗП часто видят в ШСП еще одну реабилитационную программу, которая должна «вразумить» правонарушителя в дополнение к традиционным методам ПДН и КДНиЗП, а не перестройку работы субъектов системы профилактики и их взаимодействия на основе восстановительного подхода.

5. Актуальной проблемой для школ является развитие инклюзивного образования. Сложность заключается не только в освоении образовательных программ, но и во взаимодействии «особых» детей и остальных учеников класса, а также их родителей. Поскольку разрушенные отношения и вражда мешают учебному процессу, то мы видим важный ресурс использования восстановительного подхода в рамках инклюзивного образования. Мы предполагаем развивать эту тему в следующем году.

В чем региональные координаторы ожидают поддержку от региональной ассоциации и Всероссийской ассоциации восстановительной медиации (ответы регионов):

- Консультативно-методическое сопровождение, обмен опытом.
- Семинары, публикации опыта, литература по медиации, учебные фильмы.
- Налаживание межведомственного взаимодействия (работающих с несовершеннолетними и их семьями) по продвижению и развитию восстановительных практик в регионе и проведение единого мониторинга (количественного и качественного) деятельности служб примирения, разработанного специалистами общественного центра «Судебно-правовая реформа» в регионе.

- Живая коммуникация по обмену опытом с другими регионами РФ и участие в различных конкурсах и проектах.
- Наладить эффективный менеджмент, который бы позволял эффективно достигать не только задачи в сфере проектной деятельности организации (НКО), но и задачи деятельности куратора.
- Аккумуляция регионального опыта.
- Создание условий для повышения квалификации кураторов ШСП, практикующих медиаторов и юных медиаторов.
- Налаживание алгоритма межведомственного взаимодействия в вопросах курирования/продвижения трудного случая.
- Семинары с ведущими специалистами центра «Судебно-правовая реформа».
- Подготовка квалифицированных специалистов в сфере восстановительных программ, которые впоследствии могли бы обучать медиаторов на территории.
- Финансовая поддержка на развитие горизонтальных связей (между регионами).
- Сообщество единомышленников для защиты от выгорания.
- Обучение кураторов школьных служб примирения, постоянное повышение квалификации, проведение супервизий, дополнительная мотивация, награждение.
- Повышение квалификации специалистов Центра с приглашением специалистов КДНиЗП, ПДН, которые заинтересованы в программах и оказывают поддержку в проведении кругов примирения, а также кураторов ШСП.
- Оказание помощи в трансляции лучшего опыта.
- Поддержание марки и статуса важности проведения восстановительных программ в рамках школы.
- Создание условий для знакомства с новинками, достижениями в данной сфере.
- Продолжать удерживать ценностные и методические ориентиры восстановительных практик.

Количественные данные динамики школьных служб примирения в России по годам 2009–2017

Таблица ШСП-2

Год	Количество действующих школьных служб примирения		Число медиаторов		Количество поступивших случаев					Количество завершённых программ					Кол-во случаев, рассматриваемых с участием специалистов из территориальных служб примирения			Общее число участников программ (в том числе, жертв и нарушителей)																											
	Количество действующих школьных служб примирения		взрослых	подростков	из них по случаям, зарегистрированным в:	Всего	ПДН	школах	КДНиЗП	Иное (в том числе сами участники)	–	–	–	–	Медиация	Школьная конференция	Круги сообщества (конфликтные и профилактические)	Иное	Всего	–	–	–	взрослых	детей	ВСЕГО																				
2009	554		566	2120																						–	–	–	–	–	2372	–	1810	67	–	–	–	–	2158	–	–	–	–	4316	4316
2010	590		675	2930																						–	–	–	–	–	2012	–	1905	108	1	108	108	1	1986	–	–	395	5381	5776	
2011	615		760	2510																						63	2137	98	118	118	2416	6	1905	13	78	78	225	225	2221	7	7	931	5987	6918	
2012	748		1139	3094																						25	4094	80	13	13	4212	39	3347	28	388	78	384	78	3841	52	52	1215	11423	12638	
2013	284		485	1234	54	1644	39	39	39	1769	17	1380	25	187	106	1698	106	1698	20	20	1511	5126	6637																						
2014	630		962	1797	65	2974	64	86	86	3189	42	2131	80	662	190	3063	190	3063	47	47	3136	9882	13018																						
2015	521		975	1926	83	2873	91	206	206	3253	16	2198	73	607	181	3059	181	3059	85	85	3224	8917	12141																						
2016	852		1531	3278	143	2092	200	3368	3368	5789	4	4011	179	1031	244	5466	244	5466	160	160	5260	14835	20077																						
2017	1443		3084	4147	193	3122	254	3127	3127	7833	8	5685	98	1500	21	7796	21	7796	147	147	6959	21 304	28 263																						

ВЫВОДЫ

1. Отметим возрастание служб примирения почти в два раза, возрастание всех показателей в полтора-два раза, при том, что число регионов, участвующих в мониторинге, изменилось не сильно. Активность служб примирения возросла, возможно, постепено приходит принятие идеи педагогическим сообществом и обществом в целом.
2. Отметим также некоторое снижение числа заявок от сотрудников образовательных организаций и вместе с тем резкое, на порядок, возрастание числа запросов от самих участников (они вошли в «иное», поскольку первоначально этот пункт в таблице мониторинга отдельно не выделялся). То есть люди стали больше обращаться в ШСП «напрямую».

Данные мониторинга предоставили

1. Архангельская область – Дунаева Елена Алексеевна, председатель Ассоциации медиаторов Архангельской области;
2. Волгоградская область – Маловичко Ирина Сергеевна, координатор по Волгоградской области Всероссийской ассоциации восстановительной медиации;
3. Вологодская область – Малетина Татьяна Алексеевна, медиатор ШСП и куратор базовой методической площадки по развитию ШСП г. Вологды (МОУ СОШ № 18); Козлова Елена Сергеевна, медиатор ШСП и куратор базовой методической площадки по развитию ШСП г. Вологды (МОУ СОШ № 18);
4. Калининградская область – Петрович Людмила Александровна, куратор ШСП МАОУ СОШ г. Зеленоградска Калининградской области;
5. Кемеровская область – Белоногова Елена Валентиновна, председатель Кузбасской ассоциации медиации и восстановительных практик, зав. отделом медиации и социальных практик ГОО «Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», г. Кемерово;
6. Кировская область – Царенок Мария Викторовна, доцент кафедры управления в образовании КОГОАУ ДПО «Институт развития образования Кировской области»;
7. Костромская область – Кузичкина Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры воспитания и психологического сопровождения Костромского областного института развития образования;
8. Липецкая область – Ермакова Татьяна Вениаминовна, тренер-медиатор АНО «Служба медиации», психолог ОБУ «Центр социальной защиты населения по городу Липецку»; Драганова Оксана Александровна, заведующая кафедрой психологии и педагогики ГА УДПО ЛО «Институт развития образования»;
9. Москва – Коновалов Антон Юрьевич, руководитель направления «Школьные службы примирения» МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа», председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы;
10. Новосибирская область – Стукачева Татьяна Александровна, председатель межрегиональной общественной организации «Социальное партнерство»;
11. Пермский край – Хавкина Анна Львовна, председатель Пермской краевой общественной организации «Ассоциация медиаторов Пермского края»;
12. Республика Марий Эл – Полина Юрьевна Акимова, менеджер социальных проектов Региональной молодежной общественной организации поддержки гражданских инициатив Республики Марий Эл «Опора»;
13. Республика Татарстан – Енькова Лейсан Рифкатовна, руководитель отделения социально-правовой защиты несовершеннолетних МБУ МП «КЦСО «Доверие»;
14. Самарская область – Прянишникова Татьяна Вячеславовна, председатель «Ассоциации детских служб примирения Самарской области», старший методист СП ДОД Центр детского творчества ГБОУ СОШ пос. Кинельский Кинельского района;
15. Сахалинская область – Плохова Елена Васильевна, советник Департамента делопроизводства Правительства Сахалинской области, ответственный секретарь Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Сахалинской области;
16. Свердловская область – Ширяева Марина Валерьевна, методист ГБОУ Свердловской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»;
17. Ставропольский край – Митрофаненко Валерий Валентинович, председатель Ставропольского регионального отделения Общественного благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании», доцент кафедры социальных технологий Северо-Кавказского федерального университета, к.п.н.;
18. Томская область – Пучкина Юлия Александровна, директор Автономной некоммерческой организации Ресурсный центр «Согласие», доцент кафедры социальной работы НИ Томского государственного университета;
19. Тульская область – Сафронова Елена Аркадьевна, консультант отдела по обеспечению жилыми помещениями и организации деятельности комиссии по делам несовершеннолетних департамента социальной политики министерства труда и социальной защиты Тульской области; Чернышова Ирина Владимировна, Центр сопровождения реализации проектов (программ) в сфере образования Министерства образования Тульской области;
20. Удмуртская Республика – Сабиров Эдуард Раисович, директор Автономной некоммерческой организации проведения процедуры медиации «Медиаторы18»;
21. Чувашская Республика – Сорокин Сергей Игоревич, педагог-психолог БОУ «Центр образования и комплексного сопровождения детей» Минобразования Чувашии.

Выводы по мониторингу

- При сборе данных мониторинга многие региональные координаторы сталкиваются с тем, что данные, которые органы образования передают в МОН, и реальные данные по действующим службам примирения разнятся, и у координаторов есть опасение, что публикация реальных данных вызовет конфликт с органами образования. Стоит добавить, что поскольку мы сами на практике реализуем предлагаемые идеи («исследование действием»), то многие наши проекты «проявляют» существующие в социальной и образовательной сфере проблемы (в разных аспектах: квалификации специалистов, межведомственной разобщенности, правовые недоработки и пр.). При этом мы настроены не на обесценивание, а на совместное улучшение выявленных проблемных ситуаций, и на уровне МОН мы чувствуем поддержку. Остается непроясненным, насколько эти опасения реальные и последуют ли санкции в случае публикации информации, отличной от переданной официально. Но несколько регионов отказались передать объективную информацию.
- В практике работы специалистов по ВП важно усиливать качество работы, в частности, механизмы придания устойчивости выработанным договорам и планам действий как по заглаживанию причиненного вреда, так и по профилактике повторения подобного в будущем.
- Специалистам служб примирения приходится осваивать новые ситуации, в том числе при работе с детьми с особыми потребностями (инклюзией) и их родителями.
- Службы примирения расширяют спектр организаций, в том числе на среднее профессиональное образование (СПО), детские сады, детские дома, закрытые специальные учебно-воспитательные учреждения и т.д. Надо описывать модели работы с учетом особенностей этих организаций.
- Важно разрабатывать программы (не только образовательные), направленные на освоение педагогами (и в том числе классными руководителями) восстановительного подхода. Для педагога важным акцентом является соблюдение дисциплины в классе, какими методами он будет ее достигать? Мы видим здесь, с одной стороны, возможности для восстановительного подхода, а с другой стороны, риски, чтобы восстановительный подход не превратился в еще одно (или даже более изощренное) средство давления на «неудобных» недисциплинированных учеников. Кстати, этот же вопрос волнует и специалистов ВП в других странах.
- Разработка восстановительного подхода в управленческом процессе образовательной организации, в развитии школы как сообщества. Имеющийся в данном направлении опыт нужно расширять и систематизировать.
- Перспективной задачей видится проведение исследований, в том числе анализирующих влияние восстановительного подхода на людей и на организации. Хорошее исследование среди прочего помогает понять, достигает ли наша практика поставленных целей. См. www.8-926-145-87-01.ru/метод/мониторинг-и-исследования.
- Мы считаем важным продолжать разработку форм и методов оценки деятельности служб примирения и критерии ее эффективности..

Примечания

- 1 Смотри также статью Ирины Маловичко «“Зона ближайшего развития” школьной службы примирения, или размышления об оценке эффективности деятельности служб» в данном выпуске.
- 2 При написании материала учитывался «Стандарт доказательности практик в сфере детства» (версия № 1. 30 марта 2018 г.), разработанный в рамках проекта АНО «Эволюция и Филантропия» от имени межотраслевого профессионального объединения «Оценка программ в сфере детства».
- 3 www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Стандарты-восстановительной-медиации.pdf
- 4 www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2018/01/merged-1-1.pdf
- 5 www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Порядок-работы-медиатора.pdf

- 6 Рекомендуется проведенную программу сначала обсуждать на супервизии, а по ее итогам писать отчет с учетом высказанных коллегами мнений, но на практике это далеко не всегда реализуется.
- 7 Карнозова Л.М., Коновалов А.Ю. Руководство по мониторингу деятельности служб примирения по проведению восстановительных программ. М., 2016.
- 8 «Доказательная практика – это практика, в отношении которой осуществляется целенаправленный поиск и применение методов, обосновывающих применение практики с точки зрения: знаний, опыта, ценностей и потребностей благополучателей; знаний и опыта специалистов-практиков сферы детства; научных знаний, результатов научных исследований. Практика с доказанной эффективностью – практика с высоким уровнем доказательности, в отношении которой есть убедительные сведения (доказательства) ее эффективности в достижении социального результата».
- 9 Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ Н.Д. Хариковой; под общ. ред. М.Г. Флямера; комментарий д-ра юр. наук, профессора Я И. Гилинского. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 2002.
- 10 Отметим, что поскольку по модели «службы школьной медиации» подобный мониторинг вообще не ведется и систематические описания проведенных школьных медиаций в открытом доступе отсутствуют, убедиться в наличии практики разрешения конфликтов службами школьной медиации и проанализировать их деятельность не представляется возможным.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЩАЯ ОСНОВА ДЛЯ ДВУХ ФОРМ КОНФЕРЕНЦИЙ В ГЕРМАНИИ¹

Хагеманн Отмар,

доктор, профессор социологии факультета социальной работы и здравоохранения
в Университете прикладных наук г. Киля (Германия),
otmar.hagemann@fh-kiel.de

Введение

Данная статья посвящена конференциям как форме применения философии восстановительного правосудия. Выражаясь более точно, речь идет о двух формах имплементации появившихся в Новой Зеландии семейных групповых конференций (СГК) в Германии.

Чтобы поместить СГК в теоретические рамки, я основываю свои размышления на таких концепциях, как «социальная работа, основанная на традициях коренных народов» (*indigenizedsocialwork*) и «колонизация».

Еще одно теоретическое положение разворачивания данного хода мысли состоит в замене такого концепта социальной работы как «участие» на «право собственности»².

Более того, все больше важности придается диалогу, направленному на достижение социальной гармонии на уровне жизненного мира вместо привычной для социальной работы сосредоточенности на экономических категориях.

В завершение я приглашаю к поддержке идеи восстановительного общества. Ведь и многие другие области применения идей восстановительного правосудия требуют объединения сил его сторонников.

СГК как форма решения проблем, адекватная местным условиям

Общеизвестно, что СГК получили свое развитие в Новой Зеландии в 1980-е годы особенно после того, как народ маори сильно раскритиковал отношение системы органов государственной власти к детям и молодым людям. Критика

привела к *Puao-te-ata-tu*³ (1988) – принятию меморандума, обобщающего историю сосуществования народов маори и пакеа⁴, где особое внимание уделено основным постулатам философии народа маори (например, земля и дети не могут принадлежать индивидам) и различным неблагоприятным условиям, которые были объединены в понятие институционального расизма.

СГК является специфической формой разрешения «проблематичных ситуаций»⁵, в которые вовлечены дети, молодые люди и их семьи. СГК были созданы по образцу традиционных встреч, которые народ маори называет «hui». Соответственно, данная процедура СГК может быть рассмотрена как одна из форм местной социальной работы (Anderson *et al.*, 1994; Osei-Hwedie & Rankoro, 2007; Straub, 2011). В этом случае новозеландский законодатель решил применить подход, основанный на учете традиций коренных народов, с целью разрешения проблем, касающихся молодых людей и их семей. В результате интеграции некоторых из этих методов в социальную работу на европейском континенте наши культуры могут обогатиться, почерпнув древнюю мудрость коренных народов, которая почти полностью забыта в западном мире. В этом смысле я хотел бы расширить понятие местной социальной работы, которая изначально относилась к включению знаний и традиций коренных народов в колониальную форму социальной работы в так называемых странах третьего мира, до практик на «Севере» (Западное полушарие), которые были привезены с «Юга».

Дополнительная ценность процедуры СГК в сравнении с более индивидуалистическими и экспертно-ориентированными видами социаль-

ной работы, которые превалируют на «Севере», заключается в вовлечении общины и в праве собственности на процесс обычных людей, принадлежащих жизненному миру⁶. Общиной является группа людей, которые уже знакомы друг с другом и общались лично или способны встретиться лицом к лицу и взаимосвязаны между собой. В этом смысле общину не обязательно должна объединять локальная среда обитания, связь людей гораздо более глубока и влияет на них сильнее, чем просто социальные отношения. Подобную форму социальной организации можно найти на Фейсбуке – группе «друзей» или в политической организации (как в двух современных пространственных формах сообществ по интересам).

По мнению Тонниса (2005), мы можем провести различие между существами, связанными посредством доверия, традиций, чувства единения и знания друг друга (что формирует общину, где действует неформальный социальный контроль) и формальными добровольными рациональными отношениями, основанными на договорах и правовых обязательствах (что формирует общество, где действует формальный социальный контроль).

Для «западников» необходимо вновь развивать общину как социальное измерение, которое затерялось в течение предшествующих десятилетий. Бек (1986) пришел к выводу о существовании нарастающего процесса индивидуализации, который сопровождается тем, что люди теряют связи между собой (например, с родной семьей, с партнерами на всю жизнь, со своими детьми, старыми друзьями, стабильной работой в одной профессии или у одного работодателя и с жизнью на одном месте). Эти стабильные связи были заменены «лоскутным одеялом» (отделением человека от родной семьи, временным сожительством с партнером и с детьми или без, сменой друзей, профессий, работодателей и периодическим переездом из одного места в другое). Соотечественники сменяют друг друга и не образуют общины, которая осуществляет самоконтроль.

Современное общество «Севера» ориентировано на городской образ жизни, так как представляет собой общество чужих друг другу людей, которые не чувствуют никаких обязанностей по отношению к своим соседям, но которые могли бы быть расположены к тому, чтобы поделиться своими переживаниями без дальнейшего участия в чужих проблемах (Simmel, 1908). Вместо этого современная жизнь сосредоточена на потреблении, удовлетворении ложных потребностей, как сказал бы Маркузе (1967).

В некоторых культурах коренных народов «Юга» осознание человеком своей идентичности как части общины (например, концепция «Убунту» в Африке) кажется сильнее или может ощущаться более непосредственно. Это означает уменьшение чувства отчуждения. Люди не разделяют вещи на частное и общественное, но ощущают прямую взаимозависимость и рассчитывают на поддержку других. Все это играет важную роль в имплементации в западных странах SGK и лежащей в ее основе философии. Каким образом SGK, восстановительный подход в общем и SGK в частности применяются в Германии?

Две формы имплементации SGK

В некоторых странах «преступление», с одной стороны, и «забота и защита» – с другой, рассматриваются разными специалистами в различных системах отдельно друг от друга. В Германии ювенальное уголовное право (*Закон об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних*)⁷ регулирует применение всех видов мер и норм к лицам от 14 до 20 лет после того, как им было предъявлено обвинение в совершении преступления. Подростки и несовершеннолетние до своего 18-летия (а в некоторых случаях и лица до 25 лет) также подпадают под действие *Кодекса социального обеспечения* (том VIII), регулирующего их благополучие, образование и развитие. В случаях где родители жестоко обращаются или не занимаются воспитанием своих детей или не в состоянии обеспечить им необходимые условия для полноценного взросления, ситуация чаще всего разрешается с точки зрения интересов жертвы. Однако если ребенок, не достигший возраста уголовной ответственности, совершает преступление, поиск решения в такой ситуации также будет осуществляться с точки зрения концепции «заботы и защиты», означая, что лица, под чьей опекой находится ребенок, не могут дать ему необходимое воспитание.

Тогда как в некоторых странах, как в Новой Зеландии, обе формы проблематичных ситуаций подпадают под действие одного и того же закона (в Новой Зеландии, например, *Закона о детях, подростках и их семьях 1989 года*), где подобной ситуацией занимается агентство по делам детей, молодежи и семей – компетентный орган государственной власти, в Германии ответственность за урегулирование такого случая лежит как на судебной системе, так и на органах социальной защиты. Конечно, функции данных органов частично совпадают, и системы должны взаимодействовать друг с другом, однако из соображений

аналитического характера становится ясной целью их разграничения, в том числе и когда мы обращаемся к *Gemeinschaftskonferenzen* (что буквально переводится как «общинные конференции») и к *Familienräte* (буквально – «семейные советы») как формам адаптации к условиям Германии оригинальных SGK.

Термин «общинная конференция» был введен Хагеманном и Клукуртом в 1999 году для реализации проекта в Гамбурге (Klukkert, 2001; Hagemann, 2002), в рамках которого позднее разрешались соседские конфликты в отношении деяний, в то время не достигших уровня преступления (Tengeler, 2003).

С 2006 года общинные конференции по делам, связанным с совершением преступлений, регулярно проводятся в Элмсхорне, Шлезвиг-Гольштейне (Hagemann, 2007; 2008; 2009; Blaser *et al*, 2008; Bergemann, 2011).

Термин «семейный совет» используется для обозначения конференций по делам, где с 2008 года применяется подход «заботы и защиты» (Van Pagée, Straub, 2008; 2008) – процедура была изначально разработана Фрюхтелем и Будде (2003) в Бамберге и в некоторых других местах, такие процедуры были названы *Verwandschaftsrat* (что буквально переводится как «совет родственников»).

Общинные конференции (ОК) созданы по образцу новозеландских семейных групповых конференций и Бельгийского *Hergo*⁸ (MacRae & Zehr, 2004; Vanfraechem & Walgrave, 2005; Vanfraechem, 2007). Акцент сделан на более тяжкие преступления, например, нападение, шантаж, разбой, ограбление, кража, сопровождающаяся насилием, в то время как *медиация жертвы и правонарушителя* (*victim-offender-mediation*) в Германии обычно имеет дело с преступлениями небольшой тяжести.

Процедура проведения ОК начинается с передачи дела ювенальной судьей с согласия прокурора. Основным участникам (обвиняемому и жертве) предлагается принять участие в процедуре на добровольной основе. ОК предшествуют беседы медиаторов с основными участниками и – если возможно – с их представителями. Им разъясняется идея общинных конференций. Обсуждаются возможные достоинства и предполагаемые недостатки процедуры, поводы для беспокойства и страхи. После того как стороны выразили свое согласие и пообещали сохранять конфиденциальность, выбираются лица, которые примут участие в конференции на стороне жертвы и правонарушителя, а также устанавливается удобная для всех дата проведения конференции. Мы проводим конференцию, только если участвуют право-

нарушитель, жертва и, как минимум, один представитель правонарушителя, однако мы пытаемся убедить главных участников пригласить по возможности больше представителей как взрослых, так и своих сверстников.

Медиаторы открывают конференцию и представляют всех участников. Они еще раз рассказывают, что будет происходить, и о некоторых правилах поведения в ходе конференции и, что очень важно, напоминают, что каждый обязан обмениваться информацией на основе конфиденциальности (участники подписывают письменное согласие). После того как сотрудник полиции рассказал о фактах уголовного дела, слово предоставляется обвиняемому. Если она/он полностью отрицает свою причастность к данному инциденту, конференция не может быть продолжена. Далее, жертве предоставляется возможность описать событие и его последствия со своей точки зрения. Затем следует общее обсуждение конфликта и его последствия. Медиаторы удостоверяются, что каждый участник высказался один или более раз, при этом уделяя внимание каждому аспекту, который кажется важным для нее/него. После того как все получили достаточно возможностей высказаться, медиаторы спрашивают каждого участника о ее/его желаниях и ожиданиях от проведения конференции. Таким образом, как проблемы, так и цель или разные цели мероприятия становятся понятными каждому.

Затем следует перерыв (так называемое личное время). В течение перерыва правонарушитель и его сторонники работают над разработкой предложений по решению (над планом). Их готовили к этому в течение предшествующей предварительной беседы, однако сейчас они должны принять во внимание позицию жертвы. Во время перерыва участникам предлагаются напитки и сладости.

Обвиняемый и его сторонники возвращаются с предложением. После того как было выслушано предложение (план) со стороны правонарушителя, жертве и ее/его представителям предоставляется возможность отнестись к нему. Далее сотрудник полиции и иные специалисты (но не медиаторы!) также могут добавить свои комментарии. Может возникнуть такая ситуация, когда предложение обсуждается более активно или в него могут вноситься изменения, или в ходе дискуссии даже могут быть выдвинуты альтернативные предложения. В конце – в случае если стороны придут к соглашению – письменно формулируются утвержденные сторонами пункты, выражающие консенсус всех участников конференции. В этом случае остальные участники конференции (но не медиаторы и полицейские, чьи

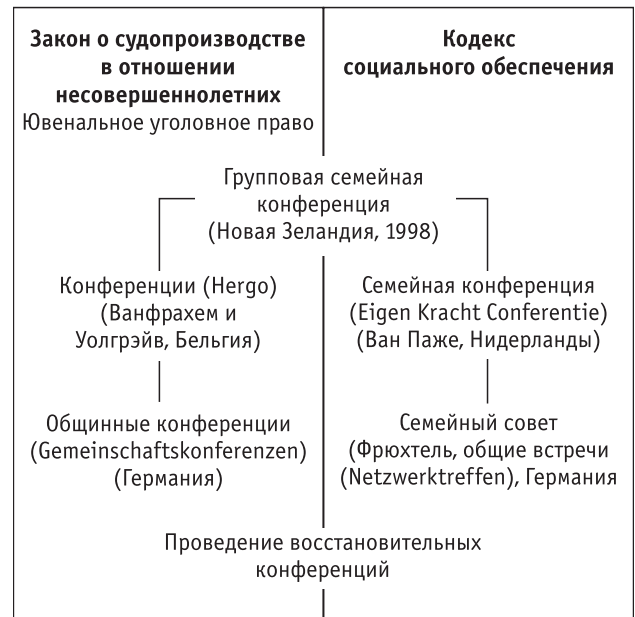
имена включены в протокол) подписывают протокол, таким образом заверяя согласие сторон. Данный документ является юридически обязательным. Впоследствии медиаторы направляют протокол судье и прокурору. Протокол включает в себя процедуру мониторинга исполнения решения, а суд будет проинформирован о ходе его исполнения. Если возможно, производство по уголовному делу может быть прекращено или успешные результаты проведения конференции могут быть утверждены в судебном заседании.

Семейный совет (СС) обычно начинается с передачи дела ответственным социальным работникам управления по вопросам благополучия молодежи, компетентного органа исполнительной власти. Однако как жертва и правонарушитель при проведении ОК, так и в СС семья решает, будет ли проведен совет или нет. После предварительных контактов, где потенциальные участники информируются о процедуре и ее возможностях (среди прочего о возможности оказания официальной поддержки) и после того, как было оценено, насколько данная ситуация подходит для формата СС, независимый «координатор» (медиатор, ведущий) приглашает членов семьи и представителей местного сообщества для участия в СС.

Сама конференция начинается с информирования участников (что включает в себя оглашение правил и их последующие разъяснения, могут быть заданы вопросы и разъяснены некоторые аспекты процедуры). До этого социальный работник объясняет официальный «повод», по которому решено провести совет.

В течение последующего «времени только для семьи» (при этом не присутствует ответственный сотрудник социальной службы, а в большинстве случаев – и координатор) семья должна разработать план решения проблем – обычно члены семьи находят такие способы решения, о возможности реализации которых даже не подозревали. Как и в ОК, данный план решения должен быть точным, в нем должны быть указаны лица, ответственные за реализацию определенного аспекта, а также временные рамки его выполнения и процедура оценки эффективности. Ведущий должен проверить, все ли участники ясно понимают принятый план, и в особенности, сможет ли подросток выполнить его. В большинстве случаев в план включается положение о проведении следующей конференции через несколько месяцев после СС. Если решение проблемы не вызывает сомнений в реальности выполнения, представители власти должны его принять (но не могут быть принуждены к этому как в судебном порядке).

Схема 1. Развитие ОК и СС как форм восстановительных конференций в Германии

ОК и СС: общее и различное

Главное отличие между ОК и СС заключается в том, что жертвы преступления (и их представители) включены в процесс проведения ОК. Представителями не должны быть родственники или близкие. С точки зрения правонарушителя, жертвы (и их представители) могут быть абсолютно чужими людьми из разных общин. Так обычно происходит, когда ОК проводится по преступлениям ограбления или разбоя, но также и по таким преступлениям как нападение или по другим преступлениям, в то время как в СС подавляющее большинство участников уже знакомы друг с другом. Соответственно, структура СС со всеми участниками-обывателями (непрофессионалами), происходящими из одной общины или семьи, менее сложная. В некоторых случаях проведения СС среди этих людей могут быть жертвы и правонарушители, но все они принадлежат одной группе, «оттягивая веревку в одном направлении». Исходя из этого, моральная нагрузка концентрируется внутри группы, а не между группами, в то время как в ОК может происходить сильное противостояние субкультур. Возможно, было бы легче разработать план в группе людей, где все принадлежат к одной общине.

Общие черты заключаются в процедуре проведения конференций, которую можно разделить на три разные фазы¹⁰:

1) очерчивание проблемы и обсуждение различных ее аспектов;

2) личное время семьи с целью придумать и предложить решение;

3) оформление соглашения в виде плана и оценка его эффективности.

Другую параллель можно найти в наличии беспристрастного, или нейтрального¹¹, медиатора, иногда его называют ведущим, организатором или координатором. В его задачи входит информирование и подготовка конференции и модерирование частей конференции, в которых задействованы все участники. Иногда этот специалист также помогает в приглашении участников, в поиске подходящего формата встречи, в формулировании правил и даже на стадии оценки эффективности. Однако он не имеет полномочий предлагать решения или даже обозначать цели встречи (собственность участников; см. метафору Фрюхтеля о домашних играх против игр за границей), что является типичными элементами медиации между двумя и более сторонами (семья и представители стороны жертвы, сторона правонарушителя и община, соответственно).

«Медиация – это процесс, в котором третье лицо помогает участникам спора разрешить его. Соглашение разрешает проблему с помощью взаимоприемлемых решений и построено таким образом, что помогает поддерживать долговременные взаимоотношения между участниками медиации в гражданском обществе» (Haynes & Charlesworth, 1996, p. 1).

В то время как одна школа медиации делает акцент на переговорном характере данного метода, другие определения медиации формулируются шире, и мы можем заменить «спор» или «конфликт» на «проблематичную ситуацию», чтобы подчеркнуть, что многие уязвимые участники никогда не согласятся на открытый спор с представителями государственной власти, как, например, ведомство по благополучию детей. Соответственно, я утверждаю, что обе процедуры в основном используют методологию медиации.

Под термином «медиация» в широком смысле (то есть не применительно к уголовно-правовому контексту) обычно подразумевается процесс разрешения конфликта с привлечением беспристрастной третьей стороны с намерением побудить желание у сторон заключить добровольное соглашение. В Рекомендации № R (99) 19 медиация по уголовным делам определяется как процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны или медиатора принимать активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления.

Ссылка только на правонарушителя и на жертву не исключает участие иных лиц (юридических и физических) в процедуре медиации (Совет Европы, Рекомендация № R (99) 19, с. 16).

Далее следует мое любимое определение, включающее в себя оба варианта: «Медиация – это процесс, в котором участники, при поддержке медиатора, определяют спорные вопросы, разрабатывают варианты, обдумывают альтернативы и приходят к решению о будущих действиях и последствиях. Медиатор участвует в качестве третьей стороны с целью поддержать участников в достижении их собственного решения. Процедуры медиации по большей части являются посредническими. Медиатор оказывает помощь в управлении процессом, что поддерживает участников в принятии решения о будущих действиях и последствиях... Медиатор(ы) могут помогать:

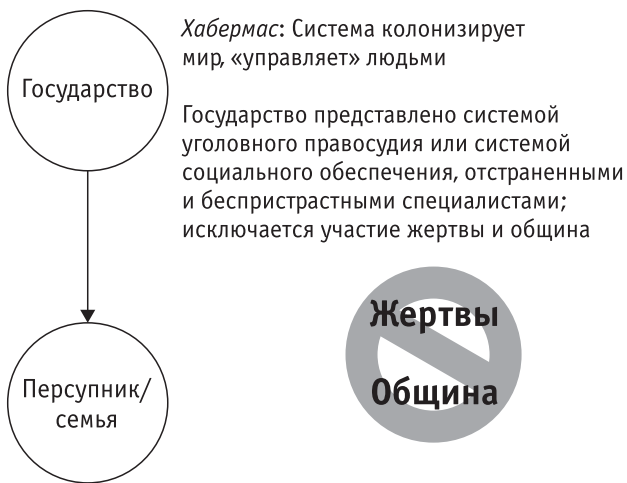
- a) поддерживать контакт друг с другом,
- b) определять, разъяснять и изучать спорные вопросы,
- c) придумывать и развивать варианты решения спора или конфликта,
- d) обдумывать альтернативные способы исчерпания спора или конфликта, и
- e) достигать соглашения или принимать решение, как двигаться дальше и/или как усилить взаимодействие так, чтобы были учтены общие потребности участников по отношению друг к другу и при этом были учтены их индивидуальные интересы на основе принципа самоопределения» (Sourdin, 2007, p. 4).

В основе лежат два базовых утверждения, что люди в принципе способны осознавать свои собственные желания и потребности и могут рассказать о них в такой ситуации, и что они готовы разрешать ситуации и конфликты с другими людьми или институтами (Haynes *et al.*, 2002, p. 19).

Жизненный мир, парадигма колонизации и философия восстановительного правосудия

С теоретической точки зрения, другая поразительная общая черта заключается в том, что обе процедуры сконцентрированы на праве собственности на конфликт или на проблемную ситуацию. Профессиональная социальная работа и правоохранительные органы установили иерархические взаимоотношения между государством, представленным определенными органами власти, и его гражданами.

Схема 2. Доминирование «системы» (официальной системы) и колонизация ею жизненного мира

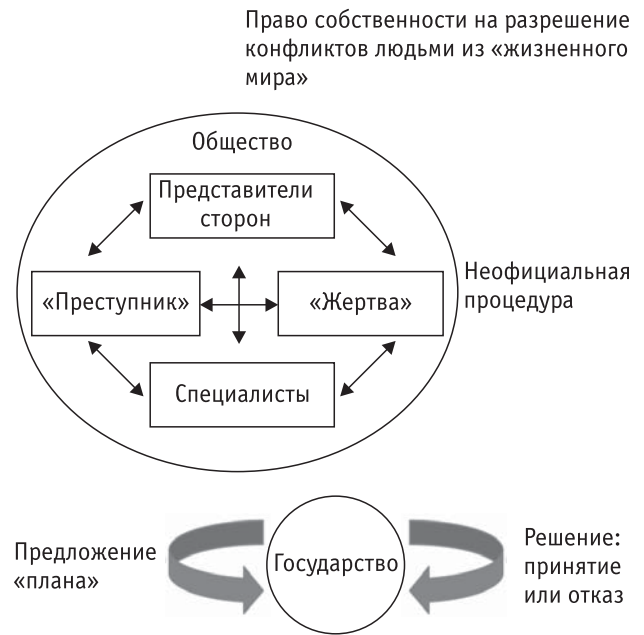
Основываясь на социологической концепции Шютца (посмертно опубликованной Лукманном, 1979), которая впоследствии была доработана Хабермасом (1981) и применена в социальной работе Тиершем в 1992 г., мы должны разделять жизненный мир обычных людей («реальность, основанная на принципах здравого смысла») и систему, представленную профессионалами/экспертами.

Хабермас описывал исторический процесс как ведущий к системе, колонизирующей жизненный мир¹². Это означает, что юристы крадут конфликты между обычными людьми (Christie, 1977), решают их в крайне запутанных и профессиональных, однако очень трудных для понимания большинством людей процедурах и выносят весьма абстрактные решения (лишение свободы, штраф, общественные работы и тому подобное, что никак не может помочь жертвам и не станет полезным опытом для преступников).

В другой сфере, регулируемой в Германии Кодексом социального обеспечения, проводятся *конференции по разработке плана помощи*, где участвуют 75–90 процентов экспертов и только 10–25 процентов обычных участников (обычные люди, чьи проблемы являются предметом обсуждения на конференции). Согласно мнению практиков в этой сфере, очень часто эксперты предлагают свои стандартные решения, основанные на логике системы (обычно обусловленные финансовыми ресурсами и местными традициями).

В ОК и СС соотношение между экспертами и обычными людьми противоположное – участие лишь 10–25 процентов экспертов при предоставляемом сторонам личном времени, где решения принимаются и разрабатываются в свободной от специалистов обстановке.

Схема 3. Право собственности на процессы разрешения проблемных ситуаций

Развивая предшествующие аргументы, мы можем выделить главные элементы философии восстановительного правосудия: вовлечь, насколько возможно, тех, кто заинтересован в конструктивном диалоге по разрешению проблемной ситуации; совместно определить и обсудить причиненный вред, потребности и обязательства, а значит, сфокусироваться на том, что должно быть сделано; и быть ориентированными на будущее с целью излечить и приложить все усилия, чтобы все исправить (Zehr, 2002, p. 37).

Со времени, когда Эггашем было предложено понятие восстановительного правосудия (1977), оно преимущественно почти всегда использовалось в сфере уголовного правосудия (Walgrave, 2008). Однако спустя пару лет некоторые люди, включая меня, работают над очерчиванием видения восстановительного общества.

Восстановительное общество – это «организуемый принцип, через призму которого необходимо рассматривать ответы на конфликты внутри обществ ... [оно] соединяет разделенные, однако связанные между собой изменения в области восстановительного правосудия и восстановительные практики, которые используются в возрастающем количестве направлений политики ... [чтобы сформировать *хорошее общество*, которое] будет единственным, где в многочисленных и различных сферах человеческой деятельности будет царить искреннее стремление восстановить и заново построить позитивные взаимоотношения и здоровые социальные структуры, где бы и в какой степени такие взаимоотношения или струк-

туры ни были бы повреждены ...» (Bolton, 1997, p. 321).

Это означает, прежде всего, перемещение существующей теоретической основы в другие сферы/системы. Как становится понятным из практического применения, сфера заботы и защиты уже является очень прогрессивной. Фрюхтель (2011) недавно опубликовал статью о восстановительной социальной работе, где рассматривается именно эта идея. В школах конфликты чаще всего разрешаются с помощью восстановительных процедур, иногда с учениками занимаются медиаторы или так называемые конфликт-скауты. Исходя из использования методов медиации, многие другие сферы, такие как партнерство и семейные конфликты (иногда по ситуациям, связанным с разводом, иногда с заботой о пожилых людях), конфликты на рабочем месте, проблемные ситуации в системе здравоохранения, конфликты между соседями, а также политические конфликты на уровне местных сообществ, а также на макроуровне и послевоенные ситуации или, наоборот, гражданские войны (см. Комиссии по установлению правды и примирению (КПП) в Южной Африке) или межгосударственные конфликты могут быть разрешены с помощью восстановительных практик. КПП можно рассматривать как инструмент, который, конечно, более комплексный, чем ОК, однако основывающийся на тех же принципах. Она может быть рассмотрена как восстановительная альтернатива Международному уголовному суду (МУС) или Нюрнбергскому трибуналу как первой попытке отправления международного правосудия. В то время как МУС создан по образцу традиционного судебного уголовного процесса, а его работа завершается назначением наказания, КПП смоделирована на основе диалога между жертвой и преступником, где после ее проведения принимается план по восстановлению мира и компенсации жертве или по восстановлению общин в своих правах.

Заключение: теоретические, практические и политические последствия

Данная статья представляет собой краткий и перегруженный экскурс, который служит лишь цели вдохновить читателей приложить усилия и поработать на двух уровнях: на практическом, в относительно узкой сфере социальной работы или уголовно-правовых конфликтов, но также и на теоретическом, расширяя принципы и логику философии/теории восстановительного правосудия и распространяя идею в иные подходящие отрасли.

Цель заключается в поисках сторонников, так как наша ключевая область работы кажется слабой и находящейся под давлением логики экономии денежных средств и поиска эффективности. Соответственно, моя статья должна быть воспринята как призыв объединиться вокруг альтернативной идеи. Обычные люди находятся в поиске нового проекта, выходящего за пределы рыночной логики светского общества (и определенно не вернутся к тому, чтобы искать смысл жизни в религии или в идеологиях XX века). Таким образом, осознание общей теоретической основы, которая соединяет разные, не слишком пересекающиеся между собой в составе участников и направлении действий области, может расширить наши возможности.

В этом смысле различие – это сила, однако мы должны опасаться разделения, и вместо этого искать увеличивающееся сходство и убедиться в том, что наши голоса будут услышаны.

Возложившие на себя ответственность люди из Новой Зеландии, придумав процедуру SGK, передали нам и всему миру дар, спектр использования которого гораздо шире, чем предполагалось изначально.

Литература

- Anderson, S.C., Wilson, M.K., Lengwe-Katembula, M., Osei-Hwedie, K. (1994). Empowerment and Social Work Education and Practice in Africa. In: *Journal of Social Development in Africa*, 9, No. 2, 71–86.
- Beck, U. (1986). *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt/Main.
- Bergemann, S. (2011). *Gemeinschaftskonferenzen – ein strafrechtliches Mediationsverfahren, orientiert an der 'Restorative Justice'-Philosophie. Eine empirische Studie zum Elmshorner Pilotprojekt*. Kiel.
- Blaser, B., Dauwen-Samuels, T., Hagemann, O., Sottorf, S. (2008). Gemeinschaftskonferenzen. Ziele, theoretische Fundierung, Verfahrensweise und erste Ergebnisse eines Family-Group-Conferencing-Projekts für JGG-Verfahren in Elmshorn. In: *TOA-Infodienst* No. 34, 26–32.
- Boston J. (2007). Towards a Restorative Society. In: Maxwell & Liu (Eds). *Restorative Justice and Practices in New Zealand: Towards a Restorative Society*. Wellington.
- Christie, N. (1977). Conflicts as property. In: *The British Journal of Criminology*, 17, 1–15.
- Council of Europe (2001). *Better implementation of mediation in the member states of the Council*

- of Europe. *Concrete rules and provisions. Recommendation Nr. R (99) 19*. Strasbourg: Council of Europe.
- Eglish, A. (1977). Beyond Restitution: Creative Restitution. In: J. Hudson and B. Galaway (eds.). *Restitution in Criminal Justice*. Lexington.
- Früchtel, F. (2011). Muss Strafe sein? Gerechtigkeit geht (auch) anders! Eine Einführung in Restorative Social Work. In: *Sozialmagazin* 36, No. 1, 34–42.
- Früchtel, F. & Budde, W. (2003). Ein radikales Verständnis von Betroffenenbeteiligung in der Hilfeplanung. In: *Sozialmagazin* 28, No. 3, 12–21.
- Gordon, T. (1970). *Die Familienkonferenz. Die Lösung von Konflikten zwischen Eltern und Kind*. Reinbek.
- Habermas, J. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns*. 2 Vol. Frankfurt/Main.
- Hagemann, O. (2002). ‘Gemeinschaftskonferenzen’ als Konfliktregelungsinstrument – eine Weiterentwicklung des TOA? In: *TOA-Infodienst* No. 17, 26–29.
- Hagemann, O. (2007). Gemeinschaftskonferenzen in Elmshorn. In: *TOA-Infodienst*, No. 33, 44–45.
- Hagemann, O. (2008). *Erster Zwischenbericht über Gemeinschaftskonferenzen in Elmshorn*. Norderstedt: Manuskript. 45 S. www.fh-kiel.de/fileadmin/data/sug/pdf-Dokument/Hagemann/Zwischenbericht_GMK.pdf (1.8.2012)
- Hagemann, O. (2009). ‘Gemeinschaftskonferenzen’ in Elmshorn – The First German Family Group Conferencing Project in Criminal Matters. In: Hagemann, Otm., Schäfer, Peter & Schmidt, Stephanie (Eds.) (2009). *Victimology, Victim Assistance and Criminal Justice. Perspectives Shared by International Experts at the Inter-University Centre of Dubrovnik*. Mönchengladbach (233–243).
- Haynes, J.M. & Charlesworth, S. (1996). *Fundamentals of Family Mediation*. Sydney.
- Haynes, J.M., Bastine, R., Link, G., Mecke, A. (2002). *Scheidung ohne Verlierer. Familienmediation in der Praxis*. München.
- Hulsman, L. (1986). Critical Criminology and the Concept of Crime. In: *Contemporary Crisis*, 10, 63–80.
- Klukkert, A. (2001). *Integrative Konfliktregelungen durch ‘Gemeinschaftskonferenzen’ für den Hamburger Stadtteil Lurup*. Hamburg.
- McRae, A. & Zehr, H. (2004). *The little book of Family Group Conferences – New Zealand Style*. Intercourse.
- Marcuse, H. (1967). *Der eindimensionale Mensch*. Neuwied & Berlin.
- Maxwell, G. & Liu, J.H. (Eds) (2007). *Restorative Justice and practices in New Zealand: Towards a Restorative Society*. Wellington.
- Nathanson, D. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of the Self*. New York.
- Osei-Hwedie, D. & Rankopo, M. (2007). The Problems of Indigenising Social Work in Botswana. In: Rehklau, S. & Lutz, R. (Hrsg.): *Internationale Sozialarbeit. Sozialarbeit des Südens. Vol. 2: Schwerpunkt Afrika*. Oldenburg.
- Pua-te-ata-tu (1998). *The Report of the Ministerial Advisory Committee on a Maori Perspective for the Department of Social Welfare*.
- Schütz, A. & Luckmann, T. (1979). *Strukturen der Lebenswelt, Bd. I*. Frankfurt/Main.
- Simmel, G. (1908). Exkurs über den Fremden, in: ders. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Berlin (509–512).
- Sourdin, T. (2007). Australian National Mediator Standards. Commentary on Approval Standards. http://www.bond.edu.au/prod_ext/groups/public/@pub-law-gen/documents/genericwebdocument/bd3_006505.pdf (1.8.2012)
- Straub, U. (2008). Hilfe als eigener Kraft. Family Group Conference (Eigen Krachtconferenties). Die Entwicklung in den Niederlanden 2002–2005. Über ein familienorientiertes Konzept, dass besser zu den Klienten passt als zu den Helfern ... In: *Sozialmagazin*, No. 4, 11–18.
- Straub, U. (2011). Mehr als Partizipation: Ownership! Family Group Conference im Kontext des internationalen Diskurses zu Conferencing, Restaurative und Indigenized Social Work. In: *Sozial Extra* Vol. 35, No. 3/4. 6–9.
- Tengeler, S. (2003). *Besser Streiten. Gemeinschaftskonferenzen als win/win-Stadtteilmediation*. Hamburg.
- Thiersch, H. (2002) [1992]. *Lebensweltorientierte Soziale Arbeit. Aufgaben der Praxis im sozialen Wandel. 5. Auflage*. Weinheim & München.
- Tönnies, F. (2005). [1887]. *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Darmstadt.
- Umbreit, M.S. (2000). The Restorative Justice and Mediation Collection: Executive Summary. In: *OVC-Bulletin*. Washington: US Department of Justice.
- Vanfraechem, I. & Walgrave, L. (2005). Conferencing Serious Juvenile Delinquents in Belgium. www.restorativejustice.org/editions/2005/March/belgium. (1.8.2012)
- Vanfraechem, I. (2007). *Herstelgericht Groepsopverleg: een constructief antwoord voor ernstige jeugd-delinquentie*. Brugge.
- Van Pagée, R. (n.d.). *Die Familiengruppenkonferenz (Family Group Conference) – eine Einführung*. http://www.familienratfgc.de/files/Fachartikel/van%20Pag%C3%A9,%20Rob_2009_Family%20Group%20Con

ferencing%20Die%20Familiengruppenkonferenz%20%E2%80%93%20eine%20Ein%20C3%BChrung.pdf (1.8.2012)

Walgrave, L. (2008). *Restorative Justice, Self-interest and Responsible Citizenship*. Cullompton.

Wright, M. (2010). *Towards a Restorative Society: a problem-solving response to harm*. London.

Zehr, H. (2002). *A little Book of Restorative Justice*. Intercourse.

Примечания

- 1 Перевод О. Киселевой под ред. Л. Карнозовой.
- 2 Имеется в виду понятие, введенное Нильсом Кристи в его статье «Конфликты как собственность». – *Прим. перев.*
- 3 Выражение, которое с языка маори переводится как рассвет.
- 4 Маорийское выражение, исторически обозначающее людей из Европы.
- 5 Данный термин был придуман известным голландским сторонником отмены смертной казни Халсманом (1986) в качестве нейтрального выражения, обозначающего то, что система уголовного правосудия называет преступлением или правонарушением и что некоторые другие люди называют конфликтом, или виктимизацией, или неправомерным действием.
- 6 См. ниже объяснение понятия «жизненный мир».
- 7 В связи с Уголовно-процессуальным кодексом понятие «правонарушения», совершенные лицами старше 14 лет, но не достигших 21 года, противопоставляется понятию «проблемы» с детьми и подростками до 18 лет в семьях, а именно: проблемы с воспитанием, девиантное поведение, отказ от ребенка, прогулы, насилие в отношении детей и подростков, попечительство в условиях лишения свободы.
- 8 Бельгийское название *Herstelgericht Groepsoveleg (Hergo)* означает групповой процесс, направленный на восстановление.
- 9 У меня есть оговорка об использовании термина «семья» в этом контексте, так как наш метод основан не на родстве, а на устоявшихся взаимоотношениях между людьми, которые до определенной степени знают и доверяют друг другу. Адаптированный новозеландский термин может запутать читателя, так как «whānau», маорийский термин, сильно отличается от немецкого понимания семьи, которая в большинстве случаев включает в себя только детей и их родителей, иногда также бабушек и дедушек и близких родственников второй степени родства. Несмотря на это, многие сверстники могут восприниматься главными участниками как братья или сестры, а некоторые тьюторы, учителя или соседи или иные взрослые могут быть более значимыми и внушающими доверие для нашего главного участника, поэтому при наименовании этих процедур использование термина «семья» исключается. В особенности в немецкой действительности возникает иная путаница: Гордон (1970) придумал метод общения родителей со своими детьми по обучающему руководству, который называется *семейные конференции (Familienkonferenzen – нем.)* – мои студенты и многие практики регулярно путают эти термины и, таким образом, смешивают две абсолютно разные процедуры.
- 10 Деление процесса на две отдельные фазы всегда произвольно – по крайней мере, до определенной степени. Конечно, фазы могут снова быть разделены на подфазы, что ведет к большему количеству составляющих.
- 11 Многие медиаторы, имеющие опыт социальной работы и, таким образом, знакомые с концепцией расширения прав и возможностей участников, не любят термин «нейтральный», так как обычно все участники должны быть наделены правами в течение данной сессии. Исходя из этого, такая характеристика как «соблюдающий баланс» будет наиболее приближена к реальной работе. Однако ясно, что медиатор не становится ни на чью сторону ни на какой стадии процедуры. Он или она несут ответственность за организацию процесса, безопасные условия и хорошую атмосферу. Ответственность за конечный результат, ответственность за принятый план или мирное урегулирование возложена исключительно на участников.
- 12 Нам определенно не стоит ставить данное теоретическое предложение на один уровень с процессом политической колонизации в предыдущие века. Однако Хабермас выбрал свое понятие намеренно, и становится понятным связывание его мыслей с процессом наделения правами и возможностями Фрейре или с концепцией местной социальной работы как формой деколонизации.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ШКОЛАХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Васецкая Анастасия Станиславовна,

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистр 2 курса,
vasnastyia199414@gmail.com*

Конфликты возникают в любом обществе и в любой сфере и в школьной среде они не являются исключением. Их разрешение среди детей в большинстве случаев избегается или разрешается очень быстро в пользу того, кто обладает большей силой. Сложность в том, что учащиеся школ – это дети, которые в силу возраста, психического развития и других факторов зачастую не способны разрешить конфликт без постороннего вмешательства. В таких случаях на первый план выходят примирительные процедуры, цели проведения которых:

- разрешение имеющихся конфликтов, споров и столкновений,
- предотвращение развития конфликтов и конфликтных ситуаций среди учащихся,
- обучение школьников мирному и конструктивному разрешению споров, а также межличностному взаимодействию.

Примирительная процедура, независимо от вида, позволяет ученику оценить свои действия и увидеть реальные последствия совершенного проступка, учит ребенка брать ответственность за содеянное им. Это очень важно, так как в условиях школы ученик зачастую учится давать социально ожидаемые ответы педагогу или психологу, до конца не осознавая всех последствий своего деяния. Конфликт в этом случае лишь затихает на время, а затем разгорается с новой силой, что может привести к непоправимым последствиям.

Медиация ровесников

Одним из наиболее удачных примеров школьной примирительной процедуры является медиация ровесников, или медиация ровесника-

ми для ровесников (peermediation). Она стала внедряться в США после 60-х годов прошлого века благодаря обучению американских школьников программе миротворчества (Teaching Students to Be Peacemakers Program¹), будучи направленной на обучение школьников переговорам и посредничеству для разрешения споров среди других учеников [1]. После успехов применения «медиации между соседями» в 70-х годах прошлого века было решено адаптировать медиацию для разрешения межличностных конфликтов в школах. Стоит отметить, что программа миротворчества не была забыта и до сих пор реализуется в школах. Например, Объединенный учебный центр при Университете Миннесоты (Cooperative Learning Center of the University of Minnesota), штат Миннесота, США, предлагает обучение программе миротворчества [2], которая реализуется во всех классах и направлена на обучение администрации школы, учителей и школьников пониманию природы конфликта, правильному выбору стратегии для его разрешения, развитию навыков ведения переговоров и посредничества при разрешении споров. Программа включает в себя медиацию ровесников в качестве основного инструмента разрешения уже имеющегося конфликта, в целом носит превентивный характер и направлена, в первую очередь, на развитие навыков предупреждения конфликта [3].

Активное распространение в американских школах программа получила в 80-х годах XX века, а затем и в других странах. С того времени peermediation является наиболее часто используемой школьной примирительной процедурой в Соединенных Штатах Америки [4]. В настоящее время существует множество вариантов ее про-

ведения. Программа пишется исходя из проблем и потребностей конкретного учебного заведения. Иницирует участие в программе обычно администрация школы. Кратко процедуру можно описать так: профессиональные медиаторы выбирают из всего числа преподавательского состава несколько учителей и обучают их навыкам разрешения конфликта. Те, в свою очередь, учат этому группу специально отобранных учеников школы, которые затем и будут примирять ровесников. Однако существуют программы, когда и учителей и школьников обучают раздельно. Ученики-медиаторы заполняют специальные формы со сведениями о конфликте. По итогам проведения peermediation составляется соглашение, в котором содержится краткая информация о сторонах, сути конфликта и достигнутых договоренностях. Вся суть программы – научить школьников разрешать свои конфликты самостоятельно, без помощи учителей и взрослых.

Участие преподавателя при проведении процедуры сводится к минимуму. По нашему мнению, это связано с тем, что современные дети не признают авторитета старшего поколения и им сложнее «раскрыться» в присутствии взрослого человека. Общение на равных с медиатором своего возраста способствует более успешному проведению медиации как для потерпевшей стороны, так и для школьника, совершившего проступок. Это также способствует дальнейшему восстановлению связей между сторонами, улучшению взаимоотношений внутри коллектива.

Однако возникает вопрос сохранения конфиденциальности. Действовать здесь необходимо все же с осторожностью, так как не каждый ребенок может сохранить втайне сведения о процедуре от семьи, друзей, в отличие от взрослого человека.

Центр медиации (Oakland Mediation Center) в округе Окленд (штат Мичиган, США) – единственная организация в штате, имеющая разрешение на обучение школьников программе медиации «Ровесники создают мир» (Peers Making Peace Program). По данным Центра, исследования проводились в шести старших школах – участниц программы. Так, количество нападений на студгородок снизилось на 90%, количество направлений на рассмотрение в орган дисциплинарной юрисдикции за проступки – на 58, исключение из школ – на 73, а результаты тестов по учебным дисциплинам улучшились на 19%. В настоящее время из всего многообразия программ медиации ровесников программа «Ровесники создают мир» (Peers Making Peace Program) самая распространенная в США и единственная программа посредниче-

ства, признанная Министерством образования США [5]. Согласно исследованиям ведомства за 2016 год, школы, использующие ее, показывают следующие улучшения в образовательном процессе: на 34% снизилось употребление наркотиков в первый раз, исключение учеников из школы – на 73, нападения – на 90,2, количество направлений на рассмотрение в орган дисциплинарной юрисдикции за проступки снизилось на 57,7% [6].

Представляется интересным доклад на тему «Медиация ровесников действительно работает? Последствия обучения разрешению конфликтов и медиации сверстников для учеников старшей школы» профессоров Аббаса Турнуклу (Abbas Turnuklu), Таркана Качмаза (Tarkan Kasmaz), Дилары Санбуль (Dilara Sunbul) и Хатиса Эргюль (Hatice Ergul) из Исследовательского центра по разрешению конфликтов при Университете Докуз Эйлюль (Dokuz Eylul University Conflict Resolution Research Centre) в городе Измир, Турция. Доклад был подготовлен для международной конференции по образовательным наукам в 2009 году. Авторы провели двухлетнее исследование эффективности медиации ровесников в одной из старших школ в городе Измир, Турция (Izmir, Turkey). В нем участвовали 830 учеников из 28 классов, которые прошли обучение. Исследования медиации проводились на основе изучения специальных форм, заполненных учениками-медиаторами после каждой сессии. Из проведенных 253 медиативных сессий 94,9% окончились для учеников примирением и лишь 5,1% – без заключения соглашения. Так, в 83,4% в конфликте участвовали двое, 44,7 конфликтов были между мальчиками, 34 – между девочками, 21,3% – между мальчиком и девочкой. Большинство конфликтов (64%) носило физический, вербальный и невербальный характер, 29% – это конфликты в области отношений и общения. Среди мальчиков преобладало физическое насилие, тогда как среди девочек больше распространено унижение. Из всего числа медиаторов 56,5% были девочки и 43,5% мальчики. Независимо от пола спорящих сторон девочки-медиаторы были предпочтительнее мальчиков-медиаторов, несмотря на мусульманские ценности и уклад жизни в этой стране. Это может быть связано с тем, что девочки более активны при разрешении конфликта между своими друзьями [7].

В 2014 году Национальная ассоциация профессионалов программы сверстников в США (National Association of Peer Program Professionals)² запустила проект, который предлагает всем желающим пройти обучение peermediation онлайн³ на специальном сайте в несколько этапов, а за-

тем будущий медиатор отрабатывает полученные навыки с другими учениками или студентами и профессиональными медиаторами посредством видеосвязи [8]. По словам инициатора данного проекта и президента ассоциации Джуди Тиндалл (Judy Tindall), дети используют и предпочитают технологически опосредованное общение среди сверстников. Постоянное использование интернета и мобильных устройств, использование социальных сетей для коммуникации с другими людьми по всему миру должно и может способствовать разрешению конфликтов среди школьников [9].

Говорить о развитии подобного ресурса в России пока рано, но он, несомненно, представляет большой интерес: во-первых, позволит повысить интерес к медиации среди молодежи; во-вторых, значительно сократит временные затраты как для медиатора, так и для участников; в-третьих, у школьников, принимающих участие в проекте, остается больше времени на основное школьное обучение.

В школах Финляндии успешно работает проект ВЕРСО (VERSO), направленный на обучение медиации школьников и персонал школы. Он организован Финским форумом медиации.

Существует три разных практики:

- медиация ровесников – ученики-медиаторы помогают сторонам конфликта самим найти решение своего конфликта и тем самым изменить свое поведение;
- с участием взрослого – специально обученные представители школьного персонала помогают участникам найти общее решение их конфликта (например, когда конфликт возникает между учеником и учителем);
- проведение специальных конференций обученными взрослыми-медиаторами с участием учеников и их родителей.

По данным реализации проекта, к 2017 году программе обучены более 700 начальных, средних и старших школ и профессиональных училищ; более 10 000 обученных школьников каждый год медируют конфликты; более 3500 специально обученных представителей школьного персонала; более 600 взрослых медиаторов прошли обучение с использованием передового опыта; более 10 000 случаев медируются каждый год; более 25 000 учеников каждый год успешно разрешают свои конфликты с помощью медиации.

Вот некоторые статистические данные, подтверждающие успешность проведения медиации в школе: 95% всех случаев окончились заключением соглашения, 90% школьников-медиаторов

считают медиацию ценной и 87% участников конфликтных ситуаций считают важным, что конфликт может быть разрешен с помощью медиации ровесников. 91% участников конфликтных ситуаций чувствовали, что были услышаны в процессе проведения медиации [10].

Круги примирения

Примером «общинной формы урегулирования конфликтов» можно назвать «круг примирения». В школе подобные встречи проводятся для рассмотрения инцидента, затрагивающего всех присутствующих (например, несколько учеников или целый класс) и для предотвращения инцидента в будущем. Это также шанс рассказать о собственном опыте, пережитых ситуациях, перспективах, высказать свои мысли и чувства, поделиться своими нуждами и обсудить, как их удовлетворить, в общем, всем тем, что способствует разрешению конфликта или его предотвращению.

Школьники, ученики одного класса, вынуждены проводить много времени вместе, постоянно взаимодействуя с учителями и друг другом. Споры, агрессивное поведение, травля, издевательства, распространение слухов и сплетен, драки, а также другие конфликты ухудшают микроклимат не только в классном коллективе, но и во всей школе. Круги примирения в таких случаях работают не только как инструмент разрешения сложившейся конфликтной ситуации, но и предупреждают повторение подобных ситуаций в будущем. Другие школьники, осознавая серьезность последствий, будут избегать повторения конфликтов и совершения противоправных действий. Очень важно, что участники конфликта делятся чувствами друг с другом и с теми, кого непосредственно затронул конфликт. Это позволяет всем участникам слышать и быть услышанными, что в условиях школы особенно важно.

Одна из старших школ (West Philadelphia High School) Филадельфии (штат Пенсильвания, США) в течение шести лет входила в список самых опасных школ города, но показала положительные результаты уже через год после внедрения восстановительных практик. Администрация школы узнала о восстановительных практиках весной 2008 года и начала немедленно их внедрять в школе, используя круги в некоторых классах. В течение первого года акты насилия и серьезные инциденты снизились на 52%, в течение следующего года – еще на 40% [11].

В школе-интернате для мальчиков с эмоциональными и поведенческими трудностями (Bessels Leigh School) в графстве Оксфордшир,

Великобритания, в качестве примирительной процедуры были введены круги примирения. Мальчики с помощью персонала установили правила для ведения кругов и приемлемого и безопасного поведения. Встречи проводятся ребятами каждый день после занятий. Персонал и администрация школы также проводит встречи каждые две-три недели. Количество инцидентов среди учеников снизилось в 2 раза [12].

Школьные восстановительные конференции

Говоря о восстановительных практиках в школе, нельзя не упомянуть про школьные восстановительные конференции, представляющие собой встречу всех участников инцидента, включая друзей и семьи всех сторон конфликта.

Конфликт может быть:

- результатом действия, причинившего вред;
- неразрешенных споров между двумя или группой лиц.

В процессе проведения конференции участникам предстоит выяснить, во-первых, что случилось; во-вторых, как пострадала каждая сторона. И самое главное, стороны должны решить: что можно сделать для улучшения ситуации?

Рассмотрим на примере школ Новой Зеландии, как работает школьная восстановительная конференция.

1. Конференция проводится в ответ на серьезные дисциплинарные проступки.
2. Организацией и проведением занимается специально обученный посредник.
3. Для участия во встрече привлекаются стороны конфликта – ученики, их семьи, друзья, учителя и другие лица, которым асоциальное поведение причинило вред.
4. Участники обсуждают проблемы и способствующие факторы.
5. Разрабатывается план по возмещению причиненного вреда [13].

Ребенок, понимая, что родители узнают о сложившейся ситуации и конфликте, постарается не допустить подобной ситуации в будущем. Участие в школьных восстановительных конференциях положительно сказывается на отношениях между родителями и ребенком, так как родители будут более внимательны к проблемам и нуждам ребенка и будут больше принимать участия в его жизни. Конференции помогают ребенку нала-

дить отношения и со сверстниками. Для учителя участие также немаловажно, так как помогает наладить контакт с учеником и взаимодействие с родителями, позволяет обратить внимание на проблемы ребенка и всего школьного сообщества. Происходит обучение ответственности, так как подход направлен на искоренение неподобающего поведения.

Восстановительные школьные конференции применяются в Австралии с 1990-х годов. В Северной Америке восстановительные конференции в школах применяются в Канаде и многих регионах Соединенных Штатов [14]. Реализуются проекты, направленные на внедрение восстановительных конференций в школах Ирландии и Великобритании [15].

В заключение необходимо сказать, что существует большое количество различных практик урегулирования конфликтов в школе. При этом главным является возвращение участникам понимания и привитие навыков мирного разрешения конфликтов. Основной акцент при работе со школьными конфликтами делается больше на воспитании и позитивном будущем участников конфликта, чем на самом предмете спора.

Независимо от того какая из восстановительных практик применяется в школах, дети как члены школьного сообщества:

- получают навыки мирного разрешения споров не только в школе, но и за ее пределами;
- возможность поделиться своими проблемами и переживаниями и быть услышанными, учатся слышать других;
- начинают понимать, насколько большое влияние оказывают последствия их действий на школьную среду;
- учатся брать на себя ответственность;
- учатся устранять вред, причиненный их собственными действиями;
- осознают свою роль в сохранении безопасной школьной среды;
- развивают и расширяют взаимоотношения в школьном сообществе;
- осознают себя людьми, внесшими положительный вклад в развитие школьного сообщества.

Умение разрешать конфликты мирно имеет большое значение в условиях глобализации и мультикультурного общества.

Литература

1. Johnson David W., Johnson Roger T. Conflict resolution and peer mediation programs in elementary and secondary schools: a review of the Research // Review of Educational Research. – 1996. – No 66. – P. 459–506.
2. Web-site of the Cooperative Learning Center of the University of Minnesota. Retrieved February 2, 2018/URL:<http://www.co-operation.org/>
3. Crawford D., Bodine R. Conflict Resolution Education. A Guide to Implementing Programs in Schools, Youth-Serving Organizations, and Community and Juvenile Justice Settings. Program Report – October, 1996. – P. 35–37. Retrieved February 2, 2018, from the web site: URL:<https://mediate.com/articles/pdf/school-programguide.pdf>
4. Cremin H. Peer mediation: Citizenship And Social Inclusion Revisited. – Maidenhead (England); New York: Open University Press, 2007. – 169 p.
5. Web-site of the Oakland Mediation Center. Retrieved February 2, 2018/ URL: http://www.mediation-omc.org/SBS_PMP.html
6. Web-site of the Resolution Center. Retrieved February 2, 2018 /URL:<http://www.theresolution-center.com/peers-making-peace/>
7. Abbas Turnuklu, Tarkan Kacmaz, Dilara Sunbul, Hatice Ergul. Does peer-mediation really work? effects of conflict resolution and peer-mediation training on high school students' conflicts/ Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2009.– Volume 1, Issue 1. P. 630–638. Retrieved February 2, 2018, from the web site: URL:<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042809001141>
8. Web-site of the Peer Mediation Online Project. Retrieved February 2, 2018/URL: <http://peermediationonline.org/peer-mediation-online-about.html>
9. Tindall J. Online peer mediation platform: taking peer mediation to the next level – march, 2016. Retrieved February 2, 2018, from <https://www.mediate.com/articles/OnlinePeer.cfm#bio>
10. Web-site of the VERSO-programme School Mediation Project of Finnish Forum for Mediation. Retrieved February 2, 2018 / <http://www.sovittelu.com/vertaissovittelu/index.php?id=VERSO-OHJELMA>
11. A Report from the International Institute for Restorative Practices «Findings from schools implementing restorative practices» – 2009 – P. 6–8. Retrieved February 2, 2018, from <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/07/IIRP-Improving-School-Climate.pdf>
12. A Report from the International Institute for Restorative Practices «Findings from schools implementing restorative practices» – 2009 – P. 27–28. Retrieved February 2, 2018, from <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/07/IIRP-Improving-School-Climate.pdf>
13. Buckley S., Maxwell G. Respectful schools. Restorative practices in education. – 2007. – 30 p.
14. Web-site of International Institute for Restorative Practices. Retrieved February 2, 2018, from <https://www.iirp.edu/who-we-are/about-the-iirp/about-us>
15. Web-site of Netcare Consultancy. Retrieved February 2, 2018, from http://www.netcare-ni.com/pages/index.asp?title=About_Us

Примечания

- 1 Перевод с англ.: программа обучения студентов миротворчеству.
- 2 Национальная ассоциация профессионалов программы сверстников в США (National Association of Peer Program Professionals) является организацией взрослых профессиональных медиаторов и занимается внедрением и кураторством различных проектов в школы, в том числе и медиацией ровесников. Сайт ассоциации: <http://www.peerprogramprofessionals.org>
- 3 Сайт проекта: <http://peermediationonline.org>

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

**Восстановительные программы в работе с детьми и
семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации**

ISSN 2312-105X

Редакторская группа: Л.М. Карнозова, А.Ю. Коновалов, Р.Р. Максудов
Выпускающий и литературный редактор Н.В. Путинцева
Компьютерная верстка: А.Ю. Фролова
Корректор К.М. Корепанова

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Гарт»
105082, Москва, ул. Малая Почтовая, д. 12

Распространяется бесплатно.

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

ISSN 2312-105X

Restorat

Journal de la justice restauratrice